

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

X

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is fluid and appears to be the name of the man in the portrait above.

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

Х

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчув, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор, *В. А. Воропаева*

Ответственный редактор:

академик НАН КР *Т. К. Койчув*

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф., В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчув. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих ученых Кыргызстана, внесших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Атаюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор научного журнала «Диалог цивилизаций».

Награжден почетными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений ученого.

**Национальная Академия Наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет**

В. М. ПЛОСКИХ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КЫРГЫЗСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Бишкек — 2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Ки)
П 82

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и культурного наследия
Национальной Академии наук Кыргызской Республики
Ученым советом гуманитарного факультета
Кыргызско-Российского Славянского Университета*

Плоских В. М.

П 82 **Ученые-исследователи Кыргызстана.** – Б.: Нео Принт, 2020. – 476 с.: ил. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских. – Т. X).

ISBN 978-9967-19-301-7

Том X собрания сочинений состоит из трёх частей – по числу включённых в него монографий, изданных в разные годы, но объединённых тематически исследованием вопросов истории государственности Кыргызстана и взаимоотношений кыргызов с соседними народами.

Издание является стереотипным.

В сводном виде публикуется впервые.

Часть первая

**ПРОТИВ
МАОИСТСКИХ
ФАЛЬСИФИКАЦИЙ
ИСТОРИИ
КИРГИЗИИ**

ТУРКЕСТАН – СТРАНА ТЮРКОВ

ПРЕДЫСТОРИЯ

Область от Ферганы до Китайской стены еще в первом тысячелетии называлась Восточным Туркестаном. Только совсем недавно — два столетия назад — Цины «перекрестили» Восточный Туркестан в Синьцзян, что в переводе значит «Новая граница». Эта страна всегда именовалась Туркестаном потому, что еще в начале нашей эры была заселена преимущественно тюркскими народами, предками уйгуров, киргизов, казахов, узбеков и других современных национальностей СССР.

На рубеже нашей эры самими китайцами была сооружена оборонительная «Китайская стена», существующая и поныне. Местонахождение ее известно всему миру. Она-то и определяла с севера исконно китайские земли. Севернее и западнее от нее простирались различные государства скотоводов-кочевников тюркского и монгольского происхождения. Письменные памятники с достаточной точностью описывают расселение тюркских племен в те времена, а также отсутствие китайцев (ханьцев) на территориях вне стены. У этой стены в течение многих столетий разыгрывались битвы с переменным успехом как для тюрков, так и китайцев.

С древнейших времен Тянь-Шань и Семиречье населялись многочисленными кочевыми племенами, которые имели своеобразную культуру и успешно отстаивали свою политическую независимость. Однако изучение их истории затруднено ограниченностью источников. Исторические записи

тех времен, если они и были, не сохранились, а многочисленные надгробные эпитафии не могут их заменить. Поэтому при изучении истории древнего и средневекового Киргизстана приходится уделять внимание иноязычным источникам, в том числе китайским историческим хроникам, обычно тенденциозно рассматривавшим кочевника как настоящего или потенциального «врага» Китая. Понятно, что нельзя изучать историю народа только с точки зрения его врага или соперника, недруга.

Требуется критическое, строго научное осмысление всех приводившихся в китайских исторических сочинениях фактов, их перепроверка. Дело очень осложняется традиционной манерой изложения событий в китайских хрониках, которые создавались при императорском дворе. Факты истории в них преподносились лишь в удобном правящей династии свете и уж, во всяком случае, о полной истине не могло быть и речи. Когда, например, в источнике говорится, что тот или иной полководец «не имел успеха», это почти всегда означало полный разгром его армии. Слова, что какой-то тюркский каган «ограничил границу», означают не менее, как длительный кавалерийский рейд и взятие ряда китайских городов. Выражение «император указал тюркам» нельзя понимать так, что последние были обязательно в вассальной зависимости от китайцев. Когда тюрки однажды наголову разгромили китайские войска и стояли у стен их столицы, требуя большую дань, то император, правда после длительного торга, «указал» тюркам получить ее сполна. Простой обмен посольскими дарами рассматривается китайскими источниками как одностороннее принесение дани китайскому двору и, следовательно, выражение подданства.

Таких примеров много. И эта сознательная фальсификация, повторяем, не случайна: она вызвана тенденциозностью, заставлявшей хрониста подыскивать словесную форму, наиболее приемлемую для непомерных амбиций феодальной верхушки Китая.

Еще более характерным является исторический метод китайских летописцев — элементарный волюнтаризм. С их точки зрения, победа над тюрками закономерна и естественна, так как китайцы должны всегда и везде побеждать. А как быть с поражениями? Тут виноватой оказывается стихия: то дожди, то засуха, то морозы либо ураганный ветер, а чаще всего нерадивые полководцы, о каждом из которых всегда под руками мог быть компрометирующий материал.

Но самым сокровенным стремлением феодалов Китая, идеи которых выражали летописцы, были гегемонизм и китаецентризм. Ведь если слепо следовать китайским сочинениям тех далеких времен, то получается, что каждый прибывший в их столицу торговый караван был «иностранным посольством», а подношения караванчиков (торговая пошлина или просто подарок) являлись не чем иным, как «данью из местных произведений». По китайским историческим сочинениям, суверенных государств на земном шаре вовсе и не было: все они, в том числе и древняя Индия, Иран и даже Византия и Рим, были вассалами Китая. На этом основании китайские императоры считали своими вассалами и все государства и владения Средней Азии, в том числе и население, проживавшее на территории современной Киргизской Советской Социалистической Республики. Однако что в определенной мере извинительно, или, во всяком случае, объяснимо для древних китайских летописцев, преступно неоправданно для новейшей китайской историографии, базирующейся на маоистских догмах.

В настоящее время назрела явная необходимость строго, по-научному, подойти к освещению истории киргизско-китайских отношений, провести исследования с полным всесторонним и критическим использованием источников, особенно российских дипломатических документов, первоисточников не только на китайском, но и на других языках. Уже накоплена обильная информация, существенно

расширился круг введенных в научный оборот источников, повысился идейно-теоретический уровень наших историков. Объективный анализ исторических событий при критическом использовании прежних сведений с привлечением вновь выявленных источников показывает всю ненаучность территориальных притязаний маоистов на исконные земли киргизского и других среднеазиатских народов, на территорию Советского Союза.

Экскурс в древность и средневековье. Далеко не все обширные азиатские пространства, занимаемые ныне КНР, всегда принадлежали Китаю. Три тысячи лет тому назад предки китайцев обитали лишь на землях вдоль среднего течения р. Хуанхэ. По соседству с ними жили различные племена, с которыми древним китайцам приходилось вести упорную и ожесточенную борьбу. Уже к I тыс. до н. э. в Китае сложилась определенная система связей с окружающими народами. По представлениям древних китайцев, их правитель — ван, который со времени государства Чжоу (XI—III вв. до н. э.) почитался как «Сын Неба», являлся верховным владыкой не только собственно китайцев, но и всех иных народов. Наименование Китая — «Чжунго», т. е. «Срединное государство», символизировало представление о Китае как о центре всего мира. Позже это представление было развито в морально-этическом учении древнекитайского философа Конфуция (551—479 гг. до н. э.), который многое сделал для обоснования пошатнувшейся веры в божественное происхождение китайских «сыновей неба»¹. Правда, окружающие племена, особенно те, которые обитали к северу от р. Хуанхэ и именовались собирательным именем «динлины», не очень-то считались с божественным происхождением китайских ванов, а потом императоров. Они всегда давали отпор

¹ История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 25—26.

китайским войскам, нередко совершали ответные набеги на соседнее государство.

Китайские императоры из династии Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.) первыми стали проводить экспансионистскую политику на севере и на западе. Номады в ответ на нее сами перешли в наступление. Ожесточенная борьба с кочевниками обессилила Китай. В конце III — начале II в. до н. э. конница гуннов (сюкнун) вторглась в Шаньси и вынудила ханьского императора принять унижительные и тяжелые условия мира¹.

В 166 г. до н. э. войска кочевников остановились лишь в 100 км от столицы империи. Подобные примеры, когда Китай не только господствовал над окружающими племенами и государствами, а сам был на грани подчинения и зависимости, можно умножить². Четыре столетия Хань пыталась добиться господства над Азией. Свободу ее народов к северу и западу от Китая отстояли гунны, несмотря на то, что против них были направлены войска, их обольщали роскошью, соблазняли китайскими принцессами, которых выдавали замуж за гуннских вельмож, против них была направлена искусная дипломатия.

Ханьские дипломаты активно прибегали к древней китайской тактике «и и чжи и» — «обуздывать одних варваров руками других варваров». Император У-ди (140—87 гг. до н. э.) предпринял энергичные меры для привлечения к борьбе с гуннами юэчжей, усуней, кангюй и других народов, обитавших на территории Восточного Туркестана и Средней Азии.

Особое место в установлении дипломатических связей Китая с Западом (для Китая это были Восточный

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 47—57.

² См., напр.: Материалы по истории сюнну. Предисл., перев. и примеч. В. С. Таскина. М., 1968. С. 47—56.

Туркестан и Средняя Азия) принадлежит Чжан Цяню, которого У-ди дважды направлял в западные страны на поиски союзников в борьбе с гуннами. Он побывал на земле усуней, в Фергане, достиг пределов Бактрии и составил подробное описание пройденных земель. Последствиями этого «знакомства» для народов Средней Азии было несколько грабительских военных экспедиций ханьцев в Фергану, которые, однако, не увенчались успехом¹. Путешествие Чжан Цяня привело к открытию знаменитого торгового «шелкового пути», который вскоре попал в руки местного уйгурско-тюркского и парфянского купечества.

Началась долгая и упорная борьба за удержание Восточного Туркестана, которая привела к разорению западных областей Китая и граничащих с ним территорий. Нередко простой люд Китая и подвассальные племена, доведенные войнами до нищеты и отчаяния, объединяли свои усилия в борьбе против гнета ханьских правителей.

Испытанная политика «разделяй и властвуй» на какое-то время приносила плоды. Большую роль в этом китайская историография отводит дипломату Бань Чао, который «умиротворял» Западный край (т. е. Восточный Туркестан) силами самих «варваров», не обращаясь за помощью к империи². После его смерти восстания народов Восточного Туркестана и начавшаяся политическая активность Кушанской империи вынудили Китай оставить Западный край.

За колонизацию Восточного Туркестана активно принялись выходцы из Средней Азии, которые создавали свои фактории на всем протяжении «шелкового пути», севернее его и даже в пределах границ застенного Китая. Главной

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. С. 160–168.

² Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. Под ред. Шан Юэ. М., 1959. С. 102–103.

фигурой в Восточном Туркестане и далее на восток становится согдийский купец.

В это время происходят и значительные изменения в самом Китае, которые привели к гибели династии Хань, распаду страны и в результате этого — к длительной и изнурительной усобице, период которой называется «троецарствием»¹. В результате усобицы экономике и культуре Китая был нанесен тяжкий удар.

В течение 135 лет (с 304 по 439 г.) Северный и Северо-Западный Китай находился под властью различных кочевых объединений, которые создали «шестнадцать государств пяти северных племен»².

На территории Средней Азии складывается и расцветает ряд независимых государств: Фергана, Хорезм, Бухара, возвышается Самарканд. Северная часть Восточного Туркестана оказалась во владении могущественного государства монгольских племен-кочевников жуань-жуаней. В V–VI вв. в Средней Азии создается огромное самостоятельное государство кочевников (уйгуров, тюрок, иранцев) — «эфталитов». В результате внутренние районы Китая оказались отрезанными от Восточного Туркестана и других среднеазиатских земель на столетия, вплоть до VII в.

Экспансия китайских императоров на Запад, казалось, выдохлась. Былая мощь династии Хань осталась в памяти только историков древности, хотя в наши дни кое-кто в Китае пытается строить на этой шаткой «исторической» основе современную глобальную политику.

Прежде чем говорить о новом натиске завоевателей из Китая в тех же районах в период Тан, обратим внимание на огромный хронологический разрыв в несколько столетий,

¹ См.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. Т. I–II. М., 1954–1955.

² Очерки истории Китая... С. 137.

разделяющий эпохи Хань (II в. до н. э.— III в. н. э.) и Тан (VII—X вв.). В течение этого времени развитие народов Центральной и Средней Азии проходило самостоятельно, без какого-либо политического или экономического вмешательства Китая.

Помимо письменных источников, отрывочных и зачастую тенденциозных, важную роль в выяснении истинного положения местных народов, их экономики, культуры и взаимосвязей с соседями играют археологические материалы.

На территории Киргизстана в результате более чем столетних археологических изысканий открыто большое число археологических памятников самых различных исторических периодов от эпохи становления человека до позднего средневековья. Изучены они неравномерно. Тем не менее, уже в настоящее время многочисленные археологические находки позволяют с достаточной научной достоверностью определить их культурную, а зачастую и этническую принадлежность. В ряде случаев при исследовании памятников эпиграфики оказалось возможным определить как систему письма, так и языковую принадлежность населения.

В эпоху бронзы на территории республики (XII—VIII вв. до н. э.) параллельно существовали две культуры: так называемые памятники степной (андроновской) общности и памятники чустской культуры.

Ключевые памятники эпохи степной бронзы наиболее ярко представлены на территории Северной Киргизии в могильниках Бурмачан (Ц. Тянь-Шань), Таш-Тюбе (Талас), Джазы-Кечу (Кетмень-Тюбе), а также многочисленными и богатыми кладами в Чуйской долине. Вся совокупность материалов указывает на тесные связи и этническое родство населения Киргизии эпохи бронзы с обширным регионом от Минусинской котловины до Поволжья. Особенно тесными эти связи были с племенами Центрального Казахстана. В этот период имелись ощутимые контакты с Ираном, Кавказом, Поволжьем и Украиной. Полностью отсутствовали

контакты с цивилизациями эпохи бронзы Двуречья, Центральной Европы, Китая. В этническом отношении племена эпохи степной бронзы, как это не раз высказывалось в советской и зарубежной литературе, относились к авестийским ариям, т. е. к этническому пласту индо-иранцев.

Наиболее изученными памятниками рубежа II—I тысячелетия до н. э. в республике являются Боз-Тепе близ Узгена и Ошское поселение — так называемая чувствская культура. Она была создана древними земледельцами, имевшими тесные культурные связи с Приаральем, Южным Узбекистаном, Туркменией и Северным Афганистаном. Культурные связи с Китаем и другими цивилизациями по археологическим находкам не прослеживаются. В этническом отношении, как полагают советские ученые, население Ферганы в этот период составляло пласт восточных протоиранцев.

Начиная с VIII в. до н. э., пастушеско-земледельческие племена зоны степей, включая горные системы Саян, Алтай, Тянь-Шаня и Памира, переходят к кочевому скотоводству. Тем самым они резко противопоставили свой экономический уклад и образ жизни оседло-земледельческим культурам Китая, ахеменидского Ирана, греческим полисам.

Раннекочевнический период разделяется на несколько отличных культур. Наиболее известными из них являются сакская, кенкольская и карабулакско-ворухская.

Саки — восточно-иранские племена. На территории Киргизстана обитали саки-тиграхауда. Наиболее изученными памятниками их культуры являются курганные могильники Бурана (Чуйская долина), Каракол, Туура-Суу (Иссык-Куль), Джал-Арык II, Кара-Каш Сары-Джон, Акчий (Кетмень-Тюбе) и др. По своей культуре и религиозным верованиям саки были близки скифам Причерноморья и испытывали на себе культурное влияние Ирана. Культура кочевников была самобытна и резко отличалась от культуры Греции, Ирана, Китая.

В этническом и языковом отношениях саки входили в семью иранских народов. Однако в их среде была заметна и монголоидная примесь. В сакское время впервые на территории Киргизстана отмечено единственное изделие китайских ремесленников — фрагмент лакового сосуда. Вероятнее всего это привозное изделие.

Кенкольская культура — это культура кочевников круга гуннских племен (возможно, усуней). Наиболее хорошо изучена в могильниках Кенкол (Талас), Акчий, Торкен, Алмалуу, Кызыл-Джазы, Джал-Арык, Аксенгир (Кетмень-Тюбе) и др. В курганах изредка встречаются китайские изделия, такие как зеркала, монеты, шелковые ткани. Но все они оказались здесь лишь в результате торговли, как трофеи военных набегов или как составная часть дани, они не касались сферы производства. Ни одного пункта китайской оседлости, ни одного китайского захоронения не найдено.

Карабулакско-ворухская культура территориально ограничена Западной Ферганой. Наиболее изученные памятники — могильники Кара-Булак и Тура-Таш (Баткенский район). Здесь обнаружены памятники материальной культуры, указывающие на тесную связь карабулакцев с населением Восточного Туркестана. Относительно многочисленным является импорт из Индии, Ирака, Китая (шелк, зеркала). Эти вещи были получены в результате торговых связей по ферганскому отрезку Шелкового пути. В пользу полного отсутствия в среде карабулакцев китайских ремесленников свидетельствуют местные грубые подделки под китайские зеркала и бережное хранение фрагментов подлинных изделий.

Шурабашатская культура была распространена в Восточной Фергане на рубеже и в первые века н. э. Связывается она с исторической Даванью — примитивным государственным образованием на территории Ферганы. Сведения о Давани известны со II в. до н. э. и идут от знаменитого древнекитайского, путешественника Чжан Цяня. Более

поздние источники цитируют донесения этого посла из страны Больших Юэчжей и, в частности, об образе жизни даваньцев, о 70 малых и больших городах и т. д. Ключевыми археологическими памятниками являются Шурабашат и Кулунчак (близ г. Узгена). Культура локальна и самобытна. Давань имела связи с Китаем; со II в. до н. э. Но свою власть Китаю в Давани установить не удалось, с конца I в. до н. э. она вошла в состав Кушанской империи — новой древней цивилизации Центральной Азии.

Во второй половине VI в. на обширных пространствах от Монголии до Семиречья оформился могущественный Тюркский каганат, в зависимость от которого попали народы Средней Азии, и даже новые династии Китая Суй и Тан вынуждены были на первых порах выплачивать каганату дань. А в начале VII в. в состав каганата уже входила часть современного Афганистана и Северная Индия.

Народы, попавшие под власть новых владык, вели непрекращающуюся борьбу с захватчиками. Недолговечность кочевых держав привела вскоре к разделению каганата на два государства — Восточное и Западное. Тайскому императору Тай-цзуну удалось привлечь на свою сторону восставшие на востоке племена телэ и с их помощью нанести поражение Восточному каганату (629—630 гг.)¹. Китай снова обращает свой взгляд на Запад, где ему противостоял еще могущественный Западно-тюркский каганат. Его правители — каганы — вели самостоятельную внешнюю политику. На реке Талас, например, встречались посольства Ирана и далекой Византии, ожидавшие аудиенции у кагана².

С ним считались, искали дружбы и союза.

«Эпизодические появления китайских войск на Тянь-Шане в VII—VIII веках не дают никаких правооснований

¹ Очерки истории Китая... С. 210.

² Менандр. Продолжение истории Агафиевой. В кн.: Византийские историки. Перев. С. Дестуниса. СПб., 1861. С. 380.

² Том X. В. М. Плоских

претендовать сегодня на территорию Киргизстана и даже Восточного Туркестана как якобы «исконно» китайские земли. Общеизвестно, что в течение последующего тысячелетия ни китайских войск, ни китайской администрации, ни китайского населения западнее пределов Великой китайской стены (современная провинция Ганьсу) не было»¹.

Археологические памятники тюрков-кочевников представлены курганами и ритуальными оградками, каменными изваяниями, погребениями с конем, рунической эпиграфикой. Культура их наиболее тесно связана с памятниками Южной Сибири и Монголии и не имеет ничего общего с культурой Китая, Ирана, Византии, хотя различные мирные и немирные, политические и экономические связи стали правилом. В курганах кочевников находятся изделия из шелка, зеркала китайского происхождения, однако они попадали на Тянь-Шань в результате торговых связей. Согласно письменным источникам тюрки не раз делали набеги на Китай и подвергались ответным походам. Однако китайская администрация не могла утвердиться в Киргизстане, где создавались независимые государства тюрков. Идеологическое и культурное взаимовлияние наиболее заметно с Согдом и другими государствами Средней Азии².

Границы Китая в это время были далеко от Тянь-Шаня, и Китайская стена являлась не только символом, а была реальностью. Между собственно каганатом и Китаем располагались города-государства Восточного Туркестана: Турфан, Куча, Хотан и Яркенд, которые были вассалами кагана. Тюрки придавали большое экономическое значение этим

¹ *Табышалиев С. Т.* Маоистские фальсификации истории Советского Киргизстана. — Актуальные проблемы борьбы с маоистскими фальсификациями в области истории (материалы конференции). М., 1979. С. 288.

² *Мокрышин В. П.* Торговые связи Киргизстана (VI—X вв.). Сб. Арабско-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 100—101.

владениям. Помимо того, что здесь, особенно в Турфане, были развиты земледелие и ремесло, по территории Восточного Туркестана проходил важный отрезок торгового пути из Китая к берегам Средиземного моря, который приносил каганам немалые прибыли в виде торговых пошлин с купеческих караванов. Естественно, что контроль над этой торговой трассой был одной из главных экономических задач каганата. Кроме того, он владел богатыми городами всей Средней Азии, что в совокупности с многочисленной и лихой конницей тюрков делало его сильным, а вместе с тем и опасным соперником Китая. Это не могло не вызывать серьезного беспокойства танского правительства.

Основой западной политики Китая стала задача ослабления каганата. Войск для этого не было, могущественных союзников тоже. Вот здесь-то и началась дипломатическая война, попытка взорвать каганат изнутри, а затем подчинить.

Сначала император пытался лаской и доброжелательностью склонить кагана Чуло к политической зависимости, обещая «дружбу и мир на вечные времена». Однако Чуло оказался скептиком и недружелюбно принял посла Китая. Тогда император пошел на элементарный политический шантаж. Помог случай. Один из вельмож каганата Шегуй в 612 г. отправил в Китай посла с предложением о браке. Китайское правительство сочло этот момент благоприятным для воздействия на Чуло-кагана. Вместо невесты Шегуй получил предложение низвергнуть кагана и самому сесть на престол. Тот внезапно напал на Чуло-кагана и низверг его¹.

Но здесь был явный дипломатический просчет китайского правительства. Вскоре на престол сел брат Шегуя Тун-Шеху-каган. Китайская летопись дает ему как военному и политическому деятелю лестную характеристику.

¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 154–156.

Каганат при нем значительно упрочил свои позиции. Это привело к новым политическим интригам. В 630 г. Тун-Шеху был убит одним из своих родственников, и в каганате началась длительная междоусобная борьба, что не могло не вызвать злобной радости китайских владык. Ярче всего это выражено словами одного из министров императора, который заметил, что «...кочевые режутся друг с другом. Не наше дело. Сильный получит раны, а слабый погибнет; для нас же и то, и другое выгодно»¹.

В конце концов враждующие группировки тюркской знати стали призывать на помощь китайские войска. В условиях усобицы китайцы имели временный успех и заняли даже ставку западно-тюркских каганов на р. Чу. Это была типичная феодальная военная экспансия Китая, характерная для его внешней политики. Успех не мог быть длительным: местные народы постоянно роптали, а китайские отряды пребывали в длительном военном напряжении и их силы были на исходе. К тому же в среде китайских войск, состоявших из простого люда, усилились антивоенные настроения. Народу Китая не нужны были захватнические войны. И в случае побед, и в случае поражений основные тяготы войны нес народ, выгод же ему никогда не было. Рост антивоенных настроений выражали в то время лучшие китайские поэты. Так, Цуй Жун писал:

Рвутся к просторам войска Китая,
Конница варваров ищет бреши.
Вражеской флейты ночное пенье
Нас отравляет тоской по дому.

Поэт Ван Чанлин предвидел мрачное будущее зарвавшихся китайских отрядов:

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 296.

Во время сражений былых, говорят,
Высок и отважен был дух у солдат.
Теперь же рассеялись все, как в пустыне;
Лишь кости убитых белеют в полыни.

А Ду Фу прямо заявил: «И я, старик, позволю усомниться, что странам надо расширять границы»¹.

Естественно, что в условиях постоянной враждебности местного населения, деморализации войск и роста антивоенных настроений среди китайского народа нельзя было думать не только о расширении экспансии, но и удержании Чуйской долины. Разрушив Суяб — столицу каганата, китайские полководцы убрались восвояси².

Каганат действительно получил сильные раны, но не подчинился Китаю. Тем не менее, жестокая внутренняя распря привела каганат к гибели. Каганы менялись с калейдоскопической быстротой. Конец этому положило могущественное племя тюргешей, узурпировавшее власть у тюркской династии Ашина.

Одному из тюргешских каганов Сулу удалось восстановить былую мощь Западно-тюркского государства. Он одновременно был женат на китайской, тибетской и восточно-тюркской принцессах, что само по себе говорит о широких внешнеполитических связях государства. Еще предшественник Сулу-хана Согэ делал набеги па китайскую границу, а китайские лазутчики доносили двору о его могуществе и силе. Китайским феодалам удалось направить против него восточно-тюркского хана, который нанес поражение Согэ. Сулу, несмотря на брак с китайской принцессой, тоже совершал рейды на пограничные города

¹ Цит. по кн.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки... С. 309—310.

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 314. Город Суяб отождествляется с городищем Ак-Бешим близ современного г. Токмака.

Китая и оставался безнаказанным. Все это свидетельствует о том, что тюргоши отнюдь не были подданными Китая.

Однако и здесь китайский богдыхан прибег к испытанной политике — разжиганию внутрифеодальной вражды. Тюргошские вельможи внезапно напали на Сулу и убили его¹. Конец начавшимся усобицам положило другое тюркское племя — карлуки, которые в 766 г. захватили Суяб, а с ним и верховную власть. В Китае вспыхивают знаменитые мятежи Ань Лушаня и позже Ши Сымина. После долгих лет кровавой борьбы в нем не осталось и трети былого населения². К тому же в Центральной Азии в это время образуется сильный уйгурский каганат, и китайцы вынуждены были вести с ним длительную борьбу, которая шла с переменным успехом.

Таким образом, в VIII—IX вв. Китай надолго был отброшен и отрезан от Средней Азии. Временный военно-административный контроль над Восточным Туркестаном и влияние китайцев были ограниченными.

В X в. пала династия Тан, начались длительные усобицы в самом Китае. Крестьянские войны следовали одна за другой. Китай уже в который раз переживал период феодальной раздробленности. Теперь он именовался периодом «десяти царств и пяти династий», а при династии Сун (конец X — нач. XIII вв.) власть китайских императоров ограничивалась лишь Южным и Центральным Китаем³.

Восточный Туркестан вошел в состав могущественного государства Караханидов (X—XII вв.) со столицей в Баласагуне в Чуйской долине, где с тех времен и поныне стоит минарет — башня Бурана. Весь Восточный Туркестан

¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки... С. 356—358.

² Pulleyblank E. G. The Background of the rebellion of An Lushan. London, 1955. («London Oriental series». Vol. 4).

³ Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 34.

до китайской стены составлял внутренние земли государства Караханидов. Таким образом, и во время второго вторжения в Западный край ни принцип «разделяй и властвуй», ни политический шантаж и лесть, ни даже прямое военное вмешательство во внутренние дела каганата не принесли китайским императорам желаемого результата. Несмотря на временные успехи, Китай фактически по-прежнему продолжал оставаться в своих границах, а в XIII в. сделался легкой добычей монгольских завоевателей.

Парадоксально, что ныне маоисты претендуют даже на роль преемников империи Чингисхана — подчинившего, жестоко разрушившего десятки китайских городов, уничтожившего сотни тысяч китайского населения.

Современные китайские историки, выступая в роли апологетов завоевательной политики Чингисхана, пытаются обосновать территориальные притязания Пекина на Монгольскую Народную Республику и среднеазиатские республики СССР — территории, когда-то временно бывшие под властью монгольских завоевателей, что является отражением великодержавной политики маоистского руководства Китая.

Недавно некий Цю Шусэнь опубликовал на страницах газеты «Гуанмин жибао» статью, из которой, например, следует, что монгольский народ якобы всегда был лишь «национальным меньшинством Китая». Отсюда, мол, даже и Чингисхан, заложивший в начале XIII в. основы могущественной державы, являлся лишь «ханом национального меньшинства Китая», т. е. в конечном счете — китайским ханом. Эти, мягко говоря, выводы базируются па абсурдной версии о существовании некоего «родства» между монголами и китайцами (ханьцами), сочиненной в духе пресловутой концепции «единой китайской нации»¹.

¹ См.: Павлов Б. Вопреки правде истории. Красная Звезда, 1980, 28 августа.

Эта антинаучная концепция утверждает, что такая, одна-единственная нация существует в Китае уже несколько тысячелетий, а все другие народности страны являются лишь ее ветвями. Кстати заметить, данную концепцию маоисты заимствовали у реакционных гоминьдановских идеологов. У тех, кто в свое время положил начало «поискам» родства с Чингисханом.

Нынешним пекинским лидерам импонирует то, что Чингисхан сначала все разрушил, чтобы затем объединить. Хань Жулинь, например, в статье о Чингисхане пишет: «В Китае монголы-де восстановили единство империи, а на Западе уничтожили преграды, которые создавались правителями различных государств на пути экономического и культурного обмена между Китаем и этими государствами»¹.

Обращение к фактам, даже к тенденциозным китайским хроникам, не дает основания считать территорию среднеазиатских республик зависимой в то время от феодальной китайской империи.

Вследствие монгольских завоеваний весь Туркестан пошел в среднеазиатский улус — государство Чагатая с центром в г. Алмалыке на р. Или. Другой улус — Угэдэя — включал все земли восточнее него от Балхаша до Китайской стены. Еще в XIII в. эти два улуса объединялись в одно государство Хайду с административным центром в долине р. Чу.

Как справедливо отмечает один из исследователей средневековой истории народов Центральной Азии и Дальнего Востока Е. И. Кычанов: «Мы не вправе, как это делают некоторые историки², рассматривать прошлое соседних с Китаем народов, проживавших или проживающих ныне

¹ Цит. по кн.: *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 453.

² Автор имеет в виду китайского ученого Ван Чжуна.

на территории КНР, лишь как «подготовительный этап» к созданию единого государства. Признавая плодотворное влияние китайской цивилизации на культуру соседних племен и государств, мы не должны ни отрицать самостоятельного значения прошлого этих народов, ни пытаться оправдывать и такие методы их объединения, как завоевательные войны Чингисхана, приведшие к истреблению целых народов»¹.

Правнук Чингисхана Хайду, объявивший себя великим ханом, вел многолетнюю войну с тогдашними монгольскими правителями в Пекине (Хубилаем и другими) за расширение территории своего среднеазиатского государства от Китайской стены на запад и север, включая весь Восточный Туркестан и Западную Монголию. Широко известный авторитетный персидский историк того времени Рашид ад-дин описал границы государства Хайду, в состав которого входил и Восточный Туркестан.

Таким образом, можно сделать вывод, что Восточный Туркестан издревле был районом обитания тюркоязычных народов и неоднократно являлся ареной борьбы чужеземных агрессивных сил. На том основании, что он временами попадал в зависимость от Китая, Го Можо заключает, что территория Синьцзяна будто бы всегда была китайской. «Западные районы в то время (VIII в. н. э., от которого сохранился один письменный источник из Турфана. — Авт.) фактически ничем не отличались от Внутреннего Китая», — писал он. Это и есть конкретное проявление великоханьского шовинизма по отношению к коренному населению Восточного Туркестана, боровшемуся, и небезуспешно, с завоевателями во все времена².

¹ Кычанов Е. И. Очерки истории Тангутского государства. М., 1968. С. 3—4.

² См.: Никифоров В. Н. Перекраивание истории маоистами. Ж. «Проблемы Дальнего Востока». 1973. № 2. С. 90—91.

В конце XIV — начале XV вв. весь Восточный Туркестан до Алтая входил в состав обширного среднеазиатского государства Тимура (Тамерлана). Он был жестоким феодальным завоевателем средневековья, который подчинил своему господству среднеазиатские государства, в том числе Восточный Туркестан, кочевые племена Тянь-Шаня и организовывал кровавые походы в соседние страны. Даже смерть его последовала во время грандиозной подготовки для вторжения за Китайскую стену. Это напоминание приводится не с целью оправдания тюрко-монгольских завоеваний на Востоке, как поступают маоисты, прославляя даже не собственно китайских, а иноплеменных завоевателей. Это — историческая справка о границах, доказывающая необоснованность маоистских утверждений о пределах средневековых владений Китая.

В XV в. — первой половине XVI в. Тянь-Шань и весь Восточный Туркестан входили в состав тюркского государства, именовавшегося современниками Могулистаном, который, подобно обычным феодальным государствам, состоял из нескольких удельных владений тюркских племен, называемых в китайских источниках княжествами. В летописи «Мин ши» («История династии Мин») есть описание таких тюркских княжеств, как Хами, Турфан и другие. Представитель могущественного тюркского рода Восточного Туркестана первой половины XVI в. Мухаммед Мирза Хайдар посвятил Могулистану широко известное двухтомное сочинение под названием «Тарих-и Рашиди» (Рашидова история). В этой авторитетной летописи истории тюркского государства Средней Азии и Восточного Туркестана XIV—XV вв. нигде нет упоминаний о присутствии китайцев в Восточном Туркестане, не говоря уже о каком-либо китайском «владении», например, в районе Турфана — оз. Лобнор. Такого тогда и не могло быть. Китай, обесиленный завоеваниями Чингисхана и его наследников, до XVIII в. не имел даже устойчивых связей с владениями Средней

Азии и Восточного Туркестана. Их разделяло могущественное государство западно-монгольских племен ойратов.

Основываясь на первоисточниках, можно установить территорию ойратов, которая в XV — XVI вв. простиралась от оз. Убсунур на севере до Хами на юге, от Хангайского хребта на востоке до верховьев Иртыша на западе, а в XVII в., во время могущества Джунгарского ханства, его территория на юге доходит до оз. Лобнор. Утверждение маоистов насчет того, что китайские императоры явились правопреемниками джунгар, не имеет под собой ни исторических, ни, тем более, политических оснований. Ойраты — собирательное название монгольских племен дэрбэтов, хошоутов, чоросов, торгоутов, хойтов, ологов. Так как эти племена относились к «левому крылу» (по-монгольски: зуун — левая, гар — рука, буквально: левая рука, а по смыслу означает левое крыло), то их называли джунгарами, в отличие от восточномонгольских племен, а народы Средней Азии называли калмаками.

Эти ойратские племена, объединившись в 30-х годах XVII в., образовали сильное и суверенное кочевое государство — Джунгарское ханство, которое в течение XVII в. и первой половины XVIII в. было грозой для народов Центральной и части Средней Азии, попавших под его временную зависимость.

Рядом с Джунгарским ханством

Джунгарское ханство особенно усилилось в последней четверти XVII в. во время правления Галдан Бошокту-хана (1671—1697). С Бошокту-ханом считались восточно-монгольские ханы, среднеазиатские государства, маньчжурский двор, установивший в Китае династию Цин (1644—1911 гг.).

С маньчжурским завоеванием Китая правящая верхушка страны перестала быть этнически однородной.

Но китайские феодалы и маньчжурские пришельцы нашли общий язык в деле эксплуатации трудящихся масс собственно Китая и в осуществлении внешнеполитической военной экспансии против соседних народов. Поэтому к цинскому периоду истории Китая более правильно применение двойного термина — маньчжуро-китайский.

Ойратские правители в это время вели постоянную борьбу со своими соседями — среднеазиатскими тюркскими народами и восточно-монгольскими феодальными владениями. Джунгарские правители стремились установить свою гегемонию в Центральной Азии.

В 60-х годах XVII в. джунгары разгромили государство Алтын-ханов и присоединили их владения к Северо-Западной Монголии. Они также захватывают ряд территорий в Южной Монголии. Бошокту-хану платили дань правители самостоятельных уйгурских владений на территории современного Синьцзяна.

В Средней Азии особенно сильно сопротивлялись агрессии ойратских феодалов казахи и киргизы. Источники утверждают, что джунгары не могли сломить сопротивление киргизов в течение всего существования Джунгарского ханства. Хотя часть киргизских племен и была вынуждена передвинуться из Семиречья в Фергану, но вскоре возвратилась обратно.

Джунгарские правители, не имея успеха в Средней Азии, направляют основные усилия против восточных и южно-монгольских владетелей, ставших послушным орудием в руках Цинов. Галдан Бошокту-хан совершает успешный военный поход в Восточную Монголию, владетели которой спасаются бегством в Китай, что было на руку цинским правителям.

Политика маньчжурской династии Цин отличалась крайней агрессивностью и реакционностью, особенно в отношении Монголии и Джунгарии. Многочисленные источники, как китайские, так и другие, относящиеся к этому

времени, единодушно утверждают, что Цинская династия с первых же дней проводила экспансионистскую политику на северных и северо-западных рубежах Китая. Но этим действиям противостояло Джунгарское ханство. В результате, в Монголии столкнулись интересы правящих кругов Китая и Джунгарии. Вот почему, когда разгромленные восточно-монгольские феодалы бежали в Китай, последний выступил против Галдана с целью сокрушить его и распространить свое влияние на Монголию. Это удалось цинскому императору Канси, который сумел использовать усобицы и при помощи бежавших к нему восточно-монгольских владетелей, интриг и шантажа в самой Джунгарии одержал победу над Галданом.

Войска Галдана не могли противостоять многочисленной отборной армии цинского императора. Кроме того, племянник Галдана — Цэван Рабтан, подняв мятеж в самой Джунгарии, захватил власть. Но и после разгрома Галдана еще полвека существовало Джунгарское ханство, которое, как и раньше, служило препятствием в осуществлении экспансионистской политики Цинской империи в направлении северо-западных соседей.

Вплоть до XVIII в. население Восточного Туркестана имело тесные политические, экономические и культурные связи с этнически родственными ему среднеазиатскими народами, а киргизы к тому же, по заключению Ч. Валиханова, являлись даже «старожилами Восточного Туркестана»¹.

Восточный Туркестан в период XVI—XVII вв., находясь между Китаем и ойратами, жил внутренней самостоятельной жизнью, к которой не имели касательства даже ойраты, не говоря уже о китайцах. Зато киргизы, издавна проживавшие во многих районах Восточного Туркестана, принимали в его политической жизни самое активное

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 350.

участие. Они во главе со своим предводителем Мухаммедом оставили яркий след в истории Хотана и Яркенда (XVI в.)¹. Многие города Восточного Туркестана в первой половине XVIII в. находились во владении киргизских феодалов. В частности, крупнейшей областью Кашгара правил чон-багыш Койсары-бий, которого сменил Арзу-Мухаммед. Этот киргиз был фактически независимым правителем большей части Восточного Туркестана, включая области Яркенда, Хотана и др.

Таким образом, автохтонность тюркского населения Средней Азии, многовековая история его политического, социально-экономического и культурного развития, борьба за независимость с внешними врагами, в том числе и с Китайской империей, противоречат утверждению маоистских фальсификаторов о принадлежности якобы древнему и средневековому Китаю тянь-шане-памирских районов. Да, китайские вооруженные отряды делали набеги на территорию тюркских народов, иногда проникали далеко вглубь, но всегда были вынуждены отходить и бесславно возвращаться домой. И никогда ранее китайские императоры не претендовали всерьез на эти районы.

Но помимо вооруженных столкновений народы Средней Азии и Казахстана имели, разумеется, торговые и культурные связи с народами Китая, которые благотворно сказывались на экономике и культуре как Средней Азии, так и самого Китая.

Известные китайские путешественники, знаменитая торговая трасса Шелковый путь, китайские товары и внедрение в местное сельскохозяйственное производство новых культур, разведение шелковичного червя — все это сыграло прогрессивную роль в международных взаимоотношениях того времени. Но при всем этом нельзя умалять,

¹ Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961. С. 205.

а тем более полностью игнорировать самобытность местных народов Средней Азии и Восточного Туркестана, закрывать глаза на их самостоятельное политическое развитие. Нельзя отнимать у народа его историю.

БОРЬБА КИРГИЗСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ЗАХВАТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦИНОВ

БОРЬБА КИРГИЗОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Восемнадцатое столетие для истории киргизов характерно тесными контактами с народами Ферганы, повышением их роли в политической жизни Кокандского и Бухарского ханства, а также Восточного Туркестана. Но именно на это время падает и попытка маньчжуро-китайских феодалов подчинить киргизов своему влиянию, активная борьба киргизского народа сначала против джунгар, а затем и против захватнической политики Цинов, борьба, продлившаяся с конца 50-х годов XVIII столетия по 30-е годы XIX в.

Джунгарское ханство играло в свое время крупную роль в международных отношениях в Средней, Центральной и Восточной Азии. Экспансионистская захватническая политика джунгарских феодалов во многом отрицательно сказалась на историческом развитии киргизского народа в XVII — середине XVIII вв.¹ Временно оттесненные со своих северных кочевий в Фергану, киргизы не прекратили борьбы и не порвали связей с оставшимися в Семиречье и Восточном Туркестане отдельными племенами.

¹ *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964. С. 3 и др.; История Киргизской ССР. Т. I. Фрунзе, 1968. С. 240—242.

Поэтому организацию совместного кокандско-киргизского отпора джунгарам в Фергане в середине XVIII в. можно оценить как крупный политический успех киргизов и Коканда, приведший к сохранению независимости этого района Средней Азии. Именно в связи с непрекращающейся борьбой киргизского народа против ойратов китайские источники отмечали, что «даже джунгары во времена своего могущества не могли подчинить бурутов»¹ (т. е. киргизов. — Авт.)

Однако борьба против джунгар не всегда протекала для народов Средней Азии успешно. В кокандских хрониках «Мунтахаб ат-Таварих» и «Тарих-и Шахрохи» сообщается о признании кокандским правителем временной зависимости от джунгар², правда, длившейся очень недолго и носившей скорее номинальный характер. В это время киргизы выступали союзниками Коканда и не согласились признать даже номинально власть джунгар. Тогда джунгары послали против них значительное войско под начальством зайсана Доржи. Весь киргизский народ поднялся на борьбу, и в 1748 г. войско джунгар было разбито³. По показанию бухарца А. Хозикельды, весной следующего года джунгарский хан (которым стал после смерти Галдан-Цэрена его средний сын Аджахан) направил еще большее войско, во главе которого поставил своего брата Лама-Доржи. И на этот раз поход оказался безуспешным. Киргизы упорно отстаивали свою независимость.

¹ Извлечения из «Описания виденного и слышанного о Западном крае». Перев. с кит. Кондратьева А. А. Рукоп. фонды Отделения общественных наук АН Кирг. ССР.

² Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 232–233.

³ Ромодин В. А., Кондратьев А. А. Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов. Советское востоковедение. 1958. № 4.

³ Том X. В. М. Плоских

Приведенные свидетельства говорят о том, что киргизы в середине XVIII столетия действительно представляли серьезную военную силу, если сумели одержать ряд явных побед над еще могущественным в то время Джунгарским ханством. При этом они начинают все более активно участвовать в политической жизни Восточного Туркестана, даже осаждают в 1749 г. Кашгар¹. В это время власть в Восточном Туркестане принадлежала представителям местной духовной аристократии, между которыми шла постоянная борьба за власть, борьба так называемых партий черногорских и белогорских ходжей. В качестве влиятельного киргизского военачальника, принявшего участие в распрях ходжей, оказывается феодал из племени кушчи Кубад-бий, которого известный востоковед П. П. Иванов назвал «одним из выдающихся политических деятелей второй половины XVIII в.»²

В 1755 г. глава черногорской партии ходжа Юсуф направляет своего доверенного дервиша в Андижан с письмом к Кубад-бию. Киргизскому феодалу предлагают союз и просят о помощи. Одновременно посланцы ходжи направляются и к другим киргизским родоправителям, письменно увещевая их присоединиться к Кубад-бию и помочь ходже в осаде Кашгара и низвержении соперника. Призыв не остался без внимания: киргизские феодалы откликнулись на послание Юсуфа и выступили на Кашгар. Город был взят, как сообщают источники, только благодаря помощи Кубад-бия³.

¹ *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или кара-киргызы. СПб, 1893. Рукоп. архива географ. общества СССР. Инв. № 13—39 и р. 65. Прим. к с. 418

² *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — сер. XIX вв.). М., 1959. С. 109.

³ Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год 20-й. Ташкент, 1915. С. 116—117.

После ссоры и разрыва отношений с кокандским правителем Ирданой Кубад-бий усиливает внимание к событиям в соседнем Восточном Туркестане, где боролись за власть наследники бывшего феодально-теократического правителя ходжи Ахмета — братья Бурхан-ад-Дин и Хан-ходжа. В Восточном Туркестане кочевало немало киргизских племен, которые совместно с уйгурским населением вели борьбу против эксплуататорской политики местных кашгарских ходжей. Этим пытались воспользоваться претенденты на власть в Кашгаре — соседние правители. Киргизское племя чон-багыш, возглавляемое бием Хугуа, стремясь избавиться от гнета ходжей, откочевало из Восточного Туркестана в Фергану, где с сочувствием было принято другими киргизскими племенами. Отношения между киргизами и кашгарским правителем настолько обострились, что Бурхан-ад-Дин принял срочные меры для отражения возможного нападения киргизов. Во время очередных усобиц за власть в Восточном Туркестане, когда братья ходжи убили одного из кашгарских правителей Икэ-ходжу, его сын нашел убежище у киргизов Тянь-Шаня, которые отказались выдать его даже под давлением восточно-туркестанских властей.

История взаимоотношений киргизов с кокандцами и другими соседями в середине XVIII в. показывает, что в это время они выступали независимо, хотя были разобщены, но иногда объединялись в союз против общего врага и в целом сохраняли и проводили независимую политику¹. Обращение к бухарским и кашгарским источникам показывает, что «Кубад-бий был совершенно самостоятельным правителем, и в зависимости от личных выгод, по своему желанию мог подружиться или разойтись с тем или другим из правителей»².

¹ *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.

² Протоколы Туркестанского кружка. С. 117.

Уничтожение маньчжуро-китайскими войсками Джунгарского ханства.

Положение несколько меняется к концу 1750-х годов. В это время Джунгарское ханство и Восточный Туркестан становятся объектом агрессивной экспансионистской политики цинского Китая. Проводя захватническую политику в Центральной Азии, Цинская империя руководствовалась доктриной «руками варваров обузывать варваров». В войне против Джунгарского ханства такой силой для Цинов были казахи, в войне против Восточного Туркестана — киргизы. Путем интриг и провокаций, а иногда путем прямой военной угрозы Цины стремились отвлечь казахов и киргизов от патриотической борьбы некитайских народов Центральной Азии против маньчжуров. В ходе разгрома Джунгарского ханства маньчжуро-китайскими войсками было почти истреблено ойратское население. Посетивший столетие спустя Восточный Туркестан А. Н. Куропаткин писал: «Китайцы, вероятно, считали свою власть малопроченною в Джунгарии, потому что эта страна досталась им без кровопролития. Поэтому в следующем же 1758 г., пользуясь незначительными частными восстаниями, богдыхан выслал три армии под начальством Чжао Хоя и Фудэ с приказанием искоренить джунгаров. Началось страшное избиение калмыков, без разбора возраста и пола. Около 1000000 душ погибло в этой бесчеловечной резне... Жители этой некогда богатой страны были истреблены»¹. Китайские историки сами признают, что «победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгарии»².

По данным Л. И. Думана, основывающегося на оригинальных источниках, от всего ойратского населения

¹ Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб, 1879. С. 93.

² Очерки истории Китая (под ред. Шан Юэ). С. 549.

уцелела лишь незначительная часть — около 20%¹. Их спасло бегство в Россию. Несколько тысяч ойратов осело в Фергане. Они ассимилировались с местными жителями, сохранив лишь родоплеменное название «калмак». На севере Киргизии появилось новое племя «сарт-калмак» — осколок некогда монолитного народа. Таким образом, несмотря на грабительскую политику джунгарских феодалов киргизский и узбекский народы сумели стать выше жажды мести и приютили ойратских беженцев, оказав им помощь.

Источники свидетельствуют, что Цины стремились также к захвату соседних с Джунгарией районов, для чего старались установить над ними свой политический контроль.

ТРАДИЦИОННАЯ КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Здесь уместно коротко остановиться на вопросе оценки в китайских источниках характера взаимоотношений Цинской империи с соседними народами, в частности с киргизами.

В советской исторической литературе о Китае уже достаточно освещены вопросы традиционных форм и методов внешних связей Китая с зарубежными странами и народами. В работах С. Л. Тихвинского, Л. И. Думана, Б. П. Гуревича, А. А. Бокщанина, М. И. Сладковского и др. рассмотрены вопросы внешнеполитической теории и практики Китая с древнейших времен до XX века. Важно то обстоятельство, что общественные отношения

¹ Думан Л. И. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.; Л., 1936. С. 72–73. В названных выше «Очерках истории Китая» говорится, что из 200 тыс. семейств джунгар «три десятых населения было истреблено цинскими войсками, четыре десятка вымерли от оспы, а вырвавшиеся из лап смерти джунгары были вынуждены бежать к казахам в пределы России» (С. 549).

в Китае на протяжении многих веков, почти двух тысяч лет, развивались в рамках одной социально-экономической формации — феодальной. Формы социального устройства, политических и идеологических надстроек не подвергались влиянию времени, оставались незыблемыми нормы морали, этики, права.

Соответственно и в дипломатии сложились свои устойчивые принципы, применявшиеся с древности до нового времени, ставшие консервативно традиционными. «Они в неизменном виде, несмотря на политические бури и катаклизмы, приводившие к смене властей (но не к смене общественных формаций), переходили от эпохи к эпохе, от династии к династии»¹. Следовательно, подчеркивал известный специалист по истории Китая Л. И. Думан, можно говорить об определенных традициях во внешней политике Китая к соседним народам.

И хотя можно привести из разных эпох много примеров того, что правящая верхушка Китая вполне определенно понимала разницу между действительным подчинением тех или иных стран власти империи и лишь декларированием верховного главенства путем посольств, все-таки феодальный Китай не представлял себе иной системы отношений с внешними народами и иностранными государствами. Отношениям правителей соседних народов с императором придавалась характерная для феодализма личностная окраска: император выступал в качестве их сюзерена.

В источниках разных периодов встречаются такие высказывания: «С тех пор; как существует Небо и Земля, существует деление на государей и подданных, на высших и низших. Поэтому и установился определенный порядок в отношениях Китая с иноземцами всех четырех стран

¹ Думан Л. И. Традиции во внешней политике Китая. Сб. Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 199—200.

света. Так было издревле»¹. Цинская империя заимствовала от китайских императоров китаецентристский догмат внешней политики, летописцы трактовали взаимоотношения Китая со всеми странами и народами по схеме: «сюзерен» (цинский богдыхан) — «вассалы» (все остальные феодальные владетели и государи). Поэтому в хрониках соседи Китая — монголы, уйгуры, казахи, киргизы и др. — именуются не иначе, как «вассалы». А дипломатия любыми способами пыталась навязать всем, с кем вступал в контакты Китай, систему отношений, построенную на принципах, которые получили в исторической литературе определение «номинального вассалитета». Во всех китайских источниках XVIII—XIX вв. киргизов называют «фань» или «вай фань» («вассалы» или «внешние вассалы»).

Реальные факты, содержащиеся в источниках, не подтверждают существования вассальных отношений между киргизами и династией Цин.

Обращаясь к документам хроники «Описание умиротворения Джунгарии», которая охватывает события 50—60 гг. XVIII в., можно обнаружить, как традиционная идея о превосходстве Китая над всеми народами, уходящая корнями в глубокую древность идея о predetermined подчиненности, «вассалитете» всех стран и народов по отношению к Китаю проявлялась в интерпретации событий в названной хронике, а также хорошо видно, как искажались реальная действительность и подлинные отношения между Китаем и его соседями.

В ходе завоевания Цинами Восточного Туркестана предпринимались попытки осуществления экспансионистских планов в отношении Казахстана и Средней Азии. Из источника ясно, что при вторжении в Кашгарию цинские военачальники рассчитывали привлечь на свою сторону

¹ Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968. С. 24.

силы киргизов. Как сложились отношения киргизов с маньчжуро-китайскими властями и удалось ли последним осуществить эти планы?

Захватив Джунгарию, но не справившись до конца с остатками разгромленных отрядов отдельных ойратских владельцев, цинский Китай начал подготовку сил для захвата Восточного Туркестана. В 1757 г. отряды армии цинского генерала Чжао Хоя, разыскивая ойратских предводителей Баку Чагана и Хазык Шары (Казак Сары), перешли перевал Санташ и вторглись в кочевья саяков на Иссык-Куле. В перестрелке были убиты трое джигитов и один ранен. Чжао Хой начал переговоры с саякским Турчи-бием. У Чжао Хоя был заранее заготовленный императорский манифест к киргизам и, помимо преследования ойратских беглецов, ему было поручено привести к покорности киргизов.

Чжао Хой и его офицеры побывали с манифестом императора Цяньлуна в кочевьях киргизских племен в Тогуз-торуу, на Таласе и Джумгале. Вот отрывок из этого манифеста: «...Ныне джунгары полностью покорены и ваши земли стали смежны с нашей границей. Если вы, ...тяготея к (нашей) цивилизации, приедете, чтобы подчиниться, я позволю вам жить по-прежнему, не менять одежду, не буду назначать чиновничьи ранги и не буду взыскивать налоги. Однако, если пришлете посланника с просьбой, то я увеличу милости и награды. Ваши иноземные обычаи отличаются от обычаев Срединного государства, поэтому, вероятно, не хотите перейти на нашу сторону и подчиниться, это ваше дело. Но следует обуздать подвластные (вам) племена, чтобы всегда держались границ...»¹.

¹ Пиндин Чжуньгээр Фанлюе (Описание умиротворения чжунгаров), чжэнбянь (основная часть). [Б. м.], 1772 г. Цз. 49. С. 25а–26б (далее сокращенно Пинчжунь).

**ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ КИРГИЗОВ
С МАНЬЧУРО-КИТАЙСКИМИ ВОЙСКАМИ
В СЕРЕДИНЕ XVIII в.**

Из манифеста ясно, что китайский двор навязывал киргизам свои принципы взаимоотношений и исключал равенство сторон. Выступая в качестве верховного повелителя, маньчжурский император добивался от киргизов признания «подчиненного» положения, однако не претендовал на право вмешиваться в их внутреннюю жизнь и изменять административное устройство. Таким образом, можно заключить, что, требуя от киргизских племен строгого соблюдения границ, цинское правительство не считало территорию, занимаемую ими, составной частью своей империи.

Чтобы привлечь отдельных киргизских биев к военным действиям против Восточного Туркестана, были применены дипломатические методы давления и «устрашение военной силой». Источник рассказывает, как китайский военачальник генерал Чжао Хой «разъяснил» киргизскому феодалу Турчи-бию, куда движется армия: «Послушным помогаем, противящихся истребляем. Джунгары, казахи и другие испытали (это) на практике. Сейчас великая армия идет карательным походом на уйгуров. Воинов, лошадей, провианта достаточно, не требуется ни помощи, ни средств, но нужно выбрать проводников и призвать к покорности племена, чтобы оказывали поддержку армии»¹.

Позиция киргизских биев была важна для цинского командования, поскольку отряды Чжао Хоя должны были пройти через киргизские кочевья в пределы Восточного Туркестана. Но цинское командование опасалось враждебных действий киргизов, подтверждением чего является следующая цитата из источника: «...у бурутов нет единого

¹ Пинчжунь., чжэнбянь. Цз. 56. С. 10а.

начальника и когда наши войска уйдут, то (они) снова вернутся в разбойничье гнездо, на (них) нельзя положиться»¹.

В данном случае бии сары-багышей и саяков о своем участии в походе на Восточный Туркестан конкретно ничего не ответили. И в дальнейшем, не вдаваясь в подробности хода военных действий по завоеванию маньчжуро-китайскими войсками Кашгарии, следует сказать, что Цинам не удалось добиться участия киргизов в операциях в Восточном Туркестане. В источнике есть несколько документов по этому вопросу. В 1758 г., когда цинские войска осаждали Яркенд, у сары-багышей в Атбаши и Нарыне побывал с отрядом китайский офицер Бучжаньтай, который пытался привлечь киргизов к подчинению Восточного Туркестана, но его миссия закончилась безуспешно.

По этому поводу из Пекина писали следующее: «Согласно докладам цзянцзюня и дачэня, посланный в ваши кочевья шивэй² Бучжаньтай... узнал, что в кочевье людей мало, к тому же заняты пастьбой. Также из-за холодов и глубокого снега не можете послать солдат... Однако цзянцзюнь и дачэнь сейчас, должно быть, добились успеха. Послали вы солдат или нет, уже не имеет значения. Однако мятежные бандиты Борониду (Бурхан-ад-Дин) и Хоцзичжань (Хан-ходжа) вместе с присоединившимися уйгурами и ойратами были разбиты великой армией, есть такие, что бежали в ваши кочевья. Нужно найти, арестовать и выдать отъявленных злодеев... Вместе с тем указываем: если еще раз, как и прежде, будете укрывать (беглецов), то цзянцзюнь и дачэнь во главе армии лично придут, найдут и арестуют»³.

¹ Пинчжунь..., чжэнбянь. Цз. 56. С. 13 а

² Цзянцзюнь — командующий войсками, начальник военной и гражданской администрации, наместник; дачэнь — сановник, старший чиновник; шивэй — офицер столичного корпуса телохранителей (кит.).

³ Пинчжунь..., чжэнбянь. Цз. 67. С. 25 а.

Такой повелительный тон, создающий впечатление непререкаемости власти цинского императора, характерен не только для документов, касающихся отдельных киргизских племен, но и для всего источника в целом. Всемерно возвеличивается богдыхан, постоянно декларируется его верховная власть над миром. Поэтому читателю, который захочет познакомиться с документами в переводах¹, необходимо обратиться к трудам советских китаеведов, в которых дана характеристика особенностей китайской историографии, не следует принимать на веру любое высказывание источника.

Советские исследователи отмечают, что традиционная китайская историография базировалась на конфуцианских канонах и идее незыблемости императорской власти. К началу XX в. в Китае сложилась историография, допускавшая искажения в трех направлениях: концептуальном, в плане интерпретации отдельных событий, в прямой фальсификации документов.

О концепции мы уже говорили: цинская историография унаследовала традиционную идею превосходства Китая над всеми народами и государствами, а империя Цин в соответствии с этой идеей строила свои отношения с окружающими народами. Абсурдная идея господства китайских императоров над Вселенной «по повелению Неба» порождала высокомерное шовинистическое отношение к соседним народам. Можно привести примеры из нашего источника. Вот как начинался манифест к киргизам, который привез с собой цинский генерал Чжао Хой: «Старейшине бурутского племени.

В Джунгарии, с тех пор как умер Галдан Цэрэн, идет междоусобица, население не может спокойно жить.

¹ В рукописных фондах Отделения общественных наук и Института истории АН Кирг. ССР хранятся многочисленные переводы о киргизах из китайских источников.

Я, владыка всей Поднебесной, внутри и за пределами, — везде навел спокойствие. Как можно бездействовать, когда у них (джунгаров) беспорядки! Поэтому специально послал великую армию покорить Или, схватить Даваца, успокоить все ойратские племена и заставить их вернуться (на прежние) места...»¹.

Вот другое высказывание: «Великий император — владыка Поднебесной. В Китае и за пределами нет таких, которые бы не подчинились. На далеких окраинах везде навели спокойствие, все мирно живут по своим обычаям»². И это говорилось после зверской расправы маньчжуро-китайских войск над населением Джунгарского ханства и Восточного Туркестана.

В китайском источнике за 1758 г. говорится о «миссии умиротворения» киргизов, фактически же отряды Чжао Хоя совершили вторжение на киргизскую территорию, где кочевало не подвластное империи Цин население. Объектом нажима стали предводители саяков и сары-багышей.

Бии этих племен заняли выжидательную позицию: не перечили цинским военачальникам, но и ничего не предпринимали для оказания помощи отрядам Чжао Хоя, направлявшимся в Восточный Туркестан. После их ухода в кочевьях саяков и сары-багышей все осталось по-прежнему. Эти события хорошо известны в истории киргизского народа. Маньчжуро-китайские войска здесь не задержались, но их временного пребывания здесь было достаточно, чтобы официальные китайские источники тенденциозно заявляли будто некоторые киргизские бии «выразили согласие покориться (Китаю)»³.

¹ Пинчжунь..., чжэнбянь. Цз. 49. С. 256.

² Там же.

³ См.: Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX вв. Вопросы истории, 1974. № 9. С. 52.

Из документа в документ кочует фраза о том, что казахи, киргизы и другие народы Средней Азии подчинились богдыхану. Не может быть и речи о том, что «все киргизы покорились». Разобщенные киргизские племена самостоятельно жили и кочевали на обширных территориях. Отдельные роды, с которыми столкнулись маньчжуро-китайские отряды, не принимали на себя вассальных обязательств, не выплачивали никаких податей маньчжурскому двору, продолжая сохранять независимое существование.

Подтверждением такой мнимой зависимости во все времена в Китае считалось согласие того или иного владельца прислать посольство к императорскому двору. Офицеры Чжао Хоя также не преминули потребовать приезда в Пекин послов саяков и сары-багышей, и последние действительно были доставлены туда в сопровождении отряда под командованием цинских офицеров Толунтая и Урдэна. Послы были на приеме у императора и приняли участие в церемониях, совершенно для них не привычных. Цины придавали большое значение внешним формам, символизирующим «зависимость», в особенности церемонии приема послов.

У киргизских посланников были, разумеется, свои определенные расчеты, о чем будет сказано ниже.

Какие же цели преследовала маньчжуро-цинская сторона, пышно принимая киргизских послов? Может быть, заключение союза? Отнюдь нет. Главное для Цинов в данном случае заключалось в соблюдении престижа богдыхана, в поддержании официальной догмы, одностороннем утверждении своего иллюзорного превосходства. Это и стремились зафиксировать в хрониках придворные летописцы.

Точно таким же «подтягиванием» фактов под заданные нормы является введение в текст источника прямой речи киргизских биев. Это фальсификаторская тенденция. Советские историки Н. В. Кюнер, А. Н. Бернштам, Л. Н. Гумилев и другие давно обратили внимание на эту особенность

китайских хроник, начиная с первых веков нашей эры, — недостоверность речей некоторых исторических персонажей. Тексты династийных хроник изобилуют уничижительными речами сюннуских шаньюев, тюркских и уйгурских каганов, а источники XVIII—XIX вв. — казахских ханов и киргизских биев.

ЗАВОЕВАНИЕ ЦИНАМИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА И БОРЬБА КИРГИЗОВ ЗА СВОЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Вернемся к событиям этого времени. Цинское командование бросило в Восточный Туркестан крупные силы. В августе 1758 г. цинские войска после двухмесячной осады взяли г. Кучу. Более тысячи повстанцев и местных жителей были казнены.

Киргизы, кочевавшие вблизи районов военных действий, были хорошо осведомлены о превосходящей военной мощи Цинской империи, о жестоком подавлении сопротивления ойратов и населения непокорных городов Восточного Туркестана, и все-таки в их кочевьях скрывались беженцы ойраты и уйгуры.

По мере продвижения цинской армии и захвата территории Восточного Туркестана киргизы, кочевавшие вблизи кашгарских городов, старались избегать контактов с маньчжурским командованием, и мы не встречаем в источниках фактов, говорящих о таких контактах, если не считать использование Цинами киргизов в качестве проводников.

К концу 1759 г. цинские войска овладели всем Восточным Туркестаном.

Как писал Л. И. Думан, Цинская династия, устанавливая свое господство в Восточном Туркестане, использовала и подкуп части феодальной знати, и жестокое подавление всякого сопротивления, и натравливание одних уйгурских феодалов на других, и, наконец, национальную рознь

между различными народностями — уйгурами, казахами, киргизами и ойратами.

Осенью 1759 г. (по некоторым источникам, 1760 г.), после упорной двухлетней борьбы с маньчжурами¹, феодально-теократические правители Восточного Туркестана ходжи Бурхан-ад-Дин и Хан-Ходжа бежали в Среднюю Азию. Они пытались найти спасение в Бадахшане, но его правитель Султан-шах приказал их убить и головы выдал генералу Фу Дэ. Бегство и преследование Бурхан-ад-Дина и Хан-Ходжи завоеватели решили использовать для того, чтобы попытаться пройти через киргизские кочевья к границам Коканда и других среднеазиатских владений, но безуспешно. Здесь они встретили серьезное сопротивление со стороны узбекского населения, поддержанного киргизами. Произошло довольно крупное сражение, закончившееся поражением цинских войск. По словам кокандских купцов, «узбяки, собравшись обще с кыргызами или называемыми бурутами из того китайского войска побили тысяч до семи». Новых попыток вторжения цинских войск в Среднюю Азию не последовало, и маньчжуро-китайские завоеватели остановились на северо-западных и западных рубежах Восточного Туркестана². Несмотря на то, что киргизов разобщала родоплеменная и феодальная рознь, ослабляющая их силу, тем не менее при угрозе извне они способны были дать отпор таким соседям, как Коканд и даже Китай.

Характерен следующий пример. Известный сарыбагышский бий Черикчи, посланцы которого были в 1759 г.

¹ Еще в 1950-х годах китайские историки так оценивали сложившееся положение: «Борьба уйгуров против Цинов потерпела временное поражение и южные районы Тянь-Шаня (т. е. Восточный Туркестан. — Авт.) заняли маньчжуры». Очерки истории Китая (под ред. Шан Юэ). С. 550.

² См.: Гуревич Б. П. Международные отношения. С. 165–166.

в Пекине и который сам имел от богдыхана перо и шарик — символические знаки власти, — встретил маньчжуро-китайский отряд, появившийся на Иссык-Куле в 1760 г., ружейным огнем.

В Сагимбаевском варианте эпоса «Манас» в главе «Поход на Бейджин» проходит мысль о необходимости объединения киргизских племен и принятии участия, вместо междоусобных ссор (в частности, мятежа против Манаса), в войне против внешнего врага — калмаков и Китая, под водительством славного вождя¹.

В эпосе нашло отражение стремление народа к победе над врагом. Фольклорный характер произведения и наивное восприятие отдельных исторических моментов имели все же под собой реальную основу — сопротивление захватчикам и отстаивание киргизским народом своей независимости. Победы над маньчжуро-китайскими отрядами, которые появлялись в киргизских кочевьях, в народном эпосе трансформировались в великую победу над мощным врагом. И эту победу народ традиционно связал, с любимым героем — Манасом.

НАЧАЛО АНТИЦИНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ СИНЬЦЗЯНА

Вслед за уничтожением Джунгарского ханства в 1758—1759 гг. империя Цинов установила свое господство над государством уйгуров в Восточном Туркестане, населенном в подавляющем большинстве представителями тюркских народов — уйгурами (до 75%), казахами, узбеками, а также дунганями и другими народностями.

¹ Манас. Великий поход. Подстр. перев. Поливанова Е. Д. Рукоп. фонды. Отдел общественных наук АН Кирг. ССР.

После завоевания Восточного Туркестана цинское правительство вновь обращает внимание на Киргизию, о чем свидетельствуют документы 1760 г.

В середине 1760 г., принимая меры против антицинских выступлений в завоеванном крае, маньчжурские военные власти узнали, что тысяча с лишним киргизских семей перекочевала из Восточного Туркестана и поселилась в Ат-баши. Киргизы беспокоили цинского императора Цяньлуна и по той причине, что они предоставляли убежище бежавшим из Восточного Туркестана повстанцам-уйгурам. Цяньлун распорядился передать киргизам, чтобы те сами выдали беглецов, а за малейшее укрывательство и уклонение — грозил вторжением в их кочевья¹.

В связи с этим мы вновь встречаем в китайских источниках обсуждение вопроса о киргизских кочевьях и о так называемом «джунгарском наследстве», на которое претендовала маньчжурская династия. В «Описании умиротворения чжунгаров» этот вопрос возник еще в 1757–1758 гг., когда цинские отряды Чжао Хоя вторглись на территорию саяков на Иссык-Куле. Тогда цинские офицеры настояли на посылке киргизами посланников ко двору богдыхана и сами сопровождали их посольство в Пекин. Киргизские послы в Пекине предъявили свои права на кочевья, некогда занятые джунгарами, которые они фактически уже заняли. Цинский богдыхан на это заявил: «Хотя это — ваши прежние кочевья, но (они) давно были захвачены джунгарами. Как же можно по-прежнему считать их вашей землей?»².

И ныне маоистская пропаганда пытается «обосновать» эти претензии на владения разгромленного Цинами Джунгарского ханства, а на этом основании — и на часть

¹ Пинчжунь.., суйбянь. Цз. 4. С. 246.

² Пинчжунь.., чжэнбянь. Цз. 62. С. 256.

⁴ Том X. В. М. Плоских

земель киргизов и казахов в долине р. Или и других рек южного бассейна Прибалхашья.

События 1760 г. показали, что, претендуя на так называемые «джунгарские земли», Цины практически не могли их удержать, тем более, что на этих землях уже прочно обосновались киргизы. В китайском источнике читаем следующие слова, принадлежащие маньчжурскому офицеру, побывавшему в киргизских кочевьях: «Я внимательно обследовал Атбаш и другие места. Издавна это — бурутская земля, причем за перевалом Барсхан и очень далеко от Или»¹. Практика инспекционных объездов границ киргизов являлась ни чем иным, как попытками цинских властей осуществлять свой контроль за местами расселения киргизов. Это были вторжения на киргизскую территорию, занятую населением, отнюдь не подвластным империи Цин.

Основная масса киргизских племен занимала нынешнюю территорию Киргизстана, а часть киргизских племен правого крыла кочевала в западных районах Восточного Туркестана за пределами караулов, которые были учреждены Цинами на завоеванных территориях. На землях, занимаемых киргизами, никогда не было китайских караулов, киргизы не несли никаких повинностей и не выплачивали податей маньчжурскому двору. Цинское правительство не считало территорию киргизов составной частью своей империи, но граница их кочевий была причиной постоянных конфликтов маньчжуро-китайских властей с киргизами и казахами, которые кочевали по своим привычным маршрутам.

В пограничных же районах часто возникали казахско-китайские и киргизско-китайские споры и даже кровопролитные столкновения.

¹ Пинчжунь..., суйбянь. Цз. 7. С. 56.

Цинские военные отряды во время своих набегов захватывали скот и имущество казахов и киргизов, забирали в плен людей. Осенью 1761 г. казахи Среднего жуза, которые попытались вернуться на границы Джунгарии, были оттуда изгнаны силой. Им пришлось, оставив свой скот, откочевать из района Тарбагатая к русским крепостям на Иртыше. На протяжении 1762—1763 гг. репрессивные меры в отношении казахов и киргизов, упорно возвращавшихся на свои бывшие кочевья на границах Джунгарии и Восточного Туркестана, еще более усилились. В ответ население Казахстана и Киргизии оказывало упорное сопротивление войскам цинского Китая.

МАНЬЧЖУРСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В СИНЬЦЗЯНЕ

Военно-колониальное господство Цинской империи, установленное в Джунгарии и Восточном Туркестане, повлекло за собой тяжелые последствия для уйгуров, казахов, киргизов и других некитайских народов этого края. Оно определялось отсталым социально-экономическим строем самого Китая. Здесь культивировались средневековые формы эксплуатации трудящихся масс, дополняемые столь же отсталыми и жестокими формами национального гнета.

Тысячи уйгурских семейств, в той или иной мере причастных к сопротивлению маньчжурским завоевателям, были насильственно переселены из Восточного Туркестана в Джунгарию. И расселены главным образом в долине р. Или. Эти переселенцы, получившие название «таранчи» (в переводе с маньчжурского — землепашцы), были в принудительном порядке прикреплены к земле и являлись фактически государственными крепостными. Одновременно были предприняты попытки к началу колонизации Джунгарии гражданскими переселенцами из некоторых провинций собственно Китая, которая осуществлялась главным образом

за счет китайского, маньчжурского и частично дунганского населения. Путем внеэкономического принуждения цинские власти в Джунгарии и Восточном Туркестане заставляли местное население содержать за свой счет расквартированные здесь маньчжуро-китайские войска и колониально-бюрократический аппарат по управлению краем.

На завоеванных землях Джунгарии и Восточного Туркестана Цины держали значительные силы. Военские гарнизоны на новой территории, которая в 1760 г. стала имперским наместничеством и получила название Синьцзян, размещались в городах оазисов и по линиям главных торговых путей Восточного Туркестана. Здесь были образованы четыре южных округа (Кашгар, Янги-Гиссар, Яркенд, Хотан), четыре восточных округа (Аксу, Уч-Турфан, Куча, Карашар) и два княжества — Турфан и Хами¹. Во всех округах находились военные гарнизоны, а на главных торговых путях и других коммуникациях располагались постоянные и передвижные посты, так называемые караулы (калун). Такая дислокация войск была вызвана необходимостью контроля над завоеванной территорией, надзора за населением и наблюдением за внешними связями. Эти функции охраны, надзора и контроля выполняли гарнизоны караулов. Наиболее значительные военные силы Цинов были сосредоточены в Джунгарии, поскольку Китай рассматривал ее как свой главный западный форпост.

Уйгурское дехканство помимо того, что подвергалось жестокой феодальной эксплуатации, несло еще бремя различного рода трудовой повинности (починка дорог, устройство оросительной системы и т. д.). Завоеватели вынуждали местное население сдавать золото, медь, серу, селитру, шафран, свинец, холст, хлопок, шелковые ткани, меха, фрукты, предметы обихода и т. д. Побывавшие в Казах-

¹ *Думан Л. И.* Аграрная политика. С. 9, 103.

стане русские люди рассказывали со слов казахов о том, что «...городков Малой Бухарии народ от тех китайских войск несносное притеснение чувствует от податей, взыскиваемых с них теми войсками...»¹. Оценивая обстановку в Восточном Туркестане, некоторые китайские историки в свое время признавали, что здесь с помощью подкупленной уйгурской знати «маньчжурские сатрапы... тиранили и притесняли уйгурский народ»².

В источниках подробно описана система цинских караулов на территории Джунгарии и Восточного Туркестана и охарактеризовано их назначение — контроль над местным населением и надзор за беглыми, т. е. пресечение попыток местного населения бежать от гнета цинских феодалов за пределы Синьцзяна. В то же время караулы на главных торговых путях, идущих из Средней Азии в Кашгар, Уч-Турфан, Аксу и другие города, наблюдали за приездом в Восточный Туркестан купцов и ограничивали беспошлинную торговлю. Гарнизоны караулов следили также за тем, чтобы кочевники казахи и киргизы не выпасали свой скот на вновь приобретенной территории империи. Цитируем источник: «Что касается бурутских биев, которые не приезжают на встречу, незачем приглашать и жаловать шариком (на шляпу) и поясом. Они в (своих) кочевьях перемещаются на 1–2 станции, также слышно, что поступают как хотят. Если они передвинутся на внутренние (земли империи, т. е. в Восточный Туркестан. — Авт.) и вторгнутся в район караулов Кашгара, то (вы) сами должны изгнать. Если же передвигаются внутри своих собственных кочевий, то тоже необходимо наблюдать»³.

¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 666.

² Очерки истории Китая... под ред. Шан Юэ. С. 551.

³ *Да Цин* личао шилу (Хроника правления всех государей великой (династии) Цин. Далее — Шилу). Токио, 1937. Цз. 1217. С. 56.

Хотя маньчжурские власти плохо знали заграничные территории, на которых кочевали киргизы и казахи, однако они, как свидетельствуют источники, пытались ограничить киргизов и казахов в использовании их традиционных кочевий¹. Киргизы не были подданными цинского Китая, но в хрониках Цинской династии первых годов после завоевания Восточного Туркестана встречаются указы богдыхана, повелевающего объявить киргизам, чтобы те под страхом наказания не перекочевывали на территорию империи. Приведем данные источников: «На Или прежде были внутренние джунгарские земли... Ныне (эти земли) вошли в состав нашей территории. Если не поселим солдат в военных поселениях, то находящиеся поблизости казахи и буруты воспользуются случаем и устроят пастбища, снова надоест изгонять»². О перекочевках киргизов источник пишет: «Ныне земли (их, т. е. бурутов) бескрайни и фактически (кочуют) без препятствий. Передаем приказ Юн Гую и Илэту в дальнейшем уладить дела с бурутами. Следует держать их в строгости, пусть живут спокойно и мирно»³.

По поводу спора с киргизскими послами о кочевьях на Иссык-Куле, как говорится в хронике, Чжао Хою было рекомендовано все уточнить, «не пренебрегать» занятием под военные поселения свободных и пригодных земель⁴. Но военные китайские поселения здесь так и не появились. И причина этого крылась как в том, что все земли были заняты и использовались киргизами, так и в открытой непокорности местного населения.

¹ Пинчжунь..., чжэнбянь. Цз. 62. С. 256; Сюйбянь. Цз. 4. С. 306–316; Цз. 5. С. 2а–3а; Цз. 7. С. 4а–5б; Цз. 16. С. 18а–18б.

² Шилу. Цз. 606. С. 18а.

³ Пинчжунь... сюйбянь. Цз. 16. С. 186; Шилу. Цз. 658. С. 13б.

⁴ Шилу. Цз. 572. С. 6б.

В XVIII в. границы киргизских территорий, Коканда, казахских ханств не были определены. Для цинского Китая проблема пограничного размежевания возникла лишь тогда, когда на смену неопределенным взаимоотношениям с «вассалами» пришла необходимость размежеваться с такой могущественной державой, как Россия.

Система караулов и военных поселений, созданная Цинами на завоеванных территориях Джунгарии и Восточного Туркестана, стала оплотом империи против национально-освободительного движения народов этого района.

За пределами постоянных караулов на северных границах Синьцзяна были неконтролируемые пространства, где передвигалось кочевое население, не подвластное Цинской империи. Обстановка в этих пограничных с Синьцзяном районах Казахстана и Киргизии была сложной.

Заинтересованные в поддержке со стороны кочевых и полукочевых народов маньчжуро-китайские феодалы сначала заигрывали с родоплеменной верхушкой киргизов и казахов. По мере укрепления своего положения они стали все более бесцеремонно вести себя в кочевьях: старались изгнать казахов из Северной Джунгарии и вообще оттеснить их подальше от границ Синьцзяна. Для этого в некоторые пограничные с Синьцзяном районы Киргизии, Казахстана и Сибири была выдвинута цепь передвижных, временных пикетов¹.

В западных районах Кашгарии издавна были традиционные кочевья киргизских племен, и Цины после завоевания Восточного Туркестана в некоторых случаях потеснили их. Часть киргизских племен из Восточного Туркестана откочевала в кокандские владения.

Свои взаимоотношения с кочевым и полукочевым населением Синьцзяна цинское правительство на первых порах

¹ Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм... С. 55.

было вынуждено строить на несколько иной основе, чем с уйгурами Восточного Туркестана. Стремясь заручиться их поддержкой, маньчжуры вмешивались в межродовые и феодальные усобицы кочевников, пытались привлечь на свою сторону влиятельную племенную верхушку. Она вначале была освобождена от уплаты каких-либо податей. Китайские источники изобилуют сообщениями о различных наградах (чиновничьи звания со знаками отличия, привлечение к государственной службе, одаривание шелком, чаем и т. д.) некоторым киргизским биям и казахским султанам и старшинам. Однако, когда усилия дипломатии не достигали цели, в ход шли угрозы и прямое подавление кочевников военной силой.

Киргизы, узбеки и другие народы Средней Азии неизменно поддерживали антицинские выступления населения Восточного Туркестана против жестокого иноземного гнета. Маньчжуро-китайские власти пребывали в Синьцзяне как в осажденной крепости. Они вынуждены были помимо содержания крупных военных гарнизонов в городах возвести целую систему больших и малых караулов и дозоров. Большое число караулов находилось в окрестностях Кашгара на расстоянии не более 60 км от него. В 1760–1761 гг. в Кашгаре и Янги-Гиссаре офицеров и солдат вместе с персоналом почтовых станций было более 2200 человек. В 1762 г. в Яркенде, Аксу, и Янги-Гиссаре было по 140 человек военного гарнизона в каждом¹. В 1785 г. в Аксу было дополнительно устроено четыре караула, в том числе Чэрчик (35 солдат-китайцев и 50 уйгуров), Ганьчаханьгоу, Кушуньчоло (50 китайских и 100 уйгурских солдат), Акшуват (50 китайцев и 80 солдат уйгуров)². Шесть караулов

¹ Шилу. Цз. 630. С. 18а; Цз. 660. С. 5а.

² Шэли калунь (Учреждение караулов). — Отдел рукописей ГПБ им. В. И. Ленина. Ф. 274, № 330 (456). С. 15–16.

Уч-Турфана находились в радиусе от 10 до 45 км от города, в том числе один близ «бурутского (т. е. киргизского) кочевья Шувоцзы»¹.

Сосредоточив в своих руках высшую гражданскую и военную власть в Восточном Туркестане, Цины стремились привлечь к участию в местной администрации представителей уйгурской феодальной знати — беков, которые стали послушными исполнителями воли богдыхана. Есть в источниках данные о привлечении к такой деятельности и отдельных представителей киргизской знати — биев. Например, кочевавший вблизи Кашгара кыпчакский бий Ациму был назначен в 1761 г. хаким-беком сначала в Алагу, а затем в Ташмалык. Преданным слугой Цинов был также кочевавший в Кашгарском округе чон-багышский Авалэбий. Эти феодалы — уйгурские беки и киргизские бии — помогали маньчжуро-китайской администрации Синьцзяна в ее попытках подчинить себе киргизов и киргизские племена за пределами наместничества, а внутри Восточного Туркестана — умирять местное некуитайское население.

Уже в самой цинской хронике «Шилу» обнаруживается постоянная озабоченность цинских властей по поводу «беспорядков», боязнь того, что киргизы объединятся с местным населением в борьбе против Китая: «может случиться, что уйгуры объединятся с бурутами и устроят беспорядки», «к тому же, сборище беглых у бурутов — этот обычай в дальнейшем не может продолжаться. Сообщаем Шухэдэ (китайскому чиновнику. — Авт.), чтобы постарались догнать и захватить (мятежников). Если уже проникли к бурутам, то необходимо направить кого-нибудь разъяснить пользу и вред, приказать им, если поймают и выдадут, то получат награду. При малейшем укрывательстве и сваливании вины на других сразу же отправим войска и нападём

¹ Сичуй яолюе (Сводка основных данных о Западном крае). [Б. м.], 1807. Цз. 1. С. 116.

на них врасплох»¹. Цинские власти стремились лишить жителей Восточного Туркестана поддержки населения Средней Азии, особенно киргизов. Но именно в киргизских кочевьях восточно-туркестанские повстанцы находили активных сторонников, а при неудаче выступлений — приют и помощь.

Чтобы не допустить участия киргизов в антиманьчжурской борьбе, Цины использовали как увещевания и подкупы, так и скрытые и явные угрозы, стараясь привлечь на свою сторону тех феодалов, которые готовы были им служить.

Так, в 1765 г., используя межплеменную вражду и подкупы, маньчжурам удалось привлечь на помощь для подавления антицинского восстания в Уч-Турфане силы двух киргизских биев, проживавших в Кашгарском округе. Однако приверженцы цинских властей не только поощрялись, но и в других случаях жестоко наказывались. По материалам «Описания умиротворения джунгаров» и «Шилу» можно проследить превратности судеб феодалов, служивших маньчжурам. Хорошо известно «дело Хакима». В нескольких документах обсуждается «дело Умор-бия» из подразделения чон-багышей, кочевавших вблизи Кашгара, во главе которых стоял Авалэ-бий. Умор ограбил торговый караван андижанских купцов, но Авалэ вернул все ценности и просил о помиловании соплеменника. Ответ властей был таков: «Как доложил Хай Мин (цинский чиновник. — Авт.), Маркэ-бай, ограбивший андижанских купцов, уже предан казни. Что касается дела Умор-бия, который прежде ограбил андижанцев и вина которого несколько отличается, поэтому просят отставить его от должности и передать под надлежащий надзор, то решение это неверное»². В «Шилу»

¹ Шилу. Цз. 520. С. 96; Цз. 616. С. 18а.

² Пинчжунь... сюйбянь. Цз. 9. С. 86—9а.

позиция цинской администрации выражена вполне определенно: «Следует строго различать награды и наказания, только тогда можно соответственно наказывать и поощрять. Вот, например, Авалэ-бий выражает искренность и проявляет усилия, поэтому удостоился в избытке милостей и наград. А Умор-бия, который пользовался смутами и грабил, надлежит предать публичной казни. А просьба об отставке от должности и надзоре — уж слишком излишняя снисходительность»¹.

Дело Умор-бия закончилось тем, что предали казни, а членов семьи решили «порознь пожаловать во все города хаким-бекам в качестве рабов»². Лишь с большим трудом удалось Авалэ выкупить своих соплеменников.

Следует сказать, что цинские власти Синьцзяна неизменно вмешивались в дела, связанные с грабежами кокандских торговых караванов, направлявшихся в Кашгар, так как не желали иметь конфликтов с Кокандом в этом пограничном районе.

Цинские правители добивались главной цели — сохранения и упрочения своей власти в захваченной стране. Войны и победы нужны были маньчжурам, чтобы поддерживать у народных масс иллюзию всесильности императорского режима. Войны должны были способствовать отвлечению внимания народа от классовой и антиманьчжурской освободительной борьбы. Процесс концентрации земли в Китае в руках маньчжурских и китайских феодалов приводил к обезземеливанию больших масс китайского крестьянства. Эту проблему, связанную со все увеличивавшейся нехваткой земли у многочисленных мелких землевладельцев, маньчжуры стремились решать за счет территорий соседних стран., В то же время они категорически

¹ Шилу. Цз. 628. С. 156.

² Пинчжунь... суйбянь. Цз. 12. С. 156.

запретили осваивать степные массивы северо-восточной части империи, т. е. территории, которые считались вотчиной богдыхана. Здесь пустовали колоссальные площади добротной земли.

Экспансия Цинской империи сопровождалась жестоким подавлением всякого сопротивления и массовыми физическими расправами над покоряемыми — «варварами». Помимо присоединения к своим владениям территорий Монголии, завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана, маньчжуро-китайским феодалам удалось заставить признать вассальную зависимость от Цинской империи Непала и установить контроль над Тибетом. Они совершали завоевательные походы (хотя и не увенчавшиеся успехом) на государства Индокитая — Бирму и Вьетнам.

Провозгласив себя наследниками бывших правителей Китая, маньчжурские императоры в целях оправдания своей агрессивной политики и завоеваний часто использовали «аргументы», основанные на фальсифицированных событиях из исторического прошлого. Опираясь на почерпнутые из древнекитайских исторических хроник сведения о территориальных «приобретениях» бывших китайских императоров, маньчжурские богдыханы провозглашали своим священным долгом борьбу за возвращение Китаю территорий, через которые когда-то проходили китайские войска. И территории «возвращались». Огнем и мечом. Захватчик всегда находит аргументы для своих действий. Так, на сотни лет раньше цинские императоры предвосхитили логику и поступки нынешних руководителей Китая, которые и теперь продолжают манипулировать «историческими правами», добытыми в анналах императорских историографов.

Хорошо известные факты истории доказывают, что маньчжуро-китайские войска осуществляли непрерывную агрессию, носившую характер варварского разбоя и геноцида, в процессе которых истреблялись целые народы, уничтожались ценности их материальной и духовной культуры.

Сейчас же в Китае кое-кто силится оправдать эти злодеяния «цивилизаторской миссией» богдыханов. В некоторых официальных правительственных документах и исторических «исследованиях» они характеризуются как прогрессивные, что именно они помогли превратить Китай в «сравнительно мощное единое многонациональное государство с обширной территорией», способствовали развитию его производительных сил и росту жизненного уровня населения¹. Вместе с тем, маоисты отказываются признавать прогрессивность различных форм национально-освободительной борьбы подчиненных народов против маньчжуро-китайских захватчиков, в результате которой была достигнута независимость ряда государств, считавшихся вассалами Цинской империи. Результаты этой борьбы квалифицируются как посягательство на национальные интересы Китая.

Столь же фальсификаторскими являются попытки маоистов представить Восточный Туркестан как исконно китайскую территорию. Однако известно, что Синьцзян отличается от собственно Китая особенностью своей хозяйственно-экономической жизни, совершенно иным национальным составом населения, культурно-историческими традициями и т. д. Народы Восточного Туркестана больше тяготеют к народам Средней Азии и Казахстана по своему происхождению, общности языка и религии, бытового и семейного уклада.

Положение киргизов Синьцзяна под гнетом маньчжуро-китайских феодалов фактически мало чем отличалось от положения других национальных меньшинств этого края. Так, эксплуатируемое собственными баями и беками трудовое киргизское население терпело еще и произвол маньчжурских чиновников и военных властей.

¹ См.: *Лю Данянь*. О Канси. В кн.: *Историческая наука в КНР*. М., 1971. С. 263, 268.

НЕЗАВИСИМЫЕ РОДОПЛЕМЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КИРГИЗСТАНА

Земли Средней Азии, на которые ныне претендуют маоисты, никогда не были в составе цинского Китая. Как справедливо отмечается в заявлении правительства СССР, «никогда: ни тогда, ни позже, на нашей территории не существовало китайской военно-гражданской администрации, и ни один китаец в прошлом не селился здесь на жительство»¹. Обращение к источникам, историческим фактам показывает, что со второй половины XVIII — первой половины XIX вв. и до наших дней никогда на территории Киргизии не существовало ни китайской военно-гражданской администрации, ни одного китайского поселения.

Весьма примечательно, что русский путешественник Ф. С. Ефремов, проехавший а 70-х годах XVIII в. из Оша в Кашгар, не встретил в Киргизском крае ни маньчжуро-китайских войск, ни военных поселенцев, пребывание которых было обычным на территориях, входивших в состав Цинской империи². Не отмечены они и в русских источниках конца XVIII в. — первой половины XIX в. (к примеру, в рукописи сибирского инженера капитана И. Г. Андреева или «Сведениях о дикокаменных киргизах» и др.), равно как и в записках русских людей, посетивших Семиречье и Киргизию в этот период (Бубеннов, 1813 г.; Лещев, 1821 г.; Зибберштейн, 1825 г. и др.). Наоборот, все эти авторы и другие источники подчеркивают, что киргизы были независимы от Китая. И. Г. Андреев писал о киргизах и их взаимоотношениях с Китаем: «...ограждены

¹ Правда, 1969. 14 июня.

² Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарин, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786.

оние (киргизы. — Авт.) недоступными каменными горами, и хотя в рассуждении своей вольности великие чинят на китайских границах обиды, и с китайской стороны и посылаемы бывают великие команды, но доходить до них (киргизов — Авт.), как за трудностью мест и более ведая неутомимость их и храбрость, и защищение своему, ни один раз нападения на них учинить не могут и, возвращаясь к своим начальникам, объявляют, что они их сыскать никак не могут»¹.

В другой своей работе, опубликованной в конце XVIII в., И. Г. Андреев, сообщая о кочевьях киргизов между границ казахов, Коканда и Китая, уточнял, что киргизы «в рассуждении своей вольности» никому не дают спуска, «организуются великими партиями, жестоко себя защищают»².

Обратимся непосредственно к официальному китайскому источнику того времени. «Высочайше утвержденному географическому описанию Западного края при Маньчжурской династии», составленному правительственным Комитетом в 1757 г., с двойными добавлениями от 1762—1782 гг.³

Источник сам говорит о «древних» землях киргизов: «Когда джунгары были подчинены (маньчжурами), то они (киргизы) получили свои древние земли (обратно)». И, будто бы, в благодарность за это, изъявили желание стать «вассалами» Китая. Так сообщает правительственный чиновник, преподнося все в желаемой официальной трактовке, согласно которой все «варвары» — вассалы Китая. Действительно, официальный китайский источник содержит

¹ Цит. по рукоп.: *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань. С. 472.

² *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргис-кайсаков с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Кольванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями. — Новые ежемесечные сочинения. Т. СХ—СХVIII, СПб., 1795, 1796. С. 26—30.

³ Рукоп. фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР. Инв. № 3088. Перев. Кычанова Е. И.

строки о признании киргизами китайского «подданства». Действительно, цинские войска стояли у порога Киргизии, отдельные отряды даже совершали грабительские рейды в глубь Семиречья и Ферганы. И маньчжуро-китайским предводителям нужно было отчитываться в «покорении» новых областей, представлять политику императора лишь как благо для варварских народов. Это и только это должно было быть в донесениях чиновников в Пекин. Это отвечало задачам традиционной китайской историографии, поэтому и зафиксировано китайскими источниками. Но насколько соответствовала действительность представленному в отчетах — уже другое дело, которое осталось в тени.

Авторы китайских хроник и отчетов нередко выдавали желаемое за действительность, поэтому следует подходить весьма критично к их «свидетельствам». Авторитетный русский синолог прошлого академик В. П. Васильев, характеризуя восприятие китайскими хронистами исторических событий, подчеркивал, что «всех новых заграничных соседей богдыхан пресерьезно считает своими подчиненными и вассалами; раздает им чины, звания, грамоты и печати»¹.

Фактически, киргизы, заняв свои прежние кочевья в Киргизстане, временно отторгнутые было джунгарскими феодалами, не спрашивали разрешения императорского двора, который, однако, уже задним числом «оставил» эти земли за ними.

Никаких правооснований на киргизские земли Китай никогда не имел, да и не мог иметь. Кстати, заметим, что эфемерность вассалитета таких отдаленных народов, как киргизы, казахи, понимали и сами цинские правительственные круги. Им важно было лишь сохранить

¹ См.: *Хафизова К. Ш.* Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В. П. Васильева. — История и культура Китая. М., 1974. С. 114.

видимость, форму их «подчинения». А чтобы не уронить императорский авторитет, на помощь приходили обтекаемые, витиеватые формулировки, из которых получалось, что император якобы сам освобождал их от податей.

Ци Юньши, автор «Краткой сводки важнейших сведений о Западном крае», изданной в 1808 г., приводил слова императора, которые должны были хоть как-то объяснить невыплату киргизами налога. Он «снова вспомнил, что, их племя (т. е. киргизов. — Авт.) живет скотоводством и не привыкло, как уйгуры, обрабатывать землю. (Поэтому) хотя (буруты) и выразили самое искреннее желание подчиниться, им приказали только представлять дань и служить преданно, но освободили их от уплаты налогов»¹. Что значит «освободили от уплаты налогов»? Добровольно император отказался или нет? Понятно, что не добровольно. Даже официальные цинские круги понимали всю иллюзорность «подчинения» киргизов. Под данью же подразумевались дары, подносимые по обычаю посольствами. Причем в ответ императоры одаривали их нередко более ценными вещами. Но престиж Китая и императора вынуждал к подобным формулировкам.

Разъясняя эту нехитрую уловку, Ци Юньши писал: «Каждый год (буруты) посылают (в Китай) людей с лошадьми. Им устраивают угощение с вином, одаривают простыми и камчатými шелками и бараном по киргизским обычаям». Тот же Ци Юньши далее пояснял: «Все бурутские старшины по представлению кашгарского каньцзань дачэня получили павлиньи перья, шарики на шапку и ранги от второй до седьмой степени. Все старшины, имеющие ранги, каждый год посылают людей с лошадьми и в качестве ответных даров получают соответствующее

¹ Рукоп. фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР. Инв. № 3088. Перев. Кычанова Е. И. С. 20–32.

⁵ Том X. В. М. Плоских

количество простых и шелковых тканей и барана»¹. Все это касалось лишь киргизов, продолжавших кочевать в Синьцзяне и попавших в зависимость от Китая.

Следует отметить в этой связи еще меньшую убедительность, по сравнению с хрониками, материалов компилятивного характера, составленных главным образом в XIX в., где о киргизах говорится в общей форме. Все рассуждения авторов этих материалов о «вассалитете» киргизов фактически строятся на отношениях с восточно-туркестанскими и немногими (а точнее: двумя—тремя) соседними племенными подразделениями. Нет данных о ежегодных приездах киргизов с подарками, хотя так полагалось по этикету. В хорошо известной «Таблице старшин бурутов»², где приводятся имена награжденных различными регалиями, в девятнадцати названных киргизских племенах 1—2 (изредка 3—4) человека пожалованы регалиями разных степеней. Это говорит о единичных контактах правителей этих племен с маньчжурскими властями Восточного Туркестана и значительной удаленности их кочевий. Только в двух племенах — чон-багыш и кипчак — перечислены соответственно 13 и 15 человек, имевших шарики и перья на шляпу от второго до седьмого класса. Названные два племени кочевали в районе г. Кашгара под неослабным наблюдением цинских властей, о чем свидетельствует источник: «Это смежная с бурутами территория (речь идет о районе г. Кашгара), поблизости от которой два племени — чон-багыш и кипчак. В дальнейшем следует

¹ Рукоп. фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР. Инв. № 3088. Перев. Кычанова Е. И. С. 30—32.

² Циньдин Синьцзян шилуе (Высочайше утвержденное описание Синьцзяна). [Б. м.], 1821. Цз. 12. См. также: Хуйцзян чжи (Описание мусульманского края). Отд. рукоп. ГПБ им. В. И. Ленина. Ф. 274. Рукоп. № 289(435). Кн. 4. С. 99. Разд. «Внешние варвары».

высочайше пожаловать императорский указ и таких, как Авалэ-бий, честно выполняющих свое дело, поощрять похвалой. А тех, что разбойничают, подобно Умор-бию, особо наказывать. Только при строгом соблюдении наград и наказаний все будут знать страх»¹.

Такой метод угроз и одновременно посулов, т. е. своеобразная политика «кнута и пряника», применялся Цинами и во время войн и в мирное время, когда они предпринимали попытки подчинить своему влиянию те или иные народы.

Но отношения с несколькими соседними племенами Восточного Туркестана не позволяют делать далеко идущие обобщения и говорить обо всех киргизах.

Что касается территории Киргизии, то источники свидетельствуют вообще об отсутствии там цинской администрации и каких-либо китайских пикетов: «Граница буратов далеко за пределами юго-западных караулов Хэрцила (Каркара)»².

Маньчжурский чиновник Чунь Юань, долгое время служивший в Синьцзяне, издал в 1777 г. «Описание виденного и слышанного о Западном крае» (в другом издании и другой редакции оно известно как «Краткое описание новой границы и внешних стран») ³. В этом сочинении и о казахах, и о киргизах (буратах) говорится в разделе, озаглавленном «Описание иностранных владений (внешних народов)». Кстати, и Ци Юньши не отрицал, что «бураты...

¹ Пинчжунь... сюйбянь. Цз. 11. С. 18а–18б.

² Рукоп. фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР. Инв. № 4051.

³ Источник широко использован Н. Я. Бичуриным в «Описании Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии». Ч. I–II, СПб., 1829, и Тимковским Е. И. в кн.: «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах». СПб., 1824. Ч. I. С. 253–257. В рукописных фондах отделения общественных наук АН Кирг. ССР имеется экземпляр уточненного перевода, сделанного Кондратьевым А. А.

являются соседями живущих за пределами Китая иноземных племен Андижана и Коканда»¹.

Один лишь факт кратковременного пребывания на Памире генерала Фу Дэ, помощника маньчжурского генерал-инспектора Восточного Туркестана, рассматривается сегодня некоторыми китайскими историками как «аргумент» для выдвижения территориальных притязаний КНР на советский Памир. Население Средней Азии, в том числе киргизы, сохранило свою независимость. Сами цинские власти, имевшие контакты с Кокандским ханством, киргизами и казахами, отмечали, что они были неустойчивыми, и вовсе не основывались на отношениях вассалитета к Китаю. В этом смысле интересна «Хроника» («Шилу») императора Цинской династии, где указано, к примеру, что император Китая признавал: «Когда мы говорим, (что) казахи подчинились и перешли на нашу сторону, то под этим (следует) понимать лишь (наше) *стремление привлечь* (их), подобно владениям Аннам, Рюкю и Сиам. Желаем, чтобы они стремились к просвещению со стороны нашей династии, и только. Отнюдь не намереваемся (учредить) на их землях области и уезды (то есть, включить их в территорию Цинской империи. — Авт.) и установить систему управления и поставить чиновников, а также (вести разделение) на знамена (корпуса) и цзолины (роты), как в Халхе»² (курсив наш. — Авт.). Но среднеазиатские народы не желали «просвещения», которое несли им цинские войска, и оказывали вооруженное сопротивление маньчжуро-китайской экспансии.

¹ Рукоп. фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР. Инв. № 4051.

² Цит. по ст.: Мелихов Г. В. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII—XVIII вв. — Вопросы истории. 1974. № 7. С. 73.

Характерно, что еще недавно сами китайские историки давали оценку цинской политике как политике «истребительных, грабительских войн», при которой «завоевание различных национальностей несло с собой разрушение производства, уничтожение производительных сил, национальный гнет и эксплуатацию. Завоевания вызывали материальное и духовное опустошение народов различных национальных меньшинств и тем самым ввергали их в состояние застоя, либо замедляли их развитие... Но покоренные народы, независимо от их национальной принадлежности, вели ожесточенную борьбу против маньчжурского ига»¹. Однако в настоящее время китайские историки всячески идеализируют политику Цинов и борьбу некитайских народов за освобождение пытаются представить как «подрыв национального единства Китая».

Отношения киргизов с правителями Коканда, все более усиливавшимися в Фергане к концу XVIII в., убедительно свидетельствовали о призрачности влияния цинских властей на политику местных феодальных правителей Средней Азии².

Еще с конца 50-х годов XVIII столетия заметно возрастает роль южно-киргизского родоплеменного объединения адигине. Его родоправитель Хаджи-бий, считавшийся даже главой всех ичкиликских киргизов Алая, являлся правителем Оша. Он, по собственному его заявлению, мог выставить «200 тысяч людей орды бурутов, рассеянных от Бухары до Востока»³, и на равных выступал с кокандским

¹ Очерки истории Китая. С. 560.

² Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм... С. 53–54.

³ Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях. — Живая старина. Вып. III–IV, СПб., 1894. С. 434.

правителем, даже в дипломатических контактах, в частности, отправлял маньчжуро-китайским властям письма-послания не только от себя лично, но и от имени кокандского правителя Ирданы-бия.

Родоплеменные объединения северных киргизов не признавали ни власти Коканда, ни казахских жузов, ни Китая, отражая всякие попытки и притязания на свою независимость. По мере своего укрепления Кокандское ханство все более поглощает окрестные разрозненные киргизские племена, начинает играть серьезную роль в жизни Восточного Туркестана¹.

Храбрость и независимость киргизов неоднократно отмечались китайскими источниками. В одном из них, относящемся к 1778 г., читаем: «Бурут есть название кочевого народа, обитавшего между Аньцзичжаном и Кашгаром. Земли его обширны и многолюдны. Владельцы их называются би(и)... Каждый би(й) владеет своею землею, имеет своих подданных. Они все равносильны и не зависят друг от друга... Даже чжуньгары во время своего могущества не могли покорить их под свою власть².

В связи с этим автор одной из первых исторических работ о казахах и киргизах А. Левшин пришел в первой трети XIX в. к выводу, что киргизов, «привыкших к вечным сражениям, не легко было победить. Китайцы также испытали действия их храбрости и не раз были ими отражаемы»³. Но междоусобицы истощали силы, а постоянная внешняя угроза заставляла все время быть настороже.

¹ *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. С. 88–97.

² *Бичурин Н. Я.* Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Перев. с китайского, СПб., 1829. С. 147–148.

³ *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Ч. II. Исторические известия, СПб., 1832. С. 273.

В конце XVIII в. киргизские бии Атаке и Исенгул, удрученные междоусобными ссорами с казахами, пришли к заключению о необходимости примирения. От казахского султана Хан-ходжи к киргизам в 1786 г. прибыли для выработки условий соглашения депутаты, которые, предлагая дружбу, однако... потребовали аманатов — знатных заложников. Как доносил омский купец Захар Пеньевтов, торговавший в казахских и киргизских кочевьях, киргизы без обиняков поставили вопрос о необходимости союза между соседями, — «ибо де как для вас, так и для нас, — говорили они, — общие неприятели — китайцы»¹. Но соглашение так и не было достигнуто. К тому же некоторые киргизские феодалы, проводя сепаратистскую политику, надеялись на помощь со стороны Кокандского ханства.

ВОССТАНИЯ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА ПРОТИВ МАНЬЧЖУРО-КИТАЙСКОГО ГНЕТА

В Восточном Туркестане маньчжуро-китайские власти проводили политику жестокого подавления сопротивлений уйгурского и других некитайских народов. Однако, несмотря на предпринимаемые меры со стороны властей, антицинские движения не ослабевали и нередко перерастали в крупные восстания.

Первым из таких восстаний явилось антиманьчжурское выступление уйгурского населения в Кашгарском округе еще в 1760 г., а затем произошло такое же восстание в городе Уч-Турфане в 1765 г. Это восстание, поднятое горожанами во главе с хаким-беком Рахматуллою, длилось свыше полугода, и слух о нем разнесся далеко за пределами Восточного Туркестана. Один из эмиссаров русских

¹ ГАОМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 25. Л. 280.

властей, побывавший тогда в Казахстане, сообщал, что «кашгарцы, у которых китайцы заняли большие города», восстали и «всех китайцев в тех городах бывших побили»¹.

С повстанцами в Уч-Турфане маньчжуры расправились с необычайной жестокостью. По личному указанию императора Цяньлуна все взрослое мужское население города было уничтожено, а оставшиеся в живых женщины и дети были высланы в другие районы. Побывавший позднее в Восточном Туркестане казахский ученый-просветитель и путешественник Ч. Ч. Валиханов писал, что восстание в Уч-Турфане «показало Китаю всю ненадежность этих городков, в которых только страх и крутые полицейские меры могли удержать спокойствие народа»².

В 1814 и 1816 гг. жители Кашгарского округа, доведенные до отчаяния грабительскими мерами маньчжурских наместников, дважды поднимали восстания в Ташмалыке под руководством киргизского бия Турдымамата и уйгура Зияветдина. По данным китайских источников, кроме уйгуров, в этих восстаниях большую роль играли синьцзянские киргизы. Известны имена киргизских биев — Шергазы из племени жамантеит, Жукасандыка из кыпчаков, Байболота из чон-багышей, — возглавлявших отдельные отряды повстанцев. После поражения восстания многие киргизы бежали на Тянь-Шань. В отместку цинские отряды стали совершать карательные набеги на киргизские кочевья, разорять айлы. Отряды карателей безжалостно убивали население, сжигали и отнимали имущество у людей.

Варварские репрессии маньчжуров подняли киргизов на всеобщую антицинскую борьбу. Бий Суранчи, который имел земельные наделы в деревне Артуш Кашгарского округа, стал одним из главных организаторов борьбы

¹ АВПР. Ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1775 гг. Д. 14, Л. 248.

² *Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 315.*

против Цинской империи и сподвижником Джангира-ходжи, ставшего в дальнейшем во главе одного из крупных восстаний в Восточном Туркестане¹.

После захвата маньчжуро-китайскими феодалами Восточного Туркестана претенденты на кашгарский престол — потомки некогда правившей там династии ходжей — нашли приют в Коканде. Богдыхан неоднократно безуспешно пытался заполучить их, чтобы обезопасить от волнений завоеванный край. Наконец, он смирился с тем, что потомки ходжей для него недоступны, но заключил договор с кокандскими ханами, что они будут следить за ходжами и не выпускать их в Восточный Туркестан. Взамен цинские власти стали регулярно направлять кокандскому хану своеобразную дань — ежегодно по 200 ямб серебра (около 20 тыс. руб. по курсу российской валюты). Ханы держали ходжей как источник дохода и зорко присматривали за ними, хотя нередко были не прочь и припугнуть ими богдыхана. Во всяком случае, кокандские правители запретили кому бы то ни было поддерживать ходжей в случае их побега: не хотели обострять отношения с Китаем, да и лишаться постоянного дохода².

В 1818 г. потомки ходжей Джангир и Хак-Кули бежали от кокандской опеки на Алай. Здесь они не только нашли приют, несмотря на официальный запрет ханов, но и получили реальную помощь от киргизов для похода в Восточный Туркестан. До 500 киргизских воинов — чон-багышей во главе с бием Суранчи — примкнули к ходжам. Сравнительно немногочисленный отряд, надеясь, что на призыв откликнутся все недовольные цинским правлением жители Восточного Туркестана и там вспыхнет восстание, двинулся

¹ *Мадеюев Н.* Из истории антицинской борьбы народов Центральной Азии в 20-х годах XIX в. Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1974. С. 208–212.

² *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. II. С. 317.

на Кашгар. По словам Ч. Валиханова, эта попытка ходжей стала известна у китайцев под названием «бунта бурута Суранчи»¹. Но поход не увенчался успехом. Немалую роль в этом сыграла авантюрная политика ходжей, подчас не имевшая ничего общего с интересами трудящегося уйгурского и киргизского населения.

Ходжи вынуждены были бесславно возвратиться в Коканд. Некоторое время они пробыли под арестом, но потом были выпущены, тем не менее оставаясь «под надзором» ханских чиновников². Киргизы неоднократно и позже принимали участие в выступлениях ходжей, с одной стороны, выражая этим протест против ханского гнета, с другой, — поддерживая восстания местных жителей Кашгара, направленные против цинского гнета.

Примечательно, что подобное отношение киргизов к ходжам выражало собой не стремление участвовать в борьбе «за веру» и даже не поддержку ходжей в борьбе за престол, а лишь повод для выступления против кокандского гнета и участия в совместном с трудящимися Восточного Туркестана восстании против цинских угнетателей. Даже в одном из указов цинского императора от 1798 г. подчеркивалось, что «закордонные буруты тоже считают (ходжу) редким товаром, которым можно спекулировать» (речь шла о ходже Сарымсаке, угрожавшем маньчжурскому господству в Восточном Туркестане).

Таким образом, когда не было сил для прямого отпора кокандским ханам, киргизы использовали другие формы протеста. Одной из них и была тайная и явная поддержка кашгарских ходжей, содержавшихся под ханским присмотром, откочевка, участие, нередко вопреки воле ханов, в политических событиях Восточного Туркестана.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 317.

² Наливкин В. Краткая история. С. 109.

У истоков дружбы с Россией

В то время племена Северной Киргизии еще не имели таких, как у казахов, постоянных политических и экономических контактов с Россией, но влияние последней на жизнь киргизского народа уже начинает сказываться. Товары русского производства проникали в Прииссыккулье через среднеазиатских купцов. По мере усиления связей Средней Азии и Казахстана с Россией торговля русскими изделиями в киргизских аилах все более возрастает.

Связи киргизов с Россией устанавливаются со второй половины 80-х годов XVIII в., когда внешнеполитическое положение Киргизии значительно осложнилось: на западе усиливается Кокандское владение, на юге наступает цинский Китай, на северо-востоке завязывается борьба из-за пастбищ с казахами, вызванная тем, что часть ферганских киргизов с юга перекочевала в Семиречье, куда одновременно с северо-востока перешла часть казахских племен. Почти не прекращавшиеся жестокие усобицы среди самих киргизских феодалов ослабляли силы народа перед лицом внешней угрозы. Таковы были причины, побудившие киргизов обратиться за покровительством к своему могущественному северному соседу — Российской империи.

Первое киргизское посольство в Россию было снаряжено в 1785 году и возвратилось на берега р. Чу через четыре года — в 1789 г.¹ Последние архивные изыскания стажера-исследователя Института истории СССР Д. Сапаралиева позволяют несколько конкретизировать и расширить наши сведения об этом посольстве и, в частности, прочитать выявленные письма киргизского бия Атаке к Екатерине II и западносибирским властям и их ответы 1785—1789 гг.

¹ *Плоских В.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827 г.). Фрунзе, 1970. С. 32—41.

Первыми полномочными посланцами киргизского народа в Россию были ташкентский купец Абдырахман Кучаков, его сын Сатынбай и «природный киргизец» Шергазы, представлявшие интересы сарыбагышского бия Атаке, кочевавшего в Чуйской долине. В своем письме императрице, датированном августом 1785 г., Атаке писал, что он по примеру своих предков, которые уже оказывали российской державе «услуги», также согласен служить «посредством препровождения в Россию купеческих... караванов». При этом, пишет Атаке, он отправляет с ташкентским караваном в подарок Екатерине II «одного арапа, три барсовых кожи и пять рысьих»¹.

В Петербурге депутация пробыла до осени 1788 г., получила аудиенцию у российской императрицы Екатерины II, которая «милостиво» одарила бия Атаке 800 рублями серебром². Несмотря на то, что сведений о пребывании первого киргизского посольства в России почти не сохранилось, известно, что Абдырахман Кучаков по прибытии в Омск на обратном пути в Киргизию направил письмо «к своему старшине Этеке (Атаке. — Авт.) батырю, в котором его уведомляет, что съездил благополучно»³.

Правда история этого посольства была омрачена тем, что оно было задержано омскими властями и не сыграло в дальнейшем какой-либо серьезной роли во внешнеполитической жизни Киргизии.

Русские власти тем не менее придавали важное значение установлению политических связей с Киргизией,

¹ ГАОМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 157.

² ГАОМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 250. Л. 35; *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями. — Новые ежемесячные сочинения. Т. СХI, СПб., 1795. С. 27.

³ ГАОМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 252. Л. 1-а.

хотя развитие таких связей было затруднено в силу слишком большой отдаленности киргизских кочевий от России. Несмотря на это, среди киргизского народа, раздираемого внутренними межродовыми, усобицами, тяготение к установлению контактов с русскими властями все возрастало. Один из видных представителей сибирской администрации генерал-майор Я. Броувер в представленных им в 1795 г. «Замечаниях о способах к восстановлению в Средней киргиз-кайсацкой орде благоустройства и домоводства, а на линиях спокойствия и цветущего торга» писал: «К восстановлению торговли сделать союз с Большою ордою, дикими киргисцами и другими прилежащими к ним народами; коих желание к тому давно приметно. Посредством сего союза можно от тех народов иметь ежегодных аманатов к безопасности торговли, и сверх того, для оной нужно следующее постановление о торговле.

По проведении Средней орды в вышеописанное устройство откроется удобность к торговле с дикими каменными киргисцами, ташкентцами, кукандцами, кашгарцами даже до Индии, а о пути, туда ведущем, достоверные сведения собраны»¹.

За первым киргизским посольством в Россию последовали и другие в 1811, 1824, 1844 и т. д. с просьбами о принятии тех или других родоплеменных объединений Северной Киргизии в российское подданство и о покровительстве². Это сулило киргизскому, казахскому и другим народам Туркестана не только безопасность

¹ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 гг.). Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1964. С. 147.

² Джамгерчинов Б. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50–70 гг. XIX в. Фрунзе, 1961; Плоских В. Первые киргизско-русские посольские связи (1784–1827 гг.). Фрунзе, 1970.

от посягательств соседних восточных деспотий, но и внутренний мир, что способствовало развитию производительных сил и новых социально-экономических отношений, открывало возможность приобщения к более передовой культуре русского народа. Ф. Энгельс в письме К. Марксу от 23 мая 1851 г. подчеркивал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹.

УЧАСТИЕ КИРГИЗОВ И УЗБЕКОВ В АНТИЦИНСКИХ ВОССТАНИЯХ

В 1822 г. была предпринята еще одна попытка ходжей восстановить власть в Кашгаре. Наиболее подробно ход восстания освещен Ч. Ч. Валихановым, три с половиной десятилетия спустя побывавшим на местах событий, когда еще была свежа народная память об этих выступлениях.

Воспользовавшись смертью кокандского хана Омара, Джангир бежал из-под надзора и около трех лет провел у киргизов Алая. Собрал здесь отряд из нескольких сот человек, Джангир двинулся на Кашгар. По дороге у мазара Султана Сатук-Багара-хана (где похоронен был один из его знаменитых предков Сеид-Апак) он чуть не попал в руки китайцев, по благополучно избежал опасности. Вскоре к нему подошли на помощь 5–6 тысяч киргизов рода чон-багыш, а затем и отряд из Кызыл-Су. Ревностными сподвижниками ходжи стали народные предводители саяков Атанай и Тайлак, позже прославившиеся как организаторы борьбы с кокандскими ханами.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 241.

Участие киргизского населения в восстании Джангира было вызвано стремлением предотвратить разбойничьи набеги цинских военных отрядов на закордонные территории. Кокандцы же участвовали в восстании с целью усиления своего влияния в Восточном Туркестане и получения права беспошлинной торговли. Сами китайские источники высоко оценивали роль Тайлак-батыра как организатора антицинской борьбы. «...Варварские начальники Тайлака Байбахаш и другие разослали людей, чтобы собрать все соседние племена и (чтобы) вместе явиться в Кашгар для поднятия мятежа», — говорится в одной из официальных цинских хроник того времени. Этот же источник сообщал: «У них имеется всего около двух тысяч человек. Мятежник Джангир хотел бежать в Коканд, но Тайлак, который является зачинателем этого зла, начал препятствовать ему (Джангиру) в поездке (в Коканд)»¹.

Организовав вооруженное вторжение на территорию Киргизии, которая никогда не принадлежала Китаю, синьцзянские власти рассчитывали легко уничтожить Джангира и разбить его союзников. В своих донесениях императору о результатах похода они писали: «Приблизительно свыше 300 человек бандитов (т. е. повстанцев. — Авт.) уже уничтожено или схвачено правительственными войсками, а более 100 человек бандитов, увидев правительственные войска, уничтожавшие и арестовывавшие их, немедленно бежали в беспорядке»². Хорошо вооруженные цинские войска легко подавляли сопротивление отдельных неорганизованных групп киргизов, что вселило в Цинов уверенность в победе не только над Джангиром, но и над закордонными киргизами.

¹ См.: *Мадеюев Н.* Из истории антицинской борьбы. С. 208—212.

² Там же.

Для захвата Джангира и Тайлака на Тянь-Шань к Нарыну под командованием генерала Баян-Бату направляется отряд численностью в 1000 человек (разные источники называют разное число). Захватчики задумали одним ударом разгромить антицинский центр в Нарыне и схватить Джангира. Войска двигались скрытно, только ночью, нигде не задерживаясь. В полночь Цины внезапно напали с тыла на кочевья Тайлака и стали без разбора истреблять даже детей, стариков и женщин. Вскоре речка Акчий была заполнена трупами убитых¹. Китайский источник сообщал, что «отряд Баян-Бату перебил свыше 100 человек — мужчин и женщин, больших и малых членов семьи Тайлака и его подчиненных». Но самого Тайлака захватить не удалось. Эти события нашли отражение в киргизском фольклоре. В поэме о Тайлак-батыре говорится: «Китайцы, окружив кочевье Тайлака, собрали всех жителей на склоне холма и посадили их на одной стороне, а группу людей, которых признали соратниками Джангира, посадили на другой со связанными руками и ногами. Один из китайцев с саблей в руках стал отрубать им головы. Кроме того, было убито более 100 человек из родственников Тайлака, их жилища все разрушены и сожжены, имущество полностью разграблено»². Несмотря на тщательные поиски, Джангира и Тайлака все же не смогли найти. Узнав о нападении китайцев и разграблении своих айлов, Тайлак спешно организывает отряд из людей ближайших айлов и устраивает китайцам засаду.

Тот же китайский источник сообщает: «Тайлак, собрав людей из нескольких киргизских племен, отрезал путь к отступлению войскам Баян-Бату». Отряд захватчиков, обремененный награбленным имуществом, не мог быстро

¹ Чоробаев Л. Тайлак-батыр. Фрунзе, 1959. С. 61.

² Абдурахманов И. Тайлак-батыр. Рукоп. фонды отделения общественных наук АН Кирг. ССР.

передвигаться. Киргизы вынудили его отступить по дороге, идущей через глубокое ущелье, где Тайлак устроил засаду. Ущелье с двух сторон было стеснено горами с нависшими огромными каменными глыбами, готовыми при малейшей неосторожности обрушиться. Когда маньчжуро-китайские войска приблизились к ущелью, сверху на них обрушились камни, со всех сторон полетели стрелы. Сражение длилось целую ночь, к утру весь цинский отряд был перебит, а Баян-Бату покончил с собой. После этого события в специальном императорском указе от 13-луны 5 года под девизом Даогуан (1825 г.) говорилось: «Эти мятежные варвары вступают в сговор, занимаются подстрекательством и дело дошло до того, что (у них) с каждым днем все больше и больше становится последователей. Если позволить им (киргизам. — Авт.) связаться между собой, то возникнет еще большее опасение в том, что (мятеж) расширится до неопикуемых размеров. Нам необходимо оказывать щедрость и (путем подкупа) всемерно рассеивать их сообщников»¹.

Обращает на себя внимание боязнь маньчжуро-китайских властей объединения киргизов в борьбе против Цинской империи, а для предупреждения этого следовало бы, по их мнению, пустить в ход подкуп, чтобы разобщить антицинские силы. В целом восстание Джангира можно рассматривать как освободительное, в котором основной движущей силой выступали народные массы. Но интересы трудового населения — участников восстания — и интересы феодалов не совпадали. Получив поддержку уйгурских повстанцев и киргизов, Джангир-ходжа решил упрочить свое положение созданием военно-политического блока мусульманских государств Средней Азии — Коканда, Бухары, Хивы и Бадахшана против Цинской империи².

¹ *Мадеюев Н.* Из истории антицинской борьбы. С. 208, 212.

² *Гуревич Б. П.* Великоханьский шовинизм. С. 57.

⁶ Том X. В. М. Плоских

Джангир овладел окрестностями Кашгара, но цитадель долго не мог взять. На помощь к нему стали подходить со всех сторон многочисленные отряды, и вскоре Джангир, объявивший свой поход газаватом — борьбой против «неверных», стал во главе сравнительно большой армии — до 200 тыс. — с пушками и ружьями. В 1826 г. в Восточный Туркестан прибыл и кокандский Мадали-хан. Джангир, сам не сумевший взять цитадель, решил предоставить «честь» кокандскому хану. Но после 12—15-дневной безуспешной осады войско Мадали-хана, надеявшееся на скорую и легкую победу, стало разбегаться. Сам хан вынужден был бесславно возвратиться в Коканд, но, тем не менее, присвоил себе эпитет воителя за веру и «начал бить монету с титулом гази»¹. Джангир все же сумел захватить цитадель, а вскоре и почти все города Восточного Туркестана. Однако через девять месяцев подоспевшая свежая цинская армия ворвалась в Кашгар. Джангир бежал к алайским киргизам. Мадали послал было отряд на помощь «единоверцам», попавшим в беду беглецам, но кокандцы опоздали. Джангир был предательски схвачен, его увезли в Пекин и через несколько лет казнили.

Официальный цинский историограф прошлого века писал, с какой жестокостью маньчжурские каратели расправились с уйгурскими и другими участниками восстания Джангира: «Сколько убито неприятелей, не было счета; живыми схвачено более 4000». Одновременно войска устроили самое настоящее побоище в киргизских кочевьях. По свидетельству одного из русских источников, «китайцы в усмирении и отмщении дикокаменных киргизов сделали нападение на сопредельные Кашгарии их кочевья, многих киргизов смертью казнили...»².

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. II. С. 319.

² АВПР. Ф. Главный архив, 1—13, 1826—1831 гг. Оп. 10. Д. 2. Л. 132.

Так как реальной военной помощи киргизам Россия еще не могла предоставить, киргизское, а также часть казахского населения Семиречья попадает в зависимость от Кокандского ханства. Этот процесс не был ни добровольным, ни мирным для местных народов, он проходил в ожесточенной борьбе против ханских завоевателей. Тем не менее, включение Киргизии в состав Кокандского ханства в конечном счете помешало осуществлению захватнических планов Цинской империи, агрессивная политика которой встречала отпор всего населения Кокандского ханства, в том числе и киргизского. Анонимный русский автор 40-х годов XIX в. подчеркивал, что во время последней войны с китайцами киргизы «оказали Кокании большие услуги, которыми очень гордятся»¹.

Значительно расширив территорию Кокандского ханства за счет подчинения киргизов и части казахов, завоевав небольшие горные владения Каратегин, Дарваз и Куляб, Мадали-хан решил в 1830 г., что он достаточно силен, чтобы освободить от маньчжуро-китайских феодалов Восточный Туркестан и восстановить в Кашгаре правление династии ходжей в лице Мад-Юсуфа, брата казненного в Пекине Джангира. В ходе сражений цинские войска были дважды разбиты — в сентябре возле киргизско-кашгарской границы и затем у стен самого Кашгара. Только возобновление военных действий со стороны бухарского эмира заставило Мадали-хана отозвать войска, немалая часть которых состояла из киргизов. Не надеясь на собственные силы, отступил и Мад-Юсуф-ходжа. Вслед за войсками из Восточного Туркестана в пределы Кокандского ханства на жительство переселилось до 70 тыс. кашгарцев (уйгуров и киргизов), которые получили от хана десятилетние

¹ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. — Записки РГО. Кн. 3. СПб., 1849. С. 209.

налоговые льготы¹. Маньчжурское правительство, окончательно уверившись в непрочности своего положения в Восточном Туркестане, выступило с инициативой заключения мирного договора с Кокандским ханством и прислало послов.

Чтобы предотвратить новые антицинские выступления и поддержку их Кокандом, от которого практически зависела четверть населения Восточного Туркестана, Китай пошел на принятие унижительного для себя соглашения: торговым эмиссаром (аксакалом) в Кашгар был определен кокандский купец Алим-паша, который, по словам Ч. Валиханова, «в сущности, есть отдельный губернатор»². При этом Кокандское ханство обязалось не выступать само и сдерживать выступления киргизов, направленные против цинских властей в Кашгаре. Однако и кокандским ханам было не под силу сдерживать или регулировать выступления народных масс против феодальной эксплуатации, которая отнюдь не ослабла. Уйгуры, киргизы, казахи и другие народы Восточного Туркестана, несмотря на жестокие карательные меры маньчжуро-китайских завоевателей, не прекращают освободительной борьбы.

УСИЛЕНИЕ ГНЕТА МАНЬЧЖУРО-КИТАЙСКИХ ФЕОДАЛОВ В СИНЬЦЗЯНЕ

В конце XVIII — начале XIX вв. Цинская империя вступила в полосу упадка, что обуславливалось общей экономической отсталостью Китая и обострившимися внутренними социальными противоречиями китайского феодального общества.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 324.

² Там же.

Синьцзян становился все более обременительным для Цинской империи «приобретением». От значительных сумм, которые собирались с населения Джунгарии и Восточного Туркестана, казна получала все меньшую долю, но зато ей приходилось уже самой оплачивать часть расходов местной маньчжурской администрации. Попытки начать более или менее широкую китайскую колонизацию в Синьцзяне успеха не имели, а маньчжурские и китайские чиновники рассматривали свое пребывание здесь как временное явление и средство быстрого обогащения за счет грабежа местного населения.

Трудящиеся массы Синьцзяна все более жестоко эксплуатировались как местными, так и маньчжуро-китайскими феодалами. Налоговое бремя, насильственное изъятие продуктов труда крестьян и ремесленников, ростовщическая кабала — все это приносило невыносимые страдания дехканству и жителям городов. Значительно ухудшилось положение местного купечества, деятельность которого строго регламентировалась властями. Несмотря на известные привилегии, которые были оставлены для уйгурских духовных и светских феодалов, они также находились фактически в полной зависимости от маньчжуро-китайских властей. Особое недовольство испытывали представители высшего мусульманского духовенства и прежде всего те из них, кто был связан с ходжами — бывшими правителями Восточного Туркестана.

Угнетательская национальная политика правителей Цинской империи находила свое проявление в грубом пренебрежении к местному некитайскому населению Синьцзяна. Это испытывали на себе даже уйгурские беки, которые могли разговаривать с представителями маньчжурских властей не иначе, как стоя на коленях. Пренебрежительное отношение к некитайским народам Синьцзяна выразилось в надругательстве над их обычаями, нравами и религией. Отмечая это, известный китайский историк Люй Чжэньюй

писал в свое время, что цинские правители всячески «преграждали мусульманам путь в органы политической власти, затрудняли развитие их культуры и вообще презрительно относились к мусульманскому народу и его религии»¹.

Своих прежних прав и привилегий постепенно лишлась также родоплеменная казахская и киргизская знать, хотя цинские власти не оставляли попыток использовать некоторые кочевые племена в качестве полицейской силы. Под разными предлогами маньчжурские сборщики дани стали появляться в киргизских и казахских кочевьях. Обстановка здесь, как отмечал в этой связи один из цинских чиновников, становилась день ото дня напряженней и поборы производились «с все большим трудом»². «После (годов правления) Цяньлуна, — отмечается в одном из официозных источников, — пограничные чиновники (речь идет о цинских властях. — Авт.) потеряли (чувство) меры и злоупотребляли властью (в кочевьях), где постоянно возникали беспорядки»³.

Усиление нажима маньчжуро-китайских властей на пограничные северо-киргизские племена в первой половине XIX в. не привело к желаемым для Цинов результатам. Несмотря на попытки их послов склонить киргизскую феодальную знать к подчиненности Китаю и в обмен на пышные титулы и другие знаки внимания выплачивать подати богдыхану, киргизы устояли перед подобными домогательствами, пренебрегая даже военными угрозами. Однако маньчжуры, как сообщают китайские источники, все же не оставили попыток добиться от киргизских

¹ Люй Чжэньюй. Краткая история народов Китая. Пекин, 1951. С. 116.

² Чунь Юань. Си-юй вэнь цзянь лу (Описание виденного и слышанного в Западном крае). [Б. м.], 1777. Цз. 3. Л. 2 а.

³ Цин ши гао (Черновая история династии Цин). Мукден, 1927. Цз. 534. Л. 86.

феодалов признания «вассалитета» по отношению к Цинской империи¹. Отдельные киргизские бии-родоправители награждаются китайскими титулами, получают шаррики и перья, как знаки власти, одариваются ценными подарками и приглашаются в Пекин. Эти контакты на какое-то время спасали киргизские кочевья от разгрома и насилий со стороны завоевателей.

В первое время после покорения Восточного Туркестана цинские власти, как отмечено выше, для укрепления своего господства в стране заигрывали с родоплеменной верхушкой киргизов, так как спокойствие в стране зависело во многом от них. Кроме того, цинские власти опасались помощи местным народам со стороны населения Средней Азии. Они старались лишить жителей Восточного Туркестана, особенно киргизов, всякой поддержки извне, но безуспешно.

Местное административное управление в Восточном Туркестане осуществлялось беками, утвержденными цинскими властями. А так как последние не получали жалования от императорской казны и содержались только за счет натуральных налогов с населения, это создавало очень широкие возможности для всяческих злоупотреблений.

Русский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский, ссылаясь на китайского историка Вэй Юаня, отмечал, что маньчжурские чиновники произвольно облагали местное население чрезмерно большими податями и, пользуясь бесконтрольностью, 80% из собранных налоговых сумм оставляли себе². Остальные 20% шли исключительно на содержание войска и государственного аппарата. Многонациональное население Восточного Туркестана угнетали и грабили цинские

¹ Гуревич Б. П. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России. — Ж. «История СССР», 1973. № 2. С. 107.

² ЦГА Узб. ССР Ф. И. 1. Оп. 34. Д. 675. Л. 253.

чиновники, китайские ростовщики совместно с местными феодалами-беками, составлявшими одну жадную эксплуататорскую клику. В целом, как признавали еще не так давно сами китайские историки, население Восточного Туркестана страдало от гнета Цинской империи «значительно больше, чем национальные меньшинства Внутреннего Китая»¹. Все это вызывало острое недовольство трудящегося населения, систематические волнения и вооруженные восстания, в которых киргизы принимали самое активное участие. В киргизских кочевьях восточно-туркестанские повстанцы находили активных союзников в борьбе против маньчжурских насильников, а при неудаче выступлений — приют, дружескую поддержку и помощь. Так было в 1847 г., когда повстанцы из восточно-туркестанских жителей и киргизы осадили Кашгар (маньчжуры называли это антицинское выступление как «бунт семи ходжей»), в 1855, 1856 и 1857 гг. когда произошли выступления восточно-туркестанцев во главе с Кичикхан-тюрей и Валиханом.

Все эти выступления были подавлены маньчжуро-китайскими властями самым жестоким образом. После разгрома карателями повстанцев Валихана в Среднюю Азию снова эмигрировало до 15 тыс. уйгуров. Побывавший вскоре в Восточном Туркестане Ч. Ч. Валиханов писал позже: «Китайцы, занявшие Кашгар, неистовали... Окрестные деревни особенно пострадали от китайцев, которые забирали хлеб, сено, скот и проч.; даже окна, двери и другие деревянные части в мечетях и гробницах ходжиев были к великой скорби мусульман употреблены на дрова»². Нередки были случаи, как замечает тот же Валиханов, когда каратели ставили на постой в мечетях своих

¹ *Фань Вэньлань*. Новая история Китая. Т. I. Перев. с кит. М., 1955. С. 331.

² *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. II. С. 335.

лошадей, избивали без всяких причин мирных жителей и насиловали женщин¹.

Уже в свою бытность в Восточном Туркестане в октябре 1858 г. Ч. Ч. Валиханов сам наблюдал, как жестоко маньчжуро-китайские войска расправились со всеми, кто хоть в малейшей степени имел отношение к восстанию. Он пишет: «Головы этих казненных в особенных клетках в виде аллей украшают и поныне дорогу в ворота Кашгара»². Почти до самого конца 1858 г. страна оставалась, по словам Валиханова, местом кровавых сцен, пыток и казней. Хлебные поля были вытравлены и на всех пашнях, в садах и огородах паслись табуны кавалерийских лошадей³.

Тем не менее, несмотря на все эти устрашающие меры, в 1861 г. знамя антицинской борьбы вновь было поднято в Восточном Туркестане: киргизы и другие выходцы из Средней Азии («кокандцы»), возглавляемые потомком Джангира, уничтожили маньчжуро-китайский гарнизон одного из цинских пикетов. Обстановка в Восточном Туркестане оставалась напряженной. «Таранчи дошли до крайности и вынуждены были продавать своих жен и детей, чтобы удовлетворить требования маньчжур», — свидетельствовал о бедственном положении жителей Илийского края один из русских людей, посетивших тогда Джунгарию⁴. Находясь в таком особенно безвыходном положении, илийские уйгуры, по словам Ч. Ч. Валиханова, «лишь ждали случая, чтобы поднять восстание»⁵.

Что же касается Восточного Туркестана, то, по наблюдению Ч. Ч. Валиханова, обстановка здесь тоже все более

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 335.

² Там же.

³ Там же. С. 336.

⁴ ЦГИА. Узб. ССР Ф. 11/о. Оп. 3. Д. 73. Л. 34.

⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 361.

обострялась. Он писал: «Народ ненавидит китайцев и поддерживает постоянные восстания и упорную борьбу. Только военные силы и строгие меры могут поддерживать спокойствие»¹. Начавшееся в 1850 г. тайпинское восстание в собственно Китае привело к нарушению его связей с Синьцзяном, что, в частности, лишило цинские власти возможности выплачивать регулярное денежное жалование солдатам и офицерам в здешних гарнизонах. Отмечая этот факт, русский консул в г. Чугучаке К. А. Скачков в своем донесении в Петербург в мае 1861 г. писал: «В Чугучаке решительное безденежье..: Нужда ее (казны. — Авт.) дошла до крайности, особенно в содержании маньчжурских солдат, а о китайском гарнизоне перестали и думать. Теперь уже пять месяцев, как солдаты маньчжуры не получают своего жалования, и уже год, как не видели такого блага здешние чиновники»². Это была одна из причин резкого увеличения поборов с населения Джунгарии и Восточного Туркестана.

Вооруженные, так называемые инспекционные, объезды западных границ, практиковавшиеся цинскими властями Синьцзяна, и набеги в киргизские кочевья маньчжуро-китайцев были настоящим бедствием для народа. Даже служивший в Восточном Туркестане в 1805—1809 гг. Ци Юньши вынужденно признавал, что солдаты и офицеры инспекционного отряда не упускали ни одного повода причинить киргизам «беспокойство», а таким методом нельзя «покорить сердца иноземных варваров»³. Поэтому с первых дней соприкосновения китайской империи с киргизскими племенами после захвата Восточного Туркестана

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. II. С. 361.

² АВПР. Ф. Главный архив, 1—9, 1861 г. Оп. 8. Д. 24. Ч. 1. Л. 18.

³ Ци Юньши. Сичуй яолуе (Сводка важнейших сведений о Западном крае). Шанхай, 1936. С. 49.

Цины, с одной стороны, проводили политику подкупа киргизских старшин и биев, а с другой, — пытались насильственно присоединить киргизские кочевья к территории империи. Эта политика оставалась неизменной в течение второй половины XVIII — первой половины XIX вв. и даже позже. Зачастую внешнеполитические связи Цинской империи с народами Средней Азии и Казахстана строились не как с добрыми соседями, а как с противниками. «Если наше государство хочет привлечь на свою сторону буратов (киргизов), то должно поступать иначе, благотворительностью и доверием, — писал императорский чиновник На Яньчэн богдыхану, — чтобы варвары были привязаны и сами могли длительное время поддерживать безопасность границы»¹.

В конечном счете, официальные цинские власти стали рассматривать киргизские земли по обе стороны рубежей Синьцзяна в качестве буферной зоны, по китайской терминологии — «пинфан», т. е. «заслон» или «бяньцзин» — «рубеж»².

Чтобы обеспечить стабильность границ своих владений, маньчжуры всячески препятствовали образованию сильных государств, могущих представлять угрозу цинским интересам на близлежащих к империи территориях. Всякое сильное государство, владения которого сближались с владениями Цинской империи, рассматривалось маньчжурскими правителями как враждебное или потенциально враждебное. Именно поэтому отношение Цинов к Российскому государству, владения которого примерно с середины XVIII в. сблизились с владениями империи Цин, было постоянно настороженным, а главное, в силу традиционных

¹ На Вэнь-и гун чоухуа Хуйцзян шанхоу ши цзоу и (Доклады На Вэнь-и гуна о ликвидации последствий восстания в Восточном Туркестане), 1834. Гл. 80. Л. 15–16.

² *Гуревич Б. П.* Великоханьский шовинизм. С. 56.

китаецентристских взглядов правящих кругов Китая Россия вначале рассматривалась ими как просто одно из порубежных «даннических государств» Азии.

Итак, факты истории показывают, что Китай, если обратиться к прошлому, не имеет никаких «исторических прав» в Центральной Азии, а тем более — на земли казахского и киргизского народов, ведших многолетнюю упорную борьбу с цинской экспансией в XVIII — середине XIX вв.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

История Восточного Туркестана со времени его насильственного захвата Цинской империей представляет, по сути, историю непрерывных национально-освободительных восстаний местных народов, поддерживаемых киргизами Тянь-Шаня. Острие этого движения было направлено прежде всего против невыносимого гнета ханьских поработителей, за освобождение Восточного Туркестана и восстановление национальной государственности уйгурского народа. Оно всегда находило поддержку и сочувствие со стороны киргизов — западных соседей Восточного Туркестана.

О грабительской политике Китая в Восточном Туркестане писал в конце прошлого столетия английский публицист Д. Боулджер, отмечая, что слово «китаец» приводило в ужас население Центральной Азии¹. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль во взаимоотношениях с Цинской империей казахских и киргизских родоплеменных объединений, которые все чаще стали искать покровительства России.

Цинские власти наряду с насильственным захватом Восточного Туркестана стремились осуществить экспансию даже за его пределами. Они уже тогда объявили

¹ *Boulger D. C. Central Asian questions. Essays of Afghanistan, China and Central Asia. London, 1885. P. 215/*

в одностороннем порядке своей собственностью «джунгарские земли», реально не обладая ими. Поскольку на части «бывших джунгарских земель» издавна проживали киргизы, вернувшиеся на них после гибели Джунгарского ханства, любые попытки продемонстрировать принадлежность этих территорий Цинскому государству правомерно рассматривать как захватнические устремления.

Китайский историк Люй Чжэньюй в свое время, осуждая политику массового уничтожения тюркских народов Синьцзяна маньчжурским императором Цяньлуном, разжигание Цинами национальной розни между тюркскими и другими народами империи, вполне справедливо отмечал: «В результате, при маньчжурском владычестве тюркские народы в экономическом и культурном отношении были отброшены далеко назад»¹. Позже тот же Люй Чжэньюй в статье «Исторические связи Синьцзяна с нашей родиной» пытается обелить карательную политику в Синьцзяне и курит фимиам ее исполнителям за их кровавые злодеяния и чудовищную жестокость при подавлении справедливых антицинских выступлений мусульманских народов в Джунгарии и Восточном Туркестане².

¹ Люй Чжэньюй. Краткая история национальностей Китая. Даянь, 1947. С. 102.

² Миньцзу туаньцзе. 1962, № 2. С. 27–38; См.: Тихвинский С. Л. Маньчжурское владычество в Китае. В одноименном сб. М., 1966. С. 69–70.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР КИРГИЗСКОГО НАРОДА – ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

В ПОИСКАХ НОВЫХ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ В КИТАЙ

Взаимоотношения киргизов с Россией, этапы добровольного вхождения разрозненных кочевых племен в состав великой северной державы достаточно подробно освещены в трудах советских историков Б. Джамгерчинова, А. Хасанова, К. Усенбаева и др. Поиски удобных торговых маршрутов российских купцов на Восток в первой четверти XIX в. привели к более тесным связям России с киргизами, поскольку транзитный торговый тракт пролегал через Тянь-Шань и вел далее в Синьцзян и Индию¹.

Россия в начале XIX в. установила дружественные контакты с казахскими и киргизскими племенами Семиречья и через них пыталась войти в торговые контакты с Китаем. Однако изоляционистская политика Цинской империи вела к тому, что русская торговля здесь оставалась запрещенной местными маньчжурскими властями. «Ныне торговля на границах почти ничтожна, потому что все пути оной пресечены китайским правительством, — отмечал в своем докладе царю министр коммерции Н. П. Румянцев 16 января 1805 г. — В ближайших городах империи сей от границы нашей, как-то: в Чугучаке, Кульдже и про (чих), никому, кроме китайцев и ташкентцев торговать не дозволено, а естественное сплетение китайского торга с российским

¹ Плоских В. Первые киргизско-русские посольские связи. С. 18–31.

в краях сих так необходимо, что производят оную или ташкентцы или киргизские (казахские. — Авт.) султаны, которые и караваны, в Китай отправляемые, называют собственными своими». Министр выдвигал предложение об открытии «торга не токмо в Бухтарме», но «есть ли пожелают китайцы и по всей Иртышской линии»¹.

В связи с этим в начале XIX в. были предприняты попытки с помощью «торговых и коммерческих людей» выяснить возможность налаживания экономических связей России с Синьцзяном. Такими попытками явились поездки в 1808—1811 гг. приказчика купца С. Мадатова Мехти Рафаилова в Кульджу и другие города северо-западного Китая. После его успешных экспедиций командующий войсками Сибирской линии Г. И. Глазенап отправил из Семипалатинска в город Аксу еще один торговый караван².

Маньчжурское правительство, писал академик В. П. Васильев, «всегда дожидается, чтобы его умоляли о позволении торговать; оно всегда дает разрешение на торговлю как на милость, из сострадания к нуждам иностранцев ...Киргизы (казахи), буруты (киргизы), кокандцы, бадахшанцы, все эти новые соседи должны были заискивать расположение Китая. Они не могли обходиться без торговли с ним, а торговлю эту надо было вымалывать; для китайцев она всегда являлась орудием политики»³.

Торговые связи между Россией и Цинской империей через Семипалатинск и Бухтарму все же развивались. По свидетельству Г. И. Глазенапа, в течение трех лет, с 1809 до 1812 г., России удалось «отправлением караванов

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы. Т. II, М., 1964. С. 299—300.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы. Т. VI. М., 1964. С. 160—161.

³ *Васильев В. П.* Две китайские записки о падении Кульджи и занятии ее русскими. — *Русский вестник*, 1872. Т. 99, № 5. С. 156.

с товарами в китайские города Чугучак и Кулжу... увеличить доходы таможенные впятеро»¹. Знаменательно, что и сами цинские власти, не говоря уже о китайском купечестве, начинают проявлять все большую заинтересованность в привозе русских товаров с Сибирской линии. В самой Бухтарме все чаще появляются маньчжурско-китайские чиновники для «вымена русских товаров». Об одном из таких случаев тот же Глазенап детально сообщал в донесении Румянцеву от 30 сентября 1811 г.² Таким образом, оправдался замысел западно-сибирских властей, что с открытием в 1803 г. Бухтарминской таможни на р. Иртыш она станет средоточием русско-китайско-индийской торговли. Торговля из Бухтармы с Китаем частично стала проходить и в другом направлении — через Киргизию.

Ежегодный товарооборот через западно-сибирские таможни с Китаем непрерывно возрастал. Для дальнейшего его расширения командующий Сибирской линией Г. И. Глазенап организовал сбор сведений о южных областях Казахстана и Киргизии, о Восточном Туркестане с целью выяснить возможность открытия нового торгового тракта.

Во время инспекционной поездки осенью 1812 г. в крепости Семипалатинской Глазенап склонил торговавших там купцов снарядить караван для торговли с Кашгаром по новому тракту — через Киргизию. Пять купцов Абдульман Юсупов и др. собрали сравнительно большой караван и в сопровождении отряда казаков сотника Старкова отправились по «затруднительному и прежде неопытному тракту»³.

Караван дошел до кочевий исык-кульских киргизов и был принят биями Шералы, Шапаком и другими. Казаки

¹ Внешняя политика России... Т. VI. С. 310.

² Внешняя политика России... Т. VI. С. 185–188; см. также: Т. VII. М., 1970. С. 392–393.

³ ГАОМО. Т. 6. Оп. I. Д. 2. Л. 14–24.

сотника Старкова явились первым русским отрядом, достигшим киргизских кочевий (хотя в литературе ошибочно относят появление первого русского отряда в Киргизии к 1825 г., а именно, хорунжего Нюхалова). Торговый караван достиг г. Турфана (Уч-Турфана), а затем Аксу и Кашгара, где купцы довольно выгодно сбыли товар. И хотя на подарки казахскому Адиль-султану, киргизскому бию Шапаку, турфанскому амбаню и заместителю г. Аксу ушло несколько тысяч рублей, караван по дороге был ограблен саякским бием и в итоге купцы оказались в убытке¹, новый маршрут все же вызвал интерес.

В августе 1813 г. снаряжается другой караван с товарами на сумму 321 тыс. руб. Его сопровождал тот же сотник Старков. На этот раз поездка прошла вполне благополучно. Киргизы, ожидая явной выгоды от транзитной торговли России с Китаем через их территорию, обязались сами сопровождать купеческие караваны и не брать с них пошлины. Караван возвратился из Кашгара с товаром, состоявшим из ревеня, чая, китайки, шалей индийских, парчи и «многих редких азиатских произведений»². С этого времени начинается более или менее регулярная торговля с Восточным Туркестаном через киргизские кочевья.

Торговые связи России с империей Цин, длительное время осуществлявшиеся лишь сухопутным путем, способствовали возникновению обстановки доверия, которая была естественным следствием равноправных взаимовыгодных деловых контактов. Эта торговля имела важное экономическое значение для обеих стран. Она стимулировала развитие производства продуктов обмена и приносила немалую выгоду государственной казне. Определенное доверие к представителям российской державы в торгово-

¹ ГАОМО. Т. 6. Оп. I. Д. 2. Л. 14–24.

² ГАОМО. Ф. 3. Оп. I. Д. 245. Л. 4–5.

⁷ Том X. В. М. Плоских

экономических связях в дальнейшем было перенесено и на область дипломатических отношений.

На отличительную особенность отношений между Российской и Цинской империями в свое время обратил внимание К. Маркс. В статье «Русская торговля с Китаем» он писал в 1857 г.: «У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане и мы сами лишены привилегии непосредственной связи далее с наместником Кантона, ...русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине... Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь, на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря...»¹.

С перспективой развития русско-китайской торговли в Центральной Азии был связан вопрос о безопасности караванных путей через Семиречье — районы кочевий Старшего казахского жуза и киргизских племен. Этот вопрос вставал всякий раз при снаряжении из Семипалатинска все новых и новых торговых экспедиций в Кульджу, Яркенд, Кашгар, Аксу и другие города. Когда в августе 1813 г. отправился очередной караван Мехти Рафаилова, при нем также был казачий конвой и специальные письма «ко всем киргизским солтанам, старшинам и биям» с призывом «оказывать всякие пособия нашему купечеству» и «обратить промышленность свою на Сибирскую линию». По возвращении этого каравана стало известно о благожелательном отношении представителей феодально-родовой знати Киргизии к России и, кроме того, об их желании отправить своих представителей в Петербург

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 157–158.

«для принесения покорности своей от народа», как сообщал Глазенап Н. П. Румянцеву 14 февраля 1814 г.¹ Российские власти придавали большое значение установлению дружественных отношений с киргизами. Г. И. Глазенап доносил в С.-Петербург в начале 1814 г., после успешного возвращения одного из торговых караванов из Кашгара: «...от восстановления сношений и утверждения дружбы с сими дикими киргисцами, торговля на Сибирской линии придет в цветущее состояние, почерпая богатства из источников Индии, Кашемира и других в смежности лежащих областей»².

Купцы все яснее видели выгоды торговли по новому тракту. Все больше караванов следовало через земли киргизов в Восточный Туркестан. Он был своеобразными воротами, через которые Китай поставлял чай в Россию, Среднюю Азию, Афганистан и др. Торг был так велик, что, по словам Сушина, автора записки «О положении дел в Кашгаре», составленной 6 февраля 1827 г., сюда ежедневно приходило из внутреннего Китая «от 100 до 300 верблюдов»³.

Российские власти пытаются добиться наиболее благоприятных условий в торговле, склоняя казахских и киргизских феодалов на свою сторону, хотя для этого особых усилий и не требовалось — племена сами просили принять их в подданство.

К. В. Нессельроде, российский канцлер, писал Николаю I, что, учитывая добровольное принятие казахами российского подданства, следовало бы воздержаться от обложения их «хотя бы легким ясаком», тем более, что самая

¹ Внешняя политика России... Т. VII. С. 393, 585.

² ЦГИА СССР. Ф. 1263. Оп. I. Д. 58. Л. 456–457.

³ ГАОМО. Ф. 3, Оп. 1, Д. 245, Д. 7; Архив АН СССР. Ф. 2. Оп. 1, (1827). Д. 8. Л. 104.

главная цель — «подчинение сей Большой орды влиянию России для ведения торговли, установления, следовательно, там желаемой тишины и спокойствия, и через это самое установление безопасных торговых путей для распространения торговли с Западным Китаем, в особенности с Кашгарией и с частью Средней Азии»¹.

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

В обстановке постоянной угрозы набегов то со стороны кокандских ханов, то войск маньчжуро-китайских правителей Синьцзяна киргизы все чаще обращают свои взоры в сторону России.

Со второй половины XIX в. правительство России, поддерживавшее освободительное движение киргизов против Кокандского ханства, форсирует освоение южных районов Семиречья, которые входили в состав Киргизии. Это явилось причиной постоянных столкновений русских войск с кокандскими вооруженными силами. В киргизских кочевьях продолжалась тем временем жестокая междоусобица. Так, весной 1848 г. главный манап бугу Боромбай Бекмуратов писал генерал-губернатору Западной Сибири П. Д. Горчакову: «В здешних местах ни со стороны кокандцев ни же китайцев никто, прибыв сюда, ничего не в силах сделать». Обращаясь к русским властям за помощью, он предлагал даже заложить в его кочевьях город².

Такая обстановка в Киргизии использовалась теми же кокандскими феодалами, от набегов которых особенно страдали киргизские племена, проживавшие у озера

¹ Цит. по кн.: *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 134.

² Цит. по кн.: *Джамгерчинов Б.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. С. 139.

Иссык-Куль и в юго-восточной части Ферганской долины. Процесс добровольного перехода большей части населения Северной Киргизии в Российское подданство завершился в середине 50-х годов.

Уже в марте 1852 г. северные киргизы, кочевавшие между реками Чу и Или, обратились к правительству России за покровительством. Признав их права на эти земли, русские власти, однако, воздержались тогда от принятия Северной Киргизии в Российское подданство. 4 сентября 1853 г. с аналогичной просьбой к властям Западной Сибири обращается киргизское население Иссык-Кульской котловины. Они писали, что находятся «...в беспрестанном от окружающих народов страхе, день и ночь опасаются с какой-либо стороны нападения»¹.

Обращение бугинских киргизов, кочевавших от середины долины Иссык-Куля на восток по берегу озера и притокам его до верховьев системы Или и китайской пикетной дороги через перевал Музарт², в Петербурге нашло положительный отклик. Им было предложено направить в Россию депутатов для принесения присяги на подданство. 17 января 1855 г. депутаты иссык-кульских киргизов во главе с манапом Качибекком Шералиным в Омске принесли присягу на подданство России «от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода бугу орды дикокаменных киргизов не подведомственных никакому правительству»³. Главным манапом бугинцев был признан Боромбай Бекмуратов, которому сразу же был присвоен чин подполковника. Подданство России должно было обезопасить бугинцев от нападения со стороны Кокандского

¹ АВПр. Ф. Главный архив, 1–7, 1844–1863 гг. Д. 1. Л. 11.

² Риттер К. Землеведение Азии. Т. II. СПб., 1859. С. 12. Предисловие П. П. Семенова.

³ См.: Джамгерчинов В. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. С. 141.

ханства и Цинской империи, от междоусобной борьбы с другими племенами.

Но результаты подданства сказались не сразу. В 1855 г. бугинцы подверглись нападению со стороны племени сарыбагыш и начали отступать с берегов Иссык-Куля в пограничные с Синьцзяном районы — Каркара и Текеса, где их главный манап Боромбай Бекмуратов запросил у цинских властей помощи, но не получил ее¹. На следующий год по приглашению Боромбая из России была отправлена военно-научная экспедиция во главе с полковником М. М. Хоментовским, в задачу которой входило приведение киргизских племен к присяге на местах, а также съемки озера Иссык-Куль»².

Ч. Ч. Валиханов, принимавший участие в экспедиции М. М. Хоментовского, позже отмечал, что обладание Заилийским краем имело для России большое значение прежде всего для отражения вторжений со стороны Коканда. Одновременно, писал он, с «занятием его упрочивается порядок и спокойствие в Большой орде: приобретается большое влияние на дела с Кокандом и Ташкентом, обеспечиваются торговые пути в эти места, а сближением с дикокаменными киргизами предоставляются виды на открытие торгового пути с Кашгаром, Яркендом, Тибетом и прочими местами Средней Азии»³. Присоединение Заилийского края и принятие русского подданства бугинцами привели к тому, что владения Российской империи уже непосредственно соприкасались с Восточным Туркестаном.

Русское правительство все более активизировало свою политику в Казахстане и в Киргизии. Успехи переселенче-

¹ Семенов П. П. Поездка из укрепления Верное через горный перевал Суок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г. — «Записки РГО». Т. I, 1867. С. 208.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. 715. Оп. 1. Д. 18. Л. 168—169.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. IV. С. 20.

ского движения в Семиречье свидетельствовали о намерении русской администрации прочно включить эти районы в состав Российской империи. Здесь на границе кочевий Старшего жуза и киргизских племен, на перевале Кастек, около урочища Узун-Агач, еще в 1859 г. было основано русское укрепление Кастек. Поскольку к этому времени Цинская империя уже утратила какое-либо влияние на положение дел в Южном Казахстане и Киргизии, то Кокандское ханство выступало тогда главным соперником России.

Столкновение с кокандскими войсками, происшедшее в октябре 1860 г. на границе новых владений России у упомянутого урочища Узун-Агач, закончилось победой русских военных сил. 26 августа 1860 г. двухтысячный отряд полковника И. Э. Циммермана овладевает Токмаком, а затем и Пишпек, который был полностью разрушен. При движении по р. Чу русские распространяли обращение к кочевавшим киргизским и казахским родам, что действия отряда направлены исключительно против кокандцев¹. Продвижение русских войск имело решающее значение для освобождения Семиречья от гнета кокандских ханов. После этого начался массовый уход казахов и киргизов из районов Аулиэ-Ата (ныне Джамбул), Чимкента и Ташкента в районы, присоединенные к России. Вскоре, однако, кокандская крепость Пишпек была вновь отстроена кокандцами, но киргизы уже не желали более подчиняться хану, и подняли восстание. Повстанцам удалось завлечь в западню нового коменданта Пишпека Рахматуллу и уничтожить его вместе с конвоем в 60 человек. Но овладеть крепостью без артиллерии восставшие не смогли. Осадив Пишпек, они послали в Верный гонца за помощью. В октябре 1862 г. начальник Алатавского

¹ Галицкий В. Я. История города Пишпека, 1878–1917. Фрунзе, 1980. С. 27.

округа Г. А. Колпаковский с полуторатысячным отрядом и артиллерией пришел на помощь восставшим киргизам и осадил крепость. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления, кокандский гарнизон сдался. Крепость при помощи киргизских добровольцев была окончательно, теперь уже навсегда разрушена¹. Кокандскому господству в Чуйской долине пришел конец. Киргизские племена добровольно приняли российское подданство.

Тем не менее, правительство цинского Китая все еще стремилось помешать завершению процесса вхождения в состав России Казахстана и Киргизии. Оно снова засылает в казахские и киргизские степи, за линию своих постоянных пикетов, эмиссаров и военные отряды, заигрывает с некоторыми представителями местной феодальной знати и даже предъявляет русским властям ни на чем не основанные территориальные притязания на ряд районов Южного Казахстана и Северной Киргизии, находившихся уже в составе России². В то же время продолжают бесчинства маньчжурских солдат в приграничных киргизских и казахских аилах. В 1862 г. большая группа видных манапов из рода бугу была вынуждена обратиться к русским властям с просьбой оказать им помощь. Они писали: «Сделавшись подданными России, мы надеялись жить спокойными и освобожденными от притеснений китайцев, но они и доныне обижают нас, отнимают у нас стойбища по Текесу, Музарту и Кегену, называя их своими, тогда как земли эти с незапамятных времен, со времен предков наших, всегда были нашей собственностью, а теперь

¹ Галицкий В. Я. История города Пишпека, 1878–1917. Фрунзе, 1980. С. 29–30.

² Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатова в 1859–1860 гг. СПб., 1895. С. 389; Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. СПб., 1912. С. 151–156, 164–172, 214–221.

стали даже царской собственностью, как народа, подданного России»¹.

Укреплению позиций России в Средней Азии продолжало активно противиться и Кокандское ханство, в котором возрастало политическое и экономическое влияние Англии. Здесь, как и в Бухаре, появлялись один за другим британские агенты. Особое беспокойство вызвали у русского правительства известия, что англичане стремятся к освоению водных путей в Средней Азии и уделяют много внимания захвату рынков стран Востока, в том числе сопредельных с Российской империей².

С весны 1863 г. перед русскими властями в Семиречье открылись новые возможности упрочения влияния России в Киргизии. Представители киргизов Центрального Тянь-Шаня из племени черик и саяк, живших к юго-западу от озера Иссык-Куль вплоть до границ Восточного Туркестана, прибыли в Верный и от имени своих соплеменников заявили о желании принести присягу на подданство России. По этому поводу генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель писал 23 апреля 1863 г. в Петербург: «Принятие рода черик в подданство России, по мнению моему, будет для нас выгодно в том отношении, что через распространение на них нашего влияния можно ожидать самых благоприятных последствий, как для спокойствия подвластных России киргизов дикокаменной орды рода богу, так и в видах обеспечения торговых путей в Кашгарию... Притом, с переводом чериков в подданство России, должно ожидать, что и другие роды дикокаменных киргизов, а в особенности сарыбагыши, кочующие в верховьях Кебина и на западной стороне Иссык-Куля, также

¹ АВПр. Ф. Главный архив, 1–9, 1862. Оп. 8. Д. 24. Ч. 1. Л. 453–454.

² Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 152.

последуют их примеру и тогда окончательно распространится решительное влияние России над сими племенами до самых пределов Кашгарии. Но, с другой стороны, принятие рода черик в подданство России налагает на нас некоторые обязательства оказывать им вооруженную защиту и покровительство от притеснений, как соседних племен, так и самих кокандцев»¹.

Русское правительство принимает решение провести рекогносцировку «пространства, разделяющего Сырдарьинскую линию и Заилийский край», и весной 1863 г. отправляет одновременно несколько военных отрядов в направлении г. Туркестана (во главе с полковником М. Г. Черняевым), Пишпека и Аулие-Ата (во главе с полковником Лерхом и капитаном Проценко.). Последний отряд, названный «кашгарским», должен был пройти через Центральный Тянь-Шань и «исследовать пути, ведущие из Заилийского края в Кашгар»². Он прошел из Кастека по ущелью Боом к озеру Иссык-Куль, а оттуда через Кызартский перевал в долину р. Нарын, где и овладел кокандской крепостью Джумгал. Затем отряд Проценко без боя взял главную кокандскую цитадель на Тянь-Шане крепость Куртку, что произвело сильное впечатление на всех тянь-шаньских киргизов и еще больше уронило в их глазах престиж Кокандского ханства.

13 октября 1863 г. в Омске депутация киргизов Центрального Тянь-Шаня из племени черик принесла присягу на подданство Российской империи. Текст присяги гласил: «Мы, доверенные от манапов, биев и прочих родоначальников и старшин рода черик., не подведомственных никакому правительству, обещаем и клянемся..., что род черик хочет верным добрым послушным и вечно подданным быть

¹ АВПР. Ф. Главный архив, 1–7, 1844–1863 гг. Оп. 8. Д. 2. Л. 2.

² АВПР. Ф. Главный архив, 1–9, 1862–1864 гг. Оп. 8. Д. 15. Л. 102.

и никогда без высочайшего е. и. в. соизволения и указа в чужестранную службу не вступать»¹.

Юридические акты добровольного подданства киргизов способствовали распространению влияния России на всей территории Северной Киргизии. Осенью того же года на берегах Иссык-Куля впервые остался на зимовку отряд русских войск. Несколько позже (ноябрь 1863 г.) решением царского правительства казахи Старшего жуза, составлявшие Алатавский округ, были переданы «из заведывания Министерством иностранных дел» в ведомство генерал-губернатора Западной Сибири, что означало уже окончательное включение Южного и Юго-Восточного Казахстана в состав Российской империи.

Тем временем вся обстановка в Средней Азии изменяется. Ослабленное внутренними междоусобицами, Кокандское ханство уже было не в состоянии противостоять России. За короткий срок, в течение августа – сентября 1864 г. русским войскам удалось овладеть всей Чуйской долиной и крепостями Мерке, Аулиэ-Ата, городами Туркестаном и Чимкентом. Это означало завершение процесса соединения Сибирской и Сырдарьинской линий и окончательного упрочения господства России в Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине.

Успехи политики России в Казахстане и в Средней Азии, приближение ее новых владений к границам Цинской империи в Азии вызывали необходимость решения различных межгосударственных вопросов и, в частности, установления русско-китайской границы в Центральной Азии.

¹ Цит. по кн.: *Джамгерчинов Б.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. С. 269.

НАЧАЛО РУССКО-КИТАЙСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Во взаимоотношениях между Россией и Китаем существовали некоторые неурегулированные проблемы, мешавшие укреплению добрососедских отношений двух государств. Одной из наиболее важных оставалась проблема территориального размежевания.

Вхождение в 40–60-х гг. XIX в. в состав России всех казахских жузов, а затем земель Северной Киргизии сблизило владения Российской и Цинской империй на большом протяжении. Так возникла необходимость установления четкой границы между двумя державами.

В отличие от России, в состав которой добровольно вошли киргизские и часть казахских племен, цинский Китай основную ставку в своей политике в Центральной Азии делал на вооруженную силу. Свои военные удары маньчжуры направляли тогда не только против монгольских княжеств, русских поселений на Амуре, против Джунгарии и Восточного Туркестана, но и против Тибета, Непала, Вьетнама, Бирмы и других территорий. Завоевав на крайнем Западе Джунгарию и Восточный Туркестан, маньчжуры включили их в состав Цинской империи, создали здесь свой западный военный форпост и подошли к границам России, угрожая независимости казахов и тянь-шаньских киргизов.

Уже в ходе установления первых контактов между Россией и цинским Китаем обнаружился великодержавный, китаеццентристский подход цинского правительства к взаимоотношениям со своим северным соседом. Россия рассматривалась богдыханом всего лишь как порубежное данническое государство, что, естественно, препятствовало дальнейшему развитию связей между государствами. Цинские власти, придерживаясь изоляционистского курса, стремились сохранить монопольное господство своей династии над китайскими и другими покоренными народами

страны. По мнению некоторых китайских историков, в начале XIX в. изоляционистская политика богдыханских властей, несомненно, играла реакционную роль, «будучи орудием господства немногочисленной маньчжурской аристократии над национальностями Китая»¹. «Принадлежит к чужеземной расе, — писал В. П. Васильев о цинском правительстве, — оно смотрело на огромные и разнообразные страны: Монголию, Цзюнгарию, Туркестан, Тибет и Китай, как на свою добычу, и с жадностью следило, чтобы оградить эти страны от всякого соприкосновения с остальным миром. ...Мы видим, что Туркестан, начиная от Кашгара до Хомула со II века до Р. Х., был естественной дорогой из Персии, Рима, Византии и Халифата в Китай. Нынешнее правительство заградило этот путь, как скоро овладело Туркестаном»².

В Джунгарии и Восточном Туркестане маньчжуры все время чувствовали себя, как на вулкане. «Положение дела внутри Китая и шаткое положение маньчжурской династии известно туземцам Западного края, и они с нетерпением ожидают избавления от ига неверных»³, — констатировал один из русских наблюдателей обстановки, сложившейся в Синьцзяне.

Система жестокого национального угнетения и феодальной эксплуатации вызывала непрерывное возмущение не-китайского населения края. Одно за другим вспыхивают мощные восстания, перераставшие в подлинные всенародные войны, которые подтачивали устои Цинской империи и свидетельствовали о нежелании народов Джунгарии и Восточного Туркестана признавать его господство.

¹ Дай И. Современная история Китая. Пекин, 1958. С. 58. (на кит. яз.).

² Васильев В. П. Открытие Китая. СПб., 1900. С. 4–5.

³ ЦГВИА. Ф. 144. Оп. 1. Д. 65. Л. 57.

К середине XIX в. маньчжурские власти уже начали испытывать серьезное беспокойство за прочность режима в своих владениях. Так называемая первая «опиумная война» 1839–1842 гг. положила начало превращению цинского Китая в полуколонию капиталистических держав. Империя Цин из государства-агрессора превращается в государство, важнейшей заботой которого становится удержание уже захваченных чужих земель.

Не могло быть сомнений, что конфликт с такой страной, как Россия, в сложившихся условиях мог быть чреват для маньчжурской династии большими осложнениями. Теперь цинский двор вынужден искать поддержку даже у государства, которое прежде являлось объектом его экспансионистских устремлений. Проблемы взаимоотношений с Россией выглядят уже в ином свете. Теперь маньчжуры были вынуждены вести себя по-другому на переговорах с русскими, не допускать грубый, бесцеремонный нажим и диктат, опирающийся на угрозу применения вооруженной силы.

Успехи политики России в Казахстане и в Средней Азии, а также сложное внутривосточное положение Цинской империи, где не прекращались антиманьчжурские выступления, вылившиеся в конце концов в мощное антифеодальное движение тайпинов, дали возможность русскому правительству добиться нормализации русско-китайских отношений в Центральной Азии и открытия для русской торговли Синьцзяна.

Благодаря, главным образом, настойчивости русских дипломатов, контакты по этому вопросу активизировались. Но успеху переговоров сильно препятствовали два обстоятельства: позиция ряда высших чиновников цинского двора и влияние Англии. Отдельные цинские сановники все еще продолжали мыслить отжившими понятиями о всемогуществе империи и пытались при переговорах с представителями России применять тон диктата. Естественно, это только осложняло ход переговоров.

В 1851 г. российский дипломат полковник Е. П. Ковалевский и генерал-губернатор Илийского края И Шань подписали в Кульдже торговый договор, по которому Россия получила право на устройство в Кульдже и Чугучаке торговых факторий и назначила туда консулов. По Кульджиискому договору разрешение мелких конфликтов между китайскими и русскими подданными на местах возлагалось на русского консула и маньчжуро-цинских чиновников¹. По существу русско-китайский Кульджинский договор 1851 г., как подметил еще Г. Е. Грумм-Гржимайло, уже содержал отказ Цинской империи от притязаний на территорию Казахстана и Киргизии².

Русское правительство занимало в китайском вопросе политику, отличную от политики Англии и Франции, развязавших в 1856 г. вторую «опиумную» войну против Китая. На особый характер русско-китайских отношений обращают внимание некоторые современные исследователи. Так, известный индийский дипломат и ученый К. М. Панниккар писал: «Политика западных государств (в отношении Китая. — Авт.), строилась на основе исторических традиций, создаваемых Англией и Францией. Политика России отличалась от политики этих государств... Россия никогда не была замешана в навязывании Китаю торговли опиумом и в торговле людьми (кули. — Авт.), которая вызывала решительный протест как народа, так и правительства Китая и причиняла Китаю невероятные унижения»³.

Тем временем, в условиях нараставшей угрозы Китаю со стороны англо-французских и американских колонизаторов

¹ История дипломатии. Т. I. М., 1959. С. 638.

² *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 730.

³ *Panikkar K. M.* Asia and Western Dominance. London, 1959. P. 180, 182.

правлящие круги Цинской империи были заинтересованы в укреплении отношений с Россией. Подчинение Китая влиянию Англии и Франции было невыгодно для России, а потому прибывший тогда на Дальний Восток русский посланник П. П. Игнатьев старался ослабить их давление на цинское правительство, которое справедливо видело в России противовес западноевропейским государствам. Так, в начале 1858 г., то есть уже в разгар второй «опиумной» войны, китайский император Сяньфын в одном из своих указов отмечал: «Русские — это та страна, с которой мы более ста лет имели дружественные отношения, и тем более нельзя отвергать (их предложения)»¹. Это дало возможность царскому правительству разрешить ряд назревших вопросов русско-китайских отношений и прежде всего вопросов территориального размежевания с Китаем не только на Дальнем Востоке, но и в Центральной Азии.

2 (14) ноября 1860 г. Н. П. Игнатьев и цинский уполномоченный Гун подписали Пекинский договор, который, наряду с окончательным решением вопроса о русско-китайской границе на Дальнем Востоке, наметил, с учетом реального положения России и цинского Китая в Центральной Азии, линию будущей русско-китайской границы в этих районах. Предусматривалось, что от перевала Шабин-Дабага на большом Саянском хребте, последнего западного ориентира, установленного Хянтинским договором 1727 г., линия границы двух государств, «следуя направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов», пройдет на юго-запад до озера Зайсан, далее до хребта Тэнгэри-Шань к югу от озера Иссык-Куль и по этим горам до владений Кокандского ханства².

¹ Чоубань и у шимо. Сяньфын чао (Ведение дел с варварами в эпоху Цин. Период-Сяньфын). Пекин, 1930. Цз. 20. Л. 25 об.

² Русско-китайские отношения 1689—1916 гг. Официальные документы. М., 1958. С. 35.

Согласно условиям Пекинского договора расширились возможности для русской торговли в Синьцзяне: помимо Кульджи и Чугучака на тех же самых основаниях открылась торговля в Кашгаре. Предусматривалось, что «как русские в Китае, так и китайские подданные в России, в местах, открытых для торговли, могут заниматься торговыми делами совершенно свободно, без всяких стеснений со стороны местного начальства». Обе стороны в связи с этим могли на основе взаимности открыть новые консульства¹.

Так как Пекинский договор 1860 г. наметил направление границы в Центральной Азии лишь в общих чертах, то в конце 1861 г. в Чугучаке начались русско-китайские переговоры о ее конкретизации. Представители цинского правительства пытались воспользоваться тем обстоятельством, что в китайском тексте договора была допущена опечатка (пропущен один иероглиф — «юг» в сочетании «юго-запад»), и потребовали, вопреки очевидным географическим ориентирам, делимитировавшим границу, изменить ее направление и вести не на юго-запад, а на запад. На этом «основании» и строились притязания цинских дипломатов на огромные территории Казахстана. Одновременно маньчжуро-китайской стороной была сделана попытка настаивать на проведении границы с учетом пикетов, которые временами выдвигались за линию постоянных пикетов на рубежах Синьцзяна², что должно было дать цинскому правительству «основание» для притязаний на земли Киргизии и Казахстана.

Русской дипломатии удалось отвести все эти необоснованные претензии. Переговоры завершились 25 сентября

¹ Русско-китайские отношения 1689–1916 гг. Официальные документы. М., 1958. С. 36, 37.

² Яснев В. С., Кручинин А. Г. Правда о территориальном размежевании между Россией и Китаем. Проблемы Дальнего Востока, 1980. № 2. С. 166.

⁸ Том X. В. М. Плоских

1864 г. подписанием Чугучакского протокола об установлении русско-китайской границы от Алтая до Памира с учетом естественных рубежей в зависимости от реального местоположения сторон¹. Это означало, между прочим, что к России отмежевывались земли Северной Киргизии. Отмечая данный момент, русские уполномоченные на переговорах в Чугучаке И. И. Захаров и И. Ф. Бабков писали тогда в своем донесении в Петербург: «Озеро Иссык-Куль, бассейн реки Нарын, составляющей верховье Сыр-Дарьи, открывают нам возможность пути в Кашгар и устраняют возможность вмешательства китайцев при развитии видов наших на этот край»².

Таким образом, Чугучакский протокол 1864 г. закреплял фактическое положение, которое сложилось в результате вхождения в состав России Казахстана и ряда районов Киргизии. Это сопровождалось эффективным хозяйственным освоением русскими переселенцами Прииртышья и Семиречья, и отличалось от маньчжуро-китайской колонизации Синьцзяна, который продолжал оставаться для цинского правительства прежде всего военным форпостом со всеми вытекающими из такого положения особенностями управления и т. д. Наряду с этим следует также отметить, что в отличие от методов цинского Китая, территориальные приобретения России по Чугучакскому протоколу были сделаны не путем единовременных вооруженных захватов, а вытекали из самого исторического процесса присоединения Казахстана и Средней Азии, т. е. земель, которые отнюдь не являлись территориями Китая. Однако из-за усложнившейся обстановки в Синьцзяне, где

¹ Яснев В. С., Кручинин А. Г. Правда о территориальном размежевании между Россией и Китаем. Проблемы Дальнего Востока, 1980. № 2. С. 166.

² АВПР. Ф. Главный архив, 1–9, 1861 г. Оп. 8. Ч. 3 (1863–1864 гг.). Л. 197.

обострился кризис национально-колониальной политики цинского правительства, реализация условий Пекинского договора и Чугучакского протокола была тогда для России и Китая невозможной.

ДУНГАНО-УЙГУРСКОЕ ВОССТАНИЕ В СИНЬЦЗЯНЕ В 1864—1878 ГГ.

В начале 60-х годов в Синьцзяне назревает новый взрыв освободительной антицинской борьбы некитайских народов, в большинстве мусульманского вероисповедания. Они по-прежнему страдали от жестокого национального и колониального гнета со стороны маньчжуро-китайских властей. Начавшееся в 1862 г. антицинское восстание дунган в провинциях Шэньси и Ганьсу, будучи отзвуком тайпинского восстания во внутренних районах Китая, в 1864 г. перекинулось в Синьцзян¹. Здесь под флагом религиозной войны мусульман против «неверных китайцев» поднялись уйгуры и дунгане, которых поддержали казахи и киргизы. Так, например, проживавшие в районе Кульджи казахи племени атабан приняли активное участие в борьбе за город на стороне повстанцев², а казахи рода мамбет из племени байджигит вместе с дунганами и уйгурами участвовали в восстании в Чугучаке³. Под влиянием мусульманских агитаторов сотни казахов и киргизов переходили из Казахстана и Средней Азии в Джунгарию

¹ Сушанло М. Дунганское восстание второй половины XIX в. и роль в нем Бай Янь-ху. Фрунзе, 1959.

² Костенко Л. Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк. СПб., 1887. С. 103.

³ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. — Живая старина. Вып. 3, 4. СПб., 1896. С. 375.

и Восточный Туркестан, становясь там участниками антицинской борьбы¹.

Убедившись в своей бессилии, маньчжурская администрация Синьцзяна неоднократно обращалась к русским властям Туркестана за военной помощью. Этот вопрос обсуждался цинскими сановниками с русскими дипломатами в Пекине². Однако русское правительство, занятое борьбой с Кокандским ханством и не располагавшее тогда достаточными силами в Казахстане, воздержалось от вмешательства в дела Синьцзяна.

События в Восточном Туркестане вовлекли в антицинскую борьбу кочевавшие в районе города Кашгара киргизские племена. Они даже сумели захватить власть в городе. Здесь обосновался глава одного из этих племен Саддыкбек. Однако, поскольку среди уйгурского населения Восточного Туркестана все еще большой популярностью пользовались потомки ходжей, эмигрировавшие в Среднюю Азию, Саддыкбек был вынужден обратиться к тогдашнему правителю Кокандского ханства регенту киргиз-кипчаку Алымкулу с просьбой направить в Кашгар одного из таких потомков — Бузрук-ходжу.

Рассчитывая использовать Бузрук-ходжу для восстановления влияния Кокандского ханства в Восточном Туркестане, Алымкул согласился удовлетворить просьбу Саддыкбека и в начале 1865 г. ходжа в сопровождении отряда кокандских войск прибыл в Кашгар, где был вскоре объявлен ханом³. Отрядом, сопровождавшим Бузрук-ходжу, командовал умный и энергичный узбек Мохаммед Якуб-бек, в руки

¹ *Аристов Н. А.* Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. II. СПб., 1873. С. 170–182.

² ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 35. Св. 894. Л. 3, 5, 19–20.

³ *Куропаткин А. Н.* Кашгария. Историко-географический очерк, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 135.

которого попадает затем вся власть в Кашгаре, а ходжа удаляется на «богомолье» в Мекку.

Успех дунгано-уйгурского восстания привел к тому, что военно-бюрократическая машина маньчжуро-китайского господства в Синьцзяне была потрясена до основания. Здесь образовалось несколько независимых феодально-теократических владений: Йэттишар с центром в Кашгаре, Таранчинское ханство с центром в Кульдже и Дунганский султанат с центром в Урумчи. Наиболее крупным и сильным был Йэттишар, занимавший большую часть Восточного Туркестана. Однако Якуб-бек, который объединил под своей властью уйгурские владения этого края в одно государство, в то же время начинает борьбу с дунганами, стремясь подчинить себе их султанат, а также вторгается в пограничные с Восточным Туркестаном районы Киргизии и даже собирает войска для похода в район озера Иссык-Куль и на р Чу¹. Позже правитель Йэттишара насильно включает в состав своих владений Сарыкол и некоторые другие киргизские земли, ранее бывшие под контролем Кокандского ханства², все более ослабевавшего в результате внутренних междоусобиц и сопротивления покоренных им народов. Эта политика Якуб-бека, за спиной которого стояла Англия, вызывала растущее беспокойство в правящих кругах России³.

Тем временем, правитель Йэттишара начинает все более открыто вмешиваться в дела принарынских киргизов. Несмотря на то, что племя черик, кочевавшее к югу от р. Нарын по течению Кокшала, Аксяя и Атбаши, до самого Кашгара, приняло в 1863 г. российское подданство,

¹ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956. С. 210.

² Ша Р. Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара. СПб., 1872. С. 56–57.

³ Нарочницкий А. Л. Указ. соч. С. 211–212.

положение его оставалось сложным: одна часть чериков продолжала еще платить «закят» Кокандскому ханству, а другая — чиновникам Якуб-бека, который вообще потребовал, чтобы черики отказались от российского подданства и прикочевали к Кашгару¹. Это побудило чериков в начале 1868 г. обратиться к начальнику Алатавского округа Г. А. Колпаковскому с просьбой выслать снова в Нарынский край русский военный отряд². Он прибыл сюда в мае того же года и его командир полковник Краевский сразу же обратился к Якуб-беку с письмом, содержащим призыв к миру. Он объявлял о намерении создать на р. Нарыне военные укрепления с целью обеспечения безопасности русских и кашгарских торговых караванов³. Эти укрепления — Нарын и Каракол были заложены в том же 1868 г., что окончательно упрочило положение России в Северной Киргизии.

Уже ясно осознавая бесперспективность своих планов расширения территории Йэттишар за счет Семиреченской области, Якуб-бек обращает свое внимание на северо-западные границы Восточного Туркестана с Кокандским ханством. Пользуясь трудностью положения Кокандского ханства, ослабленного антифеодальными народными восстаниями и сопротивлением покоренных им народов, он снова начинает отодвигать его рубежи. Так, кокандская граница, проходившая через Кургашинокани (Восточный Туркестан), примерно в ста километрах от Кашгара, была теперь передвинута Якуб-беком сперва до Уксалыра, а затем до Улугчата, где он построил укрепление⁴.

¹ Хасанов А. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50–70-х годах XIX века. Фрунзе, 1961. С. 37–38, 89–96

² Там же. С. 36–37.

³ ЦГВИА. Ф. ВУА(с). Оп. 2. Д. 6. Л. 120.

⁴ Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 148.

Не довольствуясь этим, кашгарский правитель далее занял кокандские укрепления Награ-чалды, Егин и, наконец Иркештам¹. Передовые посты его выдвинулись даже в укрепления Нура и Ойтал на пути в Фергану. Однако дальнейшее расширение Йэттишара за счет Кокандского ханства и здесь было приостановлено Россией.

Стремление Англии подчинить своему влиянию государство Йэттишар становилось все более настойчивым², но Якуб-бек, играя на англо-русских противоречиях в Центральной Азии, сохранял независимость своей политики. Овладев землями Дунганского султаната, он планировал затем подчинить себе также Таранчинское ханство, занимавшее важную в стратегическом и экономическом отношениях долину р. Или. «Носятся слухи, что Якуб-бек замышляет овладеть Илийской провинцией и в этом нет ничего невероятного, — сообщал тогда директор Азиатского департамента МИД России П. Н. Стремоухов в военное министерство, — однако для нас... этот исход дела был бы крайне невыгодным, ибо из отчетов английских путешественников и купцов мы знаем, что индийская торговля делает быстрые успехи в Восточном Туркестане и пользуется покровительством Алты-шаара (т. е. государства Якуб-бека. — Авт.). Едва ли может подлежать сомнению, что распространение его владений к северу от Тянь-Шаня будет равносильно распространению английской торговли во всех местностях Среднего Китая, которые при благоприятных обстоятельствах представляли бы свои рынки

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И. 1. Оп. 2. Д. 171. Л. 135; *Куропаткин А. Н.* Указ соч. С. 148.

² *Ахметжанов А.* Агрессивные устремления английского капитализма в Западном Китае в 60–70 гг. XIX в. — Ученые записки Алма-Атинского государственного пединститута им. Абая. Т. XI/I. Алма-Ата, 1956.

исключительно русской предприимчивости»¹. Это, как и соображения военно-политического характера, вынудили правительство России перейти к активным действиям в отношении событий в Синьцзяне.

22 июня 1871 г. русские войска при поддержке казахов-волонтеров почти без сопротивления заняли Илийский край (с центром в Кульдже). Фактический контроль над этим важным районом обеспечивал русскому правительству возможность контролировать ситуацию близ владений России в Казахстане и Средней Азии. Однако вместе с тем, как видно из материалов Особого совещания в Петербурге в апреле того же года, занятие русскими войсками Илийского края рассматривалось в качестве временной меры, которая должна была помочь цинским властям в борьбе с восстанием в Синьцзяне².

Хотя государство Йэттишар являлось типичной восточной деспотией, выражавшей прежде всего интересы военно-феодальной верхушки и мусульманского духовенства, Якуб-бек осуществил здесь ряд важных реформ. Он конфисковал в пользу казны земли уйгурских феодалов, связанных в прошлом с цинскими властями или оказавших ему сопротивление, отказался делать отчисления в пользу Коканда с таможенных сборов, производимых с иностранных купцов. Затем он поначалу несколько уменьшил налоговое бремя, которое несло население Восточного Туркестана. Однако, провозгласив панисламизм своей идеологией, Якуб-бек начал самыми жестокими мерами внедрять в жизнь народа нормы шариата и притеснять всех «неверных».

Рассчитывая задушить освободительную борьбу некитайских народов Синьцзяна, цинское правительство к середине 70-х годов направило туда огромную карательную армию

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6828. Л. 117.

² ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 258/908, 1871 г. Д. 18. Л. 127–128.

во главе с генералом Цзо Цзунтаном — одним из палачей тайпинского восстания. Правящие маньчжуро-китайские круги рассматривали этот поход как «историческую миссию династии» на северо-западе, которая должна была быть выполнена любой ценой¹. Опубликованные позже записки Цзо Цзунтана, начавшего свой путь в Синьцзяне через провинции Шэньси и Ганьсу, изобилуют описаниями сцен бесчеловечных расправ над дунганским населением². По свидетельству одного из китайских историков, еще до начала своего похода Цзо Цзунтан заявил, что «без большого превосходства сил и без беспощадных убийств невозможно умиротворение мусульман»³. Путь маньчжуро-китайских карателей был дорогой разрушений и разбоя, последствия которых, как отмечал в свое время известный китайский историк Фань Вэньлань, вызывали беспокойство даже самого цинского правительства⁴. Описывая зверства солдат и офицеров армии Цзо Цзунтана, другой китайский автор Люй Чжэньюй замечал: «Все постройки сжигались, скот и имущество подвергались разграблению, а жители без различия пола и возраста убивались. Везде валялись трупы и лилась рекой кровь»⁵.

Трудности государства Йэттишар, вызванные необходимостью иметь относительно большую армию в преддверье неизбежного столкновения с военными силами Цинской

¹ Циньдин пиндин Шань Гань Синьцзян хуэйфэн фанлюе (Высочайше утвержденное описание истории подавления мусульманских народов в провинциях Шэньси, Ганьсу и Синьцзян). Пекин, 1896. Цз. 134. Л. 21—24.

² *Цзо Цзунтан*. Цзо Вэньсян гун цюаньцзи (Полное собрание сочинений Цзо Цзунтана). Т. VI, Тайбэй, 1968. С. 4556.

³ *Ма Сяоши*. Сибэй цуэйцзу гэмин цзяньши (Краткая история народов Северо-Западного Китая). Шанхай, 1951. С. 38.

⁴ *Фань Вэньлань*. Новая история Китая. Т. I. М., 1956. С. 252.

⁵ ЦГИА СССР. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3. Л. 5.

империи, и начавшееся наступление этих сил в Синьцзяне вызвали охлаждение в англо-кашгарских отношениях. Это было также связано с признанием кокандским ханом своей зависимости от русского правительства, а затем и присоединением Кокандского ханства к России в 1876 г., что сужало возможности для происков Англии в Средней Азии. Таковы были причины, побуждавшие Якуб-бека добиваться нормализации его взаимоотношений с Петербургом. Одним из главных вопросов здесь становится территориальный, ибо после ликвидации Кокандского ханства правительство России считало себя преемником его прав и на этом основании часть территории бывшего ханства, включая южные районы Киргизии, была преобразована в Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства. Первым военным губернатором Ферганской области был назначен генерал-майор Скобелев¹, впоследствии герой Шипки.

21 марта 1876 г. отряд русских войск под командованием М. Д. Скобелева прибыл в Алайскую долину, где был встречен родоначальниками киргизов (племени монгуш и адыгине), изъявившими желание принять подданство России².

Несмотря на имевшие место несколько столкновений русских военных отрядов с киргизами, в целом эта экспедиция, как и другая, следовавшая летом того же года, завершилась установлением добрососедских отношений русских властей с большинством киргизских родоправителей. Дело в том, что с началом широких народных движений в Кокандском ханстве, еще с 1873 г., восставшие против ханского гнета южные киргизы неоднократно обращались к туркестанским властям с просьбой о покровительстве

¹ Люй Чжэньюй. Чжунго миньцзу цзяньши (Краткая история народов Китая). Пекин, 1951. С. 117.

² АВПР. Ф. Главный, архив, 1–9, 1877 г. Д. 22. Л. 189.

и принятии их в российское подданство¹. Но это стало реальным лишь с падением Кокандского ханства и приходом русских войск в глубь киргизских кочевий. 31 июля 1876 г. в расположение русского лагеря на Алае приехала группа знатных киргизов, выразивших от имени своих соплеменников желание принять подданство России².

Оценив трезво обстановку, согласилась на встречу с М. Д. Скобелевым и самая влиятельная из киргизских родоправителей «царица» Алая Курбанджан-датха. В сопровождении большой свиты она прибыла в его ставку. Скобелев любезно принял датху, обещал ей и сыновьям безопасность и призвал их к мирной жизни. Курбанджан обещала Скобелеву, что «мир и тишина будут царить в долине Алая, пока живет она на свете»³. С этого времени весь Алай с кочевавшими там многочисленными киргизскими племенами вошел в состав России.

Таким образом, в результате падения Кокандского ханства в состав Российской империи вошла не только Ферганская долина, но и Южная Киргизия. Отныне русские владения непосредственно граничили с государством Йэттишар на значительном пространстве. Это уже ставило перед русскими властями вопрос о необходимости размежевания Ферганской области с владениями Якуб-бека: 2 октября 1876 г. для встречи с правителем Йэттишара в Кашгар прибыло русское посольство во главе с капитаном А. Н. Куропаткиным. Переговоры с кашгарским правителем состоялись в конце января следующего года. Якуб-бек выразил готовность вернуть почти все захваченные им киргизские

¹ Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977. С. 51; Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. С. 312–313.

² Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. С. 327–328.

³ См.: Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией. С. 172.

земли¹. Окончательное решение вопроса было перенесено в Ташкент, куда для дальнейших переговоров выехал специальный кашгарский посланник Тураб-ходжа, с которым в мае 1877 г. была достигнута договоренность о разграничении Ферганской области с Восточным Туркестаном на основе заверений, данных Якуб-беком А. Н. Куропаткину².

ЗАВЕРШЕНИЕ КАРАТЕЛЬНОГО ПОХОДА ЦЗО ЦЗУНТАНА И БЕГСТВО ДУНГАН В ПРЕДЕЛЫ РОССИИ

В апреле 1877 г. Цзо Цзунтан отдал приказ о движении маньчжуро-китайских карательных сил в Восточный Туркестан, куда они выступили двумя колоннами — одна из Урумчи, другая из Хами и Баркуля. Нерешительность Якуб-бека и его стремление любой ценой договориться с маньчжуро-китайскими завоевателями способствовали их быстрым победам³. Положение не могли спасти пришедшие на помощь правителю Йэттишара дунганские повстанцы во главе с выдающимся организатором антицинской борьбы в Синьцзяне Бай Янь-ху⁴.

Смерть Якуб-бека летом 1877 г. еще более усложнила положение государства Йэттишар. Началась полоса междоусобиц: сначала власть перешла в руки младшего сына Якуб-бека — Хак-Кули-бека, который стремился закрепиться в Хотане, затем после его гибели во главе

¹ Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк. С. 12.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И. 1. Оп. 34. Д. 218. Л. 18—19.

³ Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX в.). М., 1979. С. 91—92.

⁴ См.: Сушанло М. Дунганское восстание во второй половине XIX в. и роль в нем Бай Янь-ху. Фрунзе, 1959. С. 97—98.

государства стал старший сын Якуб-бека — Бек-Кули. Он сравнительно быстро сумел подавить вспыхнувшее было сопротивление уйгурских феодалов-сепаратистов, которые попытались захватить власть в различных районах Восточного Туркестана.

Тем не менее, с осени 1877 г. маньчжуро-китайские каратели перенесли уже свои операции в районы Южного Притяньшанья и бассейна р. Тарим. 7 октября цинские войска захватили Карашар, который обороняли кашгарские силы и отряды Бай Янь-ху. Несмотря на ожесточенное сопротивление дунгано-уйгурских повстанцев, каратели в течение того же месяца овладели городами Курля, Кучар, Аксу и Уч-Турфан (Уш), а 17 декабря 1877 г. пала столица государства Йэйтишар Кашгар. Затем до конца года войска Цзо Цзунтана вступили и Яркенд, Хотан и Янги-Гиссар. Правитель Бек-Кули-бек вместе с остатками верных ему людей перешел в пределы Российской империи — в Ферганскую область.

В конце 1877 и начале 1878 гг. еще продолжалась борьба между карателями и отрядами дунгано-уйгурских повстанцев, но в конце 1878 г. маньчжуро-китайские войска овладели всей территорией Восточного Туркестана.

Свирепая расправа Цзо Цзунтана не только над активными участниками дунгано-уйгурского восстания, но и над мирным населением Синьцзяна вызвала бегство из Китая в Россию тысяч людей. Общее число беженцев, по некоторым данным, составляло свыше 10 тыс. человек, в их числе несколько больших групп дунган¹, двинувшихся к русской границе после падения Уч-Турфана и Аксу. За ними в погоню устремились карательные отряды цинского генерала Лю Цзиньтана. Переход дунганских беженцев в Россию совершался в конце 1877 г. в очень тяжелых зимних

¹ ЦГИА Узб. ССР. Ф. 2(с). Оп. 3. Д. 354. Л. 8—9.

условиях: приходилось преодолевать высокогорные снеговые перевалы, непроходимые в зимнее время. Среди беженцев были старики, женщины, и дети. Одна из групп дунган пришла во главе с Бай Янь-ху в укрепление Нарын¹. Ф. Поярков писал об этом со слов очевидцев: «...когда уже день склонялся к вечеру, в укрепление Нарын, утопая по пояс в снегу, совершенно неожиданно прибыла толпа людей обоего пола и всякого возраста, начиная от трудных младенцев и кончая восьмидесятилетними стариками... Прибывшие поистине являли собою вид ужасный, у многих из них были отморожены руки и ноги, более счастливыми считали себя те, кто поплатился легким озноблением лица и ушей; у других рядом с свежими и широкими рубцами были видны такие же новые, еще не зажившие и гноящиеся раны; судя по форме последних, они причинены были самым разнообразным и разнохарактерным оружием... Ужас и отчаяние читались на лицах прибывших... улицы всегда глухого и пустынного небольшого укрепления Нарына огласились вдруг тысячами душу раздирающих воплей...»².

Русские власти и местное киргизское население с сочувствием встретили дунганских беженцев и оказали им всяческую помощь, что спасло тысячи людей от смерти. Затем все они были расселены в Семиречье, где получили возможность жить в мирных условиях. Однако на протяжении еще ряда лет цинское правительство неоднократно требовало от русских властей выдачи дунганских предводителей и прежде всего Бай Янь-ху, считая его, не без основания, одним из виднейших участников антицинской борьбы. Так, в донесении русского посланника из Пекина от 24 мая 1878 г. говорилось, например, что Цзо Цзунтан

¹ Сушанло М. Указ. соч. С. 102.

² Поярков Ф. Последний эпизод дунганского восстания. Верный 1901. С. 6–8.

даже отказался от данной ему за «покорение Кашгара» награды, полагая, что одержанная им победа не может считаться окончательной, пока не казнен Бай Янь-ху¹.

Учитывая популярность Бай Янь-ху среди дунган и сочувствие к дунганам со стороны местного населения Туркестана, русские власти отказались выдать Бай Янь-ху и других дунганских вождей. Они оставались на территории России. Настаивая на выдаче Бай Янь-ху, маньчжурские военачальники и сановники открыто похвалялись тем, что в течение только двух лет цинскими войсками было убито более 100 тыс. повстанцев². В этой связи заслуживает внимания тот факт, что русские власти были вынуждены специально обратиться к цинскому командованию с увещанием прекратить побоище в Синьцзяне. «Подобный жестокий и коварный образ действий, — писал еще в мае 1877 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман, адресуясь к Цзо Цзунтану, — не достоин военачальника великой державы, не может не произвести самого тяжелого впечатления на то население, которое китайское правительство стремится опять подчинить своей власти...»³.

Петербургский договор 1881 г. и завершение русско-китайского территориального разграничения в Центральной Азии.

В новой обстановке, которая сложилась после разгрома маньчжуро-китайскими карателями государства Йэйтишар, обостряется «Илийский вопрос». Несмотря на то, что русское правительство было готово вернуть Илийский край, оно рассчитывало получить за это соответствующую компенсацию для укрепления своего политического и экономического влияния в Центральной Азии.

¹ Очерки истории советских дунган. Фрунзе, 1967. С. 47.

² ЦГИА Каз. ССР. Ф. 21. 1871–1882 гг. Д. 334. Л. 234.

³ Там же.

Со своей стороны цинское правительство еще до вступления армии Цзо Цзунтана в Синьцзян начало зондировать почву для выяснения вопроса о возможности вывода русских войск из Илийского края. Однако это было не реально, так как маньчжуро-китайские власти просто не имели сил, чтобы принять край под свой контроль. Поэтому до ликвидации государства Йэтишар цинское правительство не форсировало решение «Илийского вопроса».

Русское правительство в период пребывания его войск в Илийском крае осуществило ряд мер для восстановления хозяйства, разрушенного в ходе дунгано-уйгурского восстания в Синьцзяне, и роста благосостояния местного населения. Прежде всего было отменено рабство и ликвидирована ханская власть. Общее число поборов с населения было значительно сокращено, хотя оно и было обложено единовременной контрибуцией под предлогом компенсации расходов на содержание русских войск¹. Под покровительством русской администрации были предприняты разведка и разработка недр, поощрялась всяческая предпринимательская деятельность как русских купцов, так и представителей местного населения. Значительно увеличился ввоз в Илийский край русских фабрично-заводских изделий и вывоз местных товаров и продуктов, расширились площади пахотных земель и были восстановлены ирригационные сооружения, что способствовало повышению урожайности полей².

Стремясь распространить в Илийском крае современную культуру, русские власти направляют сюда врачей, инженеров, учителей, агрономов, которые быстро завоевали расположение населения. Здесь впервые было введено оспопрививание, открыты больницы, амбулатория и аптека, где лекарства выдавали бесплатно, а также начала

¹ ЦГИА Каз. ССР. Ф. 21, 1871–1882 гг. Д. 6а. Л. 111–144.

² *Кабиров М. Н.* Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алмата, 1951. С. 57–58.

работать школа для детей уйгуров и представителей других народностей¹. Однако неопределенность дальнейшей судьбы Илийского края в значительной степени сдерживала и ограничивала инициативу русских властей и предпринимателей, намечавших вначале широкую программу экономического и культурного развития этого района.

Уже при первых слухах о возвращении Илийского края Китаю местное мусульманское население начало испытывать растущую тревогу за свою судьбу. На имя царских властей в Туркестане поступают многочисленные петиции и прошения уйгуров и дунган, которые, не желая оставаться под маньчжуро-китайским игом, просили о принятии их в русское подданство. Так, например, в одной из таких петиций, поданной 24 января 1878 г., говорилось: «Более ста лет наши деды и отцы, как безмолвные рабы и даже вьючные животные переносили все ужасы... Никто не был уверен в том, что даст грядущий день. Ни жизнь, ни имущество, ни честь жен и дочерей не были ни на мгновение в безопасности: все могло исчезнуть и погибнуть от одного слова низшего китайского чиновника... Но вот, наконец, мы уже почти семь лет наслаждаемся... миром, спокойствием и свободой... И вдруг, как громом, поражены мы грозной и неожиданной вестью, все от мала до велика повержены в безысходную печаль». Затем авторы петиции просили разрешения направить депутацию с ходатайством о принятии уйгур и дунган Илийского края «в вечное подданство России»².

Русско-китайские переговоры о возвращении Илийского края Китаю начались в Петербурге в начале 1879 г., для чего в Россию прибыл наделенный чрезвычайными полномочиями в ранге посла бывший военный губернатор

¹ Кабиров М. Н. Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата, 1951. С. 58–59.

² ЦГИА Каз. ССР. Ф. 21, 1871–1882 гг. Оп. 1. Д. 702. Св. 97. Л. 26–27.

⁹ Том X. В. М. Плоских

Мукдена Чун Хоу. Он подписал 20 сентября того же года с уполномоченными царского правительства так называемый Ливадийский договор о возвращении Китаю Илийского края. По условиям этого договора за Россией закреплялся небольшой западный участок долины р. Или и долина р. Текес для «поселения в них жителей Илийского края, которые пожелают принять российское подданство», а также Музартский перевал через Тянь-Шань. Наряду с этим цинское правительство должно было предоставить российским купцам торговые льготы в Китае и Монголии и выплачивать в пользу России денежную компенсацию за расходы по управлению Илийским краем во время его занятия русскими войсками¹.

Условия Ливадийского договора вызвали резкое недовольство влиятельных кругов дворцовой верхушки в Пекине. Опьяненные победами над тайпинами, дунгано-уйгурскими повстанцами в Синьцзяне и антицинскими движениями в других районах Китая, они выступили против утверждения договора. Этому способствовала также подстрекательская позиция Англии², заинтересованной в ухудшении русско-китайских отношений и в отвлечении внимания России от Ближнего Востока. Надеясь на поддержку британских правящих кругов, некоторые влиятельные маньчжурские и китайские сановники — Цзо Цзунтан, Чжан Чжидун и другие — высказывались даже за войну с Россией³, в связи с чем цинские власти начали укреплять границы Китая и закупать оружие за границей, вблизи района Или стали размещаться обученные на европейский манер войска⁴.

¹ АВПР. Ф. Китайский стол, 1879 г. Д. 1325. Л. 1–5.

² АВПР. Ф. Главный архив, 1–9, 1880–1881 гг. Д. 6. Л. 633.

³ Там же. Л. 631–633.

⁴ *Hsu C. Y. The Ili Crisis. A Study of Sino – Russian Diplomacy. 1871–1881. Oxford, 1965. P. 95–99.*

Решительные ответные военные мероприятия проводятся также со стороны России, которая увеличивает свои вооруженные силы на границах с Китаем и посылает на Дальний Восток эскадру под командованием адмирала Лесовского. Эти меры, а также напряженное внутреннее положение Цинской империи, которая в тот момент пыталась противостоять новому наступлению западноевропейских и американских колонизаторов на суверенитет Китая, вынуждали Пекин пойти на компромисс с Петербургом. Определенное сдерживающее влияние на воинственно настроенных маньчжурских политиков начинает оказывать также и Англия, которая опасалась, что в случае русско-китайской войны и поражения Цинской империи британским интересам в Китае будет нанесен ущерб¹.

Так как в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. финансы России были расстроены и в стране складывалась революционная ситуация, царское правительство со своей стороны искало компромисса с Цинской империей². Эти причины обусловили возобновление переговоров о передаче Илийского края Китаю, для чего в Петербург летом 1880 г. прибыл новый уполномоченный маньчжурского двора крупный сановник Цзэн Цзи-це. На переговорах, длившихся почти семь месяцев, был поднят ряд вопросов³. Представители русского правительства были вынуждены также вновь обратить внимание на зверства маньчжуро-китайских карателей в Синьцзяне. «По свидетельству русских очевидцев, — заявил на одном из заседаний русский дипломат Е. К. Бюцов, — убийства и поранения происходили и не во время сражения»⁴.

¹ *Ibid.* P. 138.

² *Милютин Д. А.* Дневник 1878–1880. Т. III. М., 1950. С. 280–283.

³ *Нарочницкий А. Л.* Указ. соч. С. 234–236.

⁴ АВПр. Ф. Машинописных копий. Оп. 742/2. 1916 г. Д. 28. Л. 18–19.

Однако Цзэн Цзице постарался уйти от ответов на эти вопросы.

12 февраля 1881 г. был заключен русско-китайский Петербургский договор о возвращении Илийского края и о предоставлении российским купцам торговых льгот и привилегий в Китае и в Монголии, а также о выплате русскому правительству 9 млн. рублей в виде компенсаций за расходы по управлению Илийским краем и в удовлетворение исков русских подданных, интересы которых пострадали в период дунгано-уйгурского восстания.

По условиям договора к России отошла лишь небольшая западная часть Илийского края для «поселения в оной тех жителей... края, которые примут российское подданство и, вследствие этого, должны будут покинуть земли, которыми владели там»¹. Большая часть Илийского края возвращалась Китаю.

Такого рода уступка территории одного государства другому для обеспечения интересов проживающего на ней населения не противоречит международному праву. Одновременно с этим русское правительство настояло на том, чтобы цинские власти взяли на себя обязательство принять «соответствующие меры» к ограждению жителей Илийского края, участвовавших в восстании, «от личной или имущественной ответственности». Наконец, населению края предоставлялось право «остаться на нынешних местах» (т. е. в Синьцзяне. — Авт.) или же «выселиться в пределы России и принять российское подданство»².

Согласно условиям Петербургского договора русско-китайская граница устанавливалась, начиная с гор Беджинтау, следуя по р. Хоргос до ее слияния с рекой Или и далее к горам Узунтау, где она соединялась с границей,

¹ Русско-китайские отношения 1689—1916 гг. С. 56.

² Там же. С. 55.

определенной по Чугучакскому протоколу 1864 г.¹ Одна из статей договора предусматривала изменение в пользу России пограничной линии в районе озера Зайсан и р. Черный Иртыш (Зайсан становился внутренним озером для русской стороны), что было сделано по предложению самого же китайского уполномоченного на переговорах в Петербурге².

Что касается разграничения между Ферганской областью и Восточным Туркестаном, то в дальнейшем предусматривалось назначение обоими правительствами комиссаров для осмотра границы и постановки граничных знаков, в основу чего должна быть положена «существующая граница»³. Это означало, что имеется в виду граница, которая фактически существовала в момент подписания договора между русской Ферганской областью и Восточным Туркестаном.

Уже вскоре после заключения Петербургского договора началось массовое бегство населения Илийского края в пределы России. Накануне вступления в Кульджу маньчжуро-китайских войск местные жители буквально в панике покидали родные места, бросая имущество и скот. Никакие трудности не останавливали людей, желающих перейти на новые места жительства и принять русское подданство. Опасаясь расправы маньчжуро-китайских карателей, примерно 70 тыс. уйгур, дунган, казахов и киргизов ушли вместе с русскими войсками, в результате чего Илийский край лишился более половины своего производительного населения⁴. «Небывалый в истории человечества и,

¹ Русско-китайские отношения 1689–1916 гг. С. 56.

² АВПр. Ф. Машинописные копии. Оп. 742/2. 1916 г. Д. 28. Л. 49.

³ Русско-китайские отношения 1689–1916 гг. С. 56.

⁴ *Кабиров М. Н.* Указ. соч. С. 74; *Баранова Ю.* К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881–1883 гг. — Труды сектора востоковедения АН Каз. ССР. Т. I. Алма-Ата, 1959. С. 51.

кажется, не вполне оцененный самими нами факт представляет это современное движение дунган из пределов Кульджи, которую мы возвратили Китаю, — писал в свое время известный русский китаевед академик В. П. Васильев. — Кульджинский край находился под нашим управлением с небольшим десять лет, и вот когда мы передаем его прежнему правительству, исконные его деятели, горожане и земледельцы бегут вслед за нами, оставляя наситенный, обработанный их потом и кровью край, бегут от тех благодеяний, которыми будто богдыхан осыпает своих подданных. Пойдут ли индусы вслед за англичанами, если им придется когда-нибудь оставить страну, которую они благодетельствовывают не хуже богдыхана?»¹. Общее число людей, желавших переселиться из Синьцзяна в Россию, было гораздо больше, чем 70 тыс. человек, но им было отказано из-за недостатка земли в пограничных районах Казахстана и Средней Азии².

Рассматривая в целом условия Петербургского договора 1881 г., по которому к Китаю отходили земли, ни в коей мере не являвшиеся «исконно китайскими территориями», некоторые современные буржуазные ученые, вовсе не склонные к объективному анализу позиции русского правительства и оправдывающие во многом действия цинских властей, считают этот договор «первой победой китайской дипломатии XIX в.»³.

Установление границы между Россией и Китаем в Центральной Азии происходило в дальнейшем в соответствии с постановлениями Петербургского договора. Начавшиеся

¹ *Васильев В. П.* Открытие Китая. СПб., 1900. С. 140–141.

² *Ахметжанов А.* Возвращение Россией Кульджинского края Китаю. — Ученые записки Алма-Атинского государственного пединститута им. Абая. Т. XIV(2). Алма-Ата, 1957. С. 287.

³ *Hsu C. Y.* The Jli Crisis. A. Stud of Sino — Russian Diplomacy, 1871–1881. P. VII.

в 1883 г. переговоры между уполномоченным русского правительства В. Мединским и цинским уполномоченным Ша, закончились подписанием в местечке Новый Маргелан (ныне г. Фергана) в мае 1884 г. протокола, согласно которому граничная линия между Россией и Цинской империей была доведена с севера до перевала Уз-Бель на Сарыкольском хребте¹.

Тем временем на Памире под разными предложениями стали появляться один за другим военно-политические эмиссары Англии², которая в конце 80-х — начале 90-х годов уже успела захватить Кашмир и готовилась подчинить себе Канджунт. Подстрекаемые британскими резидентами в Кашгаре, маньчжуро-китайские власти начинают снова проявлять заметную активность на Памире. Набеги цинских военных отрядов на Памир являлись, как это видно, например, из донесений русского поручика Ю. Бржезицкого, бедствием для местного киргизского и таджикского населения. Захватчики, поощрявшие произвол отдельных феодальных правителей, творили всяческие беззакония, заставляли население выполнять трудовую повинность, реквизировали юрты и скот, насильно забирали киргизских джигитов в солдаты. Поэтому, как отмечает Бржезицкий, население симпатизировало русским, а что касается самих джигитов, то последние были «готовы восстать и перерезать всех маньчжурцев»³. По материалам, использованным в работе Б. И. Искандарова, можно заключить, что к началу 90-х годов уже довольно частыми были случаи, когда население Памира обратилось с просьбой к представителям

¹ Яснев В. С., Кручинин А. Г. Указ. соч. С. 168.

² Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. III. СПб., 1906. С. 295–296.

³ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 1. Душанбе, 1962. С. 255–257.

русских властей о принятии в российское подданство, и высылало с этой целью депутации в Фергану¹. «Тяготение к России было в известной степени закономерным», — отмечает Б. И. Искандаров. Он объясняет это тем, что с вторжением маньчжуро-китайских войск в Припамирском районе оказались нарушенными традиционные экономические, политические и культурные связи жителей этих районов с родственным в этническом отношении населением Туркестана².

Сами китайские историки в свое время не скрывали существование плана раздела Памира Англией и Китаем за счет интересов России в этом районе Средней Азии. Так, в книге Хэн Янсе «Политическая история Китая за последние 30 лет» отмечается: «Когда англичане вступили в Канджут (т. е. в 1891 г. — Авт.), они посоветовали нам (т. е. Китаю. — Авт.) разделить Памир с той целью, чтобы мы оказались между ними и русскими, закрыв России путь на юг»³. По мере того, как эти планы принимали все более реальное очертание, русское правительство пытается защитить свои интересы как посылкой на Памир военных отрядов, так и дипломатическими средствами. Оно снова заявило о своем желании приступить к разграничению на Памире, которое было осуществлено в 1894 г. путем обмена нотами. Стороны договорились не переходить пределы позиций, которые они здесь занимали по Сарыкольскому хребту⁴ как наиболее удобному естественному рубежу.

Таким образом, в ходе дипломатических переговоров с Китаем правительство России, поступившись правами

¹ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир... С. 255–257.

² Там же. С. 259–260.

³ Хэн Янсе. Политическая история Китая за последние 30 лет. Шанхай, 1926. С. 77.

⁴ Ясенов В. С., Кручинин А. Г. Указ. соч. С. 168.

на полное наследие Кокандского ханства (то есть территории до первых населенных пунктов Восточного Туркестана), согласилось на признание Сарыкольского хребта рубежом двух государств, что соответствовало постановлениям Пекинского договора 1860 г. и Чугучакского протокола 1864 г. о следовании границы по крупным естественным рубежам.

Этим завершилось русско-китайское территориальное размежевание на Памире. Из памирских владений бывшего Кокандского ханства Китай получил восточную часть Памира, или географическую область Сарыкол, Россия — западную часть Памира, или территорию к западу от Сарыкольского хребта.

В последующие годы русское правительство было не только озабочено устройством управления нового края (он был разделен на две волости — Памирскую и Ошскую, которые вошли в состав Ферганской области), но и стало оказывать существенную помощь его населению. Так, в 1911 г. Государственная дума ассигновала 1200 тыс. руб. «для оказания помощи населению, пострадавшему в 1910 г. от землетрясения»¹, а в 1913 г. правительство освободило памирское население на пять лет от налоговых сборов и ассигновало 457 тыс. руб. для ссуд населению, пострадавшему в 1911 и 1912 гг. от массового падежа скота².

Вхождение значительной части киргизского населения Памира и таджиков западных его районов в состав России сыграло прогрессивную роль — историческая судьба угнетенных народов Памира отныне теснейшим образом связывалась с судьбой русского и других народов

¹ Всеподданнейший отчет Военного Министерства за 1911 г. СПб., 1913. С. 16.

² Отчет о действиях Военного Министерства за 1913 г. СПб., 1917. С. 35–66.

Российской империи, стоявших на пороге великих революционных свершений, принесших им полное национальное и социальное освобождение.

Публикуется по изданию:

Сушанло М. Я., Гуревич Б. П., Плоских В. М., Супруненко Г. П. Против маоистских фальсификаций истории Киргизии / Науч. ред. К. К. Каракеев. Фрунзе: Кыргызстан, 1981.

Часть вторая

НА «КРЫШЕ МИРА»

*(Исторические очерки
о памиро-алайских киргизах)*

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Если, ты любишь человека,
то полюбишь этот край,
который покажет тебе его силу
и творческие способности
в полном сиянии.*

Юлиус Фучик

«КРЫША МИРА»

Так назвал этот высокогорный узел не лишенный поэтического мирозерцания древний летописец. Па-и-михр — подножием Митры, бога Солнца, назвали эти горы древние иранцы. Как на стратегический центр, ключ от Средней Азии смотрели на Памир англо-американские империалисты в XIX — нач. XX веков. Узлом дружбы можно назвать Памир сегодня. Дружбы, связывающей общие судьбы народов СССР и ДРА и общее будущее в союзе по пути социального прогресса. Если памирские народы Советского Союза уже построили социалистическое общество, то афганские памирцы в борьбе отстаивают свое право на социализм, встречая ожесточенное сопротивление феодалных элементов внутри страны, преодолевая империалистическое вмешательство извне, опровергая лживую пропаганду и отвергая необоснованные территориальные притязания соседей.

Горячей точкой планеты называют Афганистан сегодня. Империалистические страны ведут необъявленную войну против него. Афганистан самоотверженно борется и с помощью Советского Союза строит новую жизнь.

Страна Юго-Западной Азии — Демократическая Республика Афганистан — наш южный сосед. Длина советско-афганской границы 2384 км. На западе ДРА граничит с Ираном (820 км), на юге и на востоке — с Пакистаном (2060 км), на северо-востоке — с Индией (120 км) и Китаем (75 км). Здесь в Памирский узел входит Гиндукушский хребет, с Памиром соседствуют высочайшие горные системы — Тянь-Шань и Гималаи.

«Гиндукуш и Гималаи — родные братья, — говорят афганцы высокогорных долин, — а Памир — их отец». Отцом гор Памир могут называть и жители Средней Азии, а его братом — Центральный Тянь-Шань. Два высокогорных образования соединены нитями хребтов, между которыми тысячелетия традиционно кочевали местные скотоводы. Высокогорный узел, вознесшийся своими вечно белоснежными пиками в заоблачную высь, тысячелетия был равнодушным свидетелем истории — мирной, а чаще трагической — народов, племенных объединений и государств. То эфемерных, существовавших несколько лет и десятилетий, то могущественных, противостоящих векам, но тем не менее неизменно сменяемых другими государствами, которые в свою очередь уступали место новым государствам.

В ГЛУБЬ ИСТОРИИ

Традиция утверждает, что древнеперсидский царь Кир Великий (VI в. до н. э.) был уроженцем Балха. Выступив в 530 г. в поход против массагетских племен Средней Азии, Кир потерпел полное поражение и погиб. Афганистан и южные районы Средней Азии включил в свою империю Искандер Двурогий — как здесь называли Александра Македонского. В этих краях был центр все еще слабо изученной кушанской цивилизации. Входили Афганистан

и государства Средней Азии в состав Арабского халифата и империи чингизидов, в государства газневидов и тимуридов.

Тысячи историко-культурных нитей связывали народы Средней Азии и Афганистана в прошлом. Светлые времена союзов, братских взаимоотношений передовых деятелей культуры и науки омрачались жестокими набегами и разрушительными походами царей, императоров, шахов и ханов, феодальных правителей и авантюристов всевозможных рангов, кровавыми действиями агентов английского и американского империализма.

Есть примечательная восточная пословица: «Ближний сосед ближе души». Афганистан — ближайший сосед Средней Азии и не только территориально, много общего у наших народов в истории, языке и культуре. Основоположник узбекской классической литературы Алишер Навои — могущественный визирь Хорасана (государства, объединявшего нынешний Южный Туркменистан, Северо-Западный Афганистан и Северо-Восточный Иран) воспевал дружбу с афганским народом.

В афганском Герате в конце XV в. был закончен последний крупный труд прославленного поэта и мыслителя Востока Абдуррахмана Джамии — трактат по арабской грамматике. А спустя тысячелетие — в 60-х гг. XX в. — во время археографической экспедиции нами среди киргизского населения была обнаружена эта первая копия грамматического трактата Джамии. Так создание и распространение труда великого ученого и поэта невидимыми культурными нитями связывало народы Афганистана и Киргизии в XV веке, а вскрыты эти связи были киргизскими учеными в ходе полевых исследований последнего времени.

Добрая дружба народов всегда находила пути к сердцам простых тружеников. Культурные взаимосвязи оказались крепче непрочных границ политических объединений.

Основатель империи Великих Моголов Захиреддин Бабур родился в Фергане, умер в Индии, похоронен в Кабуле. Он писал о свободолюбивом и мужественном народе Афганистана, о торговых караванах из Ферганы, Туркестана, Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана, приходивших в Кабул. Много лестных строк оставили о Кабуле, от которого за один день можно дойти до места, где никогда не бывает снега, а за два звездных часа достигнуть вечных снегов. Именно Бабур привез и посадил в Кабуле вишневые саженцы и заложил сад. У подножия хребта Шар-Дарваза в Кабуле имеется парк, и сейчас носящий имя «Баг-и Бабур» — сад Бабура.

В 1983 году по решению ЮНЕСКО во всем мире отмечается пятистолетие этого выдающегося деятеля средневековья — поэта, философа, ученого.

В первой половине XVII в. в Балхе была составлена энциклопедия. Составлена по поручению одного из узбекских правителей местным ученым Мухаммедом Вели. Одной из частей энциклопедии явилось сочинение по истории Средней Азии от Чингисхана до первых Аштарханидов.

С древнейших времен афганистанские города Герат и Кабул поддерживали тесные культурные связи с Бухарой и Самаркандом. Кочевые скотоводы предгорной Ферганы, Алая и Памира традиционно кочевали, не признавая строгих государственных границ, то в пределах Бухарского эмирата, то Кокандского ханства, то Афганистана и Пакистана. Кочевники со своим скотом свободно передвигались на сотни километров, зимуя в одном государстве — Бухарском или Кокандском, на летние пастбища перекочевывали на высокогорные памирские плато Афганистана.

Во время полевой археографической экспедиции по высокогорным районам Киргизии в 1976—1980 годах среди киргизов, недавно переселившихся в Баткенский район из Каратегина, нами было обнаружено несколько интересных документов о перегоне скота из Ферганы в Гиссар

и на Памир, об уплате налога — закета — местным правителям за перегон. Документы свидетельствуют о прочности традиционных миграций киргизов на Памир, сохранившихся, пусть с хозяйственными целями, с XVIII в. до 20-х годов нашего столетия.

Сотни, если не тысячи подобных документов отложились и в исторических фондах Государственного архива Узбекской ССР в Ташкенте.

НОВАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Отсчет нового летосчисления отношений между народами Средней Азии и Афганистана был открыт победой Великой Октябрьской социалистической революции в России. Узбеки, таджики, киргизы и другие народы Советского Востока были освобождены от многовекового социального гнета и вступили на путь революционных преобразований. Они коснулись политики и экономики, культуры и социальных отношений. Киргизский народ, например, впервые в своей истории обрел национальную государственность, впервые получил свою письменность и в братском содружестве с другими народами страны Советов приступил к строительству нового социалистического общества.

Длительный путь к социальному прогрессу был у народов Афганистана. После свержения монархии в 1973 г. правительство Афганистана обещало провести земельную реформу, демократизацию общественной жизни и другие прогрессивные меры. Однако ни одно из обещаний не было претворено в жизнь, что вызвало широкое недовольство народных масс. 27 апреля 1978 г. в Кабуле произошло вооруженное выступление прогрессивно настроенных воинских частей, возглавляемых Народно-Демократической партией. После того, как тогдашний президент Дауд отказался сдать власть без сопротивления,

¹⁰ Том X. В. М. Плоских

войска овладели дворцом штурмом. На первом заседании, состоявшемся 30 апреля, Революционный Совет провозгласил образование Демократической Республики Афганистан. Председатель Революционного Совета, Генеральный секретарь ЦК НДПА Нур Мухаммед Тараки оценил решающие десять часов восстания 27 апреля как «результат организованной борьбы партии за последние 13 лет». Он подчеркнул, что Апрельская революция открыла новую главу в истории Афганистана.

Народное правительство во главе с Нур Мухаммедом Тараки первыми же декретами взялось за то, чтобы выкорчевать основы феодализма, эксплуатации человека человеком, показало, что намерено вести страну к построению современного общества, основанного на принципах социальной справедливости. Накануне революции Афганистан в статистике ООН значился среди самых отсталых и бедных стран мира. Это была беднейшая аграрная страна, 70 процентов населения которой занималось сельским хозяйством, экстенсивным скотоводством. А производительность труда до последнего времени здесь была одной из самых низких в мире. 90 процентов населения было неграмотно, сильны средневековые традиции и религия. В своем выступлении на XXVI съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного Совета и премьер-министр Демократической Республики Афганистан Бабрак Кармаль сказал, что Апрельская революция приступила к ликвидации в стране национального гнета, «явилась естественным и закономерным результатом длительной борьбы трудящихся Афганистана за ликвидацию феодального ига и влияния империализма, за преодоление социально-экономической отсталости, за удовлетворение потребностей нашего общества на научной основе»¹.

¹ Правда, 1981, 26 февраля.

Своими первыми декретами правительство ДРА освободило миллионы крестьян от долгов ростовщикам. В ходе земельной реформы многие тысячи крестьянских семей получили землю. Для широкой борьбы с неграмотностью были созданы многочисленные курсы начального обучения, приступили к строительству учебных заведений. Началось осуществление широкой программы социального развития.

Апрельская революция взломала отжившие антинародные порядки, смела феодалов, но и... вызвала к жизни активизацию реакционеров, недовольных прогрессивными изменениями в стране.

Революция столкнулась также с внешними актами агрессии: десятки тысяч вооруженных и обученных за рубежом американскими эмиссарами бандитов вторгались со стороны Пакистана на афганскую территорию, грабили и уничтожали мирное население, вносили дезорганизацию в революционные преобразования. Соединенные Штаты Америки, еще с конца 50-х годов прилагавшие усилия для вовлечения Афганистана в экономическую и политическую орбиту «западного лагеря», видя, как рушатся их планы, начали активно поддерживать контрреволюционеров и эмигрантов из Афганистана, вооружать их и направлять «инструкторов» для обучения бандитов.

Афганское руководство при президенте Тараки неоднократно обращалось за помощью к Советскому Союзу. И СССР неоднократно предупреждал кого следует, что если акты агрессии не прекратятся, то он не оставит в беде афганский народ.

ДОГОВОР О ДРУЖБЕ

5 декабря 1978 г. в Москве был подписан советско-афганский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

Статья 4 этого договора гласит: «Высокие Договаривающиеся Стороны, действуя в духе традиций дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих Сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран. В интересах укрепления обороноспособности Высоких Договаривающихся Сторон они будут продолжать развивать сотрудничество в военной области...»¹.

История показала, насколько дальновидным оказался Договор, который буквально через год помог спасти революционные завоевания в Афганистане.

За первый год деятельности народной власти 140 тыс. афганским крестьянам было передано 300 тыс. га земли, отменены долги 11 миллионам безземельных крестьянских семей, открыты два университета и 500 общеобразовательных школ, начата ликвидация неграмотности, признано равноправие женщин. Но, как всегда было в истории, прошлое добровольно не уходило с арены.

Враги афганского народа: феодалы, помещики, ростовщики, компрадорская буржуазия, подручные монархии и реакционная часть духовенства — перешли от обструкции и саботажа к диверсионным и террористическим актам, к открытой вооруженной борьбе. Контрреволюционные силы, поддержанные интервенцией извне, вступили в яростную борьбу. Реакция шла на все. Внутри страны ее орудием выступил Хафизулла Амин, как теперь установлено — агент ЦРУ.

В сентябре 1979 года Амин фактически совершил государственный переворот: сместил с поста Председателя Революционного Совета и Генерального секретаря Народно-Демократической партии Афганистана Тараки и вскоре

¹ См.: Петров А. К событиям в Афганистане. «Правда», 1979. 31 декабря.

физически расправился с ним. Массовый и жестокий характер приняли репрессии против прогрессивных революционных деятелей. Амин пошел на сделку с империалистическими кругами США, установил контакты с пакистанским режимом.

Фактически Амин и кучка его приспешников, узурпировавших власть в стране, пошли против своего народа, играя на руку империалистам, ослабляя ряды революционеров, подрывая их волю к сопротивлению внешней агрессии. ЦРУ в это время с удовлетворением констатировало: «Режим Х. Амина с учетом его внутренней эволюции вполне отвечает долговременным интересам Соединенных Штатов»¹. «Более двух тысяч членов партии было подвергнуто преследованиям по сфабрикованным Амином обвинениям. В тюрьме физически расправлялись с тысячами революционеров — активных участников апрельских событий. В Афганистан извне было заброшено около 30 тысяч бандитов, готовились новые подкрепления им. На последние дни декабря 1979 г. намечалось завершение мероприятий по государственному контрреволюционному перевороту.

В этих условиях в глубоком подполье здоровые силы НДПА во главе с бывшим заместителем премьер-министра и заместителем Председателя Революционного Совета, ближайшим сподвижником Н. М. Тараки, Бабраком Кармалем поднялись против аминовской тирании. Выступление 27 декабря 1979 года было поддержано большой группой офицеров афганской армии. Режим Амина был сметен.

В новый состав высшего органа власти — Революционного Совета — вошли активные участники Апрельской революции, те самые лица, которые придавали ей демократический характер и которых позже оттеснил или репрессировал Амин.

¹ См.: Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. М., 1980. С. 102.

Программные заявления нового правительства основывались на реальной почве и вытекали из возможностей современного момента. Бабрак Кармаль тогда отметил: «Наше демократическое правительство считает своей национальной исторической миссией укрепление и развитие прогрессивных, социальных и политических основ ДРА — этого великого завоевания Апрельской революции, доведение до окончательной победы антифеодальной, национальной, демократической, антиимпериалистической, антикомпрадорской революции»¹. А чтобы империалистические силы своими агрессивными действиями не мешали прогрессивному развитию Афганистана, правительство Бабрака Кармаля обратилось к Советскому Союзу с просьбой о помощи против агрессоров. Устав ООН предусматривает право жертвы агрессии обращаться в таких случаях за помощью к другим странам (Статья 51). В соответствии со статьей 4 советско-афганского Договора, заключенного в декабре 1978 г., военная помощь Афганистану была оказана. Л. И. Брежнев, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Правда», подчеркнул: «Поступить иначе означало бы отдать Афганистан на растерзание империализму, позволить агрессивным силам повторить здесь то, что им удалось сделать, например, в Чили, где свобода народов была потоплена в крови. Поступить иначе означало бы смотреть пассивно, как на нашей южной границе возникает очаг серьезной угрозы безопасности Советского государства»².

Афганское правительство в общей сложности 14 раз обращалось к советскому правительству с просьбой о военной помощи. Удовлетворение этой просьбы для СССР было делом не простым. Но отказать в помощи Афганистану означало бы перечеркнуть весь опыт нашего доброго

¹ Правда, 1979, 31 декабря.

² Там же.

и честного сотрудничества, пренебречь интернациональным долгом, отдать Афганистан на растерзание внешним врагам. И в Афганистан был введен ограниченный контингент советских вооруженных сил. Введен с оговоркой, что он будет незамедлительно выведен, как только прекратится внешнее вмешательство во внутренние дела Афганистана. Дела, которые вправе решать только сам народ.

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА

Советская помощь и ввод ограниченного контингента войск оказались своевременными. Злобная антисоветская истерия, развернутая на Западе, лишний раз свидетельствует о том, что были сорваны их реакционные планы. Все больше обнаруживается фактов и поступает сведений о разоблачении деятельности американских и других спецслужб, объединивших свои действия против демократического строительства в Афганистане. Необъявленная война против Афганистана представляет собой как активные боевые действия банд интервентов, забрасываемых из-за рубежа, так и пропагандистскую клеветническую шумиху, развернутую империалистами США и других государств, направленную на то, чтобы оболгать и очернить политику Афганистана и афгано-советскую дружбу. В Пакистане формируются многочисленные контрреволюционные организации из афганской эмиграции — феодалов и их приспешников. Действия вооруженных банд координируются и направляются умелой рукой, они оснащаются американским и английским оружием.

Финансируются банды из американских и других буржуазных источников. Обучают их офицеры ЦРУ, английские инструкторы, «специалисты» из Пакистана и даже из Египта. На более чем 30 специальных базах и 50 опорных пунктах ведется подготовка контрреволюционных банд

для засылки в Афганистан. Помощник, теперь уже бывший, американского президента З. Бжезинский во время их инспекции в Пакистане демонстративно рассматривал границу Афганистана через прицел оптической винтовки. А тем временем империалисты и их приспешники громогласно жалуются, что, мол, Советский Союз «нарушил спокойствие» в Центральной Азии. И поднимают на щит надуманный «афганский вопрос».

«Как один из предлогов для обострения международной обстановки, враги разрядки используют искусственно раздуваемый ими так называемый «афганский вопрос». А точнее — клевету на афганскую революцию и Советский Союз, — говорил Л. И. Брежнев при встрече с Б. Кармалем в Москве 16 октября 1980 г. — Это нужно им для поддержания напряженности, для разворачивания своей милитаристской активности»¹.

Этот вопрос возник по вине тех, кто хотел и продолжает стремиться ликвидировать национальную независимость, суверенитет и территориальную целостность Афганистана, кто из-за рубежа засылает банды басмачей, террористов и всевозможного рода авантюристов, чтобы помешать движению страны по пути социального прогресса.

Не советская помощь Афганистану, а политика Соединенных Штатов, никогда не отказывавшихся от роли «мирового жандарма» — вот подлинная причина осложнения международной обстановки в Азии. «Если бы не было Афганистана, — заявил Л. И. Брежнев корреспонденту газеты «Правда», то определенные круги в США, в НАТО наверняка нашли бы другой повод, чтобы обострить ситуацию в мире»². В этом у них накоплен немалый опыт.

¹ Визит Б. Кармаля в Советский Союз 15-24 октября 1980 г. М., 1980. С. 18–19.

² Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. С. 10.

А Афганистан является удобным объектом, тем более со-седствующим с Ираном и Советским Союзом. Как некогда «русский вопрос», муссировавшийся злобной буржуазной прессой за рубежом, так и ныне «афганский вопрос», искажающий суть Апрельской революции и советско-афганских взаимоотношений, — являются свидетельствами бессильного злопыхательства со стороны империализма, тщетно пытающегося затормозить ход истории.

Советские люди, как сказал на XXVI съезде КПСС первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, категорически отвергают всякие клеветнические измышления империалистических кругов и их пособников об афганской революции и Советском Союзе. Помощь СССР Демократической Республике Афганистан продиктована чувством интернациональной солидарности, волей всего советского народа, всех наций и народностей нашей страны.

ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Территориальная близость Советского Киргизстана новой Демократической Республике Афганистан наложила свой отпечаток на многовековые взаимоотношения наших народов. И одним из узловых и интересных моментов является также то, что Памир, по которому идет разграничение СССР и ДРА, заселен, наряду с другими народами, также киргизами.

Их изучение, история, быт и культура сравнительно недавно стали объектом внимания ученых. Начало широкому исследованию Памира положили русские ученые и путешественники после присоединения части его к России. Памир с конца прошлого столетия стали посещать английские, французские и индийские ученые, дипломаты, путешественники. Планомерное же исследование Памира

с целью освоения его природных ресурсов началось только с установления Советской власти. Ряд комплексных экспедиций (Памирская экспедиция Академии наук СССР 1929 г., Таджикско-Памирская экспедиция 70-х гг. и др.) подвергли Памир всестороннему изучению, результатом чего явились фундаментальные работы по геологии, гидрологии, геоморфологии, гляциологии. Большие работы были проделаны в области археологии, истории и этнографии памирских народов. Хороших результатов в исследовании Памира и сопредельных районов добились Памирский отряд Таджикской археологической экспедиции и Киргизская археологическая экспедиция, работавшие в 50–60-х годах. Если советские ученые работают комплексными методами, то зарубежные исследователи, в основном на территории Афганского Памира, действовали преимущественно в одиночку и по личной инициативе. С 50-х годов американские, английские, французские, иранские ученые (Шор, Дор, Науман, Шахрани, Ашрафи и др.) совершили на Памир ряд поездок и опубликовали серию статей и книг. Имея большой фактический, особенно этнографический материал, они, однако, страдают политической одиозностью, идеализируют патриархальный быт киргизов Афганского Памира, чрезмерно преувеличивают роль и значение их бывшего «хана», феодала-уголовника Рахманкула.

Полевые исследования и архивные изыскания авторов, использование опубликованной советской и зарубежной литературы позволяют нам пройти по страницам многовековой истории Памира, население которого сейчас идет по пути содружества и взаимопомощи к славному будущему.

ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ

МОЛЧАЛИВЫЕ СТРАЖИ БЫЛОГО

Памиро-Тяньшаньский регион в древности представлял собой район безраздельного господства кочевых народов, в среде которых происходили непрерывные процессы складывания и распада военных племенных союзов и государств. Номады были в постоянном контакте, а временами вступали и в прочные связи с оседло-земледельческим миром оазисов Средней Азии, Ирана, Афганистана, Китая.

Любопытный путник, проезжая по межгорным долинам и ущельям Памира и Тянь-Шаня, обязательно обратит внимание на древние курганы — молчаливые памятники давно минувших поколений. Их раскопки дают ученым материалы для реконструкции общественного строя и социальных отношений, культуры и быта населения, некогда проживавшего на территории Средней Азии и Афганистана. К сожалению, большинство из них так же, как и знаменитые пирамиды Египта, ограблены еще в древности. И только случай, умноженный на долготерпение и труд археолога, приводит иногда к удивительным открытиям.

Данные археологических исследований позволяют утверждать, что Памир был заселен в древнейший период человечества. Люди каменного века, так называемой палеолитической эпохи, уже освоили эти высокогорные районы, обитая в скальных пещерах.

Освоение человеком таких суровых для жизни областей, как Памирское нагорье, представляется очень важным с точки зрения истории, этнографии, экологии горных стран

«Высокой Азии». Под этим понятием археологи условно объединили горные области Памиро-Алая, Тянь-Шаня, Куньлуня, Каракорума, Гималаев, Тибета и других гор Азии.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Еще столетие тому назад этот горный край представлялся ученым абсолютно «белым пятном». И перед ними, главным образом перед археологами, встала проблема решения множества вопросов, связанных с заселением Памира человеком, раскрытием тайн памятников культуры каменного века — древнейшего прошлого человечества. Пионером археологических исследований Памира был советский археолог А. Н. Бернштам, который изучал памятники древних кочевников Казахстана, Киргизии, Узбекистана. Затем работа была продолжена В. А. Рановым, Б. А. Литвинским, М. А. Бубновой, А. Д. Бабаевым. Большие раскопочные работы были проделаны Памирским отрядом Таджикской археологической экспедиции в 50-х годах, а позднее — в середине 60-х годов — Палеолитическим отрядом Киргизской археологической экспедиции. Эти работы сделали высокогорную Среднюю Азию наиболее полно исследованной, по сравнению с другими соседними горными областями. По этому поводу известный советский специалист по палеолиту В. А. Ранов отмечает: «Ни работы в Сино-Тибетских горах (Д. Эгар, Г. Буль и др.), ни поездки в западную часть Сычуани Д. Андерсона, ни сведения, сообщаемые о южных склонах Гималаев Х. де Терра, не могут идти ни в какое сравнение по своим масштабам, методике обработки и интерпретации с полученным материалом Памиро-Тянь-Шаня советских археологов»¹.

¹ Ранов В. А. Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века. — Страны и народы Востока. Вып. 16. М., 1975..

Первые следы пребывания на Памире человек оставил примерно 8–10 тыс. лет тому назад, в местности Маркансу — «Долине смерти». Здесь были обнаружены стоянки первобытных людей, живших, как показал анализ углей костров, в 8 тысячелетии до нашей эры. Ученые предполагают, что это была большая и долговременная стоянка людей, поскольку здесь же была обнаружена мастерская по изготовлению каменных орудий и восемь тысяч предметов деятельности первобытных людей. В гроте Шахтысай на высоте около 4 тыс. м над уровнем моря В. А. Ранов обнаружил рисунки художника каменного века, изображающие охотника и фигуры животных: медведя, яка и кабана.

Чем объяснить, что в таких суровых климатических условиях, когда средняя высота превышает 3 тыс. метров над уровнем моря, зимние морозы достигают сорока градусов, при скудном растительном покрове, человек тем не менее облюбовал этот горный край для жизни и вот уже в течение более десяти тысячелетий одна культура сменяет другую, но жизнь не прерывается, и люди не уходят (по крайней мере добровольно) в другие, более благодатные места?

Правда, некоторые ученые предполагают, что поскольку Памир является растущей горной системой, то сотни веков тому назад уровень долин здесь был метров на 500–700 ниже современного. Это, как они полагают, обусловило более мягкий климат и, следовательно, более благоприятные условия для проживания здесь человека. Каковы доводы в пользу такого предположения? Например, рисунки в гроте Шахтысай изображают кабана, который на нынешних высотах Памира нигде не встречается. Вокруг костров в Маркансу не было обнаружено заграждений из камня, что может свидетельствовать об отсутствии сильных, какие встречаются сейчас, ветров на Памире. Голые ныне скальные склоны некогда покрывали заросли кустарника.

Но ведь и позднее, после значительных похолоданий, человек не покинул горы, а продолжал здесь жить. Более

того, Памир продолжал заселяться, и здесь, как и по всей Азии, одни народы сменяли другие — и не один раз на протяжении прошедших тысячелетий.

В ПОИСКАХ ПРИЧИН

Какие же причины заставили первобытные племена покидать благодатные земли и отдавать предпочтение горам со столь суровыми жизненными условиями?

Интересную гипотезу по этому поводу выдвинул Вадим Александрович Ранов.

Первооткрыватели исторических памятников первобытного человека пришли к заключению, что стоянки каменного человека имеют характер сезонных поселений. Вероятно, люди, жившие в долинах, поднимались в горы в поисках лучших охотничьих угодий. Такие охотничьи походы характерны для ранних времен различных регионов.

Тогда, может быть, причина в сезонных миграциях охотничьих племен? Животный мир Памирского нагорья не имеет особо отличительных черт, присущих только этому зоогеографическому участку. Современная фауна насчитывает здесь 21 вид млекопитающих и 48 видов гнездящихся птиц. Но особый интерес вызывают центрально-азиатские баран и козел, обитающие на Памире и в настоящее время. Эти животные обитают в высотных горах Средней Азии, особенно на Памиро-Алае. Никаких следов сезонных или многолетних перекочевок больших масс животных на Памир в настоящее время не отмечается; не было, по-видимому, их и в более отдаленные времена. При раскопках археологами стоянки Ошхона, полученная фауна показала, что люди не занимались специализированной охотой, поэтому приход в высокогорье специально для охоты исключается.

Вероятнее всего, считает Ранов, людей на Памир привлекал не приход сюда животных, на которых они вели

охоту, а использование наиболее легких и удобных способов охоты на них.

А как с экологическими причинами?

Может, человек сам приспособлял природу для своих потребностей? По этой теме опубликован ряд статей специалистов, в частности, О. Е. Агеханянца, Л. Ф. Сидорова, Р. П. Потапова, К. В. Станюковича, но эта проблема, по мнению археологов, еще нуждается в разработке. Нет конкретных данных о влиянии человека каменного века на природу — изменений во внешнем окружении, которые вызывались, к примеру, ростом населения той или иной области, т. е. образования нарушения баланса между человеком и окружающей природой.

Именно это способствует изменению жизненного строя общества, а в данном конкретном случае — поискам новых мест для заселения.

Социальные причины также недостаточно изучены. Накопленный материал показывает, что в эпоху палеолита существовали сложные социальные отношения внутри человеческого общества.

Происхождение племени уходит в глубь человеческой истории, когда определенные территории были заселены неандертальцами. Ученые уже в это время находят локальные варианты культур первобытного человека и их взаимодействия.

Пока еще недостаточно фактического материала, чтобы как-то воссоздать действительную картину существования племен в те отдаленные времена, причины их миграций. Переселение больших масс людей могло быть вызвано тремя основными причинами: 1) перенаселением данной территории; 2) истощением природных ресурсов; 3) вытеснением основного населения более сильными, многочисленными пришельцами.

Трудно указать на любой из этих факторов как основной толчок для начала освоения высокогорий Памира.

Археологи, занимающиеся этой проблемой, пока еще не могут точно объяснить конкретные причины, которые способствовали движению первобытных людей на «Крышу мира».

В ПОИСКАХ ПУТЕЙ

В настоящее время памятники каменного века «Высокой Азии» открыты в близких экологических условиях, и сходная их культура расположена в основном на высокогорных плато. По этому поводу В. А. Ранов считает, что есть все основания предполагать: в горах «Высокой Азии», в том числе на Тянь-Шане, Памиро-Алае, Куньлуне, Гималаях, Тибете и других, существует близкая по характеру орудий и технике расщепления камня археологическая культура, которая охватывает огромные пространства и большой промежуток времени.

Многое могут сообщить антропологические материалы. Но на сегодняшний день их также недостаточно. Поэтому и они не могут определенно объяснить: откуда пришло на Памир его первое население.

Дело в том, что исследователи стоянок каменного века не обнаружили скелетов древнейшего населения Памира. Населяющие же современный Памир расовые типы сформировались в очень позднее историческое время. Следовательно, ученые не могут опереться и на современный антропологический материал населения. Немалый интерес вызывают находки зарубежных экспедиций в соседнем районе Афганистана. Палеолитические и мезолитические памятники Кара-Камар, Даран-Кур, Даран-Калок, Ак-Куп-рук и др. имеют сходство с переднеазиатскими памятниками этого времени, но нет определенного сходства с памирским материалом. Однако ученые находят аналогии орудиям маркансуйской культуры и гиссарской культуры Средней

Азии. Больше аналогий археологические памятники Памира имеют с мезолитическими комплексами приферганских гор, в частности, стоянок Обишир и Арчалы на территории Киргизии.

Все приведенные данные говорят, во-первых, о недостаточности палеолитического исследования зарубежного Памира и сопредельных горных районов, в частности также и Киргизии; во-вторых, что пока не найдены твердые аналогии во всех аспектах маркансуйской культуре Памира; в-третьих, еще предстоят поиски путей заселения Памира, которые, без сомнения, шли снизу, из оазисов, вверх, на горные плато и урочища.

ИССЛЕДОВАНИЯ В КИРГИЗИИ

Исследования продолжаются. Со стороны Таджикистана их ведет В. А. Ранов, со стороны Киргизии — его ученик М. Б. Юнусалиев.

Направления поисков путей заселения Памира, можно сказать, уже определены — вероятнее всего, это традиционные дороги, торговые трассы, связывающие Памир с Таджикистаном и Афганистаном, с Ферганой, Синьцзяном, Тянь-Шанем, Пакистаном и Индией. Один из традиционных путей — Ферганский — связывал маркансуйскую культуру Памира с обиширской Ферганы. Более поздние исторические источники ведут его из Оша на Гульчу, Суфи-Курган, перевал Талдык, далее — на Терек-Даван — Памир. Правда, на этом пути пока не обнаружено каменных орудий. В 1968 г. одному из авторов данной работы (В. М. Плоских) посчастливилось в составе отряда В. А. Ранова и М. Б. Юнусалиева принять участие в обследовании долины реки Гульча от одноименного поселка до перевала Талдык. Были обследованы речные террасы и пещеры в районе Ак-Босого (Караджилча-Ункур,

¹¹ Том X. В. М. Плоских

Шараджилга-Ункур) и у Суфи-Кургана (Кара-Ункур). Мы забили несколько шурфов, просмотрели сотни камней — подъемного материала, обследовали даже несколько объектов, оказавшихся ложными. Но положительных результатов не получили. Слишком незначительны и краткосрочны были разведочные поиски, несмотря на их напряженность. Но даже негативный результат не поколебал уверенности в возможности этой трассы для прохода первобытного человека по этому пути из Ферганы на Памир. Дело в том, что трасса вполне удобна для передвижения, а в ближайшем районе, в долине р. Ак-Бура, на которой стоит город Ош, и в пещерной стоянке Сасык-Ункур с. Араван обнаружены отдельные каменные находки, к которым была приложена рука первобытного человека. А уж если районы г. Оша были заселены в эпоху каменного века, обнаружены стоянки и орудия труда на Памире, то, без сомнения, рано или поздно должны быть найдены следы первобытного человека и на трассе, соединяющей Ош с Памиром. Тем более, что она очень удобна для передвижения: есть вода и корм для скота, прекрасные возможности для охоты, по р. Гульча расположены превосходно выраженные террасы, здесь имеется хороший поделочный материал для каменных орудий. И мы полностью согласны с выводом В. А. Ранова — рано или поздно памятники каменного века на этой территории должны быть найдены.

Нужно только искать!

Несомненно, будет окончательно решен и вопрос — откуда же и как пришло первое население Памира.

ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ САКИ

В I тысячелетии до н. э. на огромном пространстве Азии — от Алтая до Причерноморья, от Сибири до Афганистана и Индии, включая Памир, жили многочисленные кочевые

племена, обобщенно названные саками (или скифами). Древнеперсидские тексты называют их просто саками, а также саками-тиграхауда, саками-хаумаварга, даха и прочее. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению о местах их расселения. Но раскопки многочисленных курганов на обширных просторах Азии убедительно свидетельствуют о близости их культуры. И все курганы второй половины первого тысячелетия до н. э. обобщенно названы сакскими могильниками. Четыре полевых сезона — 1961–1962, 1966–1967 гг. — одному из авторов (В. Плоских) пришлось принимать участие в раскопках сакских курганов в высокогорной Алайской долине, врезающейся своими урочищами в Памир с востока. Раскопки проводились под руководством киргизского археолога Ю. Баруздина, после трагической гибели которого сменил А. Абетеков. Материал не был богатым в прямом смысле этого слова, так как все большие, так называемые «царские», курганы еще в древности были ограблены, а курганы рядовых кочевников были представлены простейшим инвентарем: керамикой, наконечниками стрел, реже — короткими кинжалами — «акинаками». Но этот материал полностью совпадал с находками аналогичных курганов Памира и был тождествен находкам из сакских курганов других территорий Средней Азии.

Находки подтвердили ранее высказанные предположения ученых, что Алай входил по своей древней культуре в зону Памира и их населяли в древности одни и те же племена. Начало исследованию сакской культуры на Памире было положено советским археологом А. Н. Бернштамом. Он много лет посвятил изучению памятников кочевых племен в горных районах Киргизии, Таджикистана и Казахстана. Бернштам выдвинул гипотезу, что саки Средней Азии являются прямыми потомками населения поздней бронзы, обитавшего на этих территориях ранее. После долгих исследований и споров было накоплено

много конкретных аргументов в пользу этой гипотезы. И утвердилась она после основательных исследований К. А. Акишева, Ю. Д. Баруздина, К. Ф. Смирнова и особенно Б. А. Литвинского. Собранные Б. А. Литвинским и его таджикскими коллегами материалы на Памире окончательно подтвердили гипотезу А. Н. Бернштама — в погребальном обряде сакского времени на Памире полностью проявилась традиция эпохи бронзы.

По результатам археологических раскопок на Памире, анализа письменных источников с привлечением лингвистических, этнографических и антропологических данных Б. А. Литвинский выпустил замечательную книгу, посвященную памяти А. Н. Бернштама о древних кочевниках «Крыши мира». Полистаем ее страницы.

Общепризнано, что одним из важных источников прошлого народов Средней Азии и Ирана является «Авеста» (священная книга зороастрийцев). В ней встречается древнейшее название для среднеазиатских кочевников, которые характеризуются как «туры с быстрыми конями».

Археологи признают, что если исходить из принятого определения времени жизни Зороастра — первой половины V в. до н. э., — то уже тогда часть племен туров находилась в тесном контакте с оседло-земледельческими областями.

В то время также существовало и другое наименование этих кочевников — «саки». Первое упоминание о саках, по мнению некоторых археологов, относится к 641—640 гг. до н. э. в ассирийских анналах, где говорится о войне против Тугдамме, «царя Умак-манды» (царя саков).

Что говорят письменные источники

В клинописной надписи персидского царя Дария I в Накширустае (близ Персеполя) народ саки перечисляется

рядом со среднеазиатскими областями. В Бехистунской надписи Дария читаем:

«Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился в Сака. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать сражение. Когда я прибыл к водному рубежу, тогда на ту сторону его со всем войском перешел. Потом я наголову разрубил одну часть саков, а другую захватил в плен... вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого сделал (их) вождем, как на то было мое желание. Затем страна стала моей»¹.

Позднее о саках упоминается у «отца истории» Геродота. Он пишет: «Саки же носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так, что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагарисы — боевые секиры. Это-то племя называли амиргийскими саками. Персы ведь всех скифов называют саками»².

Еще в глубокой древности делались попытки осмысления этнонима «сак». Диодор писал, что племя скифов «широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами, и подобно им многие другие»³.

Современные лингвисты, которые занимаются этимологией слова «сак», имеют множество спорных аргументов. По одному из них слово «сак» должно означать «бегущий», «быстрый» или «странствующий, кочевой», что подходит к этим кочевникам.

¹ Цит. по кн.: Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С. 162.

² Геродот. История. Книга седьмая. Л., 1972. С. 333.

³ Цит. по кн.: Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». С. 157.

Тем не менее, все предложенные попытки объяснения происхождения и этимологии слова «сак» как советских, так и зарубежных лингвистов, на сегодняшний день полностью удовлетворительными считать нельзя.

По вопросу о расселении сакских племен также существует множество различных гипотез и предположений. Все они разработаны на основе данных древнеперсидских, древнекитайских источников, где говорится о саках.

Из свидетельства Геродота о том, что «персы всех скифов называют саками», в науке утвердилось отождествление амиргийских скифов и саков-хаумаварга древнеперсидских надписей.

О «саках, которые за Согдом», сообщают античные авторы Клавдий Птолемей, Квинт Курций Руф, Дионисий Перизет, Страбон. Но их сведения очень кратки и для определения месторасселения этого народа не дают точных данных. По Страбону следует: какая-то часть территории за Яксартом (Сырдарья) сначала принадлежала сакам и согдийцам, а впоследствии этот район перешел к сакам. Среди разных сведений Страбона, использовавшего в своей географии около 150 трудов предшественников с VI в. до н. э. до рубежа новой эры, особый интерес представляет для нас разъяснение автора о горной цепи Имай, под которой последующие авторы подразумевали Алай-Памир. Именно с этой местностью источники связывают и расселение саков-хаумаварга (или амиргии). Древнеперсидские клинописи сообщают и другие наименования саков, как дахи и массагеты.

О массагетах мы опять же узнаем из труда Геродота «История», в котором он пишет: «Массагеты носят одежду, подобно скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю. Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди

у них всех вещи»¹. Интересные сведения Геродот дает и об обычаях массагетов, о занятиях, о верованиях. «Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей, а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, это — солнце»².

Те неточные сведения, которые приводились и в других античных работах, породили в науке многочисленные гипотезы об отождествлении массагетов и их этнической принадлежности.

Обращаясь снова к Бехистунской надписи, где говорится о саках-тиграхауда, живших на западной территории Средней Азии, античные авторы сопоставляют их с массагетами. Так, Геродот пишет: «Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем»³.

Выводы ученых

Рассмотрев все дошедшие до нас исторические и лингвистические источники, проведя анализ научно-исследовательской литературы, Б. А. Литвинский заключает, что сложный вопрос о соотношении и локализации всех фигурирующих в источниках сакских или родственных им племен должен рассматриваться в связи с непрерывными изменениями в этногеографии и политической системе среднеазиатских кочевых союзов VI—III вв. до н. э.

¹ Геродот. История. Книга первая. 215. С. 79.

² Геродот. История. Книга первая 216. С. 79.

³ Геродот. История. Книга первая 201. С. 75.

Памир в это время заселяла, вероятнее всего, большая группа племен, называемых саки-хаумаварга в древнеперсидских надписях и саки-амиргии в античных источниках. Есть довольно убедительная, на наш взгляд, гипотеза, по которой названия «амиргий» или «хаумаварга» сопоставляются с Алайской долиной как «амиргийской равниной». «Что же касается «амиргийской равнины», — подводит итоги Б. А. Литвинский, — то мы склонны вслед за Херманом локализовать ее в Алайской долине, но считаем не исключенным, что под «амиргийской равниной» в широком смысле понималась и Ферганская долина. Представляется, что в эту группу входили (или примыкали к ней) и «саки, которые за Согдом» (по Средней Сырдарье). Следовательно, памирские саки входили в состав юго-восточных саков, а именно саков-хаумаварга»¹.

В политическом отношении это было огромное племенное образование — союз конфедеративного типа одной культурной общности, которая проявлялась в погребальном обряде и материальной культуре.

ТАЙНЫ САКСКИХ КУРГАНОВ

Плато Памира и террасы Алая буквально усеяны курганами. Это и цепочки, расположенные с юга на север, и компактные могильники, в которых еле заметные холмики чередуются с величественными насыпями в десятки метров высотой. Географы полагают, что 2—2,5 тыс. лет назад природные условия Памиро-Алая были несколько благоприятнее, чем теперь: более тучные пастбища, произрастали леса, мягче был климат. Это способствовало тому,

¹ Литвинский Б. А. Древние кочевники... С. 174.

что была большей и численность населения, отсюда и множество оставленных намогильных курганных сооружений.

Раскопки А. Н. Бернштама, Б. А. Литвинского, А. Д. Бабаева сакских курганов на Памире зарегистрировали почти исключительно скорченные погребения, тогда как в синхронных сакских курганах Тянь-Шаня скорченные были единичными.

Антропологические материалы, а также отдельные черты погребального ритуала, украшения из памирских и алайских курганов сакского времени дают основания для вывода о широких контактах саков во второй половине I тыс. до н. э. и демонстрируют памиро-индийские связи и контакты через Афганистан и Восточный Туркестан.

При раскопках было сделано много находок, с разных сторон характеризующих жизнь, быт и идеологию памирских саков. Оружие представлено бронзовыми и железными кинжалами — акинаками, щитами и колчанами, обшитыми кожей, разновариантными наконечниками стрел и копий. Из утвари неизменно обнаруживается множество керамических сосудов различного предназначения и отсюда — различной формы деревянная посуда, бронзовые небольшие котелки для повседневного быта и др.

Многочисленны украшения, исполненные в манере, «звериного стиля», наглазники из раковин, специально доставляемых с морского побережья Индии, каменные бусы и серебряные браслеты, золотые и бронзовые фигурки животных.

Погребения саков Памира и Алая свидетельствуют о том, что у них уже достаточно далеко зашел процесс имущественной дифференциации, образования племенной знати. Величественные «царские» курганы не только внешне символизировали былую мощь и силу сакских вождей и предводителей, но их богатейшее внутреннее убранство даже сейчас поражает своим богатством и числом

хоронившихся вместе с хозяином драгоценных предметов. Именно это и делало их заманчивым объектом древнейших грабителей.

Среди ассирийских документов имеется большой фрагмент письма, адресованного ассирийским агентом своему царю, в котором он восхваляет памирский лазурит. Агент просит у царя «больших военных сил», чтобы вывезти лазурит в Ассирию¹. Фрагмент свидетельствует о том, что ассирийские владыки посягали на памирский лазурит, но это требовало немалых усилий — местные жители давали отпор любителям чужих богатств.

Как сообщают персидские надписи, Памир в VI—IV вв. до н. э. в составе Бактрии входил в Ахеменидскую державу, созданную Киром. Бактрия была XII сатрапией и платила дань в 360 талантов ежегодно. Памирский лазурит, найденный археологами при раскопках древних городов Ирана и других стран, вплоть до Египта, возможно был ее составной частью, а также прибыльным товаром торговых операций древности. Источники того времени сообщают о неоднократных восстаниях местных жителей против персидского господства. В то же время саки-поселенцы, саки-воины и саки-рабы участвовали в создании экономического базиса и расширении политического господства Ахеменидского государства, а сакская культура и религия являлась важным компонентом культуры древнего Востока.

ВЕРОВАНИЯ И РЕЛИГИЯ

Религия саков Памира была языческой, в которой переплетались элементы тотемизма, анимизма, фетишизма и антропоморфизма. Саки Памира поклонялись божествам

¹ См.: Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1955. Т. 1. С. 48.

Земли, Неба и Солнца. О религиозных культах саков Памира можно также судить по найденным в сакских памятниках бронзовым столам и котлам, увенчанным вереницами зверей или шествующих животных. Они служили предметом для принесения жертв, курильницами и т. п. В сакский период, по мнению отдельных ученых, в контакте и при участии сакской культуры зарождается зороастризм. Это уже была религия единобожия, позже широко распространившаяся по всей Средней Азии, Ирану, Афганистану, Индии и ряду других стран. Названная по имени пророка Зороастра (персидский Заратуштра), в основе имеющая священный канон «Авесту», религия призывала к вере в единого бога Ахурамазду. Главную роль в ритуале зороастризма играл огонь — отсюда и столь много жертвенников и курильниц, сохранившихся с сакского времени. Зороастризм проповедовал борьбу двух «вечных начал» — добра и зла — и веру в конечную победу добра. Но, являясь сложной и многослойной религией, формировавшейся на протяжении длительного времени, зороастризм саков не являлся догматическим. Именно поэтому Дарий мог обвинить саков, что они не почитают Ахурамазду. Хотя и сам Дарий, как видно из его клинописей, признавал Ахурамазду не в качестве единого бога, а лишь как «величайшего из (многих) богов».

И здесь никак нельзя не согласиться с Б. А. Литвинским, что не существовало никакой единой сакской религии, а имелись сходные в основном и различающиеся в частности религии отдельных конфедераций и даже племен, о чем свидетельствуют как погребальный ритуал, так и комплексы ритуальных предметов¹.

Саки явились одним из компонентов субстратного слоя в этногенезе памирских народностей, оставили заметный след в этнической и культурной истории народов Средней Азии,

¹ Литвинский Б. А. Древние кочевники... С. 155.

Восточного Туркестана, Афганистана и Северной Индии.

Памиро-сакские племена участвовали в штурме Греко-Бактрии и проникли позже в Северную Индию, включившись таким образом в большие миграционные процессы рубежа новой эры, привнеся элементы своей культуры уже в новую культуру последующих этнических пластов.

Памиро-Тяньшаньский регион и на рубеже новой эры представлял собой район безраздельного господства кочевых народов, в среде которых происходили непрерывные процессы складывания и распада военных племенных союзов и государств. Возникающая кочевая цивилизация не была изолированной. Номады были в постоянном контакте, а временами вступали и в прочные связи с оседло-земледельческим миром оазисов Средней Азии, Ирана, Афганистана.

В межгорных долинах и ущельях Памиро-Алая продолжают привлекать внимание и молчаливые памятники — курганы рубежа нашей эры. Они мало чем отличаются по внешнему виду от сакских. Только тщательные раскопки, да скрупулезный сопоставительный анализ добытых материалов подскажет специалисту-археологу изменение в культуре, погребальном обряде и, следовательно, в этносе далеких обладателей этих памятников. Лишь они дают ученым материалы для составления картины жизни и быта как поздних саков, так и последующих поколений кочевников, заселявших Памиро-Алай к рубежу новой эры.

Удивительно то, что самые примечательные находки обязаны воле случая, не столько планомерным всеобъемлющим раскопкам, сколько случайности. Такие находки обычно называют кладом, даже если его специально не прятали, если это и был просто неразграбленный курган.

Так, случайная встреча английского колониального чиновника с грабителями в темной пещере, и ...Амударьинский клад начал свою еще неоконченную повесть о культуре Тохаристана второй половины I тысячелетия

до н. э. Или прокладка шоссейной дороги близ Алма-Аты, затронувшая один из многочисленных здесь курганов, и... обнаруживается знаменитое непотревоженное Иссыкское погребение юного сакского вождя.

Но, в то же время, многолетние целенаправленные раскопки киргизских археологов, свидетелями и участниками которых нам пришлось быть, и... только единичные находки ювелирной работы, оставшиеся после грабителей. Лишь изредка золотым отблеском даст о себе знать древнее украшение — шедевр.

Десятки лет на территории Афганистана работала археологическая французская экспедиция. С конца 60-х годов начались работы совместной советско-афганской археологической экспедиции. И многие годы шел рядовой, интересный, но обычный археологический материал. Пока не произошла сенсация. Но сначала немного предыстории.

ИМПЕРИЯ, ОТКРЫТАЯ ЮНЕСКО

Знойная осень 1968 года. Ученые самых разных специальностей — историки, археологи, этнографы, лингвисты, юристы и другие — собрались в Душанбе, столице советского Таджикистана, чтобы под эгидой ЮНЕСКО поведать всему миру об открытии новой страны, которая в древности — на рубеже старой и новой эры — охватывала огромные пространства Центральной Азии. Это было открытие огромной империи, названной Кушанской. В письменных источниках она приравнивалась к Великой Римской империи и Поднебесному Ханьскому государству. Согласно одному из текстов того времени, правитель Кушанской империи имел полный паритет с правителями Рима и Китая. Все они названы «сынами неба», разделявшими между собой мир.

В истории редко бывает, чтобы вот так неожиданно всплыла огромная новая империя, хотя и существовавшая два тысячелетия назад. После международного конгресса в Душанбе практически весь читающий мир узнал об открытии ученых.

Правда, это было сделано не вдруг и не совсем неожиданно. Уже в XIX в. находили отдельные предметы и монеты, которые ученые не в состоянии были датировать, не могли определенно отнести к какому-либо периоду или государству. Было известно имя некоего императора Канишки, но даты его правления оставались не-открытыми. В 1913 и 1960 гг. в Лондоне проходили специальные симпозиумы по хронологии правления Канишки, но вопрос не был решен. А материал все рос и рос. Случайные находки, поступившие в Британский музей в 1897 году с верховьев р. Окс (древняя Амударья), отдельные скульптурные изображения, обнаруженные французской археологической миссией в Афганистане и учеными Средней Азии, уникальные ювелирные изделия, несущие на себе печать местного производства и иноземного влияния, раскапывались в курганах Средней Азии и Памиро-Алая, в античных поселениях Ирана и Афганистана, пополняли коллекции и экспозиции музеев. Пополняли, но мало вносили ясности в общую картину древней истории. Сравнительно-археологический анализ давал относительную датировку этих памятников и предметов, начиная с первых веков до нашей эры и кончая первой половиной первого тысячелетия нашей эры. Но все это были разрозненные памятники и предметы, отдельные образцы ювелирно-художественного искусства древних народов. Лишь собранные воедино из музеев всех республик Средней Азии, в том числе и Киргизстана, для экспозиции на выставке в Душанбе, они сами заговорили о единой большой и многогранной культуре. Это была знаменательная веха в истории развития не только Востока, но и всемирной цивилизации. Определелись

и хронологические рамки Кушанской державы, просуществовавшей полтысячелетия — со II в. до н. э. до III в. н. э.

Раскопки курганов кочевых племен Средней Азии и Афганистана показывают нам истоки Кушанского государства, культуры тех кочевых племен, которые выдвинули из своей среды кушанскую династию. Правда, вопросы: откуда пришли эти новые племена, где их прародина и как они назывались — до сих пор продолжают оставаться во многом еще неясными. Письменные источники сохранили неопределенные сведения об этих племенах. Но мы знаем, что в Средней Азии в I тыс. до н. э. последовательно сменяли друг друга кочевники: саки и усунь, юэцзи и гунны. Здесь были древние государственные объединения с крупными земледельческими центрами, такими как Бактрия, Согдиана, Хорезм, Давань и другие. Но этого было мало.

Еще К. Маркс указывал на древнейшее сосуществование двух очагов культуры, на тесное взаимодействие земледельческих районов с миром кочевых племен, так характерное для многих государств и районов Востока. И раскопки ученых показали соседство и хронологическую синхронность курганных памятников древних кочевников и античных поселений земледельцев. В отношениях между номадами и земледельцами не все и не всегда шло гладко и мирно, но в основе лежало взаимодействие. Об этом красочно сказал в своем основном докладе на пленарном заседании Международной Кушанской конференции руководитель советской делегации Б. Г. Гафуров: «История взаимоотношений этих двух миров полна трагическими эпизодами — грабительскими набегами, истреблением мирного населения, уничтожением многих материальных и культурных ценностей. Однако нельзя забывать о том, что контакты кочевых и земледельческих племен и народов имели и многие положительные последствия. Это выражалось как во взаимообогащении культур тех и других, обмене хозяйственными навыками, так и нередко

в принципиально новых прогрессивных процессах социального и политического развития стран и областей, входящих в зону этих контактов»¹.

Как показывает пример с Кушанским государством, вторжение кочевников со своими традициями родоплеменной организации и крепкой военной структурой лишь временно нарушило обычную жизнь оазисов. Оно явилось важным фактором для поглощения, но не окончательного разрушения земледельческих районов Средней Азии, Афганистана, Западного Пакистана и Северной Индии, обусловило прекрасную почву для формирования Великого Кушанского государства. Кочевники вскоре сами стали горожанами со всеми вытекающими отсюда последствиями, а культура державы впитала в себя лучшие черты старой и пришлой новой культуры.

Три историко-культурных компонента: местный бактрийский, эллинский и кочевой соединились с самобытными традициями народов Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Индии и Ирана и создали тот своеобразный социально-политический и этнокультурный комплекс, который ученые характеризуют как кушанский мир.

Кушанский период был периодом интенсивных связей народов и культурного взаимодействия, обмена достижениями и традициями. Результаты проведенных археологических раскопок на территории советских республик Средней Азии, Афганистана, Ирана, Пакистана и Индии дают большие материалы и новые данные о вкладе древних народов Средней Азии в культуру Кушанской империи. Но, как бывает с каждым новым открытием, решение одной проблемы вызывает целый поток новых вопросов, которые требуют своего дальнейшего решения. Так и открытие Кушанского государства не уменьшило числа нере-

¹ Гафуров Б. Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация. М., 1968. С. 7.

шенных вопросов истории данного региона, а выдвинуло новые проблемы, настоятельно требующие своего решения, проблемы, над которыми трудятся ученые Киргизии и других среднеазиатских республик, а также Афганистана и соседних с ними стран.

И одна из основных проблем — это истоки, предыстория Кушанского государства. А здесь не обойтись без памирских кочевников. Кушанская культура как синтез целого ряда культур местных и пришлых народов имела предшественников. Эпицентром этой предыстории Великих Кушан была знаменитая Бактрия, занимавшая территорию южной части Средней Азии и север Афганистана, включая Памир.

СОКРОВИЩА ОКСА

Обратимся к одному из самых известных памятников Северной Бактрии, который был обнаружен в Средней Азии, разграблен в Афганистане, перекуплен в Индии, доставлен в Англию и составил жемчужину знаменитого Британского музея в Лондоне. Это так называемые «сокровища Окса», «Амударьинский клад»¹.

История его обнаружения и даже введение в научный оборот раскручивается как настоящий детектив. Весной 1880 г. бухарские купцы Вази ад-Дин, Гулям Мухаммад и Шуркер Али шли с караваном из Самарканда в Индию. Бурные воды мутной Амударьи стали серьезным препятствием для каравана. Нет, купцы не боялись коварных омутов. Они боялись коварства сильных мира сего. За рекой начинались владения афганского эмира. Он очень нуждался в деньгах и отбирал все до последнего таньга

¹ См.: Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979; *Ставицкий Б. Я.* К югу от Железных ворот. М., 1977. С. 8–21.

¹² Том X. В. М. Плоских

у проезжающих. И опять на сцену выступает его величество случай. Случайно купцы узнают, что жители с. Кобадиян в 1877 г. нашли бесценные сокровища у размытых берегов реки Амударьи, рядом с древней крепостью Тахти-Кават. Купцы хорошо знали, что английский наместник Индии лорд Литтон — археолог-любитель и собиратель древностей. Он даст хорошую цену за шедевры из золота. Сделка была заключена, и купцы продолжали путь. Караван был уже на пути из Кабула в Пешавар, когда группа разбойников соседнего кочевого племени напала на него и разграбила. Это произошло в один из майских вечеров 1880 г. Одному из слуг удалось бежать от грабителей, и в 9 часов вечера он явился на пограничную заставу в долине Тезин к английскому капитану Ф. Бартону.

Позже Бартон в стиле Конан Дойля описал картину своего нападения на грабителей. Вот он с двумя ординарцами внезапно появляется среди ночи в пещере. Здесь грабители яростно делят так внезапно свалившиеся на них сокровища. Уже валяются раненые. Остальные так заняты дракой, что не заметили появления капитана.

Храбрый воин обращает грабителей в бегство, но, не желая рисковать, сам проводит остаток ночи в пещере.

На другой день разбойники, боясь как бы Бартон не двинул войска против их кочевий, добровольно явились в пограничный лагерь и возвратили большую часть добычи. Благодарные купцы уговорили храброго капитана принять от них золотой браслет прекрасной работы, который являлся украшением сокровищницы. Для истории следовало все записать. И, по инициативе Бартона, один из купцов, а именно Вази ад-Дин показал, что золотые и серебряные украшения, сосуды из золота, серебряные и золотые идолы, а также знаменитый браслет были ими куплены у жителей побережья Окса. Жители утверждали, что они найдены в одном месте и относятся ко времени Александра Македонского, а также, что часть сокровищ уже была

ранее отправлена вице-королю Индии лорду Литтону.

В Равалпинди клад был продан перекупщикам, постепенно скуплен генералом А. Каннингхемом, затем попадает к коллекционеру У. Фрэнку и лишь от него переходит в Британский музей. При поступлении в Британский музей в 1897 г. эта коллекция была зарегистрирована лаконичной записью как «большое количество утвари и художественных изделий преимущественно из золота, присланных в Англию некоторое время тому назад с северо-западной границы Индии».

Сокровища Окса насчитывают без малого 200, главным образом, золотых предметов и почти полторы тысячи монет. Столетие спустя после находки они впервые демонстрировались в Государственном Эрмитаже, в стране, на территории которой некогда были обнаружены. В ответ в Британский музей была отправлена на экспозицию эрмитажная коллекция «Сибирское золото». Этот обмен выставочных коллекций был не случаен, так как стиль многих предметов и художественные особенности коллекции «Сибирского золота» и «Амударьинского клада» во многом перекликались и дополняли друг друга. Немало изделий было выполнено в так называемом скифском или сакском «зверином стиле», для которого характерно переплетение множества фигур в одном сюжете. Этот стиль был типичен для курганных памятников от Монголии и Горного Алтая, Тянь-Шаня и Памиро-Алая до Причерноморья.

Что же это за предметы?

Вот перед нами культовые статуэтки из золота и серебра, миниатюрная модель полного комплекта колесницы, изображения на золотых пластинах жрецов, пара массивных браслетов со змеиными головками «звериного» стиля и тесно связанные с ними фигурки животных IV—III вв. до н. э., по происхождению явно из кочевого мира. Аналогичные предметы были обнаружены в курганных могильниках, так называемых «царских» погребениях саков, в Центральном

Тянь-Шане И. Кожомбердиевым, в Турасуйском могильнике на Иссык-Куле В. Мокрыниным, Б. А. Литвинским и его таджикскими коллегами на Памире, А. Абетековым на Алае. Особенно близки между собою по стилю, форме изображения литой бегущий олень Амударьинского клада и такой же джейран из Иссык-Кульского кургана. Ноги обеих золотых фигурок на прямоугольных пластинках, в которых имеются отверстия для крепления. Причем джейранчик имеет характерную особенность: одна из его ножек была повреждена и в свое время «подреставрирована», правда, довольно неумелым ремесленником.

Аналогичный предмет из неграбленного кургана Иссык, близ Алма-Аты, позволил определить предназначение подобных украшений. Они служили наверху остроконечного колпака сакских вождей. Это чисто сакские предметы ювелирного искусства, выполненные в реалистической манере.

В материальной культуре саков Прииссыккуля имеется еще ряд параллелей и аналогий с Амударьинскими сокровищами. В 1973 г. одним из авторов книги и В. Мокрыниным была обнаружена коллекция замечательных нашивок на одежду, случайно найденная школьниками у с. Барскаун. В коллекции имелись прямоугольные пластинки, которые по форме, размерам и орнаментации бордюра живо напоминали бляшки с изображением жреца из Амударьинского клада. Только изображение жреца было заменено на барскаунских пластинах изображением священного «древа жизни». Здесь же имелась и ступенчатая «зиккуратообразная» бляха. Точно такие же фигуры украшали щиток Амударьинского перстня.

Тесные связи между населением Киргизии и Северной Бактрии прослеживаются и по другим памятникам. В могильнике Тура-Суу В. Мокрынин нашел диадему, составленную из золотых сигмаобразных бляшек. Единственную аналогию ей можно найти лишь в диадеме из Тулхарского

могильника, раскопанного А. Мандельштамом в Южном Таджикистане. Все изделия несут на себе печать как местного производства, так и сильного греко-бактрийского влияния. Амударьинский клад содержит разнородные предметы, которые не позволяют точно его датировать. Предметы различны по художественному стилю, а монеты — различного времени. Это склоняет ученых к мысли, что сокровища Окса не были отдельным, единовременным кладом, а составлялись длительное время. Большинство же их можно отнести к IV—III вв. до н. э.

При обращении к кладу, который найден в Средней Азии, избавлен от грабителей в Афганистане и получил вторую жизнь в фондах Британского музея, перед исследователями стояло много вопросов. И один из первых — чем был клад для его последнего владельца. Либо это — остатки погребения, в котором вещи собраны по признаку ценности. Либо это — родовое сокровище, собиравшееся несколько столетий. Либо это — ценности родовой бактрийской семьи, сокрытые, но не взятые обратно владельцами. Но, в любом случае, неоспоримым и убеждающим всех фактом является длительность собирания клада.

Можно предположить, что самые древние предметы из сокровищ, принадлежащие к VI в. до н. э., сформировались за пределами Бактрии. Не исключено, что их начал собирать в IV в. до н. э. один из предводителей войск Александра Македонского. Он участвовал в дележе добычи полководца и возил сокровища с собой, пока не осел в Бактрии. Второй этап пополнения сокровищ — в самой Бактрии. Это предметы, которые отличаются характерными признаками местного производства. Третий этап и третья группа драгоценностей связаны со степным миром кочевников. Либо клад мог достаться амударьинскому кочевнику, либо предметы искусства кочевого мира каким-то образом попали в сокровищницу бактрийца. Таким образом, ученые в кладе четко просматривают три компонента, три художественные

школы или даже, можно сказать, три мира: эллинистический, местный бактрийский и горно-степной, кочевой.

В последний компонент, т. е. в горно-степной кочевой мир, мы на основании вышеперечисленных фактов вправе включить и высокогорные территории Памира и Тянь-Шаня. Вовсе не исключено, что среди сокрушителей эллинистической Греко-Бактрии и созидателей Кушанской державы были сакские племена, обитавшие на Памире. Однако окончательная разгадка тайны Амударьинского клада за учеными, и она еще впереди. Каждая новая находка, каждый новый раскрытый курган или тайник античного поселения приближает нас к разгадке этой тайны. Но теперь уже несомненно то, что традиции художественного искусства, заложенные местными народами Средней Азии, не исчезли, а были осмыслены, восприняты и развиты дальше последующими поколениями. И самое яркое доказательство этого — так называемое «золото Кушанской Бактрии» — драгоценности богатейшего некрополя около современного г. Шибарган в Афганистане, открытого советско-афганской археологической экспедицией в 1978 г.

...Пророчески прозвучало выступление на кушанской конференции в Душанбе ленинградского археолога А. Мандельштама. В своем рассказе о раскопках советскими учеными в Средней Азии курганов кочевников эпохи ранних кушан А. Мандельштам ратовал за настоятельную необходимость проведения целенаправленных археологических работ не только в советской Средней Азии, но и на территории Афганистана, Индии, Пакистана, где вероятность обнаружения кочевнических могильников велика, а их исследования позволили бы значительно конкретизировать наши представления о соотношении различных этнических элементов в Кушанском государстве¹.

¹ *Мандельштам А. М.* Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных. В кн.: Международная конференция

ЦАРСКИЙ МОГИЛЬНИК ТИЛЛЯ-ТЕПЕ

Прошло десять лет. И вот осенью 1978 года весь мир облетела весть об «открытии века» — сокровищах Тилля-тепе в северном Афганистане, не так далеко от верховьев Амударьи. Сотни рабочих-землекопов трудились над расчисткой храма конца II тыс. до н. э. Неожиданно лопата вывернула золотые украшения, относящиеся явно к более позднему времени, к кушанской эпохе. Впускные погребения нарушали античные слои, но так как и храм, и некрополь позже были засыпаны песками и землей и не оставили внешних признаков, то они чудом сохранились неразграбленными. Это оказался царский могильник с фантастически богатыми погребальными предметами. Руководитель экспедиции с советской стороны, доктор исторических наук В. Сариниди высказал предположение, что это были захоронения местных правителей, которые, предвидя последующее ограбление и осквернение могил предков, тайно хоронили своих соплеменников на заброшенном к этому времени городище¹. На глубине одного метра под деревянным настилом и плетеными циновками лежали костяки, буквально усыпанные золотыми украшениями.

Затаив дыхание, слушали мы рассказ В. И. Сариниди о раскопках Тилля-тепе на всесоюзной конференции в Эрмитаже, посвященной памятникам древнего и средневекового искусства Киргизстана в июне 1983 г.

За сезон было раскопано 7 могил царского некрополя, в которых обнаружено свыше 20 тыс. золотых изделий, в том числе крупные предметы художественного искусства, такие как короны, подвески, ожерелья, пекторали, браслеты,

по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. — Тезисы докладов и сообщений советских ученых. М., 1968. С. 39.

¹ Сариниди В. И. Сокровища Золотого Холма. В кн.: Наука и человечество. 1983. С. 65—80.

перстни, ножи, кинжалы и пр. На многих ювелирных изделиях ярко прослеживается греческое влияние, эллинистические традиции, которые уходили своими корнями в греко-бактрийский мир, т. е. мир амударьинских сокровищ. Но монеты, найденные в могилах, как золотые, так и серебряные, были чеканены в Риме, Парфии, Индии, что и позволило довольно точно датировать захоронение рубежом нашей эры, т. е. эпохой великих кушан. Не исключено, что именно в районе современного г. Шибарган в Афганистане находилась резиденция одного из правителей кушан ранней эпохи, пришедшего сюда из среднеазиатских пределов.

Поселившись за высокими стенами античного города Емши-тепе, представители бывших кочевников, ставшие правителями государства, здесь же хоронили своих умерших предков с ослепительным, поистине варварским великолепием. Наряду с привозными изделиями в погребениях множество золотых фигурных бляшек явно местного происхождения. Особенностью последних является синкритический стиль, соединяющий эллинистическое влияние греко-римского мира с искусством горных и степных кочевников, так называемым «звериным стилем» саков. Здесь же встречаются зооморфные изображения, фантастические драконы, целые художественные композиции. Вот золотые нагрудные застежки, на одной из них древний воин в полном боевом облачении, у ног дракона, в головах птицы с развевающимися лентами. На второй застежке — крылатые амуры. А вот золотая бляшка с изображением человека, на плечах которого покоится дельфин. Рядом золотая подвеска, в центре ее фигура кушанского правителя, борющегося с двумя драконами, ниже на золотых цепях свисают круглые золотые бляшки. Вероятно, в качестве печатки использовалась литая золотая бляшка с изображением богини Афины. Золотая грива и застежка, отлитые в виде двух половинок с одинаковым скульптурным изображением воина, напоминают греческого бога войны

Ареса. Примечательна золотая пластина с барельефным изображением поверженной лошади, на которую напали два разъяренных крылатых дракона.

Все сокровища были тщательно расчищены, пронумерованы и надежно упакованы для транспортировки. находки сразу же заняли достойное место на стендах Кабульского национального музея. Это был самый значительный в стране и уникальный по своей коллекции музей, которому вполне могли позавидовать многие крупнейшие музеи мира. В больших залах двухэтажного особняка располагалась экспозиция памятников культуры доисторических времен Бактрии и эллинизма, Кушан и буддизма, ислама. Летом 1978 г. было заключено соглашение между Кабульским музеем и Государственным музеем народов Востока СССР, предусматривающее дальнейшее сотрудничество по исследованию античных ценностей.

Раскопки, поведавшие миру о богатейших погребениях первых кушанских правителей, неожиданно и ярко открывшие одну из ранних страниц истории государства кушан, так многообещающе обнадежившие ученых всего мира, после прихода к власти предателя афганского народа Амина были приостановлены. Более того, с истинным вандализмом поступили с Тилля-тепинскими находками. По приказу из резиденции Амина — дворца «Гольханэ» — помещение музея передавалось генеральному штабу армии. Срочно, в течение суток следовало «очистить» музей. Лихорадочно упаковывались в подручные средства бесценные античные скульптуры, старинное оружие, уникальные археологические находки, в том числе и сокровища Тилля-тепе. Отныне им отводился так называемый «дом Наима» — тесное здание в бывшем королевском дворце. Ящики в беспорядке свалили у здания и... «забыли» о них. Но не все. Грабители и нечистые на руку дельцы были тут как тут. Часть экспонатов перекочевала во дворец Амина и позже оказалась за границей.

Сразу после падения режима узурпатора власти Амина в январе 1980 г. по решению правительства ДРА была срочно организована особая государственная комиссия, одна из задач которой заключалась в выяснении судьбы сокровищ Тилля-тепе. Комиссия установила, что некоторые уникальные предметы некрополя: золотые украшения, браслеты, украшенные головками хищных животных, массивные золотые пряжки, подвески и пр. — через кабульских антикваров были перепроданы за огромные суммы за границу. Наглым и беспрецедентным по своим масштабам грабежом национальных богатств назвал эту акцию вандализма аминовского правления министр информации и культуры ДРА, заклеив ее как характерную черту кратковременного зловещего правления клики Амина. Лишь после того, как начался второй этап революции и народ снова взял власть в свои руки, сокровища Тилля-тепе были снова водворены на место и стали достойным украшением экспозиции древнейшего искусства народов Афганистана. Что же касается ценностей, следы которых ведут за границу, то им место также лишь на стендах Кабульского музея. Только афганский народ имеет на них полное и законное право.

Сокровища Тилля-тепе были открыты десятилетие спустя после кушанской конференции в Душанбе, где на выставке экспонировались уникальные предметы другого неограбленного могильника, открытого в 1954 году в Киргизии.

Синхронный некрополю Тилля-тепе могильник Кара-Булак (I–IV вв. н. э.) расположен на территории Баткенского района Ошской области. Этот могильник — чрезвычайно редкое явление в практике археологов. Ценность его в том, что могильник представлен не царскими, а рядовыми захоронениями. Специфические климатические условия — лесовая почва, предгорные склоны, сухой климат — создали природную среду, способствующую даже естественной мумификации. Сохранилось дерево, обрывки шелковой

расписной ткани, мумифицированные погребения. Исключительно многообразный погребальный инвентарь характеризует рядовую, а не пышно-ритуальную культуру кочевников периферии Кушанской империи. Но встречаются также и высокохудожественные предметы ювелирного производства. В частности, ручка бронзового зеркала в форме женской фигурки, небольшие бронзовые статуэтки, оригинальные керамические изделия, плетеные корзинки и пр. Они перекликаются в определенной мере с предметами из некрополя Тилля-тепе, во всяком случае, принадлежат к единой культуре кушанского мира. Могильник в 1950-х годах начал раскапывать археолог Ю. Д. Баруздин, позже, уже в 70-х годах, раскопки продолжил В. П. Мокрынин.

КУРГАНЫ АЛАЯ

А что же в это время в культурном, этническом и политическом плане представлял Памиро-Алай? Нам пришлось четыре полевых сезона (1961–1962 и 1966–1967 гг.) участвовать в раскопках разнохарактерных курганов Алая, оставленных кочевниками VI в. до н. э. — VII в. н. э. К сожалению, все материалы Ю. Д. Баруздина сгорели во время аварии машины, а результаты раскопок отряда А. К. Абетекова, продолжившего пятилетие спустя раскопки на Алае, так полностью и не опубликованы. Поэтому обратимся к дневниковым записям, которые вел один из авторов (В. Плоских) во время этих работ. Попытаемся по этим кратким и далеко не отчетным в научном плане записям, а также используя другую имеющуюся литературу, представить картину исторического прошлого края в это время.

В работе археологического отряда Ю. Д. Баруздина принимали участие: В. Плоских, В. Мокрынин, Л. Андреева, художник С. Ф. Мохов, студенты КГУ Р. Ковалева

и Л. Крапива, ученики фрунзенских школ А. Соколов, М. Сафаргалиев, Н. Малый, Н. Князев, П. Курилин, В. Жердев, А. Гендель, Т. Горбунова. В первый же год разведочными маршрутами удалось охватить все основные ущелья и урочища восточной части долины, выявить около 15 могильников и раскопать в семи пунктах свыше 100 разновременных курганов.

В юго-западной припамирской зоне были частично раскопаны могильники: Кургак, Нура, Билиули. В могильнике Кургак, что на правом берегу р. Кызыл-Су, в одноименном узком ущелье, было всего 20 каменных курганов. Из них раскопали 11. Это обычные курганы среднего размера (диаметром метра в три), оконтуренные круглой оградкой из больших камней. Немало встретилось и так называемых кенотафов, или жертвенных мест, без каких-либо признаков захоронения. Так, считают археологи, делалось, когда соплеменник умирал где-то далеко на чужбине, обычно в боевом походе или сражении. В других курганах был обнаружен ординарный материал: керамика, бусы и другие украшения. Все курганы оказались ограбленными еще в древности, и археологам достались лишь жалкие крохи с обильного «стола» древних грабителей.

Другой могильник, Нура, расположен у впадения р. Нура в р. Кызыл-Су (кашгарскую) в нескольких километрах от населенного пункта Иркештам. В могильнике насчитали 50 разновременных каменных курганов, разбросанных по обоим склонам бурной речки.

Могильник Туюк расположен на правом берегу р. Гульча (145 км шоссе Ош — Хорог, связывающего Ферганскую долину с Памиром). Он является наиболее крупным среди известных курганных могильников Алая. Он содержал свыше 150 курганов, размеры которых достигают 40—50 м и диаметре при высоте 4—5 метров. Здесь нанесли на план курганы четырех типов: 1 — большие земляные курганы с ровом по основанию и большой воронкой в центре;

2 — земляные курганы полусферической формы; 3 — каменные оградки прямоугольной формы; 4 — невысокие каменные наброски.

Раскопали 17 разновидных курганов.

Туюкский комплекс величественных курганов позволяет нам высказать предположение, что именно здесь находилась в древности верховная ставка вождей могущественного племенного союза воинственных кочевников. При раскопках нашли несколько костяных накладок на лук древнего охотника или воина (по аналогии определили датировку — рубеж н. э.). В одном из курганов нашли верхнее колесо от жернова — домашней мукомолки. Следовательно, кочевник уже более 2-х тыс. лет назад занимался и земледелием в припамирских районах. Но больше всего мы пришли в восторг, когда под щеточкой одного из школьников блеснула настоящая золотая серьга древней модницы. То ли грабители ее не заметили в темноте, то ли обронили в спешке, но теперь золотая серьга была призвана уже служить науке. По аналогии с другими ювелирными изделиями можно было судить о связях населения Алая с другими районами Ферганы, Тянь-Шаня, Памира.

Мы были в этой местности впервые. Но дикие утесы, глубокие расщелины и редкие кустарники Туюка напомнили что-то хорошо знакомое, казалось бы, уже где-то виденное. Позже один из встреченных аксакалов сказал, что именно здесь снимался знаменитый фильм «Джульбарс». Мы так и не проверили, насколько это правда, но как-то сразу поверили в это, и воспоминание о Туюке навсегда осталось связанным с «Джульбарсом».

Могильник Кашкасу зарегистрировали к западу от перевала Талдык, в узкой долине, образованной реками Талдык и Кашкасу. Насчитали свыше 200 курганов трех типов: каменные прямоугольные или овальной формы, иногда с несколькими стоящими камнями; каменные с воронкой в середине, земляные курганы. Раскопали 8 курганов,

среди которых оказалась одна катакомба — глубокое захоронение с юртообразным углублением, к которому подведен длинный ход — дромос.

На второй год (1962) разведочными маршрутами были охвачены нижнее и среднее течение рек Кок-Су и Кызыл-Су, ущелье Караванкуль. Перед нами то ослепительно блестел на солнце, то покрывался тяжелыми серыми тучами величественный пик В. И. Ленина — одна из величайших вершин Памира. То и дело проезжали группы альпинистов, прибывших на покорение пика. А мы в предгорных урочищах разыскивали, наносили на карту и выборочно раскапывали двухтысячелетней давности курганы — памятники давно прошедших эпох, нарушенные древними грабителями — любителями легкой наживы. Среди многочисленных курганов различной величины на загоревших до черного блеска валунах встретили три группы наскальных рисунков. Их некогда оставили на кочевых тропах древние жители. Традиционные козлики, примитивные человечки, сцены охоты — вот непривлекательные сюжеты рисунков древних художников. Они в большом количестве встречаются в Фергане и на Тянь-Шане, гораздо в меньшем — в горах Памира. И вот мы впервые их обнаружили на древних кочевых тропах, связывавших Фергану с Памиром.

Интересны и, без сомнения, особо ценны в исторической перспективе были курганы урочища Караванкуль (буквально — «караван рабов»). Само название говорило о его назначении в старинные времена — караванная дорога. Это было ущелье длиной в 26 километров, по которому проходили торговцы и кочевые орды из Ферганы в Восточный Туркестан. Исследователи считают, что именно здесь должна была пролегать трасса знаменитого «шелкового» пути на рубеже нашей эры. В урочище зарегистрировали более 15 групп курганных могильников. Привлекла внимание группа из 14 курганов, расположенных сразу после

спуска с перевала в местность Икизьяк. Нас встретили памирские охотники за архарами. Здесь же находились и их трофеи — несколько освежеванных горных баранов, которыми так знамениты высокогорья Памира и Тянь-Шаня. Попытались было принять участие в охоте и сотрудники археологического отряда, но тягаться с профессионалами, охотниками Памира, было не под силу. Местные жители сами легко, не хуже горных козлов, прыгали по крутым склонам, и вскоре мы потеряли их из виду. Лишь далекие выстрелы, громким эхом отозвавшиеся по урочищу, показали, что охотники настигли добычу. Увидели и стадо спугнутых архаров, быстро уходящих вверх по крутому склону урочища.

Охотники поведали, что курганы до нас никто не раскапывал, и вообще — они в горах встречали одних геологов. Нас тоже первоначально приняли за геологов, даже потребовали предъявить документы — ведь граница была буквально в двух шагах.

Первичные выводы, к которым пришел Ю. Баруздин после двухлетних раскопок, заключались в следующем:

- основными носителями культуры большинства курганов Алая были сакские племена;
- открытие погребений в каменном ящике свидетельствовало о непрерывном пребывании населения в этом припамирском районе с эпохи бронзы до железного века;
- наличие расписной керамики, датируемой V—III в. до н. э., позволяет говорить о культурных связях Ферганы через Алай с Памиром, но ограниченное число памятников с такой керамикой — о проникновении лишь небольшой группы племен, носителей этой культуры, на Алай, либо об их «транзитном» шествии через Алай на Памир.

К сожалению, ни обобщить, ни опубликовать материалы раскопок Ю. Д. Баруздин не успел. Работы, рассчитанные

как минимум на пять лет, только начинались, исследования лишь разворачивались, и никто не думал о трагическом конце руководителя отряда.

Через пять лет раскопки курганов Алая продолжил киргизский археолог А. К. Абетеков, с которым нам пришлось работать уже как «ветеранам» Алая. Прошли по уже знакомым маршрутам, фиксировали новые памятники, проводили выборочные раскопки. Все тот же Туук, тот же Караванкуль, могильник Джалпак-Добе в урочище Демей, Дараут-Курган и др. Первоначально не отличались новизной и находки. Вот железный акинак — короткий сакский меч, плоские и треугольные наконечники стрел, бронзовые и железные ножи, костяные накладки лука, керамические и деревянные чаши — предметы вооружения и быта древних кочевников. О наклонностях и интересах древних модниц поведали бронзовые зеркала, серебряные и золотые серьги, бронзовые кольца и булавки для зажима волос, многочисленные россыпи бус, каменные палочки для подкрашивания бровей — сурьма-таш — и другие украшения, нередко с довольно изящной отделкой и приятной формы.

Но основная находка, сенсация раскопок, произошла несколько позже, когда экспедиция уже сворачивалась. Многие участники разъехались, и лишь неутомимый А. К. Абетеков дочислал последний курган.

Небольшое урочище Демей в 25 км от перевала Талдык асфальтированной трассы Ош — Хорог. Здесь в 1962 г. отряд Баруздина раскопал 15 курганов, но ничего примечательного они не принесли. Абетеков решил вскрыть еще десяток курганов из окружающей сотни. Сенсацию принес восьмой курган. Он оказался единственным неограбленным курганом и сторицей воздал долготерпению археологов.

Но последуем за рассказом самого А. К. Абетекова, поведавшего о примечательном кургане в сборнике «По следам памятников истории и культуры Киргизстана».

АНТИЧНАЯ ВАЗА АЛАЯ

Это был катакомбный курган с нетронутым дромосом, т. е. входной ямой. Катакомба представляла собой как бы маленькую полую юрту неправильной формы, размерами 2 на 1,2 м и высотой около метра. Дно ее когда-то устилали арчовые доски, на них вместо костяка захороненного лежал небольшой деревянный брусок в четверть метра длиной, конец которого увенчивала миниатюрная маска; глаза, ноздри и рот очерчивались прорезями.

Обычай захоронения знатных вельмож с золотыми масками, наложенными на лицо, был не массовым явлением, но и не единичным фактом. Золотые маски были обнаружены еще ранее, в 1958 г., в Шамшинской катакомбе у склона Чуйского Ала-Тоо, в Кетмень-Тюбинских могильниках Центрального Тянь-Шаня. Так что аналогии имелись. Не уникальными были и другие украшения: золотые серьги, перстни, медальоны, инкрустированные гранатовыми камнями, золотые лепестки для нашивки на одежду и прочие украшения. Сохранились даже фрагменты шелковой ткани с золотым узорным шитьем. Хронологический диапазон бытования подобных украшений в кочевой среде был очень велик и достигал полутысячелетия. Большинство исследователей начинают их датировать рубежом нашей эры. Они перекликались и вполне могли оказаться в золотом кургане Афганистана — Тилля-тепе, или быть в Амударьинском кладе, могли быть вскрыты в могильнике Памира или Центрального Тянь-Шаня.

Все это были хоть и примечательные, но вовсе не уникальные в своем роде находки. Если бы не... уникальное произведение античного искусства — узорная стеклянная ваза, боковые выступы-ручки которой представляли собой мастерски отлитые головки львов. Стеклянная античная ваза III—IV вв. н. э.! Явно предмет эллинистической культуры с богатым резным декором, ручками в виде львиных

головок, впервые найден в припамирском районе. Первооткрыватель кургана А. К. Абетеков пришел к заключению, что обнаружение позднеантичной вазы в комплексе с чисто кочевническими предметами украшения в едином кургане — свидетельство взаимосвязей, взаимодействия и взаимообогащения древних культур обширных регионов¹.

Известный исследователь археологии Памиро-Алая А. Н. Бернштам, за три десятилетия до этого производивший раскопки курганов на Алае, писал, что Тяньшано-Алайский массив нельзя было оставлять в тылу на трассе торгового пути, его нельзя было обойти, потому что прокладывался путь, связывающий Запад с Востоком. Именно поэтому подступали к нему, пытались овладеть все завоеватели прошлого, от Александра Македонского до Тимура и кокандских ханов².

Алайские курганы начала первого тысячелетия н. э., раскрывающие свои тайны, также, возможно, следы больших международных связей кушанской эпохи, в которой не последнее место оставалось еще за кочевым миром.

В науке так и случается: чем больше открытий, тем больше новых вопросов они ставят перед исследователями. Открытие кушанского мира, заполнив страницу мировой истории, поставило перед учеными столько новых вопросов, выявило столько неизвестных лакун и белых пятен, что их исследование не только не сворачивается, а наоборот, все более расширяется. И каждый год археология приносит все новые и новые открытия. Памиро-Алай также не исчерпал своих возможностей. Раскопки следует продолжать. Еще ждут своего исследования курганы тюркских кочевников, начавших продвижение на Запад в середине

¹ По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982. С. 32—35.

² Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26. М.—Л., 1952. С. 14.

первого тысячелетия н. э. Единичные каменные изваяния, обнаруженные на Алае, показывают, что в это время и на Памире появляются первые признаки тюркской культуры.

Переключка археологических предметов, ювелирных сокровищ, обнаруженных в Киргизии и Афганистане и вновь заигравших, но уже не на одежде и оружии древних, а в витринах музейных экспозиций — свидетельство некогда общих корней культуры, ощутимые следы тесных взаимосвязей народов, издревле населявших территорию Тянь-Шаня, Памиро-Алая и Гиндукуша, современных Киргизской ССР и Демократической Республики Афганистан.

ЗАСЕЛЕНИЕ ПАМИРА КИРГИЗАМИ

Гипотезы

Изучение вопроса о заселении киргизами Памира связано с рядом трудностей. Отсутствуют, например, письменные источники, прямо свидетельствующие об этом. Отдельные факты, которыми располагают ученые, не все в равной степени достоверны. Некоторые из них можно проверить лишь косвенными свидетельствами. Поэтому среди исследователей нет единого мнения, и нам приходилось искать свое решение вопроса о заселении Памира киргизами. В литературе до последнего времени дискутируются самые различные точки зрения. Дело в том, что непосредственно письменных источников у коренного населения не имелось. Отсутствуют сведения о раннем этапе заселения Памира и у других соседних народов; фольклорные материалы, местные предания и генеалогии дают скорее мифологическую картину и могут быть достоверны, в лучшем случае, до «седьмого» колена предков.

Если обратиться к научной литературе, то оказывается, что большинство ученых связывает появление киргизов на Памире с XVII в., когда под давлением ойратских захватчиков киргизы с Тянь-Шаня были частично вытеснены в Фергану, на Памиро-Алай и в Восточный Туркестан. Ссылаясь на восточные источники, в частности, на широкоизвестное компилятивное сочинение XVII в. Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар» — «Море тайн», В. В. Бартольд писал, что первые 12 тыс. семейств киргизов, «считавшихся кафирами», под начальством двенадцати предводителей зимой,

в месяце раджабе 1045 г. хиджры, (что соответствует декабрю 1635 — январю 1636 г. европейского летосчисления), через труднопроходимые перевалы Каратегинского хребта (высота до 4 тыс. м) прибыли в Гиссар и были приняты там узбекским правителем Балха.

Другие историки, в частности, Н. Я. Бичурин, В. Шотт, Ч. Валиханов, А. Левшин, ссылаясь в основном на китайские источники, относят появление киргизов на Памире к древнейшим временам, отождествляя этноним «киргиз» с термином «булу» или, в китайском произношении, «пулуфулу», т. е. «бурут»¹. Бурутами в некоторых источниках, в том числе и в русских, в XVIII в., да и в XIX в., называли иногда киргизов.

Наличие столь больших хронологических расхождений и взаимовключающих мнений объясняется прежде всего сложностью самого процесса этногенеза киргизского народа, дискуссионностью до последнего времени этой крупной проблемы.

Учитывая все это, попытаемся рассмотреть вопрос о происхождении киргизов, расселении их по Тянь-Шаню и Памиру, проанализировать источники, позволяющие рассмотреть гипотезу о пребывании киргизов на Памире с первого тысячелетия н. э. Попытаемся разобраться в этом запутанном и многогранном процессе.

РАННИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Впервые сведения в письменных источниках о киргизах в переводе с китайского на русский язык были представлены Н. Я. Бичуриным. Николай Яковлевич Бичурин (в монашестве — О. Иакинф) возглавлял 14 лет православную

¹ См.: Маанаев Э. Памирские киргизы. Фрунзе, 1963.

духовную миссию в Пекине, собрал и перевел основные сведения китайских летописей о среднеазиатских народах, заложив таким образом основы научного их изучения. Уже в древних китайских исторических сочинениях в разных написаниях встречается этноним гэгунь, гяньгунь, кигу, гэгу, хэгусы, хягясы¹.

Большинство китайских и европейских ученых видят в этих названиях этноним «киргиз». Однако существует также мнение, что это — название другого, самостоятельного народа — предков современных хакасов.

Впервые понятие «гэгунь» встречается в «Исторических записках» Сыма Цяня (сост. в конце II в. до н. э.) в связи с событиями, происходившими в 201 г. до н. э. Они связаны с образованием гуннского племенного союза, который подчинил себе громадные территории от Монголии до Восточного Памира. В начале II в. до н. э. гунны покорили в числе других народов киргизов — гэгунь, проживавших северо-западнее Монголии. Ученые считают, что это были енисейские киргизы.

Китайские исторические хроники имеют важное значение для изучения прошлого, истории древних народов Центральной и Средней Азии. Но традиционное изложение сведений в летописях со всеми феодальными концепциями требует чрезвычайно критического подхода в их использовании. Особенно это касается так называемых китаецентристских теорий, довлевших над придворными историографами.

¹ См.: *Яхонтов С. Е.* Древнейшие упоминания названия «киргиз». — Советская этнография, 1970, № 2. С. 110–120; *Петров К. И.* К этимологии термина «кыргыз» и *Баскаков Н. А.* К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз». — Советская этнография, 1964, № 2; *Кызласов Л.* Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI–XII вв. — Народы Азии и Африки, 1968, № 4; *Караев О. К.* К вопросу о терминах «кыргыз» и «хакас». — Народы Азии и Африки, 1970, № 4.

Китаецентристская политика подразумевала подчинение всех соседних и отдаленных народов и стран «Сыну Неба» — китайскому императору, богу на земле, управляющему якобы Вселенной. Если же кто из них не хотел признавать себя вассалом Китая, то по отношению к ним была оправдана сила для подчинения. Подобное обоснование экспансионистско-агрессивной политики в отношении некитайских народов характерно для древних и средневековых исторических сочинений Китая, в которых разные народы и страны называются «вассалами» императора, хотя они в действительности не имели даже дипломатических сношений. Поэтому при использовании китайских источников нужен особо осторожный, критический подход.

Последний раздел «Исторических записок» — «Жизнеописания, повествования» — включает, помимо биографий полководцев и дипломатов, историко-этнографические сведения о Средней Азии и Восточном Туркестане вплоть до Памира.

Основу главы «Повествования о Давани» составляют сведения, собранные путешественником и дипломатом Чжан Цянем, который дважды побывал в «западных землях». Император У-ди посылал его с разведывательными целями для предстоящей экспансии в Средней Азии и одновременно для создания возможной коалиции против гуннов. Чжан Цянь побывал в плену у гуннов и возвратился лишь через десять лет, собрав много сведений о «западных странах».

Чжан Цянь достиг Давани (Ферганы), проезжал через Большие юэчжи, был в государстве Дася (Бактрия), Кангюе, в Западном Тянь-Шане, и по расспросным данным собрал сведения еще о соседних пяти-шести государствах юго-западного Тянь-Шаня. Особое внимание обращал Чжан Цянь на хозяйство, обычаи местного населения, его вооружение и численность войск.

В главе подробно описан завоевательный военный поход ханьского генерала Ли Гуанли против царства Давань, который так охарактеризован в «Истории ранней династии Хань»: «Ли Гуанли, занимавший должность Эршиского военачальника, потерял 50-тысячную армию, сгубил огромные средства и в результате четырехлетних трудов приобрел всего лишь 30 хороших лошадей. Хотя он отрубил голову правителю Давани Угу, это не возместило сделанных расходов...»¹.

Собранные Чжан Цянем и другими китайскими послами сведения о народах Восточного Туркестана, Тянь-Шаня (усунях и Кангюе), а также Средней Азии в целом имеют чрезвычайно большую ценность. Их неоднократно повторяли и компилировали другие китайские авторы вплоть до средневековья. Они используются почти без исключения всеми историками, этнографами и археологами, пишущими о древнем и средневековом периоде Средней и Центральной Азии.

После I в. в китайских источниках нет сведений о киргизах вплоть до VI в., времени образования Тюркского каганата. Источники по этому периоду — «История династии Суй» и «История династии Тан» — сообщают уже обширные сведения о владении Хягяс («киргизов») на Енисее.

Главные торговые и дипломатические контакты киргизов, как сообщают источники, шли в двух направлениях: на запад в Среднюю Азию и далее в Восточный Туркестан и на юг с ответвлениями в Восточный Туркестан и империю Тан. Киргизы поддерживали торговлю и мирные отношения с этими странами. Не исключено, что они сами, либо их посланцы доходили уже в первом тысячелетии до припамирских районов, а возможно, и самого Памира.

¹ *Бань Гу, Хань шу (История Ранней династии Хань)*, гл. 70. Жизнеописание Чэнь Тана. — В кн.: *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 2. Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1973. С. 133.

Это косвенно подтверждается редкими находками на территории Енисея изделий из бадахшанского лазурита, сердолика и бирюзы.

НАСЕЛЕНИЕ ПАМИРА

Сведений о населении Памира второй половины первого тысячелетия новой эры явно недостаточно, чтобы считать этот вопрос удовлетворительно освещенным. Коренное население Памира сложилось из ряда миграционных волн, шедших в основном с Запада (территории современного Афганистана, Ирана) и северо-востока (современных Таджикистана и Киргизии). Таким образом, коренное население Памира сложилось из припамирских народностей на базе индо-иранских, к которым несколько позже присоединились тюркские группы племен. Представители индо-иранских народностей — яз-гулемцы, рушанцы, шугнанцы, ваханцы; тюркских — киргизы, узбеки, уйгуры, в многовековом процессе взаимовлияния выработали некоторые общие черты хозяйственной деятельности и основных элементов материальной и духовной культуры. Но в основе, как разные народности, они сохранили отличительные особенности в хозяйстве и быту. Первым была присуща оседло-земледельческая деятельность, вторым — кочевое скотоводство. И это традиционно сохранялось в течение многих веков.

Таким образом, в этногенезе каждой из припамирских народностей участвовали как местные, аборигенные племена, так и пришлые, родственные между собой этнические элементы. И эти миграционные процессы с глубокой древности продолжились буквально до XIX в.¹ В них участвовали

¹ См.: *Моногарова Л. Ф.* Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. — Страны и народы Востока. Вып. 16. Памир. М., 1975. С. 178.

как протокиргизские племена, так и племена, позже вошедшие в состав киргизской народности.

ЧТО ОБ ЭТОМ ГОВОРЯТ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ?

Средневековые сочинения VI—XIII вв. также позволяют принять предположение о проживании отдельных киргизских племен в это время на Тянь-Шане и Памиро-Алае. В них термин «киргиз» («херхис») встречается впервые в описаниях событий 569 г., рассказывающих о приеме тюркским ханом Дизабулом византийского посла Земарха в горах Тянь-Шаня. В дальнейшем этноним «кыргыз» и исторические данные о них встречаются в древнетюркских надписях (VI—VIII вв.), в трудах арабских и персидских авторов IX—X вв.

Согласно данным восточных историков-географов, часть киргизов в X в. жила на Тянь-Шане, примыкала к Памиру.

Крупнейшим географическим трудом X в. н. э. является «Книга путей и стран» арабского писателя ал-Истахри, составленная около 987—988 гг. Автор использовал сочинение ал-Балхи, дополнив его личными наблюдениями и сведениями из других источников. Ал-Балхи был уроженцем Балха, а это значит, что он хорошо знал близлежащие припамирские области. Поэтому сведениям источника можно доверять.

Что же говорит Истахри? «...Если пойдешь от восточных пределов наперерез к западной границе по земле ат-Тубет (т. е. Тибет) и пройдешь по земле тугузгузов и хырхызов через те земли, которые находятся за землями кимаков до моря, то это будет около 4 месяцев пути... Хырхызы живут между владениями тугузгузов, кимаков, океаном (так в источнике названо Аральское море — авт.) и землей

хазладжей»¹. Далее автор описывает расселение других племен, называет отроги среднеазиатских гор, которые смыкаются с Памиром, сообщает об известных средневековых рудниках. «...И эти рудники, которые находятся в Усрушане, Фергане, Илаке, Шельджи и Лабане до страны хырхызов — все они находятся в главном хребте этих гор и в тех горных цепях, которые примыкают к нему».

Данные, как видим, свидетельствуют о проживании киргизов, по крайней мере, в припамирских районах, уже в X столетии. Это подтверждается и другим источником — сочинением Мухаммеда Наджиба Бекрана «Джеханнамэ» («Описание мира»), написанном в XIII веке для хорезм-шаха. В десятой главе можно прочитать: «Большая гора выступает из пределов Тарчистана (т. е. Афганистана. — авт.) и Гур, тянется мимо Бамияна и Пенджехира и достигает городов Вахана. Название ее мы находим неопределенным. Она является внешней стороной — спиной Тибета и так разделена, что большой отрог ее вдается в Туркестан вплоть до границы киргизов и продолжается до пределов Чина (т. е. Китая). Другой отрог поворачивается в направлении Хатлана и достигает предела Ферганы, затем доходит до Джебал и Сим Серебряных гор, что вблизи от города Ашрусте. И таким образом идет до пределов Бухары». Далее указывается, что «пустыня, которая начинается у Ашрусте (Усрушаны) и тянется до Ферганы вблизи от киргиз, расположена сбоку от этой горы. В этой горе много рудников, особенно у пределов Ашрусте, — так что эти горы называют Серебряными»².

¹ *Ал-Истахри*. Китаб Масалик Ал-Мамалик (перев. в рукоп. фондах отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР). Инв. № 1820. С. 21–24.

² *Мухаммед Наджиб Бекран*. Джехан намэ (перевод извлечений). Рук. фонд отд. обществ. наук. Инв. № 1947. Л. 12, 14.

Ал-Истахри в свое время подчеркивал: «Усрушана — название области, так же как и Согд — название области, и нет там города с этим названием. Большая часть ее — горы. Граница Усрушана: с запада границы Самарканда, с севера Шаш (Ташкент) и часть Ферганы, с юга часть пределов Киша Саганяна, Шумана, с востока — часть Ферганы»¹. Из всего этого можно высказать предположение, что Бекран упоминает территорию, принадлежащую памирским киргизам. При этом можно еще привести заключение акад. В. В. Бартольда о расселении тогузгузов в X в. в Восточном Туркестане, а как упоминает анонимный источник этого времени «Худуд ал-Алам» (букв. «Границы мира»), киргизы были не только северными, но и западными соседями тогузгузов². Источник заслуживает внимания, к нему обращаются все, изучающие историю сред-неазиатских народов IX—X вв. «Худуд ал-Алам» был составлен в 982 г. В нем систематизируются данные орографии Памира и прилегающих областей. Автор описывает в общих чертах горные системы и население сопредельных областей — Болора, Шугнана, Вахана, Бадахшана и Тохаристана³.

Для выяснения вопроса о времени пребывания киргизов на Памире большой интерес может представлять также сочинение XI в. «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира. Повествуя о событиях в северном Афганистане (Памире) и сопредельных областях Индии, Ибн ал-Асир упоминает эмира Хирхиза — одного из крупных газневидских военачальников. В противоборстве с хорасанским султаном он вышел победителем и захватил огромную добычу. Эти данные

¹ Извлечение из «Китаб Масалик Ал-Мамалик» Ал-Истахри. Материалы по истории киргизов и Киргизстана. Сб. III (арабские источники). Рукоп. фонды отд. общ. наук АН Киргизской ССР. Инв. № 1820. С. 23.

² Бартольд В. В. Киргизы. Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 492.

³ *Hudud al-Alam*. By V. MinorsKy. London, 1937. P. 63.

свидетельствуют, что уже к XI в. некоторая часть киргизских племен, возглавляемая родоплеменными вождями, проникла в пределы Газневидской державы. Газневидское государство (X—XII вв.) в период своего могущества включало территорию современного Афганистана, ряд областей Средней Азии, Ирана и Индии. При Махмуде Газневи в составе государства был и весь Памир.

Высказывается предположение, что часть киргизских племен или родов находилась на службе газневидских султанов, войска которых, как видно из мемуаров Аб-уль-Фазля Бейхаки, были созданы по принципу представительства родов и племен¹.

Киргизы – христиане?

Татаро-монгольское нашествие оставило свой след и в истории Памира. Дойдя до высочайших горных пиков, Чингисхан оставил здесь своих «соратников, которые не способны были более к походам», — писал в свое время известный русский путешественник М. И. Венюков². С татаро-монгольскими продвижениями связано и одно из первых упоминаний о христианстве среди киргизов Памира. Крайне интересно сообщение Б. Майтова об этом, к сожалению, без указаний на первоисточник сведений. Приведем это свидетельство. «В 1218 г. один из киргизов, князь рода найман, принял христианство несторианское. Судя по найденным нами остаткам вырубленных наскальных надписей и вникая в суть теперешней религии «пянджтень», христианство шло с правого берега Пянджа (Шугнана и Вахана),

¹ См.: История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957. С. 226.

² Венюков М. И. Опыт военного образования русских границ в Азии. Вып. 2. СПб., 1876. С. 72.

который еще Истахри (914 г.) причислен к странам нечистых кафиров. Несчастливого князя-киргиза со всеми его приверженцами казнили. То были первые мученики за Христа на Памирах. Около этого же времени Памир с Кашгаром достались Джагатаю, сыну Чингисхана...»¹.

В настоящее время монголы, как потомки того родоплеменного объединения, не встречаются среди памирских киргизов. Они, наряду с некоторыми киргизскими родами, примерно в XVII в. переселились с Памира на территорию Ферганы. Но часть киргизов осталась проживать на Памире.

Все вышеприведенные свидетельства по-разному трактуются различными исследователями. Противоречивые, порою неясные, расплывчатые сведения источников дают для этого повод. Отсюда и некоторое сомнение отдельных ученых о проживании киргизов в средневековый период, по крайней мере, до XV века, на Памире. Есть даже скептики, утверждавшие о первом появлении киргизов на Памире лишь в XVII веке. И если можно несколько понять ученых, осторожно относящихся к ранним источникам, то мы никак не можем согласиться с теми, кто связывает заселение Памира киргизами лишь с давлением калмаков, расширением до Тянь-Шаня господства Джунгарского ханства.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЗАХИРИДИНА МУХАММАДА БАБУРА И ДРУГИХ

До последнего времени как-то сравнительно мало обращали внимание на один из примечательнейших памятников мировой культуры — мемуары «Бабур-наме». Они являются

¹ Майтов Б. Памир. Землеведение. Т. XII. М., 1906. С. 169–170.

одним из достовернейших источников и по истории киргизов XV в. «Бабур-наме» («Записки Бабура») являются ценным историческим и литературным памятником XVI в. Книга, написана одним из тимуридов — Захириддином Мухаммадом Бабуром (1483—1530 гг.), выходцем из Ферганы, основателем государства Великих Моголов. В мемуарах Бабур рассказывает о своих путешествиях, походах в Афганистан и Индию, о жизни, быте и природе не только родных мест, но и других стран. Имеются, в частности, ценные сведения о памирских киргизах. Выразительна характеристика средневекового Оша, лежащего у ворот на пути к Алаю и Памиру. «Он стоит к юго-востоку от Андиджана в четырех йигачах (1 йигач, следовательно около 15 км) пути; воздух там прекрасный; проточной воды много; очень хороша бывает весна. О достоинствах Оша дошло много преданий».

Касаясь целого ряда явлений, связанных с социально-экономическим положением в Фергане, Бабур указывает, что в горах между Ферганой и Кашгаром кочует племя чограк, причем речь идет не о нескольких сотнях, а о 5—6 тысячах семей. Бабур приводит очень важный этнический признак племени, который можно связать только с киргизами. Он пишет, что в труднодоступных горах между Ферганой и Кашгаром много коней и множество овец, а вместо быков у них кутасы, т. е. яки¹. Нам неизвестно ни одной народности в Средней Азии в прошлом, кроме киргизов, у которой разведение яков являлось бы одним из основных традиционных занятий. Это дает полное основание считать, что названное Бабуrom племя чограк вошло в состав киргизской народности.

Свидетельство Бабура, на наш взгляд, относится к памирским киргизам, поскольку: а) по географическому

¹ Бабур. 2 книга. Бабур-наме. Ташкент, 1982. С 18, 36.

положению упоминаемые им труднодоступные горы между Ферганой и Кашгаром должны принадлежать Памирской системе; б) разведение яков в силу особенностей климата и рельефа играло важную роль в жизни памирских киргизов буквально до последнего времени; в) «неизвестное» племя «чограк» обитало на Памире в составе родоплеменного подразделения теит. Их потомки и поныне живут в колхозе им. Кирова и «Кзыл-Рабат» Мургабского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, часть их распылена на афганском Памире.

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ

История киргизского народа, не имевшего своей письменной литературы, в какой-то мере запечатлелась в народном эпосе, преданиях, былинах. При критическом анализе в них, несмотря на художественный вымысел, можно найти ценный материал, свидетельствующий о прошлой жизни киргизов.

Предания, отражающие период средневековья, встречаются в эпосе «Манас». Они, в частности, дают представление о распаде племенного союза «кырк уруу кыргыз»¹:

«Среди расселившихся киргизов
есть народы катаган и теит.

Пять поколений киргизов
в Афгане...

Один край киргизов на рубеже
Хорасана.

Все племена шыгаи на берегу
реки Яркенд.

¹ См.: Рукоп. фонды отд. обществ. наук Киргиз. ССР. Инв. №. 278. С. 36–37.

Киргизы, жившие в Бухаре,
лишились своего языка,
стали таджиками».

Правда, конкретно установить, к какому периоду относится рассказ о распаде союза, весьма затруднительно, несомненно одно — он в какой-то степени связан с процессом этногенеза киргизского народа.

Четверть века тому назад ленинградским арабистом А. Т. Тагирджановым среди рукописей университетской библиотеки был обнаружен уникальный экземпляр под названием «Маджму ат-Таварих» («Собрание историй»), автором которого являлся мулла Сейф ад-дин Ахсикенти¹. Тогда же аналогичный экземпляр рукописи — точнее другой список этой рукописи — был выявлен востоковедом В. А. Ромодиним в библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения, а несколько позже новый список был приобретен в Южной Киргизии киргизскими филологами. Ученые установили, что все это — копии произведения, восходящего к единому первоисточнику XVI в. Основная его ценность заключалась в том, что сквозь религиозные напластования текста четко проступали стержень реалистического повествования и персонажи киргизского героического эпоса «Манас». Следовательно, уже в период сложения киргизской народности — к XVI в. киргизы имели этот фольклорный монумент, который истоками уходил еще в более ранние времена. Следовательно, где-то к первой половине второго тысячелетия можно отнести и вышеприведенные строки эпоса о распаде племенного союза «кырк уруу кыргыз».

Объездивший в 20–30 годах почти весь Памир и Алай советский ученый Азиз Ниалло (А. Станишевский) слышал

¹ Маджму ат-Таварих. Подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов. Л., 1960.

¹⁴ Том X. В. М. Плоских

от местных жителей, что среди афганских киргизов, кочующих по склонам Гиндукуша, бытует монументальный киргизский эпос «Манас», но не в форме стихотворного эпического повествования, а в качестве отдельных прозаических сказок. Это, насколько нам известно, — первое упоминание о прозаических формах киргизского героического эпоса, убедительно свидетельствующее о его народности и древности. Правда, судя по сообщениям французских тюркологов-фольклористов Луи Базена, Реми и Лауры Дор, посещавших афганский Памир в начале 70-х годов нашего века, они не встретили «Манаса» у местных киргизов. Но это еще не значит, что эпос отсутствует. Просто, вероятно, нужно специальное, более углубленное, исследование по распространению и истории киргизского героического народного эпоса «Манас».

С киргизскими преданиями перекликается и фольклор высокогорных таджиков, издревле проживавших на Памире рядом и вместе с киргизами. Возьмем, например, специальное исследование по истории Каратегина проф. Н. А. Кислякова. Под именем «Каратегин» известна северо-восточная часть Памира, занимающая долину среднего течения реки Сурхаба-Вахша. В нач. XX в. здесь проживало 14 тыс. киргизов. Эти киргизы по географическому расположению отделяются от восточно-памирских киргизов.

Н. А. Кисляков, собрав предания у таджиков и киргизов, обитавших в Каратегине, пришел к заключению, что все эти предания согласны между собою в том, что Каратегин в прошлом был заселен киргизами. Возникновение самого названия «Каратегин» автор связывает со следующей легендой.

Первоначальными обитателями Каратегина были киргизы, которые заселяли его дважды. Первым переселенцем был некто Тегин-ата. Он имел двух братьев — Сайрам-ата и Аулия-ата. Тегин-ата пришел в Каратегин со своими мюридами, среди которых были как киргизы, так и таджики,

и правил здесь в течение ряда лет. В это время Бухара воевала с Ираном. Бухарский эмир потерпел поражение и обратился за помощью к Тегин-ата. Тегин отправился в Бухару и разбил войска иранского шаха. Однако, вскоре после возвращения воинов из бухарского похода в Каратегине появилась эпидемия и погибло почти все население. Среди немногих уцелевших оказался сын Тегина Кара, который взял себе в жены киргизку Тегиной и привел из Киргизии новых поселенцев. По имени правителя и его жены страна стала называться Каратегином.

Спустя некоторое время в Каратегине появились переселенцы-таджики, приходившие из Вахша, Куляба, Матчи и других мест. Наконец, таджики, собравшись в большом числе, постепенно стали брать перевес над киргизами.

Киргизы под давлением таджиков все более оттеснялись вверх по долине р. Сурхоба, пока наконец не закрепились в верхнем течении реки¹.

По мнению Н. А. Кислякова, достоверность сообщаемых в предании фактов подтверждается следующими данными.

Во-первых, местность, где живут киргизы, имеет крайне убогий вид по сравнению с местоположением таджикских кишлаков. Здесь нет удобной для посевов земли, крайне скудная растительность. Во-вторых, тюркская топонимика широко распространена в Каратегине. В-третьих, предания о киргизах не являются одиночными, они имели и имеют повсеместное распространение как среди киргизов, так и таджиков Каратегина.

В. Бартольд также отмечал предания, по которым Каратегин принадлежал прежде киргизам и лишь недавно был занят таджиками².

¹ См.: Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. Душанбе, 1941. С. 34–35.

² Бартольд В. Таджики. «Таджикистан». Сборник статей. Ташкент, 1925. С. 107.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

Процесс образования киргизской народности протекал свыше полутора тысячелетий и был многогранным.

По мнению большинства советских ученых, киргизы, как обособленная народность, сформировались к XVI столетию. Основным этническим компонентом киргизской народности являлись местные племена, с которыми смешивались тюркоязычные племена центральноазиатского происхождения.

Местный субстрат, ставший основой киргизского народа, имеет многотысячную давность. Он начал складываться еще в эпоху бронзы. Его дальнейшее развитие привело к заселению страны еще в I тыс. до н. э. сако-усуньскими племенами кочевников. По расовому типу они были европеоидными и, скорее всего, ираноязычными. Памятники их разбросаны почти в каждой долине, в каждом ущелье Памира и Алая. Уже в эту эпоху наметилось проникновение в эти районы населения монголоидного расового типа. Примерно с IV–V вв. основным направлением этнических процессов на территории горной страны можно считать тюркизацию ранее ираноязычного населения.

Решающие этапы тюркизации наступают позже, когда в VI–VIII вв. сюда вселяются большие массы центральноазиатских племен тюрков и карлуков. К XIII в. здесь сложились предпосылки для образования народности, однако они не были реализованы. Нашествие орд Чингисхана прервало этот процесс.

Археологические наблюдения показывают, что в состав киргизской народности, как значительная составная часть, вошли тюркизированные племена ранних кочевников саков и усуней, а также тюркские племена, потомки которых сохранили элементы присущей им культуры. Эти элементы, особенно погребальный обряд, как наиболее консервативная часть культуры, намного пережили время существования

древних кочевых племен. В упомянутом ранее сочинении «Маджму ат-Таварих» муллы Ахсикенти (XVI в.) приводится легенда об образовании киргизского народа в горах Ходжента от сорока гузов (гыз) в период правления сельджукского султана Санджара (XII в.)¹. Как известно, сельджуки подчинили своей верховной власти караханидов и имели непосредственную политико-экономическую связь с народами Тянь-Шаня. Вряд ли, если бы киргизы в то время обитали далеко за пределами Тянь-Шаня, создалась подобного содержания легенда. Поэтому вполне можно согласиться с мнением В. А. Ромодина, который считает, что данная легенда у Ахсикенти отчасти подтверждает давность пребывания предков киргизов на Тянь-Шане².

Путь этнонима «киргиз» на Тянь-Шань был сложным. Впервые он упоминается в 201 г. до н. э. Так называло себя древнее население бассейна Енисея. В IX в. енисейские киргизы распространили свою власть до Восточного Туркестана, подчинив себе целый ряд тюркских племен. Имя «киргиз» стало престижным, поэтому некоторые подчиненные тюркские племена стали называть себя именем победителей. Так, в средневековой географии «Худуд ал-Алам» про одно из алтайско-иртышских племен сообщается: «Это один из киргизских народов, их речь ближе к карлукской, а по одежде они напоминают кимаков». Таким образом, на Восточном Тянь-Шане уже в X в. жили народы с именем «киргиз», но не связанные родством с енисейскими киргизами. К XV–XVI в. термин «киргиз» распространился на все население Тянь-Шаня и Алая.

Столетия передвижений в силу политических и экономических мотивов привели к тому, что обособленная киргизская народность, сложившаяся к XVI в. на Тянь-Шане,

¹ См.: Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. С. 513. Прим. 6.

² Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. С. 513. Прим. 6.

продолжала сохранять сложный этнический состав, вобрав в себя весь спектр, конгломерат разрозненных племен, в том числе и кочевавших по Памиро-Алаю ичкиликов. Ичкилики включали в себя этнические группы, носившие наименование киргиз, кыпчак, наймам, тейит, и другие, известные по средневековым источникам.

В источниках XVI в., кроме отдельных упоминаний, никаких иных: ни политических, ни экономических сведений о киргизах Памира не имеется. Начиная с XVI в. появляются более подробные данные об участии памирских киргизов в отдельных политических акциях местных не-больших владений — Бадахшана, Вахана, Шугнана, Рушана. В конце XVI в. эти мелкие государства были объединены потомком шейбанидов бухарским эмиром Абдулла-ханом. Хафиз-и-Таныш — автор средневекового источника под названием «Абдулла-намэ», сообщает, например, что в дни праздника рамазана 983 года хиджры, т. е. в 1575 г., киргизы, пользуясь отлучкой Абдуллы-хана в Герат, напали на подвластные ему районы Западного Памира. Автор вовсе не симпатизирует киргизам. Он, будучи поклонником Абдуллы-хана, не упускает случая очернить киргизов. Вот строки из этого исторического описания памирских киргизов (в переводе М. А. Салахетдиновой): «Киргизские войска (сепак)... узнав, что войска августейшего (Абдулла-хана) находятся далеко, сочли это обстоятельство весьма удобным (для нападения на подвластные ему области). Двинувшись со стороны Каратегина, они вторглись в Гиссар и (дошли) до Дехнау. Они забрали богатую добычу и несметное богатство, взяли в плен луноликих, наделенных красотой солнца девушек»¹. Далее следует рассказ, что киргизы были все же разбиты регулярными ханскими войсками, у них была отнята добыча, а сами они вынуждены были

¹ Известия АН Киргиз. ССР. Серия обществ, наук. Т. II. Вып. 3. Фрунзе, 1960. С. 180.

возвратиться в Каратегин. Это первые сведения о передвижениях киргизов по Памиру с севера — из таджикского Памира — на юг, в афганский Памир. Киргизы выступали как самостоятельные, независимые племена, смело вступавшие в бой с ханскими войсками.

Надежные свидетельства о пребывании киргизов на Памире в первой половине XVII в. мы находим у среднеазиатского историка Махмуда ибн-Вали. Он, в частности, пишет: «Только в 1047 г. (1637—1638 гг.) узбекам в первый раз подчинилась крепость в области Хутталян, Кала-и-Хум (Кала-и-Хумб — главный город Дарвана); во главе узбеков был Бакы-аталык, из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит... вместо него был назначен (очевидно, в качестве вассала узбеков) его брат Шах-Кыргыз, с малых лет живший при узбекском дворе (в Балхе)»¹.

Местные предания гласят, что Шах-Кыргызу удалось на некоторое время объединить под своей властью соседние страны — Бадахшан, Рушан, Шугнан, а также Каратегин.

ПРОТИВОБОРСТВО С ДЖУНГАРАМИ

В период временного господства калмаков (ойратов) в Восточном Туркестане и на Тянь-Шане киргизы Памира продолжали сохранять свою независимость. Правда, отдельные отряды завоевателей доходили до Мургаба и других районов Памира, но встречали здесь неизменное сопротивление. По сообщениям китайских источников, калмаки «даже во времена своего могущества не могли подчинить западных бурутов», т. е. киргизов Памира и припамирских районов.

Оставаясь фактически независимыми, памирские киргизы в то же время сами делали неоднократные набеги

¹ Бартольд В. Таджики. Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 464.

на соседей в Восточный Туркестан, Среднюю Азию, Бухару, Афганистан, пользуясь тем, что их кочевья пролегали по торговым трассам. Киргизские феодалы нередко грабили и иностранных купцов, торговавших через Памир.

С конца XVII в. памирские киргизы принимают активное участие в междоусобной борьбе за власть двух противоборствующих группировок — так называемых партий белогорцев и черногорцев — теократических претендентов на власть в Восточном Туркестане. С помощью киргизов ходжи заняли Кашгар и стали правителями Восточного Туркестана.

В БОРЬБЕ С ЦИНАМИ

Новая полоса в истории памирских киргизов наступила в середине XVIII в. В 1758—1759 гг. маньчжуро-китайские войска империи Цин разгромили Джунгарское ханство в Восточном Притяньшанье и захватили Восточный Туркестан. На территории Восточного Туркестана была образована новая провинция Китая с названием Синьцзян, что буквально значит «Новая граница». Этот район с уйгурами и другим тюркоязычным населением, включая киргизов, казахов, а также дунган, сохраняет до сих пор название «Синьцзян».

Маньчжуро-китайские войска, разгромив Джунгарское ханство, уничтожили почти 1 млн. его коренных жителей — ойратов, лишь небольшая их часть смогла спастись бегством в пределы Средней Азии и России. На территории Киргизии появилось новое племя сарт-калмык. Кашгарские правители — ходжи бежали на Памир — в Бадахшан. Посланный за ними в погоню китайский генерал Фу Дэ дошел до Яшиль-Куля на Памире. Но здесь встретил ожесточенное сопротивление. Памирские киргизы фактически сумели сохранить свою самостоятельность. Временные

китайские караулы, оставленные на Памире, вскоре были уничтожены. Но соседние мелкие владетели Шугнана, Рушана, Вахана, Канджута продолжали тревожить памирских киргизов, безуспешно пытаясь их подчинить. В ходе этой борьбы, шедшей с переменным успехом, они сами испытывали набеги киргизов, которые продолжали активно участвовать также в борьбе потомков ходжей за власть в Восточном Туркестане.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Один из последних этапов переселения киргизов из Ферганы на Памир, о котором сохранились сведения в памяти народа, относится к концу XVIII — нач. XIX вв. Большинство зарубежных исследователей, в частности, М. Н. Шахрани, Р. Дор, К. Науман и др., — сторонники гипотезы позднего появления киргизов на Памире. Правда, большинство из них — этнографы, фольклористы или биологи, не исследовавшие письменные источники и опиравшиеся в основном на этнографические и фольклорные материалы. А память, как известно, ненадежный свидетель и может хранить следы прошлой жизни по крайней мере 5—7 поколений, т. е. не более двух столетий. Реми Дор, в частности, прямо пишет, что устное творчество киргизов афганского Памира, в истории которых было немало переселений, ничего не говорит о более раннем заселении этого высокогорного района¹. Опросные данные, фольклор и эпизодическое обращение к трудам путешественников XIX в. привели западноевропейских исследователей к предположению о перекочевке киргизских племен на Памир лишь в XVIII веке. Правда, не исключалась возможность

¹ Dor R. Contribution a l'etude de la population Kirghiz du Pamir Afghan. Paris, 1975. С. 72—79.

предшествующего «разведочного» периода, но лишь в качестве условного предположения.

Традиционно киргизы делились на две группы: правое и левое крыло, унаследованные от военно-тактического размещения в период феодальных войн. Но в глазах рядового населения оно мало чему соответствовало. Однако подразделение на племена и род было живой реальностью, накладывающей отпечаток на жизнь и быт кочевника. На афганском Памире представлены четыре рода киргизов, но они же традиционно кочевали и на Тянь-Шане — *тейит, кесек, найман* и *кипчак*. Каждый из них подразделялся на ряд подродов, все занимали соответствующие территории на Малом и Большом Памире.

По мнению Р. Дора, главным инициатором заселения Памира явилось племя тейит, на правах первенства занявшего лучшие пастбища. Они пришли в XVIII в. с востока — из Алая через перевал Кызыларт. За ними уже в начале XIX века начало переселяться племя кесек, бежавшее из Каратегина перед наступлением кокандского хана Мадали. Оно пришло с запада, преодолев Дарвазский и Шугнанский хребты. К концу XIX в. племя тейит размещалось по Малому Памиру, в районах с относительно малым снежным покровом, племя кесек — по Большому Памиру. Между ними — небольшое число семей племени кипчак. Несмотря на всю суровость жизни на высокогорном Памире, киргизы, освоив территорию, предпочитали тем не менее переносить большие лишения, чем покинуть земли, которые они стали считать своей родиной.

Таким образом, можно обоснованно говорить о многоэтапном заселении Памира киргизами, длившемся свыше тысячелетия.

В XIX веке Памир был поделен между кокандским ханом, кашгарским эмиром и ваханским миром, зависевшим от эмира Кабула. Но киргизы лишь номинально признавали власть этих правителей, продолжая жить замкнуто

в рамках традиционных патриархально-феодальных отношений. Они свободно перекочевывали через так называемые «границы» и не особенно заботились, кто претендует на ту или иную территорию, считая истинными хозяевами пастбищ не их, а себя. Они не всегда выплачивали им дань и в крайних случаях были готовы с оружием в руках отстаивать свою независимость. На вооруженные походы соседних правителей они отвечали своими набегам на их владения, доставляя соседям немало хлопот.

В СОСТАВЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

С конца XVIII в. начинает возвышаться в составе Кокандское ханство с центром в Фергане. В 1832 г. кокандские ханы присоединяют к себе Памир, все ущелья по обеим сторонам Сарыкольского хребта и Кашгарские горы, включая оседлые селения Вахана, Шугнана, Рушана¹. Для утверждения господства и защиты торговых путей по указанию кокандского хана Мадали на Памире были построены укрепления Бустан-Терек и Таш-Курган. Они являлись административно-политическими и торговыми центрами Коканда на Памире.

На территории Памира не было государственно-административных единиц, подобных тем, которые были у оседлых народов Средней Азии. С целью привлечения на свою сторону представителей местной феодальной знати или родовой верхушки, кокандский хан давал им звания кушбеги, ляхкаров, беков, датха, аксакалов и т. д. В целом памирские киргизы управлялись кокандскими чиновниками, имевшими ханские ярлыки с печатями. Они непосредственно назначались кокандским ханом, причём

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3342. Л. 395.

выбирались не из среды киргизов, проживавших на Памире, а из соседних районов, подчиненных кокандскому хану. Главная причина такого подбора управителей заключалась, очевидно, в стремлении умалить власть местных феодалов, держать их в повиновении. Это видно из доклада заведующего памиро-алайским населением Б. Громбчевского¹ начальнику памирского отряда.

По преданиям, сохранившимся в памяти населения, как Памир, так и все ущелья по обеим сторонам Сарыкольского хребта и Кашгарских гор, т. е. начиная от селений Вахана, Шугнана и Рушана до селений Кашгара, во время нахождения в составе Кокандского ханства, управлялись особыми чиновниками, назначенными кокандскими властями. Из сохранившихся в памяти нынешнего населения памирцев кокандских ставленников первым они называли Ляшкар-куш-беги, родом таджика, прибывшего к ним во времена кокандского хана Мадали-хана.

После Ляшкар-куш-беги, опять как и во времена Мадали-хана, назначен был Гаибдатха, алайский киргиз рода найман. Во время правления Памиром и его окрестностями Гаибдатха жил в урочище Чакыр-Агыл по р. Мудж, назначив от своего имени беком на Аличурский Памир (истoki рек Ак-Суу и Вахан-Дарьи) Бозай-датху, убитого впоследствии в стычке с канжутцами. Место, где похоронен Бозай-датха, ныне известно в Афганистане под названием Бозай-Гумбеца, «обитатели ее сплошь киргизы...»². После смерти Мадали-хана на кокандский престол вступил Шералы-хан, приславший на Памир управителем Тилла-датху-аталыка, алайского киргиза из рода кара-теит. Управление его отличалось невероятной жестокостью, вследствие чего

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3342. Л. 395–399; 175–477.

² См.: Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926. С. 162.

выведенное из терпения население возмутилось и убило его на р. Кийик-Баши. На место Тилла-датха-аталыка Шералы-ханом назначен был Каракул-датха, киргиз из рода бузтургай-найман, Маргеланского уезда.

С переходом Кокандского престола к Худояр-хану правителем Памира был назначен киргиз Топуалды Тапсата, теит из Ходжа-арыка. Последним ставленником Кокандского ханства на Памире был Ниязали-таджик.

Как видно из приведенного сообщения, памирские киргизы, в отличие от других киргизских племен, подвластных Кокандскому ханству, не имели единого государственного управления, причем и управление также находилось в разных местах. Однако памирские киргизы не желали зависеть от центральной власти Коканда и продолжали вести себя сравнительно вольно. Они управлялись собственными родоплеменными предводителями, хотя здесь же имелись и кокандские наместники. Такое положение способствовало развитию феодальных междоусобиц, которые не предотвращались, а наоборот, поощрялись кокандскими ханами. По их наущению отдельные бии совершали набеги как на соседей, так и в более отдаленные районы. В середине XIX в. своими разбойничьими набегами прославился предводитель памирских киргизов некий Сохиб-Назар, которому кокандский хан даже пожаловал титул датхи. Он совершал неоднократные набеги на алайских киргизов, последние, естественно, отвечали тем же. Наконец, Сохиб-Назар вступил в сговор с шугнанским ханом Юсуф-Али, который сохранил за ним титул датхи. Как датха он имел право на сбор зякета — пошлин с караванов, проходящих через Памир. Юсуф-Али подстрекал Сохиб-Назара на набеги на мирные кочевья киргизов, проживавших на Алае и Сарыколе, а захваченный скот делился между правителем и грабителями. Феодалы обогащались, простые труженики еще более разорялись, их семьи обрекались на голодное существование. Но рознь

между феодалами и родоправителями не могла превратиться в ожесточенную вражду между народами, между труженниками, будь то таджик или киргиз, афганец или узбек. Характерным примером может служить следующий факт: когда горный Бадахшан в 1883 г. был захвачен афганским эмиром Абдурахманом, простой народ Шугнана, Рушана, Вахана искал убежища и нашел приют и помощь у киргизов Восточного Памира. Когда войска бухарского эмира начали грабить народы Таджикистана, таджики-беженцы нашли приют в юртах киргизов, которые оказали им сильную помощь.

Конец XIX столетия для Памира ознаменован тем, что здесь скрещивались интересы четырех держав: России, Китая, Афганистана и Англии. Англия расширяет экспансию в Афганистане, прилагает большие усилия для проникновения в глубь припамирских стран и к 1889 году оружием, интригами и коварством подчиняет себе на правах вассалитета Канджут, Читрал, Кашмир. Русская газета «Свет» в 1891 г. писала, что Англия взялась «содействовать афганскому эмиру расширить свои границы и разорять афганскими войсками самостоятельные ханства Дарваз, Шугнан и Рушан». Афганцы заняли эти ханства, одновременно теряя свою независимость. Втягивая Афганистан в орбиту своей экспансии, Англия применяла повсеместно испытанный ею метод колониальной политики — разделения и властвования.

IV

НА СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

В 1876 г. Кокандское ханство со всеми подвластными ему землями, в том числе и Памиром, пало и было присоединено к России.

В эти годы, взвесив все обстоятельства, британское правительство решило любыми путями расширить свое политическое влияние на Памире. Тот, кто владел Памиром, мог в известной мере контролировать стратегически важные пути, которые вели в Индию, Китай, к Бухарскому ханству и Афганистану. По плану Великобритании район Памира должен был служить укреплению английского господства в Индии и стать препятствием для дальнейшего распространения влияния России. Вскоре, применяя политику подкупа, шантажа и прямого насилия, английские колонизаторы решили продвигаться из захваченных ими районов Индии далее на север, северо-запад и северо-восток, маскируя экспансионистскую деятельность необходимостью «защиты» британских владений, демагогическими заявлениями об «угрозе» Индии со стороны России¹.

Под видом защиты индийских границ от русских, еще в 1884 г. Мак-Грегором, оставившим записки о путешествии по северному Ирану и предложения по «обороне Индии», был разработан план действий англичан в случае столкновения с Россией. В нем, между прочим, указывалось, что «Англии следует еще в мирное время без объявления войны России придвинуться к Туркестанскому

¹ См.: Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX и начало XX в.). М., 1959. С. 11.

краю, занять позиции под Гератом и на Памирах и оттуда, войдя в тайное сношение с туземным населением, подготовить на случай открытой борьбы такой взрыв, который покончил бы решительно с русским владычеством в Средней Азии»¹. Именно, чтобы опередить Россию и распространить сферу английского влияния на Памире, Англия все активнее проникает в глубь припамирских стран. Более того, в это время и южных районах Памира англичане сосредоточили свои войска и предприняли ряд мер для упрочения здесь своего положения. Летом 1890 г. Англия выслала в Кашгарию секретную экспедицию под начальством Юнгхесбенда. Цель экспедиции состояла в том, чтобы «мирным путем» поделить Памир между Афганистаном и Китаем. Эта политика приносила временами свои плоды: афганские и китайские пограничные отряды вторгались на Памир и бесцеремонно грабили кочевников, считавших себя уже подданными России.

Считая необходимым «оградить интересы русскоподданных киргиз, кочующих на Памире, от проникновения на Памир Англии, что могло подрвать обаяние России»², туркестанский генерал-губернатор Вревский предполагал летом 1891 г. посетить долину Алая — территорию, соседнюю с Памиром, и по выяснении дальнейших намерений Юнгхесбенда принять соответствующие меры.

Попытки англичан разделить Памир между кашгарскими властями и Афганистаном были сорваны. Миссия Юнгхесбенда, действовавшего по поручению британского правительства, потерпела в этом отношении полную неудачу. Высылка же Юнгхесбенда и арестованного Девиссона произвела на соседние кашгарские власти, как показали

¹ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА, Оп. 1. О памирском вопросе и мерах к его разрешению. Ч. 12. Л. 57.

² Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 391.

полученные от русского консула в Кашгаре сведения, «весьма сильное и благоприятное для России впечатление»¹. Несомненно, что этот факт стал известен и в других сопредельных с Памиром странах и послужил стимулом обращения памирских киргизов к российским властям с просьбами о покровительстве и принятии их в подданство, а также ограничил влияние английских колонизаторов в пока еще независимых, но слабых припамирских княжествах.

Выбор памирских киргизов был определен — вместе с Россией. Именно поэтому они неоднократно обращались к русским властям с просьбой о защите и о принятии их в русское подданство.

В одном из писем, отправленных с делегацией, говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся, всегда жили на р. Мургабе и с древнейших времен входили в состав Кокандского ханства...

Вследствие вышеуказанного, мы, бедные, просим и надемся, что Вы, почтеннейший, нас защитите и освободите...»².

В одном из донесений начальника памирского отряда туркестанскому генерал-губернатору читаем: «Слухи о моем приезде на Ранг-Куль разнеслись очень быстро и начиная с 23 мая к нам в отряд приезжают киргизы со всех концов. К сегодняшнему дню их уже около ста человек... Все они жалуются на притеснения со стороны китайцев, просят защиты»³.

В апреле 1894 г. между Россией и Китаем состоялся обмен нотами, в которых обе стороны обязывались не нарушать создавшегося на Памире положения и строго

¹ ЦГВИА СССР. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1485. Л. 8.

² ЦГВИА СССР. Ф. ВУА/с. Оп. 1. Л. 441.

³ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3269. Л. 305; См. также: *Карынкулов А. К., Сушанло М. Я.* Некоторые аспекты истории Киргизии в кривом зеркале китайских фальсификаторов. Ж. «Известия АН Киргизской ССР», 1983. № 3. С. 63.

соблюдать целостность территорий, занимаемых этими державами на Памире¹.

В этот же период начались переговоры с Англией об установлении южной и западной границ Памира.

Описание Российской государственной границы на Памире от оз. Зор-Куль до пределов Китайской империи, проведенное смешанной международной комиссией, было утверждено русским правительством в январе 1896 г.²

Таким образом, страны, заинтересованные в решении памирского вопроса, пришли к определенному конкретному соглашению.

Однако это разграничение носило чисто политический характер, не учитывался этнический состав населения. В результате киргизский народ на Памире, так же как и памирские таджики, был расчленен на две части, одна из которых осталась в составе России, другая переходила под власть Афганского ханства.

Разграничение на Памире было определено не в результате насильственных вооруженных мер, как это представляется сейчас в официальной китайской историографии, и в частности в одной статье Ду Жункуня о киргизах³, а мирным путем. И в последующем многие десятилетия граница не вызывала никаких споров в памирском районе ни с Афганистаном, ни с Китаем⁴.

¹ См.: *Карыпкулов А. К., Сушанло М. Я.* Некоторые аспекты истории Киргизии в кривом зеркале китайских фальсификаторов. С. 63.

² Описание Российской государственной границы на Памирах, от оз. Виктория (Зор-Куль) до пределов Китайской империи, проведенное смешанной международной комиссией. Копия — ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1, Д. 4546. Л. 42–45.

³ См.: *Ду Жункунь.* Агрессия царской России и борьба сопротивления киргизского народа. — «Вестник центрального института национальностей» (На кит. яз.). Пекин, 1983. № 2.

⁴ *Карыпкулов А. К., Сушанло М. Я.* Некоторые аспекты... С. 63.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР – ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Классики марксизма-ленинизма подчеркивали прогрессивную роль России в истории народов Востока. «Господство России, — писал Ф. Энгельс в письме К. Марксу в 1851 г., — играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей в Центральной Азии...»¹.

В результате присоединения Памира к России перед памирскими киргизами открылись более широкие перспективы исторического развития как в области хозяйства и социально-экономических отношений, так и в области политической и культурной жизни.

Рассмотрим каждую из сторон этого вопроса в отдельности. Как уже отмечалось выше, к моменту присоединения к России памирские киргизы находились под гнетом отсталых феодальных государств. К тому же Англия стремилась сделать Памирский район своей колонией или включить его в буферное отсталое государство, чтобы угнетать народы Памира так же, как народы Индии, Афганистана. Благодаря присоединению к России, памирские киргизы были спасены от порабощения отсталыми феодальными государствами Востока, от угрозы закабаления английским империализмом, покушавшимся на независимость народов Средней Азии, в том числе и Памира.

После присоединения Восточного Памира к России одним из главных вопросов было определение будущей орга-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXVII. С. 241.

низации управления памирским населением. До 1905 года памирские киргизы временно находились в ведении начальника Памирского отряда, пользовавшегося в административном отношении правами начальника уезда. Перед временной административной организацией были поставлены следующие задачи: «Устранение причин к вражде киргизским родам и меры к сближению киргизов памирских с алайскими. Содействие к родственному сближению кочевников посредством браков и увеличения тем самым прироста населения. Установление и упрочение торговых сношений памирского населения с соседними районами Ферганы и бухарскими владениями и меры к оживлению меновой торговли»¹.

Первый шаг к ликвидации междоусобных феодально-родовых войн между памирскими и алайскими киргизами был осуществлен в 1893 г. при непосредственном вмешательстве русской администрации. Алайские киргизы «по недостатку корма в долине, вследствие больших снегов» пригнали на Зор-Куль, Ак-Таш и Ранг-Куль более 10 тысяч баранов. Памирские киргизы, откормив их скот на своих пастбищах, в свою очередь добивались от алайских киргизов «дозволять провести часть лета со своими стадами на Алае»². Мирное соглашение было достигнуто.

Таким образом, присоединение памирских киргизов к России привело к ликвидации родоплеменных междоусобиц и розни, от которых страдали трудящиеся массы. Этот процесс означал серьезный шаг на пути к преодолению замкнутости родоплеменных групп, к развитию национальных черт киргизского народа. Именно с этого момента в какой-то мере берет свое начало переход от отсталых патриархально-феодальных отношений к более прогрессивному

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 4623. Л. 40.

² Там же.

общественно-экономическому развитию в составе российского государства.

В административном отношении Памирская волость входила в состав Ошского уезда Ферганской области. Во главе волости стоял начальник Восточного Памирского поста. По отношению к населению он пользовался правами участкового пристава и непосредственно подчинялся начальнику Памирского отряда. Для удобства управления Памирская волость, в свою очередь, делилась на следующие аминства¹ (данные на 1 февраля 1902 г.).

	Наименование аминства				Итого:
	Ранг-Кульское	Ак-Ташское	Мургабское	Аличурское	
Юрт	80	120	97	121	418
Мужчин	120	365	229	339	1 138
Женщин	216	273	230	315	1 134
Баранов	11 644	13 174	4 812	15 145	47 775
Кутасов	839	2 502	1 291	2 056	6 688
Верблюдов	148	256	150	289	843
Лошадей	157	200	154	236	747

Во главе каждого аминства стоял местный бий. По отношению к подвластному населению бии пользовались правами сельских старшин.

При управлении районом начальник отряда был обязан: «принимать все меры к тому, чтобы население тихо и смирно, постепенно приучалось к пониманию благотворной крепкой власти..., заботиться о культурном развитии Памиров, привлекая к этому офицеров отряда, обязанных к этому своим административным служебным положением,

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 4623. Л. 40.

и испрашивая на это необходимые денежные средства у военного губернатора Ферганской области; иметь общий контроль за общественным продовольственным магазином, причем в самой деятельности по хранению, выдаче и пополнению запасов он привлекает исключительно местное население через уполномоченных», — говорилось в Инструкции по управлению памирским населением, утвержденной в 1905 г.¹

В отношении судопроизводства начальник отряда должен был иметь в виду, что: «существующий, основанный на обычаях, порядок управления населением должен быть по возможности сохранен без изменения; суд устраивается и производится применительно к местным обычаям, а взыскания за проступок и преступление, установленные народными судьями, налагаются лишь по утверждении их начальником отряда, которому предоставляется право отменять и видоизменять взыскания своей властью; начальник отряда не имеет права отменить или изменить решение своего предшественника, объявленное в письменной форме. В нужных случаях он входит на этот предмет с мотивированным представлением к военному губернатору Ферганской области». Данная инструкция, а соответственно с ней — административное управление на Памирах, сохранилась до 1917 г. Временным правительством 6/VI/1917 г. в связи с введением «Временного положения об управлении Памирским районом» была изменена структура административного управления.

После присоединения памирских киргизов к России в этом далеком районе был осуществлен ряд мероприятий в области здравоохранения и просвещения. В 1895 г. туркестанский генерал-губернатор приказом по административно-полицейскому управлению Ферганской области

¹ ЦГВИА СССР. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2166. Л. 146.

обязывал врача Памирского отряда Вельмана оказывать медицинскую помощь памирскому населению. В связи с этим на него были возложены обязанности уездного врача.

Правда, этот уездный врач в первую очередь обслуживал Памирский отряд, но все же он оказывал медицинскую помощь и местному населению. 9 октября 1896 г. был отдан даже приказ о выдаче вознаграждения врачу Вельману «за исполнение им обязанностей уездного врача в отношении памирского населения». Вскоре была учреждена вторая должность уездного врача для памирского населения. Этот врач оказывал лечебную помощь коренному населению и вел санитарно-просветительную работу.

По инициативе русских властей организуется школа для совместного обучения детей русского и местного населения. Первая школа с интернатом на 20 человек открылась в 1911 году в г. Хороге. Она называлась «русско-туземной». Открытие интерната должно было привлечь детей местного населения к обучению, так как родителям-кочевникам трудно было содержать своих детей в поселке.

Однако царское правительство вовсе не было особенно заинтересовано в просвещении населения не только «туземцев», но и русских. Администрация стремилась использовать школы как очаг пропаганды политики самодержавия, а также подготовки переводчиков, работников низовой и волостной администрации с тем, чтобы создать опору русской власти на окраине. Именно поэтому туркестанский генерал-губернатор в 1915 г. специально вынес решение о привлечении в школы местных детей Памира. Все же эти школы принесли на Памир первые ростки просвещения, несмотря на то, что в них имели доступ почти исключительно дети зажиточных слоев населения.

Одним из прогрессивных результатов присоединения к России было изучение Памира и его населения русскими исследователями и учеными.

С именами русских ученых связаны важнейшие достижения в изучении географии, естественных богатств, растительности, животного мира, истории, этнографии Памира и населяющих его народов. При этом следует отметить, что исследования некоторых экспедиций и путешествий велись в значительной степени под углом военно-стратегических целей. Несмотря на это, они содержат важные научные известия.

Так, в 1877 г. Н. А. Северцев производил исследования Памиро-Алая, в результате чего им был написан «Очерк орографии Алая и Памира». А. П. Федченко с 1868 по 1871 г. исследовал Памиро-Алай в области орографии, геологии, климата, растительности и животного мира. В результате своей трехлетней научно-исследовательской работы А. П. Федченко открыл Заалайский хребет и внес коренные изменения в представления о географии Алая и Памира. Ему принадлежат наиболее верные для того времени схемы орографии этих мест.

В 1877 г. И. В. Мушкетов занялся изучением геологического строения Ферганы и Памира. В следующем году он руководил научной экспедицией по изучению орографии и геологии Памира. В 1882 г. горный инженер Д. Л. Иванов и капитан Т. Ш. Путята доходили до северных склонов Гиндукуша и в своих обстоятельных изысканиях о Памире определили значительное число высот астрономических пунктов. Было исследовано несколько важных перевалов. В этом же году Г. А. Арендаренко написал этнографический очерк о Дарвазе и Каратегине. В 1884–1887 гг. Г. Е. Грумм-Гржимайло в своей третьей экспедиции получает ценный зоологический материал.

В 1879 г. выходит первая сводная работа о народах Памира на русском языке — «Сведения о странах по верховьям Амударьи» выдающегося русского путешественника и ученого И. П. Минаева. В ней с исключительной добросовестностью подытоживаются все имевшиеся в то время

сведения о народах, обитающих в верховьях Амударьи, в частности, на Памире — сообщения: китайских и арабских путешественников, английских исследователей, вплоть до 70-х годов XIX в.

В 1897 г. Памир был исследован экспедициями академика Н. Л. Корженевского, доставившими огромный материал по ботанике, геологии и этимологии края.

В 1898 г. на Памире побывала Ю. Д. Головина (автор книги «На Памирах») в сопровождении зоолога М. М. Воскобойникова и фотографа-любителя Н. П. Бартеновой.

В 1901 г. при содействии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии совершили научную экскурсию женщина-ботаник О. А. Федченко с сыном, преподавателем Московского университета Б. А. Федченко, составившие альбом памирских видов. Одновременно с ними собирал ботанические коллекции Ф. Н. Алексеенко, командированный от Петербургского общества естествознания, а проф. А. А. Бобринский — этнографические материалы.

Немалую помощь русским ученым в экспедициях оказывали местные жители. Очень часто киргизы были проводниками, подсобными рабочими, переводчиками. Примером этого может служить Свидетельство на серебряную медаль, выданное по ходатайству Н. А. Северцева киргизу Казыбию Уморбиеву, проводнику экспедиции на Алай и Памир в 1877–78 гг. Свидетельство хранится в Государственном архиве Узбекской ССР.

Одной из характерных черт прогрессивности присоединения памирских киргизов к России явилось развитие торговли. Учитывая экономическое положение местного населения (отсутствие земледелия, кочевой образ жизни), русская администрация с первых же дней после присоединения принимает меры к развитию торговых сношений с соседями: с Китаем, Афганистаном и Бухарскими областями, а также внутри страны — с Ферганой. Мургабский торговый караван-сарай превращается в центр обмена,

имеющий значение не только внутри Восточного Памира, но и для соседних стран. Например, из Афганистана привозили для торговли лошадей, рис, масло, зерно и др. Из Кашгара привозились хлопчатобумажные ткани, халаты, седла, подковы и прочие мелкие вещи, а в обмен иностранные купцы брали у памирских киргизов баранов и кутасов, а также шкуры, масло, кошмы. Из Оша привозили русские ситцы, мыло, шелковые платки и др.

Основным товаром памирских киргизов был скот. По данным статистики, Памирская область продавала только баранов ежегодно на сумму около 100 000 рублей.

Наряду с внешней торговлей, развитие получила торговля и обмен товарами внутри страны между земледельческими оазисами, с одной стороны, и памирскими кочевниками — с другой. Памирские киргизы привозили в Фергану и соседние таджикские селения скотоводческое сырье, получая в обмен нужные им продукты земледелия и ремесла.

Совершенное отсутствие на Памире обрабатывающей промышленности заставляло не только местное население, но и командование отряда обращаться за всеми предметами довольствия к торговым фирмам России. В результате присоединение к России способствовало развитию товарно-денежных отношений на далеком Памире.

Здесь стали зарождаться зачатки простейшей промышленности. Возникают кустарный кожевенный завод для выработки кож на сапожные товары, сапожная мастерская, кузнечно-слесарная и столярно-плотническая мастерские и, наконец, кустарно-мыловаренное производство. В области земледелия были сделаны первые пробы. В 1915 г. производится опыт посева злаков в некоторых местностях Восточного Памира. Опыт оказался удачным, и в следующем году местное население начало сеять ячмень.

Одним из несчастий в быту памирских киргизов, резко подрывавшим их благосостояние, были хронические весенние голодовки. Хлеб киргизам завозился с Алая, Орошора,

Шах-Дары, Гунта и из восточных кишлаков Вахан, Лянгар и других мест. Но проходы из этих местностей были настолько удалены от памирских киргизов и трудны, особенно зимой и весной, во время снежных заносов на перевалах, что все население, особенно бедняки, не могло запастись зерном на зиму. Поэтому местное население часто употребляло в пищу только продукты скотоводства.

В зимний период удои молока резко снижались, и в связи с этим начиналась очередная голодовка. Сразу же после присоединения Памира к России в 1895 г. Ферганское областное правление, специально рассмотрев вопрос о снабжении памирского населения продуктами, вынесло решение, по которому ежегодно выделялись средства на заготовку провианта для памирского населения.

Заготовленные продукты продавались местному населению по установленной государственной цене...

Во время голода 1899–1900 гг. нижние чины отряда добровольно отказались от своего пайка в пользу голодающих киргизов. И многие семьи памирских киргизов ежедневно кормились и обогревались на постах отряда¹.

С целью создания опоры среди местного населения царизм привлекал на свою сторону представителей феодальной знати, освобождая их от всяких повинностей и обязанностей. Возьмем, к примеру, приказ № 4 по Памирскому району от 1 февраля 1916 г. Он гласит: «Почетные лица, как ишаны, совершенно освобождаются от несения каких-либо повинностей вместе со своими дворами». Или: «все административно-служащие, а также джигиты их, как несущие казенную службу без каких-либо вознаграждений, освобождаются от всяких повинностей вместе со своими дворами»² и т. д.

¹ ЦГВИА СССР. Ф. 400. Д. 80. Л. 72.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9979. Л. 6.

В целом положение народных масс Памира оставалось очень тяжелым. Поэтому местное население Памира на основе решений Государственного Совета России было освобождено от податей. Однако местная администрация (волостные управители, амины, бии и старшины) по-прежнему продолжала сбор податей и поборы, которые шли в их собственный карман.

На Восточном Памире, вплоть до 1917 г., еще существовала так называемая низовая администрация — подрядчики, снабжавшие приезжающих всем необходимым. Впоследствии выяснилось, что немногочисленное население Восточного Памира почти ежегодно платило подрядчикам до 10000 рублей в год баранами, маслом, мукой, лошадьми напрокат и проч., хотя фактическая потребность во всем этом не превышала за год 1000 рублей¹.

Таким образом, основная тяжесть налогов, поборов ложилась на трудящихся, что вызывало их недовольство. Поэтому начальник Памирского отряда вынужден был к 1917 г. упразднить эту администрацию.

Несмотря на наличие множества отрицательных моментов, являвшихся следствием реакционной политики царизма и порождением патриархально-феодалного эксплуататорского общества, народы Памира под влиянием русского народа и его передовых представителей сделали шаг вперед в общественно-политическом развитии.

Надвигался решающий этап в истории человечества, приближалась Великая Октябрьская социалистическая революция.

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 10069. Л. 1.

VI

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО, БЫТ И КУЛЬТУРА

СКОТОВОДСТВО

Определяя специфику хозяйства у восточных народов, К. Маркс писал: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»¹.

Памирские киргизы по характеру хозяйства относились ко второму типу, т. е. к чисто кочевническому. Ведущей отраслью хозяйства у них было скотоводство, которое не потеряло своего значения и по настоящее время.

Экстенсивное кочевое скотоводство у памирских киргизов было в полной зависимости от местных природных условий. Кочевание со скотом, содержащимся на подножном корму, имело сезонный характер и велось по установившемуся веками циклу, каждая родоплеменная группа кочевала на определенной территории. Например, местом летних стоянок рода теит в XIX в. считались по р. Ак-Суу, ущелье Зор-Бирлик близ оз. Ранг-Куля и по Кара-Туруку, а местом зимних стойбищ — урочище Тогуз-Агыл близ озера Ранг-Куль. Род кесек кочевал по Кызыл-Рабатау, а его зимним пастбищем — Кош-Агыл р. Ак-Суу; найманы и кыпчаки летовали по Орто-Бели и в верхней Тагарме, а зимовали в долинах верхнего и нижнего Гези, урочища Мук-Су².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXVIII. С. 214.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3342. Л. 435.

Однако такое разграничение районов летних кочевий и зимних стойбищ между различными родами не было постоянным в связи с естественно-географическими условиями Памира. Это видно из следующего сообщения начальника Памирского отряда командующему Ферганской областью от 19 июня 1895 г.: «Места как зимних, так и летних кочевок в полной мере зависят как от количества подножного корма в том или другом ущелье, так равно и от количества воды и даже выпадающего зимою снега, что подвержено сильным ежегодным колебаниям, и потому и места кочевок одного и того же семейства, уже не говоря про целое общество, часто и даже в течение одной зимы меняются»¹.

Несмотря на это, как мы отмечали выше, перекочевка в основном совершалась по определенному порядку и круглогодичному циклу. Поэтому каждая родоплеменная группа всегда соблюдала определенный план, имеющий цель разумно использовать скромные пастбища.

А. Г. Серебренников следующим образом характеризует летние кочевья памирских киргизов: «Зимуя в долинах рек и котловинах озер, они уходят на лето со своими стадами в ущелья гор и кочуют на высоте 14000—15000 фут. над уровнем моря, где всегда имеется прекрасный корм и где нет комаров, оводов, слепней и других насекомых, от которых сильно страдает скот в долинах рек и на болотистых лугах. Кроме того, не кочуя летом в долинах, киргизы сохраняют подножный корм на зимнее время, что имеет весьма важное значение, так как никаких запасов сена на зиму они не делают»². Недостаток в пастбищах был характерен и для зимовок. Н. А. Аристов писал по этому поводу: «Лучшим доказательством ограниченности места

¹ ЦГВИА СССР. Ф. 400 (Главный штаб по азиатской части). Ч. 1 Д. 40, 1895. Л. 183.

² *Серебренников А. Г.* Памир (краткий очерк). Ежегодник Ферганской области. Т. I. Новый Маргелан, 1902. С. 140.

подножного корма служит то обстоятельство, что киргизы кочуют зимой только в следующих местах: озеро Большого Кара-Куля, в Ранг-Кульской котловине, в устье Ак-Байтала, на Кош-Агыле и Ак-Таше и вверх по Ак-Суу»¹.

Зимовье (кыш-тоо) находилось на постоянном месте, выбранном с учетом наличия подножного корма, источников воды, направления зимних ветров и толщины снежного покрова.

Памирские киргизы для зимовки не строили укрытия или ограды, как это наблюдалось у северных и южных киргизов. Д. Л. Иванов так описывает это обстоятельство: «Киргиз-памирец до того кочевник, не любящий ничего оседлого, что даже среди здешних ветров и холодов он не подумал о возможности построить себе зимовки и зимует всегда в тех же рваных кибитках, в которых живет и летом; мало того, даже эти кибитки он не обкладывает на зиму ни камышом, ни чем другим. Это особенно бросается в глаза потому, что рядом с ним родственные ему киргизы Среднего и Нижнего Алая строят весьма обстоятельные зимовки как для скота, так и для себя»².

Основными отраслями животноводства у памирских киргизов считались овцеводство и яководство. Памирские киргизы имели также и верблюдов. Поставщиками были главным образом торговцы, которые прибывали на Памир с вьючным транспортом и, сбыв товары, часто продавали своих лошадей. Местные жители Памира покупали лошадей у алайских киргизов или у соседних таджиков, но особенно у локайцев, у которых ведущей отраслью животноводства было коневодство.

¹ Аристов Н. А. Этнические отношения на Памире в прилегающих странах, по древним, преимущественно китайским историческим известиям. — Русский Антропологический журнал. 1903. № 1. С. 6.

² Иванов Д. Л. Путешествие на Памир. — Известия РГО. Т. XX. Вып. 3. Отдел II, 1884. С. 237.

По численности поголовья овцеводство всегда занимало первое место в скотоводческом хозяйстве памирских киргизов, и поэтому на нем держалось все их благосостояние. Овцеводство в основном удовлетворяло потребность в питании, одежде, в материалах для жилища. Значительная часть овец шла на обмен необходимых вещей, приобретаемых у приезжих торговцев и соседних таджиков.

Киргизы, находящиеся под властью Афганистана, кроме обыкновенных грубошерстных овец разводили стада каракулевых и занимались торговлей каракулем¹.

Вслед за овцеводством важную роль у памирских киргизов играло яководство. Не было ни одной другой народности Средней Азии, кроме киргизов, у которой разведение яков являлось бы одним из основных занятий. В этом отношении особенно отличались памирские и алайские киргизы. Природные и географические условия Памира не позволяли много разводить другие виды крупного рогатого скота, поэтому местное население Памира особо большое внимание уделяло яководству. О пользе яка (кутаса) в хозяйстве и об особенностях этого животного писали многие. Вот как характеризует яка академик Д. В. Наливкин: «Кутас — это король Памира, животное необыкновенное. Рога и голова у него как у быка, шерсть как у козы, хвост как у лошади, грудь как котел паровоза, а хрюкает он как свинья. Недаром хвосты яков считают наиболее почетным украшением на киргизских мазарах, надмогильных памятниках»².

Оценивая роль яка для хозяйства киргизов, А. Волконский, побывавший на Алае и в Гульче в 1874 г. писал: «У этих киргизов водятся яки, трудно укротимое домашнее

¹ *Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки*. Каттаган и Бадахшан. Перевод с персидского под редакцией А. А. Семенова. Ташкент, 1926. С. 55.

² *Наливкин Д. В.* Памир — крыша мира. М., 1948. С. 8.

животное, весьма ценимое киргизами и как вьючная сила и как скот, доставляющий молоко, шерсть и крепкую, толщиною с палец шкуру... Из длинной шерсти яка и пушистого хвоста плетутся мягкие веревки для вьюков; лучшие подпруги. Зимой яки уходят в горы верст за 20 от жилищ своих хозяев и пасутся там, пробивая крепкими копытами снег и даже лед»¹.

Корма для животных на зиму обычно не заготавливали. Из-за отсутствия заготовленных кормов страшным бичом для местного населения был джут, то есть массовый падеж скота. Именно в связи с этим страшным бедствием рост поголовья скота у памирских киргизов почти отсутствовал. Джут возникал после многоснежной зимы, холодной весной, когда образовывались оледеневшие насты. Обессиленные животные не могли пробить ледяную корку, и начинался массовый падеж.

Вследствие джутов памирские киргизы часто терпели большие разорения и мучительные лишения. Население голодало. Особенно тяжело отражалось это бедствие на хозяйстве малосостоятельных скотоводов, которые после потери скота и голодовки вынуждены были идти батрачить к баю или совсем уходили с Памира в Ферганскую долину.

ОХОТА

Значительное место в хозяйстве киргизов занимала охота. Наличие на Памире многочисленных видов диких животных создавало благоприятные условия для охотничьего промысла. Главным объектом охоты были горный козел (теке), архары (горные дикие бараны), волки, медведи, барсы, сурки, зайцы и т. д.

¹ Волконский А. От Нового Маргелана до границы Бухары. — Вестник Европы. 1894. № 7. С. 133.

¹⁶ Том X. В. М. Плоских

Охотились киргизы с ружьями, капканами (деревянными и железными) и силками. Охота с помощью ловчих птиц у памирцев не была развита. В большинстве случаев охота проходила с участием собак. Ружья употреблялись фитильные с деревянными подпорками, их изготовляли сами памирские киргизы. Кроме того, они готовили порох из селитры.

Но нужно отметить, что не все население могло охотиться с ружьями: их имели только зажиточные слои; что же касается массы населения, то они со своими семьями выходили на охоту просто с голыми руками. В годы джута охота получала особенно широкое распространение. Массы голодающего населения были вынуждены заниматься ею, ибо она служила единственным источником существования. Это ярко показано в произведении Георгия Тушкана «Джура», согласно которому мясо архара и диких козлов служило не только единственной пищей, а являлось и запасным продуктом на целый год.

Б. Л. Тагеев, который был участником «памирских походов» (1892—1895 гг.), очень ярко характеризует мастерство памирских киргизов во время охоты: «На охоте за архарами или кийиками они просто неузнаваемы. С рассвета до глубокого вечера, без усталости, карабкаются киргизы по утесам, над страшными пропастями, выслеживая свою добычу и, убив ее, часто тащат на своих плечах в аул...

Интересное зрелище представляют киргизы, когда они заметят архара, наставляют на рогатину свой мултук и целят в бегущее животное, выбирая момент, чтобы приложить фитиль... Киргизы редко промахнутся»¹.

Охота являлась важной отраслью в хозяйстве памирских киргизов, так как мясо, а также шкуры, рога, шерсть шли не только в личное потребление, но и для обмена.

¹ Тагеев Б. Л. Памирские киргизы (очерк). — Нива. 1897. № 38. С. 898.

Весьма характерно, что, несмотря на наличие в некоторых озерах и реках рыбы, местное население рыболовством не занималось.

Торговля

Натуральное экстенсивное хозяйство, конечно, не могло удовлетворить всех жизненных потребностей памирских киргизов. Поэтому недостающие продукты питания и другие необходимые в быту вещи памирские киргизы добывали путем обмена и торговли. Через территорию Памира еще в ранний период как по ответвлению великого шелкового пути шла транзитная торговля. Поэтому, несмотря на трудность пути, дальность расстояния, памирские киргизы имели связи с соседними государствами.

Обмен происходил также внутри страны, т. е. между памирскими киргизами и соседними земледельческими районами: Каратегинном, Ферганой и Кашгаром. Во все эти районы киргизы ездили за продуктами земледелия, которые меняли на молочные продукты, грубые шерстяные ткани, кошму и скот. Велся обмен и в местах самих кочевков.

На заседании Русского Географического общества в апреле 1884 года об этом говорил Д. Л. Иванов: «Из Кашгара и, главным образом, из Ферганы на Памир двигаются так называемые «совдагары» — торговцы, набиравшие халаты, хлопчатобумажные ткани, дешевые седла, подковы и другие мелкие вещи продавать на Памире, в обмен на такие сырые предметы, которые могут находиться у киргизов: шкуры, масло, кошмы, а главным образом, на скот — баранов, кутасов»¹.

¹ Архив Географического общества Союза ССР. Ф. 65. Оп. 1. Д. 46. Л. 57.

До присоединения памирских киргизов к России внутреннего рынка на всем Восточном Памире не существовало. Поэтому торговля носила в основном меновой характер.

Велась торговля с Бадахшаном, после включения его в состав Афганского государства (1895 г.), в употребление вошло афганское серебро.

После присоединения памирских киргизов к России установились торговые связи с Россией. Главными предметами ввоза на Памир являлись металлические, особенно железные и медные предметы, причем в обращении, как отмечает А. Г. Серебренников, находились больше бумажные деньги, нежели серебро¹.

Было бы неправильно считать, что памирские киргизы являлись поставщиками только продуктов скотоводства. Кроме продуктов скотоводства они занимались еще, правда, очень в ограниченном количестве, добычей золота, серебра, каменной соли, серы. Золото, серебро для продажи вывозилось из Бадахшана еще в древнем и средневековом мире.

ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И ПРОМЫСЛЫ

Оторванные не только от крупных городов Средней Азии, но и разрозненные между собой памирские киргизы, испытывали острую нужду в предметах первой необходимости, и эта потребность удовлетворялась главным образом продуктами своего производства.

Домашнее производство у памирских киргизов носило примитивный характер и было связано с обработкой шерсти, кожи и других продуктов скотоводства, предназначенных для личного потребления.

¹ *Серебренников А. Г.* Памир. — Ежегодник Ферганской области. Т. I. 1902. С. 140.

Сравнительно широко было развито домашнее производство по обработке шерсти. Шерсть шла на выделку войлока, которым покрывались и украшались юрты, делались подстилки на пол (алакийиз), потники к седлам и разного рода хозяйственные принадлежности. Из овечьей и верблюжьей шерсти женщины пряли пряжу, затем на ткацком станке изготавливались ткани для верхней одежды, хозяйственных нужд, а также для украшения жилища, верхового коня.

Из кожи шили шубы, обувь, головные уборы, хозяйственные мешки, мешки для хранения и перевозки жидкостей. Из кожи крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей делали обувь, сбрую, часть седел и различную кожаную посуду.

Деревообделочное производство у памирских киргизов не играло значительной роли. Очевидно, это было связано с отсутствием древесной растительности на местах. Но в быту памирские киргизы широко использовали вещи, сделанные из дерева. Были распространены седла, колыбели, чашки, блюда, подмости для постелей, шкафы и пр. Деревянные части юрты и вещи из дерева закупались у алайских киргизов и соседей в Шугнана, Вахане и Кашгаре.

Памирским киргизам было знакомо ювелирное и кузнечно-слесарное дело. Мастера-ювелиры изготавливали всевозможные женские украшения. Кузнецы делали бытовые хозяйственные предметы: топоры, ножницы и т. п., вплоть до фитильных ружей.

С. М. Абрамзон отмечает, что памирские киргизы добывали горный хрусталь, яшму, самородное золото, сбывая все это на рынках Кашгара и Яркенда¹. Те киргизы, которые обитали в пределах Кундузского района, где в недрах

¹ Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946. С. 32.

было золото и серебро, естественно втягивались в этот вид промысла. Как сообщают архивные материалы, киргизы, обитавшие вблизи Бадахшана, еще в XVIII веке добывали золото из реки Кундуз.

Об оригинальном способе добычи золота из рек киргизами отмечали в своих мемуарах английские путешественники. Он заключался в устройстве фильтра из овчины, которая опускалась на дно реки в избранных местах. Фильтр удерживался на месте тяжелыми камнями. Его располагали так, чтобы естественный наклон шерсти был обращен к течению реки. Затем шкура осторожно вынималась, сушилась, застрявшие песчинки золота бережно собирались.

Залежи каменной соли находились недалеко от озера Ранг-Куль, ее киргизы добывали как для своего хозяйства, так и для продажи, в пределах соседних ханств.

Жилище

Преобладающей формой жилища, в котором киргизы Памира жили раньше как на зимовках, так и на летовках, являлась юрта. Будучи у памирских киргизов, М. С. Андреев отметил, что наряду с юртой у киргизов Памира были «чумы, покрывавшиеся шкурами зверей». Такие чумы, еще не вытесненные юртой, можно было наблюдать и в 1926 г. на труднодоступных и изолированных высотах¹. Ясно, что не всякий киргизский бедняк мог завести себе юрту, поэтому он вынужден был ограничиваться более дешевым жилищем. Таким, очевидно, и являлся чум.

По форме остова, внутреннему убранству и внешнему декоративному оформлению юрты памирских киргизов относятся в основном к тому же типу, который был

¹ Андреев М. С. Чум — бывшее жилище киргизов Памира. Сб. статей, посвященных С. Е. Малову. Фрунзе, 1946. С. 15.

распространен у киргизов по Южному Синьцзяну, Алаю и Южной Фергане.

Часть киргизов Памира в прошлом имела, очевидно, и оседлые жилища. Путешественник Гордон во второй половине XIX века видел на Малом Памире «развалины киргизских глиняных и каменных хижин». Недалеко от Лянгара в 1869 г. английский разведчик под кличкой «мирза» встретил брошенные киргизские «хижины». Однако надо отметить, указанные селения располагались только на окраинах Памира. Об оседлых жилищах на самом Памире в то время ничего не известно. По утверждению самих памирцев 1950-х годов, «впервые дома на Мургабе стали строить лет 30 тому назад», т. е. в 1920-х годах¹.

Весьма вероятно, что зимние селения с глинобитными и каменными домами на окраинах Памира появились у киргизов под влиянием соседей афганцев и таджиков, и они не были, таким образом, типичными жилищами киргизов-памирцев.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Основные элементы одежды памирских киргизов в середине XIX в. были такие же, как у всех киргизов. Имелись некоторые отличия, являющиеся результатом заимствования у соседнего населения. Одежду носили преимущественно из материалов собственного изготовления: из кожи и шерсти животных.

Англичанин Вуд, побывавший на Памире в 1838 г, писал: «Женщины бывают красивы и, хотя суннитки, ходят

¹ См.: *Шибеева Ю. А.* Материалы по жилищу мургабских киргиз. — Сообщения республиканского историко-краеведческого музея. Вып. 2. История и этнография. 1955. С. 94.

без покрывала. Их одеянье состоит из бараньих кож шерстью внутрь»¹.

Наряду со шкурой в одежде памирских киргизов, как и у других соседних народов, употреблялись ситец или бязь, мата, сукно и другие покупные материалы, в зависимости от состояния. Надо сказать, что социальная дифференциация в дореволюционное время особенно ярко была выражена именно в одежде. Как сообщает Ю. А. Шibaева, «По рассказам стариков о старинной одежде (кийим), ...мужской комплект ее в XIX в., а возможно и в XVIII, рисуется следующим образом: непосредственно на тело киргиз одевал нижнюю рубаху (кейнек или жегде), которую шили из белой бумажной или тонкой шерстяной домотканины с вышитым на краю воротом, и шаровары (шим) — реже из покупной и чаще из домотканой шерстяной материи»². В холодную погоду или в дорогу поверх рубахи надевали чапай — стеганный на вате халат, крытый бумажной материей, или чепкен — халат из сукна либо армячины.

В зимнее время носили нагольные тулупы из овчины — тон. Покрой этой шубы относился к образцам: бухарскому и андижанскому. Верхнюю одежду мужчины опоясывали кушаком из полосатого материала либо шерстяной веревкой, а более богатые носили кожаный пояс, украшенный посеребренными пластинками и бляхами. Зажиточные слои носили зимой лисьи и волчьи шубы, крытые сукном или бархатом и окаймленные полосой из какого-либо меха (овечьего, лисьего, волчьего, куньего). Бедняки носили в качестве верхней одежды грубые халаты, надевавшие иногда на голое тело. Что касается обуви, то все местные киргизы — мужчины, женщины, молодые и старые — носили самодельные сапоги, которые изготавливались

¹ См.: *Минаев И. П.* Сведения о странах по верховьям Амударьи. СПб., 1879. С. 201.

² *Шibaева Ю. А.* Материалы по жилищу... С. 33.

из выделанной кожи яка. В летний период мужчины носили на голове топу — конусообразную мягкую шапочку, а зимой разнообразные зимние шапки (общее название их «борук»), остроконечные шапки — шухшугуй, ушанки — малахай или калакчин.

Одежда женщин состояла из шерстяной рубахи с широкими рукавами и широких штанов. Их киргизки Памира не всегда шили из покупных тканей, бывших в старину редкостью, частично изготовляли и из шерстяных домотканых тканей. Бедные киргизки довольствовались домотканой материей. Верхней одеждой являлся чапан. При перекочевке или поездке в другие айлы надевали покупные халаты. Богатые носили шелковые халаты.

Головной убор замужней женщины состоял из белого тюрбана — элечек. Способы повязки элечека и приемы ношения вышитой повязки — кыргак тарма, которая прикреплялась к элечеку, отличалась у отдельных племен. Головным убором девушек была тибетейка — топу. Что касается шапки — тибетей, отороченной мехом куницы и украшенной перьями филина, то у памирских киргизов она мало употреблялась.

Пища

Пища памирских киргизов в прошлом состояла, главным образом, из молочных и мясных продуктов. Хлеб играл крайне незначительную роль в питании населения. Это было связано с тем, что памирские киргизы не занимались посевом, и хлеб, мука, а также некоторые продукты первой необходимости доставлялись на вьюках из далекой Кашгарии, либо из соседнего Таджикистана.

Давая характеристику пищи киргизов Памира, Д. Л. Иванов сообщает: «Пища этих киргизов преимущественно молочная. Кумыс крайне редок, свежее молоко,

квашенное и смешанное с водой. Кутасовый сыр у них особенно в ходу и всегда, пускаясь в дорогу, они запасаются..., хлеба в течение лета памирские киргизы совершенно не знали и лишь лакомятся им только поздней осенью, когда поспевают в Шугнана»¹.

Из молока изготовляли различные продукты. Одним из них являлось густое кислое молоко — жуурат. Из сливок готовили сливочное масло, молоко створаживали, получая сузме. Разбавляя сузме водой, готовили жидкий напиток (чалап), который пили для утоления жажды. Из сузме делали также сыр курут, высушивая его на солнце. Молочные продукты у киргизов Памира имели некоторые отличия от других киргизских однотипных продуктов и по названиям и по способу приготовления.

Из мясных блюд широко была распространена вареная баранина. Довольно часто употреблялся «куурдак» — нарезанное мясо мелкими кусками, поджаренное без всяких приправ. Если мясо было не жирным, его поливали теплым маслом или сливками. По утверждению информаторов, некоторые родоплеменные группы памирских киргизов в прошлом, расположенные по соседству с бадахшанскими таджиками, не употребляли в пищу конское мясо, считая это «грешным».

Из риса варили молочную кашу шир-куруч. Из муки готовили лепешки, жаренные в масле (май токоч), соленые лепешки, сваренные в молоке и сдобренные маслом (жупка), слоеные лепешки со сливками (каттама). Надо отметить, что мучную пищу употребляли только зажиточные слои населения. Что касается бедняков, то для них хлеб известен был лишь только по названию.

¹ Архив Географического общества Союза ССР. Ф. 69. Оп. 1. Д. 46. Л. 53–54.

СЕМЬЯ И БРАК

В семейных отношениях памирских киргизов в прошлом, даже в XIX веке, преобладал патриархальный уклад. Продолжали бытовать большие неделенные патриархальные семьи, иногда состоявшие из нескольких родственных групп, ведущих совместное хозяйство и владевших сообща скотом и другим имуществом. Во главе такой семьи стоял старейшина, которому повиновались остальные члены семьи.

По некоторым данным можно заключить, что были отдельные «родовые группы», как например, кыдырша, у которых запрещали отдавать девушек своего рода в чужой, и жениться могли только на девушках своего рода. Но существовали и такие «родовые группы», где жен брали только извне. Такое явление можно было наблюдать в конце XIX века у ак-ташских киргизов, которые выбирали себе жен из аулов Тагармы и Тагдум-Баша.

Однако первые формы отмеченных брачных отношений в конце XIX века постепенно стали разрушаться. Это было связано с тем, что после присоединения памирских киргизов к России русская администрация в целях ликвидации родоплеменной вражды между алайскими и памирскими киргизами принимала специальные меры для устранения междоусобиц, возникавших только на основе брачных связей. Это было первым ударом по старой форме брачных отношений, господствовавших ранее у памирских киргизов.

Можно было встретить и смешанные браки с таджиками. Как указывают информаторы, такие браки происходили преимущественно при женитьбе киргизов на таджичках, но не наоборот. Весьма характерны наблюдения А. Г. Серебренникова о памирских киргизах: «Они родственны кара-киргизам, кочующим на Алае, сходны они по типу и по наружному виду... Впрочем, существуют и заметные отклонения от этого типа, и нередко встречаются лица, где с первого взгляда можно заметить примесь арийской

крови. Подобные уклонения происходят, разумеется, от смешанных браков памирских киргизов с таджикскими женщинами памирских ханств Рушана, Шугнана и Вахана, а также и соседней Тагармы, провинции Кашгара и наблюдаются сравнительно часто, так как киргизы охотно женятся на таджичках, высоко ценя в них трудолюбие и домовитость. Нельзя не заметить обратное — выход киргизок замуж за таджиков, что бывает чрезвычайно редко и киргизы объясняют это тем, что неохотно выдают своих дочерей замуж за таджиков, т. к., по их мнению, жизнь таджикских женщин очень непривлекательна и тяжела»¹.

Отметим, если девушка-таджичка выходила замуж за киргиза, то были соблюдены киргизские свадебные обряды, а если киргизка выходила замуж за таджика, то соблюдались таджикские свадебные обряды. Возраст для вступления в брак определялся в 17–18 лет, иногда этот брачный возраст снижался до 14–15 лет, особенно для девушек. Решение вопроса о браке принадлежало родителям, точнее отцам юноши и девушки. Что касается положения женщин в семье, то, несмотря на сохранение патриархальных традиций, они пользовались определенным равноправием, свободой и самостоятельностью в ведении домашнего хозяйства.

Подводя итоги краткому изложению материальной культуры памирских киргизов, необходимо отметить большое сходство, а подчас и тождество с материальной культурой киргизов южных частей Киргизстана. Это убедительно свидетельствует, что культура памирских киргизов складывалась в аналогичных с южными киргизами условиях.

¹ *Серебренников А. Г. Памир. С. 138–139.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

До революции киргизы Памира не прошли капиталистической стадии развития, находились на уровне патриархально-феодальных отношений. Каждая родоплеменная группа (община) являлась экономической или административной единицей.

Пастбищные земли формально считались собственностью общины, но фактически распоряжалась ими феодальная верхушка, члены рода могли пользоваться землей только с разрешения феодалов. В структуре общества выступали два класса: класс эксплуататоров — феодальная знать — кушбеги, беки, датхи, кази, баи, с одной стороны, и класс эксплуатируемых — трудящиеся массы — с другой.

У киргизов Памира ведущей фигурой в обществе считался бай, стоявший во главе более или менее самостоятельной родоплеменной группы. Его права и обязанности определялись, в первую очередь, имущественным положением и зависели от количества подвластного ему населения.

В период господства Кокандского ханства у киргизской феодальной знати Памира стали распространяться звания кушбеги, бек, датха. Полновластным хозяином области фактически являлся датха. Наряду с датхой к господствующему классу относился бий. Если датха управлял всем населением Восточного Памира, то бий являлся главой и правителем отдельной родоплеменной группы. В то же время в каждом родовом объединении имелся свой судья, также именовавшийся бием и разбиравший спорные дела по «народным обычаям».

К середине XIX в. кокандские ханы пытались было заменить их казнями, которые бы выполняли функции судей в соответствии с мусульманским правом — шариатом. Но в кочевых районах с чисто киргизским населением ханское нововведение не прижилось. После вхождения Памира в состав России на серьезных судебных разбирательствах

присутствовал в качестве арбитра начальник Памирского отряда, которому принадлежало решающее слово.

К категории класса феодалов относится бай. Это была одна из основных прослоек господствующего класса, которая, сосредоточив в своих руках огромное количество скота и пастбищ, эксплуатировала непосредственных производителей.

В конце XIX в. бай выступали уже не только как крупные скотовладельцы, но и как торговцы и ростовщики, использовавшие патриархально-феодалные формы эксплуатации и кабальные займы.

В политической жизни киргизов бай, однако, заметной роли не играли. Большинство из них не участвовало в общественных делах и не занимало никаких административных постов. Но в связи с тем, что они имели в своих руках многочисленный скот, это служило им орудием эксплуатации непосредственных производителей и влияло, естественно, на общественное положение. Для обслуживания своего хозяйства они имели наемников-малаев, но в большинстве случаев пользовались даровым трудом бедняков, предоставляя им за труд на временное пользование рабочий и молочный скот.

К категории эксплуататорского класса относились и различные слои духовенства — ишаны, молдо и др. Однако, в отличие от других соседних народов на Памире, степень распространения ислама среди киргизов была невелика, и, в связи с этим, духовных лиц было немного. А. Г. Серебренников в свое время отмечал: «Памирские киргизы считаются магометанами-сунитами, но вообще, как все кочевые народы они не отличаются особенной религиозностью и ислам не успел пустить у них таких глубоких корней, как, например, у оседлого населения... строго говоря, у них совсем нет религии, которая заменяется внешними обрядами и суевериями. Причина: разбросанность

населения, неблагоприятные условия жизни, бедность, главным образом отсутствие грамотных людей»¹.

Основной массой населения являлись трудовые слои — букара. Низшую ступень их составляли малаи и жалчи, батрачившие у баев и других эксплуататорских классов. Путешественники по Памиру часто отмечали бедность местного населения. Она объяснялась не только результатом эксплуатации местных феодалов, но и частыми разорительными набегами завоевателей.

Тяжелое положение киргизов Памира иллюстрирует следующий документ, относящийся к 1896 г.: «Немногочисленное кочевое население Памиров... живет в большой бедности, благодаря чрезвычайно суровым климатическим условиям страны, исключающим всякую возможность к занятию земледелием, недостаточному количеству стад»².

Самую низшую ступень среди зависимых сословий в XIX в. у киргизов Памира занимали рабы. Но нужно отметить, что рабство не носило массового характера. Рабами были, главным образом, военнопленные, захваченные во время войн с соседями. Рабы использовались в основном в домашнем хозяйстве в качестве прислуг и с течением времени могли откупиться, отслужив определенный срок у своего хозяина.

В условиях патриархально-феодалных отношений, где главным являлось скотоводство, основным средством эксплуатации трудящихся служил скот, сосредоточенный в значительной степени в руках феодалов, т. е. главные средства производства находились в руках феодально-родовой знати. Зависимость непосредственных производителей кочевой общины от феодальной знати выступала

¹ Серебренников А. Г. Памир. С. 141.

² ЦГВИА СССР. Ф. 400. 1896. Д. 24. Л. 2.

не в открытой форме, как у соседних народов Средней Азии, а в завуалированной патриархальной оболочке под различными проявлениями «родовой помощи» родственнику или сородичу.

Именно этим и объясняется, что памирские киргизы «как-то сами собой группировались вокруг богатых, которые, в конце концов, третировали их как слуг и управляли ими вполне бесконтрольно, хотя наружно такие отношения и не проявлялись резко. Эти же богачи всегда занимали должности аксакала, минг-баши и др.»¹, — писал в свое время известный русский путешественник Г. Е. Грумм-Гржимайло.

Своеобразие форм феодальной зависимости бедняцкого населения от эксплуататоров в условиях сохранения патриархального родового быта обуславливало и своеобразие форм феодальной эксплуатации. Трудовые массы киргизов, помимо уплаты ренты, обязаны были нести также и трудовую повинность в пользу эксплуататоров.

Все сохранившиеся трудовые обычаи и традиции использовались родоначальниками в своих личных интересах. Сохраняя и поддерживая эти традиции, они укрепляли свое господство над «сородичами», выступая под видом защитников «родовых интересов». Очень часто семьи «родственника», окончательно разоренные тем или иным феодалом, жили при его доме, работая на него, и получали за труд «что дадут». Фактически этот бедняк терял право ухода от хозяина, сын становился его должником.

Одной из основных причин живучести родовых пережитков дореволюционного периода явилось господство кочевого образа жизни и отдаленность от оседлых поселений. Разобщенность населения, замкнутость аила и обособленность его от «своих сородичей», забитость и бедность киргизских

¹ Грумм-Гржимайло Г. Е. Очерк Припамирских стран. — Известия Русского Географического общества. Т. XXII. Вып. 2. СПб., 1886. С. 100.

масс также способствовали живучести пережитков родового строя.

Всевозможные поборы и эксплуатация населения в разной форме приводили к социальным конфликтам. Они выражались в отказе от уплаты податей, в уклонении от выполнения феодальных повинностей, в убийстве наиболее ненавистных феодалов. Об одном из таких фактов сообщал Б. А. Громбчевский. Один из управителей памирских киргизов Тилла-датха из рода Кара-теит, был прислан на Памир Кокандским ханом Шералы. Управление датхи отличалось «невероятной жестокостью», вследствие чего выведенное из терпения население возмутилось и убило его на р. Кийик-Баши, близ урочища Уч-Оруз¹.

Однако классовая борьба у памирских киргизов не проявлялась ярко и четко, как у народов, прошедших классическую форму феодального способа производства. Это объясняется живучестью патриархально-родовых пережитков, вековой отсталостью трудящихся и характером подвижного и раздробленного скотоводческого хозяйства.

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3342. Л. 393.

¹⁷ Том X. В. М. Плоских

VII

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА КНИГОЙ

УТЕРЯННЫЕ ПИСЬМЕНА

Некогда, в отдаленные времена киргизы вместе с другими тюркскими народами имели письменность, так называемую древне-тюркскую или орхоно-енисейскую. Каменные стелы и валуны с руническими письменами VI—XI веков широко известны и были обнаружены как в северной Монголии, в Иртышско-Енисейском междуречье, так и в Таласской долине Киргизской ССР. В Таласе сохранилась даже деревянная палочка (остатки посоха?) с кратким изречением-наставлением путнику. Но позже эта письменность была забыта, «утеряна», и киргизский народ подошел к Октябрьской революции, наряду с некоторыми другими народами нашей страны, как бесписьменный. Он не имел своей национальной литературы, ни художественной, ни исторической хроники, на 98% был безграмотным. И лишь фундаментальный, в миллионы строф народный героический эпос «Манас», передававшийся в устной форме из поколения в поколение, в какой-то мере восполнял этот пробел, являясь в буквальном смысле «энциклопедией» народной жизни, истории, быта и культуры народа. Именно поэтому до недавнего времени бытовало сомнение в отношении наличия старинных рукописей и книг на территории Киргизии. Но ведь ни один народ, ни одна культура никогда не существовали в глухой изолированности. Даже такие труднодоступные высокогорные районы, как Тянь-Шань и Памир, были ареной больших политических событий, их народы оставили заметный след в истории

мировой цивилизации. Киргизский народ издревле находился в тесных этнических, экономических и культурных связях с соседями — казахами, узбеками, таджиками, афганцами, уйгурами, китайцами, иранцами и другими народами, имевшими свою письменную культуру, художественную и исламскую литературу, исторические хроники и сочинения.

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ

В других среднеазиатских республиках, да и в соседних странах, имелась давняя традиция собирать книги, и к настоящему времени там оказались собранными большие коллекции рукописных и печатных книг. Для Киргизии «лед тронулся» после того, как в апреле 1976 г. на страницах газеты «Советская Киргизия» была опубликована заметка — небольшая информация Н. Харченко о рукописном сборнике, поступившем в республиканскую библиотеку из центральных районов Тянь-Шаня. Он условно был назван «Законы Кокандского ханства». Поскольку в ханстве самобытных письменных законов как таковых не существовало, а правила по шариату, рукопись вызвала подозрение. По нашей рекомендации она была направлена востоковедам в Ленинград и Алма-Ату для определения. Результаты оказались несколько неожиданными, настолько и интересными. Заключение арабистов М. Пиотровского и В. Настича гласило: рукописный сборник на арабском языке содержит копии трех среднеазиатских трактатов по логике и богословию — «Солнечный трактат об основах логики» автора XIII в. Али ал-Катиби Дабирана, «Комментарии по исламу» Омара ан-Насафи из Самарканда, знаменитого законоведа ханифитского толка первой половины XII в. и, наконец, — «Критическое изложение логики» Омара ат-Тафтазани — знаменитого ученого-теолога конца

XIV в., жившего при дворе Тимура в Самарканде. Копии рукописей были переплетены одним из среднеазиатских мастеров в конце XVIII в. Но как сборник попал к киргизам Центрального Тянь-Шаня, как он там использовался и многие другие вопросы оставались неясными. Это вызвало настоятельную необходимость организации специальной экспедиции, чтобы проверить наличие и, если повезет, собрать коллекцию книг среди киргизского населения отдаленных высокогорных районов.

НАЧАЛО ПОИСКОВ

Обсуждение проекта и последующее принятие Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1976–1977 гг.) стимулировали полевые археографические поиски в Киргизии, которые неожиданно для всех принесли неплохие плоды. За пять полевых сезонов (1976–1980 гг.) ученые Института истории АН Киргизской ССР (под руководством В. М. Плоских) в содружестве с ленинградскими и алма-атинскими востоковедами объехали целый ряд районов предгорной Ферганы, Памиро-Алая, Центрального Тянь-Шаня, Прииссыккуля и в результате выявили среди населения, а также обнаружили в мазарах, пещерах, мечетях свыше 250 старопечатных и литографических изданий XIX – нач. XX в., около 200 рукописей с XV до XIX в., десятки документов на арабском, тюркском, иранском языках.

Приехавшие сибирские ученые под руководством профессора Н. Н. Покровского среди старожилов-переселенцев выявили несколько памятников кириллической письменности — книг и рукописей, представляющих историческую ценность. В частности, среди славянорусских книг кириллической печати было обнаружено несколько изданий первопечатника Ивана Федорова, в том числе фрагменты

московского первопечатного Апостола 1564 г., экземпляра Острожской библии 1580 г. и другие.

Но подавляющее большинство памятников было восточного происхождения на местных языках. Это документы, рукописи и книги с территории Средней Азии, Афганистана и Индии, некоторые переписаны на территории Киргизии местными молдо. Печатные книги привозились издалека, их география включает Ташкент, Казань, Бухару, Самарканд, Стамбул, Лакхнау, Канпур и другие города Азии. По содержанию книги как светского, так духовного характера: стихи, поэмы, научные трактаты, руководства по фикху (мусульманскому законоведению), исламские сочинения, сборники хадисов (преданий о поступках и изречений Мухаммеда), шариат и коран.

Несомненный интерес представляет санджра — генеалогия киргизов под названием «Родословное древо и происхождение кочевых племен». Ценность ее заключается в том, что согласно записанной генеалогии, родоначальником киргизов назван Шейх-Мансур Халладжи, который упоминается и в первой записи знаменитого киргизского эпоса «Манас» — средневековом сочинении XVI в. на таджикском языке — «Маджму ат-Таварих».

Рукопись Джами

Однако наиболее интересной и ценной в этой коллекции Института истории республиканской Академии наук явилась самая ранняя копия грамматического трактата знаменитого среднеазиатского поэта, ученого, мыслителя Абдурахмана Джами, закончившего свой последний научный труд летом 1492 г. и вскоре умершего в Герате, на территории современного Афганистана.

Пять веков первая копия его последней рукописи переходила из рук в руки, бережно подклеивалась,

неоднократно переплеталась, пока от последнего владельца — киргиза из Припамирья не перешла в фонды Академии. Так, невидимые, казалось бы, нити неожиданно объединили Киргизию и Афганистан научным трудом — свидетельством давних традиционных связей наших народов.

Средневековый Хорасан конца XV в. В его столице Герате властный визирь султана Хусейна Байкары Алишер Навои не только правит государством, объединяющим часть территории Средней Азии и Афганистана, но и покровительствует ученым, поэтам, сам создает такие замечательные произведения, воспевающие любовь, красоту чело-веческого труда и созидания, как «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь планет».

Основоположник узбекского литературного языка Алишер Навои считал себя учеником выдающегося поэта и мыслителя, классика таджикской и персидской литературы Абдуррахмана Джами (1414—1492 гг.).

Перед нами его знаменитое последнее произведение — грамматический трактат.

...Вся первая половина 1492 года для Джами прошла в напряженном труде. Прославленный поэт заканчивал в столице Хорасана Герате многотрудное сочинение — трактат по грамматике арабского языка. Работа в основе была завершена ранее, но ее предстояло переписать начисто. Каллиграф из него неважный, но черновик был так испещрен многочисленными пометками, что кроме автора едва ли кто смог бы в них разобраться. Поэтому понятен вздох облегчения, когда автор дописывал последнее предложение: «Избавился от мук подготовки к переписке этого толковника с черновика на чистовик сей ничтожный раб Абд ар-Рахман ал-Джами... утром в субботу одиннадцатого рамазана... года восемьсот девяносто седьмого» (в переводе на европейское летосчисление — 7 июля 1492 г.). Автору оставалось прожить еще четыре месяца.

Осенью 1492 г., семидесятивосьмилетний Джами простудился и слег в постель. Весь Герат с напряжением следил за болезнью своего престарелого кумира. Ежедневно его навещал блистательный ученик, друг и покровитель Алишер Навои, на руках которого Джами и умер 18 мухаррама – 9 ноября 1492 года. Эту дату приводят все основные справочники, в том числе и Большая Советская Энциклопедия, но некоторые источники и сам Алишер Навои, называют 17 мухаррама, т. е. 8 ноября.

Поэт умер, произведениям его суждено было пережить века. Уже современники почитали его величайшим мыслителем. Имя Джами стоит наряду с такими прославленными поэтами Востока, как Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сина, Хайям, Саади, Хафиз. Являясь одним из представителей блистательной плеяды звезд средневековой восточной поэзии, Джами оказал огромное влияние на развитие всей последующей литературы мусульманского мира.

Абдуррахман Нураддин ибн Ахмад Джами, великий средневековый поэт и ученый, крупный деятель суфизма, знаток мусульманского права родился 7 ноября 1414 года в местечке Джам в Хорасане на территории современного Афганистана. Получив образование в Герате и Самарканде, где он слушал лекции ближайшего сотрудника Улугбека Кази-заде-ий-Руми, Джами отказался от придворной карьеры, хотя перед ним открывалась такая возможность неоднократно. Он примкнул к суфийскому ордену «накш-бандийе», который привлек его призывами к деятельному добру. Начав рано писать, Джами рано получил и широкую известность. Его сочинения переписывались, имели огромный успех как при дворах правителей, так и среди простого населения. Объясняется это тем, что Джами отличался разносторонностью поэта и философа, мог писать о высоких материях, наставлять и учить носителей власти и посвящать им свои произведения. В то же время он любил народ и неоднократно повторял: «Мы по самой

природе своей люди степные, деревенские»¹. Джами — деятель-гуманист, сторонник человеческой справедливости. Благосклонность гератского двора и многолетняя дружба визиря Алишера Навои не могли повлиять на его независимость. Достоинством его произведений является относительная ясность и простота в сравнении с напыщенностью поэзии XV века. Это дало повод отдельным исследователям прийти к необоснованному выводу, что Джами приспособлял свою поэзию ко вкусам и требованиям эпохи.

Вершиной его идейного творчества является «Книга мудрости Искандера» — его социальная утопия, легенда о счастливом царстве на земле. И отсюда понятны его вольнолюбивые призывы в век жесточайшего восточно-деспотического правления:

«Не верой, не обрядами страна — Законом справедливости сильна», — писал Джами в поэме «Саламан и Абсаль» — одной из частей знаменитой «Семерицы». За сорок лет активной творческой жизни Джами оставил огромное литературное наследство. Наиболее известными произведениями А. Джами являются семь поэм, объединенных общим названием «Хафт авранг» («Созвездие Большой Медведицы»), сборник нравоучительных рассказов «Бахаристан» («Весенний сад») и др.

Рукописей его произведений сохранилось довольно много, гораздо больше, чем от его предшественников. Они более точно датируются, и принадлежность большинства из них Джами не вызывает сомнений (чего нельзя сказать о многих сочинениях других поэтов средневекового Востока). Немало списков рукописей восходит к XV веку, еще более — к началу XVI в. Списки его произведений распространялись и позже, а в конце XIX — нач. XX в. появляются литографии и печатные издания. Сохранились

¹ См.: *Бертельс Е. Э.* Избр. труды. Навои и Джами. М., 1965. С. 222.

и автографы поэта, есть они и в рукописном собрании Института востоковедения АН Узбекской ССР, в Академии наук Таджикской ССР. Летом 1980 г. Таджикская Академия наук передала в дар Академии наук ДРА серию факсимильных изданий работ А. Джами. Все ученые согласно отмечают, что автографы Джами отличить нетрудно: поэт обладал характерным почерком. С точки зрения каллиграфического искусства, он не может быть назван красивым, о чем писал и сам Джами, но узнать его легко.

Согласно каталогу произведений Джами в собрании Узбекского Института востоковедения, здесь имеется несколько списков трактата ученого по грамматике арабского языка, названных «Наставление Зияуддину» или «Комментарий Муллы». В каталоге названа еще 51 копия списков сочинения, диапазон датировки которых охватывает период с нач. XVI по конец XIX века.

Список, приобретенный нами во время экспедиции, является одним из уникальных. Рукопись Джами мы обнаружили в Южной Киргизии, в одной киргизской семье, предки которой спустились с припамирских гор поколение назад. Кстати, здесь же оказались и два интересных литографических издания с поэмами Джами и комментарием на трактат поэта по арабской грамматике. Обе книги сейчас в коллекции Института истории Киргизской Академии наук.

Рассмотрим подробно рукопись самого трактата. Название самого сочинения, по старой восточной традиции, не выделено в заглавие, как это делается в современных книгах, а упомянуто в самом тексте на первой странице: «Полезные замечания, достаточные для разрешения трудностей ал-Кафии». Написанное в качестве толкования к известному грамматическому трактату Ибн ал-Хаджиба (1175–1249), сочинение Джами в сущности представляет собой самостоятельный труд, в котором разъясняются основные положения и трудности арабской грамматики.

Автор посвятил свое произведение сыну, Зияуддину Юсуфу. Судя по всему, первоначальное назначение трактата — пособие для успешного овладения всеми сложностями основного языка науки и поэзии мусульманского мира средневекового периода — арабского языка. Но он имел и самостоятельное научное значение. Так он воспринимался уже современниками, так его понимали и потомки.

На последней странице трактата приведена дата окончания авторской работы над сочинением: суббота, 11 рамазана 897 г. хиджры, т. е. 7 июля 1492 г.

Исторические источники говорят о том, что этот труд Джами довольно быстро завоевал признание и популярность среди тех, кто брался за изучение арабского языка. Например, Зайнаддин Васафи в своих мемуарах упоминает о том, что уже в 1511 г. грамматика Джами входила в курс обязательной подготовки для учащихся медресе.

Позднее этот трактат был широко распространен как в Афганистане, так и в Средней Азии под различными названиями.

Разнообразие названий, приписываемых одному сочинению, указывает на достаточно большое число и разновременность списков трактата, существовавших в различных странах Востока. Каждым из переписанных заново экземпляров наверняка пользовался не один десяток учащихся. Достаточно обратить внимание на широкие поля киргизской рукописи, испещренной многочисленными пометками и дополнениями ее читателей. Все это убедительно свидетельствует о широкой популярности грамматики Джами среди населения Средней Азии, Афганистана, Ирана и сопредельных областей мусульманского мира, где изучался арабский язык.

Рукопись дошла до нас в полном списке и хорошей сохранности. Она написана отличным, четким почерком насх и имеет хорошее художественное оформление. Титульный лист рукописи украшен унваном — фигурной многоцветной

заставкой, в которой преобладает золотая и темно-голубая краски. Текст на каждой странице заключен в изящную тонкую рамку, выполненную в тех же красках. Черные строки арабской вязи оживляются «рубриками» — названиями грамматических разделов, отдельными словами и фразами, выписанными красной кинovarью великолепным почерком сульс. Книги, изготовленные с таким мастерством, ценились очень высоко, и их могли приобретать только состоятельные люди. Довольно часто такие рукописи делались по заказу правителей и богатых меценатов.

ПЕРЕПИСЧИК

Но главное достоинство обнаруженного списка, помимо всего прочего, заключается в том, что он является одной из самых ранних копий трактата, если не восходит непосредственно к авторскому списку. В колофоне указаны место и дата переписки — «в преславном городе Балхе» в 899 году хиджры (октябрь 1493 — сентябрь 1499 гг.), т. е. через год-два после написания самого сочинения Джамии.

Страницы книги сохранили нам и имя переписчика — Даулат Мухаммед ибн Тенгри-берди кушчи. Тюрк по происхождению, о чем свидетельствует тюркское языческое имя его отца, он, вероятно, относился к тому кругу интеллигенции, которую так ярко описал в своих мемуарах выходец из той же среды младший современник Джамии и Навои Зайнаддин Васифи. Переписчик был из широко распространенного древнего тюркского племени кушчи. По мере формирования к XVI в. самостоятельных народностей — киргизской, узбекской, казахской — отдельные роды кушчи, сохранившие свое самоназвание, вошли этническим компонентом в состав этих народностей.

Даулат Мухаммед, судя по рассматриваемой рукописи, был прекрасным каллиграфом и знатоком арабского

языка — иначе он просто не смог бы точно и без ошибок переписать столь сложный и объемистый арабский текст. Он знал и персидский язык, почерком насталик сделана приписка:

«Написанное на листе останется вечно,
А бедный писец обратится в прах».

Не исключено, что подобного рода приписки делали многие мастера, из рук которых выходили эти удивительные плоды долгих месяцев кропотливой работы.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ СУДЬБА РУКОПИСИ

Сколько таких уникальных творений не дошло до нас, затерявшись где-то в лабиринтах веков! Нашей рукописи действительно повезло: почти пять столетий переходила она из рук в руки, пока не попала на стол исследователя. Аккуратно подклеивались ее поврежденные страницы, вписывались испорченные временем и многократным пользованием места в тексте. На последней странице внизу сохранилась интересная запись по-персидски: «Дата покупки этой книги — 1134» (т. е. 1722—23 гг.). Под этой пометкой видны следы стертой надписи — вероятно, это была аналогичная приписка прежнего владельца книги. Следовательно, сам факт покупки такого манускрипта стоил того, чтобы специально отметить это на его страницах.

Переплет рукописи сделан уже в XIX веке и, бесспорно, далеко не первый за ее долгую «жизнь». Он настолько изящен и аккуратен, что мастер, изготовивший его, решил увековечить на переплете свое имя: в одной из фигурных орнаментальных виньеток мы читаем: «Работа муллы Надир-Мухаммеда саххафа (переплетчика)» и дата — 1257 (1841—42), т. е. середина XIX века. Переплет изготовлен в Средней Азии: техника работы и особенности

его оформления вполне типичны для кокандских мастеров, чьи произведения украшают еще несколько рукописных и печатных книг, собранных экспедицией.

Так, научный труд, написанный в Герате, переписанный в Балхе, переплетенный кокандским мастером, уже в наши дни был обнаружен в киргизских предгорьях Ферганы и занял достойное место в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ И РУКОПИСЕЙ

О популярности сочинений А. Джами среди населения южных районов Киргизии, близких Таджикистану и Узбекистану, говорит и факт приобретения нами у населения других его книг. Мало того, в том же районе Киргизии мы встретили «Комментарий к грамматическому трактату ал-Джами». Комментарий к этому самому грамматическому трактату, рукопись которого нами была найдена ранее. Комментарий, свидетельствующий о том, что сочинение Джами имело значение не только вспомогательного учебного пособия, но и самостоятельного научного труда. В колофоне приведена дата окончания комментария — 1237 (1821—1822 гг.). Составлен он был неким Хаджи Абдаллахом ибн Салих ибн Исмаилом (Махрам-эфенди) в начале XIX века, а издан в Константинополе на 513 страницах в 1890—1891 гг. И этот труд пополнил коллекцию Института.

Нам посчастливилось также приобрести редкое литографическое издание двух других произведений Джами — «Нафахат ал-унс» («Вейние дружбы») и «Силсилат аз-захаб» («Золотая цепь») объемом в 467 страниц. Они опубликованы на персидском языке в Канпуре (Индия) в 1893 г. Первое сочинение содержит биографии в прозе знаменитых суфиев. Второе — эпическая поэма, посвященная

правителю Герата Султан-Хусейну Байкара, — одна из семи входящих в «Семирицу» Джами («Хафт авранг»).

Коллекция Института пополнилась также рядом литографических изданий диванов Алишера Навои, всесильного визиря Хорасана, выдающегося представителя узбекской классической литературы. В заключение хочется подчеркнуть, что, обращаясь к произведениям великого поэта и мыслителя, нельзя допускать ни идеализации суфизма ради возвышения Джами, ни унижения Джами из-за реакционной сущности религиозно-мистической идеологии. Джами, с одной стороны, был сыном своего времени, с другой — намного опередил эпоху, возвысившись до гуманиста, певца коммунистической утопии.

Находки археографических экспедиций, десятки привезенных арабо-персидских и тюркских книг и рукописей свидетельствуют о давней рукописной традиции в Средней Азии и связях ее с Афганистаном, Ираном, Индией, о роли знания в культурной и общественной жизни населения этих стран в средневековье, а также о бережном отношении к книге, об уважении к людям, вложившим в нее свои познания, свой нелегкий труд.

Рукописи Афганистана

Всестороннее научное исследование собрания редких книг и рукописей в Киргизской Академии наук только начинается. Можно почти то же самое сказать и о Демократической Республике Афганистан.

Рукописи и старинные книги с успехом собираются среди населения Афганистана. На базе библиотеки Исторического общества в ДРА образован Национальный архив, в котором собрано уже, свыше 8 тыс. уникальных документов, более 10 тыс. рукописей и книг, самые ранние из которых относятся к IX в. н. э. Здесь и старинные

Кораны кувфического письма, и фирманы эмиров, и договора племен с центральным правительством.

После Апрельской революции сотни редких манускриптов, бывшие собственностью членов семей королевской династии, поступили в Национальный архив. Но отдельные рукописи, и довольно уникальные, еще продолжают оставаться в частных руках. В Афганистане имеется и оригинальная рукопись, посвященная истории России, в которой дано подробное жизнеописание Петра I. В огромном фолианте, скрепленном кожаными переплетом, — тонкие шелковые страницы, написанные мелким каллиграфическим почерком и украшенные миниатюрными иллюстрациями. Рукопись и сама по себе представляет образец искусства.

В Национальном архиве ДРА бережно хранится сборник стихотворений известного афганского прогрессивного деятеля и поэта Махмудбека Тарзи, диваны средневековых хафизов, произведения А. Джами и Алишера Навои.

Работа по собранию старинных книг и рукописей, уникальных документов в Киргизии и Афганистане продолжается. А это значит — впереди новые находки, новые открытия; ученых ждут несомненные успехи.

VIII

У ИСТОКОВ ДОБРОСОСЕДСТВА

Но вернемся на 65 лет назад к политической истории, началу дружеских взаимоотношений молодой Советской республики и Афганистана. Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила ход развития всего человечества. Она положила начало социальному освобождению народных масс не только в нашей стране, но и за рубежом, дала мощный толчок к крушению колониально-империалистической системы. Октябрь пробудил Восток, явился могучим морально-политическим фактором, способствующим невиданному размаху освободительного движения народов Азии.

ПРОИСКИ РЕАКЦИИ

Но старое не хотело мирно отступить. Реакция упорно цеплялась за отжившее, организовывала контрреволюционные движения. В Средней Азии это вылилось в форму басмачества — политического бандитизма, поддержанного международным империализмом. Аналогичное положение мы наблюдаем повсеместно и сейчас в Демократической Республике Афганистан. Банды головорезов и наемников, басмачей-душманов 70—80-х годов XX столетия тщетно пытаются затормозить ход истории. Что не удалось в 18—20-х годах в Советской Средней Азии, то не удастся и в ДРА!

Небезынтересно проследить аналогии политического бандитизма на конкретных исторических фактах. Начнем с разгрома басмачества в Средней Азии. Буквальное

значение тюркского слова «басмак» — «давить», «притеснять». И трудящиеся Средней Азии метко прозвали этих бандитов басмачами — «душителями». До революции басмачи занимались грабежом населения, нападали на айлы, кишлаки, торговые караваны. Это были организованные отряды уголовников, которых местные баи, разного рода «титулованные» ханы, эмиры и белогвардейцы использовали для подавления выступлений трудящихся. Басмачество, не утратив своей уголовной сущности, в годы гражданской войны в СССР стало использоваться международным империализмом и контрреволюцией в качестве буржуазно-националистической силы, приобрело черты политического бандитизма. В басмаческие банды стали вливаться лишенные революцией власти манапы, баи, бии, представители реакционного духовенства. Их действия направлялись контрреволюционными антисоветскими организациями и разведывательными службами капиталистических государств. Они щедро снабжали их оружием и деньгами. Военные инструкторы-офицеры обучали эти банды тактике ведения боевых операций. Особенно усердствовали в организации басмачества английские, а также американские разведки, действовавшие через Афганистан, Иран и Индию. В «Тетрадах по империализму» В. И. Ленин относил Афганистан к тем странам, которым «недостает *суверенитета*», которые обычно «переходят в руки великих держав», отдельные их части отрываются¹.

Англия издавна стремилась держать Афганистан в сфере своего политического влияния. После завоевания Индии Англия намеревалась превратить Афганистан и Иран в свои колонии, провоцируя конфликты между феодальными правителями Герата, Кандагара и Кабула, а также с соседним Ираном, действуя по излюбленному принципу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. XXVIII. С. 80–81.

¹⁸ Том X. В. М. Плоских

«разделяй и властвуй». Хотя во главе Афганистана в XIX в. продолжал оставаться эмир, имелись свое правительство и национальная армия, Афганистан фактически утратил право самостоятельных внешнеполитических сношений, да и во внутренние афганские дела английские колонизаторы вмешивались довольно активно. Правда, в ходе первой и второй англо-афганской войн (1838 и 1878–1880 гг.) из страны были выведены английские войска, но окончательно избавиться от британского контроля Афганистан так и не сумел вплоть до начала XX в. С развязыванием контрреволюцией гражданской войны в Советской России Англия организует против нее интервенцию на Севере и Дальнем Востоке, на Кавказе, провоцирует Иран и Афганистан.

Английские спецслужбы использовали всевозможные методы и пути для связи с контрреволюционными организациями. В частности, они поддерживали все антисоветские выступления в Средней Азии. В соседних пограничных с Россией странах — в Афганистане, Восточном Туркестане и Иране — Англия создает свои опорные пункты, откуда направлялась контрреволюционная деятельность в Средней Азии, координировалось басмаческое движение. Пресловутая «Кокандская автономия», провозглашенная в ноябре 1917 г. туркестанской торгово-промышленной буржуазией, в основе которой лежали принципы панисламизма и пантюркизма, явилась первой, пока еще скрытой формой английского вмешательства в дела Средней Азии.. После разгрома «Кокандской автономии» в феврале 1918 г. ее вожаки стали первыми главарями, так называемыми курбаши басмаческих шаяк.

Среди них — печально прославившиеся в прошлом уголовник Иргаш, бывший начальник местного отделения милиции Мадамин-бек и другие. Фергана стала центром басмачества, временами распространявшегося и на другие районы Средней Азии.

Анализируя сложную обстановку в стране, В. И. Ленин в своем выступлении 29 июля 1918 г. подчеркивал: «Вчера получено сообщение, что часть городов Средней Азии охвачена контрреволюционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападения на Советскую Россию»¹.

Политика Англии и открытое ее вмешательство через Афганистан во внутренние дела Советской республики, хотя и поддерживались полностью эмиром Хабибуллой, вызывали противодействие определенных прогрессивных кругов Афганистана. В стране началось движение за обретение независимости и проведение реформ. Доходили сведения и о революционных преобразованиях в Советской России, ее миролюбивой внешней политике, отстаивающей суверенитет и национальную независимость других государств. Во-первых, был уже обнародован Брест-Литовский мирный договор, одна из статей которого призывала уважать политическую и экономическую независимость и территориальную неприкосновенность Афганистана и Персии. Во-вторых, до народов Афганистана дошло и известное сообщение Советского правительства — «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» — призыв ко всем зависимым народам сбросить ненавистное колониальное иго. Но проанглийская политика Хабибуллы-хана облегчала английским агентам возможность беспрепятственно действовать в Афганистане, вмешиваться с территории Афганистана во внутренние дела Советской республики. На первых порах этим активно занимались и всевозможные представительства Англии в России.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. XXXVII. С. 7.

В Ташкенте в 1918 году находилась официальная английская военно-дипломатическая миссия во главе с майором Ф. М. Бейли. Но она не столько занималась официальными переговорами с советскими властями Туркестана, сколько подрывной деятельностью. Позже в своем официальном отчете Бейли признавал, что по прибытии в Советский Туркестан он сразу вступил в контакты с главой местных антибольшевистских организаций. Миссия обладала широкими полномочиями для подготовки и организации антисоветских восстаний, снабжала повстанческие отряды деньгами и оружием с английских баз в Афганистане, Мешхеде, Кашгаре. Поставки шли в основном двумя путями: первый — из Читлара-Гильгита в Кашгар, далее через пограничный пост Иркештам в Чон-Алае и г. Ош; второй — из Пешавара через Хайберский перевал, далее через Афганистан в Бухару.

ПОВОРОТ В СОБЫТИЯХ

В середине августа 1918 года Англия от скрытой интервенции в Туркестане перешла к открытой. Вокруг английских войск концентрировались все белогвардейцы, с ними в контакте находились и басмаческие шайки. Контрреволюция со всех сторон пошла в наступление широким фронтом. Особенно активизировали свои действия басмаческие шайки в начале 1919 г. Но органами Советской власти нелегальные действия английской и американской миссий в Туркестане были пресечены. Британские интервенты потерпели поражение на Закаспийском фронте. Изменилась в начале 1919 г. и ситуация в Афганистане, что также сыграло свою роль. Дело в том, что 20 февраля 1919 г. был убит эмир Хабибулла-хан. Его преемник — молодой и энергичный Аманулла-хан — был сторонником младоафганцев — политического течения, ставившего

своей задачей провозглашение национальной независимости и проведение прогрессивных реформ.

В своем первом манифесте Аманулла-хан объявил, что «Афганистан должен стать свободным и независимым... пользоваться всеми правами, которыми обладают другие суверенные государства».

В Афганистане началось проведение некоторых реформ, направленных на то, чтобы вырвать страну из средневековой отсталости. Был издан акт о введении конституции и учреждении законодательного органа, централизовано государственное управление, запрещена работоторговля, основано несколько светских школ.

Новое младоафганское правительство предложило Англии пересмотреть старый англо-афганский договор на основе признания равенства и суверенитета сторон. Однако британское правительство отвергло это предложение.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ДОБРОСОСЕДСТВА

Первым из иностранных государств признала независимость Афганистана Советская Россия. 7 апреля 1919 г. Аманулла-хан направил на имя В. И. Ленина и председателя ВЦИК М. И. Калинина письмо, в котором извещал о своем короновании и вступлении на престол. Эмир писал, что он «счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить... свое настоящее дружественное послание независимого и свободного Афганистана» и предлагал установить постоянные дружественные отношения между обеими странами «во имя объединения, мира и блага человечества»¹.

¹ См.: Ленин и Восток. Сб. статей. М., 1960. С. 238–239; Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 175.

Послание Амануллы-хана сопровождалось письмом министра иностранных дел афганского правительства Махмуда Тарзи на имя наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина. Афганский министр писал, что послание короля — «в добрых целях положить начало дружбе и установить дружественные отношения», и просил у советского наркома иностранных дел содействия «для укрепления и развития дружественных отношений между обоими Высокими государствами — Россией и Афганистаном»¹.

Вскоре последовал положительный ответ Советского правительства. В Кабул выехала специальная миссия из представителей Туркестанской Советской Республики, которая представляла на первых порах в Афганистане Советскую Россию.

В мае же 1919 года англичане попытались было силой помешать установлению дружественных контактов Афганистана с Россией. Они подняли самолеты и произвели бомбардировку афганских воинских частей на восточной границе страны. Но и так называемая третья англо-афганская война закончилась поражением Англии, которая вынуждена была подписать с Афганистаном мирный договор, признающий независимость многострадальной страны.

Миссия Советской республики в Кабуле сообщила младоафганскому правительству о готовности Советского Туркестана оказать со своей стороны посильную помощь борющемуся Афганистану, в том числе и военную. 27 мая 1919 г. за подписью председателя Совнаркома Советской Республики В. И. Ленина и председателя ВЦИК М. И. Калинина направляется ответное послание королю Афганистана Аманулле-хану.

Советское правительство передавало «привет независимому афганскому народу, героически отстаивающему

¹ Документы внешней политики СССР. Т. II. С. 175.

свободу от иностранных порабитителей». В своем послании В. И. Ленин и М. И. Калинин писали: «Стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства. Установление постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроет широкую возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние»¹.

Весть об установлении дружественных отношений между Советской Россией и соседним Афганистаном быстро облетела весь мир, но у многих, особенно буржуазных западных политиков, вызвала недоверие. Поэтому в июле 1919 г. известное американское агентство «Юнайтед Пресс» обратилось к В. И. Ленину с просьбой ответить на 5 вопросов. Вторым был вопрос: «Какова тактика Российской Советской республики по отношению к Афганистану и другим мусульманским странам вне пределов России?».

В. И. Ленин со всей откровенностью ответил, что Советское государство полно решимости развивать свои отношения со странами Востока в духе дружбы и равноправия, готово бескорыстно содействовать им в справедливой освободительной борьбе. «Деятельность нашей Советской республики в Афганистане, Индии и других мусульманских странах вне России, — сказал В. И. Ленин, — такова же, как наша деятельность среди многочисленных мусульман и других нерусских народностей внутри России... Мы всячески помогаем самостоятельному развитию каждой народности...»².

Ответы Ленина были посланы в Будапешт для американской печати и опубликованы за границей.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. II. С. 174.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. XXXIX. С. 114.

Установление дружественных дипломатических отношений Советской России с новым правительством Афганистана, успешное вооруженное сопротивление народов Афганистана колонизаторам способствовало тому, что 8 августа 1919 года в Равалпинди был подписан англо-афганский прелиминарный, т. е. предварительный мирный договор, по которому англичане признавали независимость и суверенитет Афганистана, хотя неоднократно его грубо попирали.

Между тем советско-афганские связи развивались дальше. В октябре 1919 г. через Ташкент в Москву прибывает афганское посольство. Оно было принято В. И. Лениным. Чрезвычайный посол Афганистана Мухаммед Валихан вручил Ленину новое письмо эмира, которое содержало пожелание об установлении «дружественных связей и искренних отношений между обоими великими государствами»¹.

В декабре 1919 г. в Кабул прибывает ответное посольство Советской России, которое приступило к переговорам о подписании постоянного дружественного договора между РСФСР и Афганистаном. Переговоры вел полномочный представитель РСФСР в Центральной Азии Я. З. Суриц². Касаясь этих переговоров с Афганистаном, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в отчете VII съезду Советов писал: «Наши совместные переговоры выяснили полное тождество наших интересов в борьбе азиатских народов за самоопределение, против хищного и беспринципного поработителя»³.

¹ См.: Ленин и Восток. С. 243.

² См.: История дипломатии. Т. III. М., 1965. С. 223.

³ Документы внешней политики СССР. Т. II. С. 174.

БОРЬБА С БАСМАЧЕСТВОМ

Но все это время, грубо попирая суверенитет государств, английские агенты продолжали проникать с территории как Индии, так и Афганистана в Среднюю Азию и стимулировали здесь басмаческое движение. Серьезные бои с басмачами развернулись в сентябре 1919 г. на юге Киргизии. В ходе их от басмачей были освобождены города Ош и Джалал-Абад, разгромленные банды бежали в горы Памира и Алая.

Большая роль в разгроме басмаческих банд принадлежала Туркестанскому фронту, которым командовал выдающийся советский полководец М. В. Фрунзе. Для усиления политической работы в крае в октябре 1919 г. была создана комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Турккомиссия), а позже создается комиссия Туркбюро ЦК РКП (б). В состав комиссии входили М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзутак, В. И. Голощекин, Ш. З. Элиава. Комиссия много сделала для установления нормальных отношений с коренным населением Средней Азии, для организации успешной борьбы с басмаческими бандами.

Наступление Советской власти, разгром басмаческих банд заставляют международную контрреволюцию активизировать свои усилия для нового объединения рассеянных басмаческих отрядов, укрывшихся в глухих ущельях Тянь-Шаньских и Памиро-Алайских гор. По инициативе англичан бывший царский консул в Кашгаре Успенский созывает 22 октября 1919 г. совещание басмаческих курбащи, белогвардейцев, представителей местной буржуазии и реакционной части мусульманского духовенства. На берегу р. Кызыл-Су в Чон-Алае создается так называемое временное «правительство» Ферганы во главе с предводителем басмачей Мадамин-беком. В результате англо-американских усилий и действия их разведчиков и агентов разногласия

между отдельными басмаческими главарями были приглушены, и 150 ферганских басмаческих шаек были сведены в 4 крупных отряда. Успенский от имени англичан обещал басмачам и «временному, ферганскому правительству» усилить военную помощь. И здесь же в качестве задатка вручил им ящики с оружием и патронами, обещая широкие поставки оружия и боеприпасов в ближайшем будущем. К южной советской границе стали подтягиваться афганские и китайские войска.

В связи с такой серьезной вооруженной угрозой извне в спешном порядке с советской стороны формируются две отдельные конные бригады в Фергане, конная бригада в Семиречье и туркменская конная бригада. По военному призыву в Красную Армию было вовлечено 30 тыс. киргизов, казахов, узбеков и других представителей народов Средней Азии. Разрабатывается четкая программа борьбы с басмачеством, которой руководили В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе. В результате проведения целого комплекса мероприятий по борьбе с басмачеством почти вся Ферганская долина была очищена от бандитов. В марте 1920 г. сдался в плен сам Мадамин-бек.

АЛАЙ В ОГНЕ

Остатки разбитых банд бежали в пограничные районы Киргизии — в Алайскую долину. Там, по инициативе главным образом английской разведки, басмачи вновь объединились вокруг другого курбаши — известного авантюриста Курширмата. Реакционное мусульманство объявило его «истинным борцом за ислам» и нарекло амир-ал-Муслимином. Курширмат объединил более 20 банд общей численностью около 6,5 тыс. чел., получил значительные средства от английской разведки и попытался прорваться в Ферганскую долину. В Фергану для организации отпора новой волне

басмачества прибывает М. В. Фрунзе. Вокруг красноармейских отрядов сплачиваются добровольцы трудового населения, комсомольцы. Организуется интернациональный отряд для борьбы с басмачеством. Его возглавил Э. Ф. Кужелло. На долю отряда пала самая тяжелая участь борьбы с бандитами Курширмата в высокогорной Алайской долине. Весь октябрь шли ожесточенные бои. Не имея опоры среди трудового населения, не будучи в состоянии противостоять прибывшим отрядам регулярной Красной Армии, басмаческие отряды терпят поражение и разбегаются. Местное население повсеместно создает добровольческие дружины, отряды милиции, отряды самообороны, которые успешно отбивают налеты все более слабеющих банд басмачей, чем способствуют окончательному их разгрому.

Интересно проследить, например, агонию и конец басмачества в Киргизии, потуги и тщетные надежды басмачей в 1920 г. на помощь со стороны Афганистана. Вот сводка сведений по Фергане от 21 мая 1920 г., которые поступили на стол к М. В. Фрунзе.

«Курширмат со своими басмачами численностью до 1000 человек все еще находится в селении Караул, где ждет помощи от афганцев и всячески убеждает население, что афганцы идут к нему на помощь. В случае же, если этой помощи не будет в течение 5—6 дней, то он будет принужден отступать в Алайскую долину, где у него в местности Дараут-Курган имеется укрепление»¹. Курширмат использовал в качестве ставки на Алае известную крепость кокандских ханов, сооруженную в прошлом столетии.

Но помощи от афганцев ждали тщетно, басмаческие банды все более оттеснялись в горы. В конце мая курбаши басмачей решили провести совещание теперь уже в Дараут-Кургане.

¹ ЦГАСА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 94. Л. 100.

Неизвестное лицо сообщало 26 мая 1920 г.

«В кишлаке Дараут-Курган было совещание басмаческих главарей, на котором было решено: не допускать советские войска на Алай. На этом же совещании Хал-Ходжа и Курширмат сделали упрек Мадамин-беку, что он неумело ушел от советских властей, лучше было бы обождать еще месяц или два. На что Мадамин-бек ответил, что эту ошибку можно исправить, войдя в переговоры с Советской властью. Причем высказал свой план действий: «Я опять сдамся в плен Советской власти, а вы оставайтесь на Алае и пошлите делегацию в Афганистан и Памир с просьбой о скорой помощи»¹. Басмачи шли на последние ухищрения, лишь бы еще немного продержаться. Не дождавшись помощи от Афганистана, идут на явный подлог: переодевают и выдают своих басмачей за афганцев: мол, помощь близка.

Еще одна сводка данных по Фергане от 2 июня 1920 г.

«С целью поднять дух отряда и привлечь население на свою сторону, Курширмат собрал с разных мест 4 человека афганцев, которых, вооружив и обмундировав, выдал за первых ласточек помощи Афганистана». «В урочище Сары-Таш прибыл Хал-Ходжа вместе с Аскар-Курбаши, при котором находится 160 человек вооруженных басмачей. Последние выдают себя за афганские войска»². Но даже эмирский Афганистан не имел намерений открыто вмешиваться в контрреволюционные дела среднеазиатских басмачей. Английские резиденты в Афганистане теряли под собой почву.

В результате общих усилий к началу 1921 г. басмачество в самой Ферганской долине было уничтожено. Но вплоть до конца 1921 г. мелкие разрозненные шайки басмачей продолжали бесчинствовать в Памиро-Алайских предгорьях.

¹ ЦГАСА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 94. Л. 54.

² Там же. Л. 104.

Бандиты нападали на горные кишлаки, блокировали памирские пограничные посты, грабили мирных жителей. Это была уже агония басмаческого движения. В результате активной пропаганды, успешных действий Красной Армии и добровольческих отрядов в 1922 г. подавляющее большинство басмаческих банд прекратили существование. Советская власть медленно, но настойчиво укреплялась в самых отдаленных высокогорных районах Тянь-Шаня, Алая, Памира.

СОВЕТСКО-АФГАНСКИЙ ДОГОВОР

Вопреки проискам британских колонизаторов в Туркестане и Афганистане, в результате дипломатических усилий Советской России и афганского правительства, в Москве 28 февраля 1921 г. состоялось подписание советско-афганского договора, основанного на принципах полного равноправия сторон. Договор определил основу добрососедских политических и экономических взаимоотношений двух стран. В его преамбуле отмечалось, что договор заключен в целях упрочения дружественных отношений между Россией и Афганистаном и ограждения действительной независимости последнего. В основу отношений между Советской республикой и Афганистаном, а также другими восточными странами были положены ленинские идеи сотрудничества. Это был первый равноправный договор Афганистана с великой державой. Оба государства обязались не вступать с третьей державой ни в военное, ни в политическое соглашение, которое доставило бы ущерб одной из договаривающихся сторон. В апреле 1921 г. в своем послании эмиру Афганистана Аманулле-хану В. И. Ленин писал: «Договор между обоими государствами формально закрепил дружбу и взаимные симпатии, которые вот уже два года развиваются и упрочиваются между Афганистаном и Россией...

Российское Советское правительство и Высокое Афганское государство имеют общие интересы на Востоке, оба государства ценят свою независимость и хотят видеть независимыми и свободными друг друга и все народы Востока... Между Афганистаном и Россией нет вопросов, которые могли бы вызвать разногласия и набросить хотя бы тень на русско-афганскую дружбу»¹.

В наказе первым советским дипломатам в Афганистане говорилось: «Наша политика на Востоке не агрессивна, она есть политика мира и дружбы. Вы должны систематически во всей вашей работе выдвигать этот основной момент и, в частности, в Кабуле ставить основной целью вашей деятельности развитие нашей дружбы с Афганистаном. Дружба предполагает взаимное содействие, и, исходя из нашего желания по мере возможности способствовать развитию и процветанию афганского государства, мы готовы оказывать ему на этом мирном поприще все содействие, какое в наших силах»².

Этот советско-афганский договор почти шесть десятилетий сохранял свое действие, пока в 1978 г. не был заключен новый договор уже с демократическим правительством Афганистана.

Но вернемся к событиям тех далеких и тревожных времен, когда юридические документы определяли нормы взаимоотношений между государствами, но на местах еще не было достаточно сил для соблюдения и выполнения всех этих норм.

На советской приграничной территории еще время от времени давали о себе знать бесчинствовавшие осколки басмаческих банд. С афганской стороны продолжались происки английских спецслужб.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. ЛII. С. 318.

² См.: История дипломатии. Т. III. С. 224.

Международная контрреволюция, мусульманское реакционное духовенство, лидеры панисламизма и пантюркизма не могли смириться с тем, что Средняя Азия выпала из сферы их влияния. Англия еще лелеяла надежду оторвать от Советской России Бухару и Хиву, оказывать влияние на внешнюю политику Афганистана.

Турецкий военный министр Энвер-паша в октябре 1921 г. прибывает в Среднюю Азию с бредовой идеей создания империи, которая включила бы Персию, Бухару, Хиву, Афганистан и Турцию. Панисламисты усиленно пропагандируют в Средней Азии «газават» — борьбу с «неверными», басмачей избирают «истинными защитниками ислама». Энвер-паша даже стал называть себя «главнокомандующим» армиями Хивы, Бухары и Туркестана.

Но дело контрреволюции и поражение басмачества как политического бандитизма исторически было предпрешено. Летом 1922 г. с ними в Средней Азии было практически покончено. И хотя позже еще время от времени появлялись отдельные курбаши, занимались разбоем отдельные басмаческие банды, но центр руководства басмачеством окончательно переместился за рубеж, и басмачество вылилось лишь в единичные бандитские налеты из-за границы, с которыми успешно справлялись пограничные войска.

Империалисты направляют усилия на активизацию басмачества в Афганистане, обещая им помощь в борьбе против Советской власти в Средней Азии. Афганское правительство пыталось препятствовать акциям англичан, даже разоружило 1000 басмачей, бежавших в Афганистан вместе с эмиром Бухары. Но не всегда могло успешно справляться с провокациями английских спецслужб, которые плели заговоры и против законного афганского правительства.

Почти через 60 лет, уже после Апрельской революции 1978 г. народный Афганистан сам столкнулся с необходимостью защищаться от контрреволюции. Афганские басмачи-душманы тщетно пытаются сейчас помешать

строительству новой жизни. И так же как киргизские баи и манапы на Советском Памире, Алае примкнули к стану контрреволюции, так и феодалы Афганского Памира выступили на стороне контрреволюции, всемерно поддерживаемой англо-американским империализмом. И одной из одиозных фигур басмаческого движения Афганистана стал самозванный киргизский хан Памира, феодал с уголовным прошлым Рахманкул-хан.

КРАХ РАХМАНКУЛ-ХАНА

ЭХО В ГОРАХ

...Мерный грохот бурного Вахана разорвало четыре взрыва. Многократное эхо прокатилось по ущелью и заглохло в снежных горах. Разгромленная банда Рахманкула, разрушив мосты и перекрыв все горные тропы, соединявшие Восточный Афганистан с остальной страной, бежала Ваханским коридором на Малый Памир. Затравленным волком, разрушая все на своем пути, грабя аулы, которые не хотели присоединяться к беглецу, отступал самозванный «хан» киргизов. Ему с революцией было не по пути. Низвергнутый восставшим народом Рахманкул искал спасения за границей и нашел убежище в Пакистане. В который раз кровавые тропы «удельного хана» пересекают границы. Так кто же такой этот бандит с уголовным прошлым — осколок средневековья, вытолкнутый на поверхность станом контрреволюции, агент ЦРУ, выдающий себя за поборника пантюкизма?

Рахманкул является одиозной фигурой, не раз привлекавшей внимание зарубежных авторов. В 1950 году о нем писала американская чета Дж. и Ф. Шор, пересекая Малый Памир, в 1972 году — французская супружеская пара Сабрин и Ролан Мишо, в 1975 году — французские ученые-фольклористы Реми и Лаура Дор и, наконец, уже в год афганской революции — 1978 г. — Реми Дор и Клас Науман, опубликовавшие в академическом издательстве Австрии книгу «Киргизы Афганского Памира», а в 1979 году в издательстве Вашингтонского университета

вышла книга антрополога, по происхождению бадахшанского узбека, Назира Шахрани.

Ученый секретарь парижского Института тюркологических исследований Реми Дор со своей женой дважды — летом 1972 и 1973 годов — побывали на Афганском Памире и собрали в целом оригинальный и разнообразный материал, представляющий историко-этнографический интерес. «Мы попытались, — пишет Р. Дор в опубликованной в 1975 году в Париже книге о киргизах Афганского Памира, — показать различные грани жизни малоизвестного народа и подготовить базу для других исследователей, которые займутся более глубоким изучением»¹. Но, обладая действительно интересными этнографическими деталями, книга в целом идеализирует патриархально-родовой быт киргизов недавнего прошлого Афганистана и их, уже бывшего, правителя — хана Рахманкула.

Отделенные от центральных районов Афганистана высокими горными хребтами, которые прорывает лишь единственно доступный для передвижения Ваханский коридор, киргизы относительно обособленно жили на Памире несколько веков. Географическая обособленность и жизнь в рамках отсталого феодального государства позволила вплоть до последнего времени сохранять у киргизов Афганистана старые традиционные институты, кочевой быт и первобытные обряды, родоплеменную структуру с практически бесконтрольным, полновластным, деспотическим правлением своего «хана».

Эта-то первобытность и привлекала дипломатов и ученых к киргизам афганского Памира, о которых с 50-х годов в западной печати появляются статьи и целые монографии, выпускаются фильмы.

¹ Dor R. Contribution a letude des Kirghiz du Pamir Afghan. P. 5.

Не лишенный тщеславия Рахманкул с удовольствием давал интервью журналистам, приглашал и гостеприимно привечал иностранных путешественников.

В 1975 году английская телекомпания «Гранада» сделала первый фильм о памирских киргизах, отведя в нем немалую роль показу, самозванного хана Рахманкула.

Все их сведения дополняют друг друга, и в центре повествований нередко выступает «колоритная», по их определению, фигура киргизского «хана» Рахманкула. Но истинное лицо этого бандита с уголовным прошлым дорисовал А. Ахмедзянов — корреспондент из Кабула¹.

Всего в Афганистане около 3 млн. кочевников, которые зимой отходят на юг, иногда на пакистанские пастбища, а с наступлением весны возвращаются в родные места. Эта миграция кочевников позволила таким феодалам, как Рахманкул, применить силу для того, чтобы не допустить возврата скотоводов в родные афганские территории, превратить их в так называемых «беженцев», из которых враги демократического Афганистана формируют банды наемных контрреволюционеров. Среди кочевников из провинции Бадахшан активно работают в этом направлении многие зарубежные спецслужбы, стремясь подорвать строительство новой жизни в Афганистане, вербуя наемников и перебрасывая их внутрь страны. И вот тогда-то снова всплыло имя уголовника Рахманкул-хана, изменника Родины, бежавшего за границу, предавшего киргизский народ, восставшего и с оружием в руках боровшегося против революционного Афганистана.

¹ Известия, 1978, 15 сентября. См. также публикацию А. Каниметова и В. Плоских: Литературная газета, 1980, 12 ноября.

ПО ПУТИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Путь его предательства и приход в стан контрреволюционеров не случайны. Рахманкул — выходец из семьи, предки которой неизменно обладали властью, были среди них и мин-баши — высшие воинские чины бухарского эмира и кокандского хана. Полное его имя — Аджи Сахаб Рахманкул-хан. Наследники его приняли фамилию Рахмани. В тяжелое послевоенное время 1947 года, совершив ряд уголовных преступлений, этот махровый авантюрист бежит из Советского Киргизстана в Китай. По дороге Рахманкул ограбил торговый караван и убил всех людей, которые шли с ним. В Китае банда Рахманкула обосновалась в местности Минтеке на границе с Пакистаном. Здесь Рахманкул входит в доверие пограничного китайского гарнизона, для которого это обращается в трагедию.

В одной из последних книг Р. Дор и К. Науман¹, рисуя портрет Рахманкула, пишут, что он может быть терпеливым и мудрым, постоянно находясь на чеку, он все оценивает и взвешивает, чтобы в нужный момент «использовать представившуюся возможность».

И он такие возможности никогда не упускал, не гнушаясь самыми настоящими уголовными преступлениями. Об одном из них сообщила на страницах «Национального Географического журнала», изданного в США в 1950 году, американская супружеская пара Дж. и Ф. Шор². Они пересекли Малый Памир в 1949 году, когда было совершено Рахманкулом очередное кровавое преступление. Обосновавшись в Синьцзяне, — пишут супруги, — Рахманкул «подружился» с маленьким китайским гарнизоном и по случаю одного из мусульманских праздников «любезно» приглашает

¹ *Dor R. und Naumann C. M. Die Kirghisen des Afghanischen Pamir. Austria, 1978.*

² См.: *National Geographic. 1950. № 98.*

командира и восьмерых солдат гарнизона на праздничный обед. Когда китайские пограничники угощались, бандиты Рахманкула внезапно проникли в шатер и хладнокровно всех перебили. Бандиты забрали оружие, боеприпасы и снаряжение, захватили лошадей и все продовольствие гарнизона и бежали через границу в монархический Афганистан, чтобы обосноваться на Памирском плато.

Сколотив разбоем немалое состояние, Рахманкул оседает среди киргизов Афганистана и постепенно прибирает власть над разрозненными племенами к своим рукам. Побывавшие в 1949 году на Малом Памире американцы Шор нарисовали такой портрет этого самозванного правителя киргизов: «Отличается очевидным умом и быстрой сообразительностью, элегантно одет; вероятно (?!) был контрабандистом, возможно (?!) был разбойником, грабившим одиночных паломников».

Рахманкул-хан показал себя верноподданным афганского короля Мухаммеда Захира и с 1964 года начал участвовать в работе Лоя Джирги (Большого Собрания), т. е. парламента Афганистана. Утвержденная этим Собранием в сентябре 1964 года новая конституция Афганистана подтвердила конституционно-монархический строй страны с предоставлением королю верховных полномочий в области исполнительной, законодательной и судебной власти¹.

Во время монархии Рахманкул-хан ежегодно являлся в Кабул, встречался с королем и премьер-министром, обсуждая «положение» и «проблемы» киргизов. Киргизы, по словам всех посещавших их путешественников, имели «большую свободу» и возможность сохранять свое «традиционное общественное устройство». Это значит — закон-сервированный способ производства, безграничная власть крупного феодала-самозванца хана Рахманкула. Он неоднократно

¹ История Афганистана. М., 1982. С. 285.

подчеркивал перед иностранцами «неповторимость своего племени», а накануне Апрельской революции, когда новые веяния доходили до самых отдаленных киргизских кочевий, горько сожалел, что «старые традиции начинают растворяться и вскоре исчезнут совсем». Он был недалек от истины — этот зверь, заранее чувствовавший приближение перемен. Но пока он регулярно, каждый год являлся в Кабул на прием к королю и премьер-министру. Реми Дор, например, познакомился с ханом в кабинете одного из членов монархического афганского правительства, затем встретился с ним во французском посольстве на обеде.

Француз был удивлен той непринужденностью, с которой Рахманкул держался в окружении, столь далеком от патриархального общества памирских киргизов. Силу и свободу вольного общения и обращения в придворных кругах монархического кабульского правительства давали Рахманкулу власть денег, власть феодала, бесконтрольно господствовавшего над бесправным населением пограничной полосы. Там его правление охватывало все стороны общественной жизни киргизов, вторгался он и в семейные отношения, на себе замкнул и все сферы внешних сношений.

В ТИСКАХ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Рахманкул выступал единственным посредником между афганским правительством, администрацией и киргизами. Каждый чиновник, коммерсант или путешественник, прибывавший на Памир, должен был сперва нанести визит «вежливости» хану, а затем уже мог заниматься своими непосредственными делами. Так, поездка супружеской пары Сабрин и Ролана Мишо предварительно была согласована с королем Мухаммед Захир-шахом, а затем и с «ханом» киргизов Рахманкулом, находившимся тогда в Кабуле. При этом Рахманкул обещал, что их в Кундузе будет ждать

с торговым караваном киргизов его старший сын Абдул Вакия, который и проводит французских путешественников в киргизские кочевья на Памире.

Абдул Вакия действительно встретил путников в условленном месте, где они, сменив автомобиль на вьючную лошадь, двинулись по Ваханскому коридору на Памир. Наследник киргизского «хана» похвалялся, что он имеет только в личной собственности 12 тыс. овец и коз, 100 яков, 17 верблюдов, 12 лошадей. И если бы на Памире была хорошая дорога, то он имел бы несколько автомашин.

Сам Рахманкул был очень богат, имел многотысячное поголовье скота, хотя об этом особо не распространялся. Он ежегодно продавал по несколько тысяч овец, поговаривали, что в его стадах насчитывалось более 40 тыс. овец и 2 тыс. яков. Более четверти всех киргизов Афганистана были в экономической зависимости от «хана», что давало ему практически бесконтрольную деспотическую власть. Говоря словами Реми Дора и Класа Наумана, он являлся «дирижером оркестра», мимо которого в жизни памирского киргиза ничто не проходило. Он вершил суд, решал споры между семьями, делил наследство, лечил больного из своего окружения и врачевал ребенка с переломом из соседнего аила. Хан даже решил выступить как законодатель мод: он отменил ношение женщинами традиционного головного убора и учредил для мужчин — по крайней мере богатых — ношение костюма из черного бархата. Он следил за прокладкой дорог между Большим и Малым Памиром, сосредоточил в своих руках торговлю на Памире.

Путем ростовщических операций Рахманкул прибрал к рукам и редкие плодородные участки земель Памира, став одним из самых крупных землевладельцев края. Земли обрабатывали самые обездоленные бедняки, чаще всего сироты бедных семей, которых «приютит» хан. Зависимые пастухи, такие, например, как Эргеш Бай, пасли скот Рахманкула в самых отдаленных урочищах, получая

ничтожную плату натурой. По словам одного из чабанов Рахманкул-хана, на Большом Памире не было другого настоящего собственника скота — весь скот фактически принадлежал лишь Рахманкулу. То же самое можно было сказать и о положении на Малом Памире, где кроме скота Рахманкул имел ферму и земельные угодья, обрабатываемые его соплеменниками. Главным источником пополнения категории пастухов и слуг являлись осиротевшие дети из бедных семей, которых подбирали богатые.

С 1972 по 1975 год исследованиями на Памире занимался М. Назир Шахрани, опубликовавший в 1979 году книгу «Киргизы и вакхи Афганистана»¹. Книга — по этнографии и политической истории памирских киргизов, содержит интересные подробности, но, к сожалению, опутанные традиционно буржуазными комментариями автора.

Он, например, считает, что еще в 50–70-х годах у памирских киргизов шел переход от «равноправного родового общества» к «зарождающемуся феодальному обществу», что структурные изменения кочевых обществ происходят вне культурных перемен, является сторонником теории так называемой «пастушеской кочевой спирали». Захват Рахманкулом пастбищ в частную собственность и сгон с этой территории других скотоводов М. Н. Шахрани объясняет необходимостью укрупнения пастбищ для подъема овцеводства. Но и автор, оправдывая и защищая Рахманкула, вынужден признать, что в результате большинство кочевников осталось без собственного скота, было вынуждено теперь идти в услужение к богачам и Рахманкул-хану на правах наемных пастухов. И приводит такие цифры: из 333 семей 228 (т. е. 68%) не имели овец, а шесть самых богатых семей владели 75% всего поголовья овец. М. Н. Шахрани приводит следующие формы эксплуатации, распространенные

¹ *Shahrani M N. The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan. Washington, 1979.*

среди киргизского кочевого общества Памира: наем пастуха за твердую плату или несколько голов скота в год; форма «сагхун» — когда бедным семьям дается 10–30 овец с ягнятами сразу после сезонного окота для выращивания поголовья и лишь шерсть и молоко могут использоваться пастухом; «аманат» — когда пастухи выпасают крупные стада лишь с правом на продукцию, а воспроизведенное поголовье идет хозяину и т. д.

Серьезной формой эксплуатации являлось обирание скотоводов торговцами. Предметы роскоши ввозили, а потребления — вывозили. В результате скот вывозился взамен опиума, черного чая, табака, пластмассовой и металлической утвари, транзисторных приемников, дешевых ювелирных изделий, безделушек. Другими словами, товары, доставляемые киргизам Памира, были легкими в весе и высокими в цене, вывозили же непреходящее богатство — скот. Ранее основная торговля сосредоточивалась в руках проезжих купцов, фактически грабивших рядового скотовода. Мало того, чтобы легче одурманивать простой народ, купцы во все возрастающем количестве начали ввозить на Памир бадахшанский опий. По наблюдениям Реми Дора, подтвержденным самими жителями, потребление наркотика памирскими жителями возрастало в катастрофических размерах. Используя свою экономическую мощь, Рахманкул организовал собственные торговые караваны и проводил самостоятельно торговлю с оседло-земледельческими жителями. В последние годы он все более стал теснить заезжих купцов, и соплеменники вынуждены были покупать пшеницу у Рахманкула, соответственно, по назначаемому им курсу. Рахманкул объединил несколько бадахшанских купцов и фактически создал торговую компанию в целях противодействия чужим торговцам. И сосредоточил не только в своих руках основную торговлю на Памире, но и прибрал к рукам ежегодный перегон скота из Бадахшана в Кабул (в общей сложности 60 дней пути).

Однообразна и тяжела была жизнь рядового кочевника-киргиза Афганистана. Даже пища малолетних и грудных детей в основном заключалась в овсяной каше. И если летом питание как-то скрашивали молочные продукты, то зимой простые труженики переходили в основном на чай и хлеб, которые выменивали у ваханских земледельцев.

Традиционный быт киргизов афганского Памира: большая семья, обычно из представителей трех поколений — детей, родителей и родителей родителей — был консервативным. Чаще всего киргизы Памира имели одну жену, чему в немалой степени способствовал экономический фактор — цена калыма. Но в богатых семьях, естественно, было по нескольку жен. Несколько жен имел Рахманкул, равно как и его старшие сыновья. Жен могли покупать как рабынь, что обуславливало, естественно, и их приниженное, буквально рабское положение в богатых семьях. Французские путешественники Сабрин и Ролан Мишо еще в начале 70-х годов отмечали факты продажи женщин на Афганском Памире.

Памирская зима 1964 г. была особенно жесткой. Был падеж скота, разоривший богатых и обратившийся настоящей трагедией для бедняков. Доведенные до нищеты киргизы-кочевники перед угрозой голодной смерти продавали бадахшанским купцам в обмен на скот даже своих детей.

Социальные контрасты в киргизском обществе были столь разительны, что отмечались буквально всеми посещавшими афганский Памир путешественниками. Поэтому понятно, что когда в Афганистане произошла Апрельская революция и к власти пришли прогрессивные силы, Рахманкул оказался в стане махровых контрреволюционеров, сколотил банду и выступил против законного правительства. Он получил поддержку у зарубежных покровителей, оружие и деньги, и начал грабить местное мирное население, мешая строить новую жизнь.

РАЗГРОМ

Но это продолжалось недолго. Революционными войсками банда Рахманкула была разбита. Разгромлены были также вооруженные зарубежными покровителями крупные банды в районе города Файзабад — центра провинции Бадахшан, разгромлены и другие отряды контрреволюционеров. Сам Рахманкул бежал. Но, убегая, он жестоко обошелся со своими соплеменниками и теми, кто поддерживал новое революционное правительство. Он забрал у дехкан последнее зерно, обрекая жителей на голод. Он угнал 50 тысяч голов скота подданных ему киргизов. «Высочайшей» волей он даже приказал киргизам покинуть Афганистан. Тех, кто не хотел подчиниться приказам хана, не желал бежать с ним, он подвергал зверским истязаниям. Так, без скота, без крова, без продовольственных запасов на зиму остались посмевающиеся послушаться Рахманкула бедняки-скотоводы Чаман-бай, Кут-Мухаммед, Керим-бек и многие другие, с которыми встречался и беседовал летом 1978 г. собственный корреспондент газеты «Известия» А. Ахмедзянов¹.

Трагедия в горах Афганского Памира затяжным эхом и сейчас отдается в беспокойной стране. Долго не заживают нанесенные раны, долго слышится плач обездоленных и разоренных семей. Но не удалась зловещая акция Рахманкулу. Агонизируя сам, он не сумел вовлечь в бездну гибели киргизов афганского Памира. Не пошел за ним народ. Одиноким, отбившимся зверем бежал Рахманкул в Пакистан. Бежал за границу, и не смогли его спасти ни зарубежные покровители, ни спецслужбы капиталистических стран, ни аппарат ЦРУ. Он снова изгнанник. «Хан» — изгой, беженец, обосновавшийся в Турции, где стал проповедником пантюркистской идеологии,

¹ См.: Ахмедзянов А. Кровавые тропы «удельного хана». Газ. Известия, 1978. 19 сентября.

связался с турецкими эмиссарами, но не порвал связей и с ЦРУ. Однако, это уже не история. Рахманкул за ее бортом. А история знает немало подобных примеров и ее не обратить вспять. Ясно и бесспорно одно: Рахманкул действительно одиозная фигура, эхо преступлений которого до сих пор звучит в горах афганского Памира, имя которого с содроганием и презрением поминает рядовой кочевник-киргиз.

Луис Дюпре, рецензируя книгу М. Назира Шахрани «Киргизы и вакхи Афганистана», проливает крокодиловы слезы по поводу беженца Рахманкула. Его мучает вопрос: что он сейчас будет делать? Где обретет другие высокогорные пастбища? «А может — Аляска?» — как бы подсказывает Дюпре.

В осенние месяцы 1982 года в печати действительно появилось сообщение, что предводители афганских кочевников-беженцев ведут переговоры о возможности переселения из Пакистана на Аляску, где климатические условия ближе к памирским. И организаторами этой кампании опять-таки выступают американские эмиссары. Представитель американского агентства иностранной помощи Аллен Джонс предложил пакистанскому руководству расселить беспокойных афганских беженцев именно на Аляске, а американский институт по делам Аляски связался в 1982 г. с вождями трех афганских племен и пригласил посетить их место «будущего проживания»¹.

Но беглец всегда есть беглец. Кому нечего бояться возмездия за кровавые преступления в Афганистане — могут спокойно возвращаться в свою страну. Но таким кровавым палачам, как Рахманкул, там делать нечего. С историей ему не по пути. Трагедия, разыгравшаяся в горах афганского Памира, с болью отзывается в сердцах киргизского

¹ См.: Вечерний Фрунзе, 1982. 18 октября.

народа Советской страны, озабоченно вззирающего на своих собратьев в соседнем, уже дружественном по духу демократическом Афганистане.

...И ДРУГИЕ

Рахманкула постигла судьба всех, контрреволюционеров, отщепенцев. Однако он еще не добит, вынашивает новые планы. И его поддерживают реакционеры всех мастей, пытающиеся затормозить, сорвать революционный прогресс в Афганистане. Начав необъявленную войну против Афганистана, Вашингтон направляет в Пакистан некоего Гарольда Сондерса — одного из руководителей ЦРУ, бывшего в свое время «правой рукой» Киссинджера — государственного секретаря США. И в Пакистане, на границе с Афганистаном, более чем на восьмидесяти специальных базах началось спешное формирование контрреволюционных банд. Только с лета 1978 г. по ноябрь 1979 г. на пакистанской территории было подготовлено более 15 000 наемников американских империалистов, которые образовали ядро вооруженной интервенции против Демократической Республики Афганистан. Во главе многих банд стоят американские граждане афганской национальности. Их «лидер» — Зия Хан Насери — гражданин США. Главный организатор контрреволюционных банд — Башир Закрия — профессор Колумбийского университета. Руководитель афганской операции — Р. Лессард, десять лет проработавший в Иране, затем в американском посольстве в Кабуле, а с 1977 года находящийся в Пакистане. Органами безопасности ДРА был арестован в провинции Кунар агент ЦРУ, гражданин Египта Зияутдин, проникший на территорию Афганистана для сбора шпионских сведений и установления контактов с террористическими организациями. Контрреволюционные организации

финансируются «неизвестными лицами». Из США, Саудовской Аравии и других стран поступают субсидии лидеру местной реакционной политической организации «Джамиите-ислами» Тафаилу Мохаммеду, на которые афганские контрреволюционеры снаряжаются автоматами, гранатами и другим оружием. Снабжаются бандиты оружием главным образом американского производства.

Для координации басмаческого движения контрреволюция организует «совещания» — сборища руководителей банд, под присмотром и по инициативе империалистических агентов — «наставников», «тренеров», «инструкторов», готовят террористов — душманов.

Как здесь не вспомнить события шестидесятилетней давности в пограничных районах Киргизии! Как в Иркештаме, как в Дараут-Кургане на Алае в 1920 г., так и в пограничных пакистанских центрах по подготовке контрреволюционных афганских банд — в Пешаваре, Парачи-наре, Буджауре, Читрале, Кветте и других городах в 80-х гг. проводятся совещания главарей басмачей и руководителей афганских контрреволюционных организаций, на которых координируются выступления и вырабатывается общая тактика борьбы с афганской революцией. Это контрреволюционное отребье в странах империализма поднимается на щит как «борцы» за демократию, за «веру» (ислам). Их фотографируют, снимают «документальные» фильмы, пропагандируют по телевидению. В 1980 г. на Западе целая телевизионная программа была посвящена Рахманкулану, быту его семьи, его детям. С удовольствием позировал сам Рахманкул, его жены, демонстрировалась «экзотика» кочевого быта, киргизская юрта и маленькие дети. Но ни слова не было сказано о его кровавых злодеяниях в Афганистане, за что народ изгнал его из страны, в результате чего он стал беженцем, прозябающим то в Пакистане, то в Турции. Пути назад нет. И в Афганистан, на Памир Рахманкулу уже не вернуться. Историю не остановить,

не повернуть вспять. И никакие усилия отщепенцев типа Рахманкул-хана, Зия Хан Насери, Башир Закрия, Тафаила Мохаммеда, Абдурахмана и других не смогут противостоять революционному порыву народных масс. В этой борьбе может быть только один конец — бесславное поражение тех, кто поднял руку на независимый, демократический и свободолюбивый Афганистан.

Совершив в апреле 1978 г. национально-демократическую революцию, афганский народ встал на путь построения в стране нового общества, основанного на принципах равенства и справедливости, общества, исключающего эксплуатацию человека человеком. А за таким обществом — будущее.

Бежавшие контрреволюционеры, играя на религиозных чувствах темных неграмотных крестьян, поверивших гнусной пропаганде, увлекли некоторых из них с собою на территорию Пакистана. До настоящего времени немалая часть населения имеет традиционную родоплеменную организацию. Причем около 3 млн. человек — это кочевники-скотоводы. С давних времен зимой они отходят на юг в долинские районы, сезонно перекочевывают на зимние пастбища в соседний Пакистан, а с наступлением весны возвращаются в родные места. Никаких препятствий ранее этим сезонным миграциям не ставилось. Но вот с начала 1980 г. пакистанские власти усилили контроль на границе, не разрешают людям переходить на афганскую территорию, в родные провинции Пактия, Нангархар и другие, берут в племенах заложников. Многих запугивают, здоровых людей направляют в лагеря, где комплектуются диверсионные группы, обучаемые американскими, английскими и другими инструкторами.

Таким образом, кочевые племена беженцев используются врагами демократического Афганистана как своеобразный источник, откуда черпаются наемники. Но клевета со временем раскрывается, обманутые прозревают. В стране объявлена всеобщая амнистия, и желающие уже спокойно

возвращаются в родные места. Вот слова одного из обманутых антиафганской пропагандой — восемнадцатилетнего Абдусамата Абдулвудуда. Он, одурманенный реакционным духовенством, после Апрельской революции оказался в рядах контрреволюционной организации «Исламская партия» на территории Пакистана. «...Теперь я понимаю, что слова бывших руководителей — сплошная ложь. Я уверен: если бы мои товарищи, оставшиеся там, — Абдусамат махнул рукой в сторону гор, опоясывающих Джелалабад, — знали правду о новой жизни в стране, они бы отказались служить контрреволюционерам. И не только они. Я думаю, процентов девяносто пять из нашей «армии ислама» поступили бы также. В рядах мятежников их держит только страх за себя и своих родственников. Все они — обманутые»¹.

ЗА МИР И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Для решения стоящих перед афганским народом задач создан широкий национальный фронт. Успешно идет пропорциональное социально-экономическое развитие республики, значительно увеличивается сельскохозяйственное и промышленное производство, ликвидируется неграмотность, получает развитие культура.

И Советский Союз, в том числе народы Советского Киргизстана, оказывают Афганистану бескорыстную помощь. Вот слова из выступления имама мусульманской мечети Киргизии Дуйшенбека Отонбаева, сказанные в январе 1980 г., но к которым и сейчас присоединяются все честные люди: «Сегодня внимание всех людей мира приковано к Афганистану. Народ этой страны добивается

¹ Комсомольская правда, 1980. 8 апреля.

мира у себя дома и справедливости. Но это, оказывается, не по душе американскому империализму, который покушается на независимость и политическую самостоятельность Афганистана. Поэтому правительство Афганистана обратилось за помощью к своему дружественному соседу — Советскому Союзу.

Мы прежде всего должны думать о детях, о их будущем. А для этого нужен прочный мир...»¹.

На одной из пресс-конференций Бабрак Кармаль с уверенностью заявил, что недалек тот день, когда в сердце Азии утвердятся новый, прогрессивный, свободный, демократический, независимый и процветающий Афганистан с высоким уровнем развития экономики и культуры. В стране будет создано общество, соответствующее самым передовым идеалам социальной справедливости, общество, в котором каждый будет свободен и уверен в своем будущем. А пока народ борется. И на его стороне все прогрессивное человечество, вместе с ним все советские люди. Братская помощь, оказанная Советским Союзом афганскому народу, ярко продемонстрировала приверженность Советского Союза идеалам борьбы за освобождение и прогресс, которую ведут развивающиеся страны.

«В борьбе за претворение в жизнь целей Апрельской революции, — подчеркнул Л. И. Брежнев при встрече с Б. Кармалем в Москве 16 октября 1980 г., — Афганистану пришлось столкнуться с широкими, тщательно организованными провокациями сил империализма и гегемонизма, рассчитанными на то, чтобы лишить афганский народ его революционных завоеваний.

Это не было случайностью. Необъявленная война против революционного Афганистана стала частью общего наступления против освободительных и миролюбивых сил,

¹ См.: Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. М., 1980. С. 164.

²⁰ Том X. В. М. Плоских

развернутого лагерем империалистической реакции. Размах этого наступления сейчас очевиден.

...Тем, кто посягает на Демократическую Республику Афганистан, пора уже понять, что их авантюрным планам не суждено сбыться. Революционный процесс в Афганистане необратим. На стороне афганского народа и его правительства — поддержка и солидарность Советского Союза и других социалистических государств, прогрессивных сил всего мира»¹.

В ответной речи Бабрак Кармаль ответил: «Мы смело и с полной уверенностью смотрим в будущее, чувствуем правоту своего дела и знаем, что Советский Союз и великая ленинская партия — КПСС, героический, советский народ, братские социалистические страны, все прогрессивные государства, силы мира и прогресса — с нами, они помогают нашей партии, нашему народу в этом великом историческом деле»².

¹ Визит Бабрака Кармаля в Советский Союз. 15–24 октября 1980 г. Документы и материалы. М., 1980. С. 18–19.

² Там же. С. 33.

ПО ПУТИ СОДРУЖЕСТВА И ВЗАИМОПОМОЩИ

Давно на Памире не испытывали такой ужасающей зимы. Выпало много снега, ударили сильные морозы. Скот оказался без подножного корма, под угрозой полного уничтожения. Отрезанные от всего мира горцы афганского Памира с нетерпением ждали весны 1972 г. Что-то она принесет? На территории советского Памиро-Алая была организована срочная помощь пострадавшим районам. Советские люди, испытывавшие на себе капризы стихии, пришли на помощь и своим афганским соседям. По линии Красного Креста туда были направлены медикаменты, продовольствие, одежда, ткани. О том, с какой радостью была встречена эта помощь обездоленными горцами, рассказал на встрече с учеными в Академии наук Киргизской ССР в октябре 1980 г. руководитель афганской делегации, бывший в составе по распределению этой помощи, доктор Р. Фархади. Среди тех, кто участвовал в доставке товаров из Советского Союза на Афганский Памир был и представитель киргизского народа Мырзалы Абдрахманов. Французские путешественники Реми и Лаура Дор с членами своей экспедиции были свидетелями того, с какой радостью киргизы Афганского Памира встречали помощь советского друга. Французов даже попросили помочь равномерно распределить несколько тысяч метров ткани из Советского Союза среди более чем 600 пострадавших семей киргизских кочевников Малого Памира.

Этот пример характерен для традиционно-дружественных отношений, установившихся еще с 20-х годов между Советской страной и Афганистаном.

С тех пор, как Англия утратила свое политическое влияние на Афганистан и потерпела провал, попытка международного империализма втянуть эту страну в систему агрессивных военных блоков, направленных против Советского Союза, был сделан упор на экономические акции. США и Англия в 50-х годах умышленно усугубили афгано-пакистанский территориальный спор. Пакистан лишил соседа права перевозки через свою территорию афганских товаров, чем поставил страну на грань экономического кризиса. СССР пришел на помощь Афганистану, предоставив право на беспоплавленную перевозку афганских экспортных товаров через советскую территорию. Экономическая блокада Афганистана была сорвана, но оставалась угроза военного вторжения извне. Тогда афганское правительство обратилось к СССР с просьбой помочь усилить его обороноспособность. И здесь получило понимание и поддержку.

Надо отметить, что экономические отношения СССР с Афганистаном всегда строились таким образом, чтобы не мешать развитию внутренней промышленности и сельского хозяйства, советские товары не конкурировали с афганской индустрией, а сельхозпродукты ввозились только те, которые удовлетворяли внутренние нужды страны. С 1954 г. СССР полностью удовлетворял объем афганского внешнего импорта, а с 1956 г. стал получателем большинства его экспорта.

На качественно новую ступень поднялись экономические и культурные отношения между нашими странами после Апрельской революции 1978 года в Афганистане. И сейчас Афганистан самоотверженно борется, с помощью Советского Союза строит новую жизнь. Идет борьба с пережитками прошлого, отжившими реакционными институтами, голодом и неграмотностью, с внутренней и внешней международной реакцией. Социально-экономическое положение ДРА тяжелое и сегодня. Страна унаследовала от прошлого общую отсталость, низкий уровень развития

экономики, почти поголовную неграмотность. По официальной статистике ООН, Афганистан накануне революции относился к числу беднейших стран мира с национальным доходом около 100 долларов на душу населения, он занимал 127 место в мире по развитию просвещения и 119 — по уровню здравоохранения. Все это тормозило развитие, способствовало тому, что киргизы Афганского Памира смогли сохранить свою традиционную общественную структуру (она представлена четырьмя главными родами: тейит, кесек, найман и кыпчак, которые подразделяются на ряд подродов), своеобразие быта, культуры. Обособленность привела к ужасающей бедности, отсутствию медицинской помощи и школьного обучения. Тяжелые условия жизни памирских киргизов Афганистана вызывали большую смертность, особенно детскую. Французский тюрколог Реми Дор привел два примера, когда даже в богатых семьях у одной женщины из тринадцати родившихся детей остались в живых только трое, у другой — из троих родившихся не осталось ни одного — все умерли при рождении и в раннем возрасте.

В аилах видишь мало детей, — подметил вовсе не критично настроенный к кочевой «экзотике» памирцев Реми Дор; и это наводит на мысль прежде всего о том, что киргизское население переживает застой, ведущий неизбежно к его старению. Низкая рождаемость представляла серьезную опасность для киргизского населения. И ученый мрачно прогнозировал: недостаточная численность молодежи через несколько лет неизбежно со всей остротой поставит проблему смены поколений. Зарубежные ученые, обследовавшие памирских киргизов Афганистана до революции, все как один отмечали, что основной проблемой там стояла задача физического сохранения населения. Реми Дор заключал: в конечном счете переходный период, открывающийся перед киргизами, будет долгим и трудным. Те глубокие перемены, которые им предстоит претерпеть,

чтобы выжить, потребуют от них, несомненно, больших жертв.

Но пророчеству не суждено сбыться. Апрельская революция нарушила «нормальный» ход истории и ускорила социальные и культурные преобразования. Сейчас весь афганский народ, в том числе и киргизы высокогорного Памира, с уверенностью смотрит в будущее. И гости, и официальные делегации, и просто туристы из зарубежных стран воочию могут убедиться, что страна строится, набирается сил и революционный процесс необратим. И повсюду символы советско-афганской нерушимой дружбы: дымящиеся трубы заводов и мощные нити газопроводов, строящиеся гидроэлектростанции и мощные промышленные объекты, сельскохозяйственная техника и рука об руку трудящиеся советские и афганские специалисты.

Помощь Советского Союза направлена на удовлетворение насущных потребностей экономического развития Афганистана. Создаваемые с советским участием в различных отраслях объекты призваны способствовать укреплению независимой национальной экономики, решению целого ряда социально-экономических задач. Среди них — обеспечение пропорционального экономического развития различных районов страны, повышение жизненного уровня населения, подготовка национальных кадров, ликвидация безработицы. Из Советского Союза неизменным потоком идут грузы с промышленными товарами, оборудованием, продовольствием и медикаментами. Идет обмен товарами. К примеру, Афганистан получает хлопчатобумажные и шелковые ткани, электрокабель, станки, машины и другую продукцию, изготавливаемую в республиках Средней Азии, получает в обмен на газ, каракуль, ковровые изделия Афганистана.

Афганистан — страна древнейших зерновых культур, поливного земледелия и овцеводства. В 1924 г. советская научная экспедиция во главе с академиком Н. И. Вавиловым

установила, что именно территория Афганистана — один из мировых центров возделывания ряда культурных растений, в частности мягкой пшеницы. Сегодня на пшеницу приходится больше половины стоимости всей продукции растениеводства. По валовому выходу каракуля Афганистан занимает третье место в мире.

Кочевники в поисках сезонных пастбищ преодолевают иногда до полутора тысяч километров в год: летом поднимаются на альпийские луга Гиндукуша и Памира, зимой спускаются в долины и на равнину, заходя на территорию Пакистана. Исторически сложившиеся, приобретшие характер традиций передвижения кочевников создают особые пограничные трудности и внутривосточные сложности для правительства. Пуштунские племена, например, передвигаются через весь Афганистан, не обращая внимания на границы, мигрируют в Пакистан и возвращаются обратно, не задерживаясь подолгу на одном месте. С ними следуют торговцы, под них маскируются террористы и басмачи. Поэтому правительство, не пресекая веками сложившегося кочевого цикла скотоводов, проводит среди племен не репрессивную, а агитационно-массовую работу, ведет переговоры с вождями племен, убеждает их примерами активной прогрессивной политики. И такая работа приносит свои плоды. Например, крупные пуштунские племена добровольно взяли на себя обязательства по охране обширных приграничных территорий и борьбе с террористами и басмачами. «Обещаем, что ни один бандит с оружием не пройдет по нашей земле», — заявляют пуштунские вожди. И слово держат¹.

Памирские киргизы зимой живут небольшими аилами, человек в 30, в полной изоляции от окружающих, полагаясь в борьбе с суровой зимой только на себя. Аилы разбросаны

¹ См.: Проханов А. Племена и пули. Литературная газета, 1981. 28 января.

по склонам гор и находятся один от другого на расстоянии двухчасовой езды верхом. Летние же стоянки представляют отдельные юрты, которые ставят на расстоянии однодневной езды от зимнего аила. Смена пастбищ позволяет восстанавливать растительный покров и круглогодично пасти скот в сравнительно замкнутом районе. Лишь богатейшие семейства, использовавшие до недавнего прошлого наемный труд пастухов, позволяли себе длительные перекочевки и не только в пределах Афганистана, но и за границу, в частности, на пакистанскую территорию.

Тяжелым был быт рядового труженика – киргизского кочевника до Апрельской революции. Зимой чуть ли не единственной пищей простого люда служил курут – молочный продукт из высушенной простокваши; его разводили водой, подогревали с добавлением жира и маленьких кусочков хлеба.

Более всего из редкого ассортимента продуктов памирские киргизы ценили скудные запасы чая, сахара и соли. Чай настолько был ценен, что киргизы носили его с собой в небольших вышитых мешочках. Чай обычно пили с солью, так как сахар вообще был настоящей драгоценностью, да и соли было настолько мало, что ее берегли лишь для чая.

Земледелием и ремеслами почти не занимались.

Путешественники в последнее время начали отмечать регресс культуры киргизского населения Памира. В частности, Реми Дор сетует на утрачивание народного фольклора: старики забывают устную литературу или умирают, а молодые не усваивают все эти старинные истории, уже не представляющие для них большого интереса. Совсем как в одном выражении: «Когда умирает старик, это сгорает целая библиотека».

Все коренным образом начало меняться после Апрельской революции. В качестве главной задачи Народно-Демократическая партия Афганистана поставила преодоление

экономической отсталости, ускоренное развитие производительных сил. Первые декреты революционного правительства показали, что в стране установлена подлинно народная власть, последовательно осуществляющая глубокие социально-экономические преобразования. В ходе аграрной реформы в Афганистане 300 тыс. безземельных крестьян получили собственные наделы общей площадью 800 тыс. га.

Используя опыт соседних советских народов республик Средней Азии, братскую помощь СССР, народы Афганистана успешно строят новую жизнь. Об этом говорили, в частности, и перед учеными Киргизской Академии наук научные и партийные работники, представители рабочих и крестьян, общественных организаций Афганистана, побывавшие в Киргизии в октябре 1980 года. Руководитель афганской делегации доктор Раван Фархади, участвовавший в оказании помощи памирским киргизам после стихийных бедствий зимы 1971—72 года, другие члены делегации восхищались достижениями Советского Киргизстана, говорили, что опыт советских народов помогает им в социально-экономических и культурных преобразованиях революционного Афганистана. В Киргизской ССР они познакомились, как республика — высокогорная страна — удовлетворяет проблему кормообеспечения скота, как отсталая аграрная окраина за короткий срок превратилась в развитую индустриально-аграрную республику с животноводческими комплексами по выращиванию крупного рогатого скота, овец, птицы, с возделыванием хлопчатника, пшеницы, кукурузы, сахарной свеклы. Киргизия занимает одно из первых мест в союзе по добыче цветных металлов, киргизская сурьма является мировым эталоном чистоты. Развиваются мощные производственно-промышленные комплексы, направленные на широкую ирригацию полей, увеличение добычи олова и других цветных металлов.

Коренные перемены, изменившие до неузнаваемости жизнь советских горцев Памира, произошли в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, где немало проживает и киргизов. Край за годы Советской власти ускоренными темпами развития прошел путь от патриархально-феодального уклада до развитого социализма. Реорганизованное сельское хозяйство представлено сейчас крупными социалистическими предприятиями — совхозами. Во много раз возросли посевные площади и увеличилось поголовье скота. Созданы промышленные предприятия, в том числе ряд гидроэлектростанций. Построены современные автомагистрали, положившие конец транспортной изоляции области. Особенно разительны успехи в области культуры, образования, здравоохранения, в повышении роста материального благосостояния трудящихся. В недрах гор выявлены месторождения олова, вольфрама, меди, ртути, сурьмы, свинца и других полезных ископаемых. В последние годы выявлен новый оловорудный Базардарьинский район с богатыми запасами сырья. Знания и опыт, приобретенные на работе в горных районах советских республик Средней Азии, ученые и практики используют на афганской земле, передают афганским специалистам.

Помощь Советского Союза направлена на удовлетворение насущных потребностей экономического развития Афганистана. Создаваемые с советским участием в различных отраслях объекты призваны способствовать укреплению независимой национальной экономики, решению целого ряда социально-экономических задач. Среди них — обеспечение пропорционального экономического развития различных районов страны, повышение жизненного уровня населения, подготовка национальных кадров, ликвидация безработицы и безграмотности. В Кабуле обучается 25 тыс. человек — взрослые люди ликвидируют безграмотность. Но это не простое дело не только потому, что взрослого человека трудно научить читать и писать. Враги революции

грозят расправиться с теми, кто учится, и теми, кто учит. Однако пробудившейся тяги к знаниям уже не затормозить. И для лучшей организации своей работы революционная интеллигенция объединяется в союзы.

В 1980 г. в Афганистане впервые за всю его древнюю историю творческая интеллигенция создала свои профессиональные объединения — союзы журналистов, писателей, работников искусств. 4 октября состоялся учредительный съезд писателей ДРА.

Съезд отметил, что одной из задач Союза писателей ДРА является укрепление и развитие братских связей с писателями Советского Союза, с литераторами стран социалистического содружества и прогрессивными писателями всей земли во имя мира, социального прогресса, сохранения и умножения культурного достояния, накопленного человечеством. Между советской делегацией и ведущими афганскими писателями и поэтами состоялся обмен опытом работы творческой интеллигенции в массах. Делегацию советских писателей принял Генеральный секретарь ЦК НДПА Бабрак Кармаль, который рассказал о бескорыстной помощи советского народа во всех областях жизни Демократической Республики Афганистан. Вспомнил, какое огромное влияние на него и его товарищей революционеров-подпольщиков оказали произведения советских писателей М. Горького, Н. Островского. С восхищением назвал книги киргизского писателя Чингиза Айтматова, проникнутые глубоким знанием жизни народа, близкие сердцу афганского читателя стихи Расула Гамзатова.

С помощью Советского Союза в Кабуле началось строительство нового Культурного центра, который явится центром связи не только двух революционных стран, но и центром культурного обмена со многими другими странами мира, а Афганистан уже поддерживает такие связи со 127 странами.

Высшая цель революции — повышение материального благосостояния и культурного уровня масс страны. Партия и государство уделяют большое внимание неуклонному улучшению условий жизни и быта трудящихся. Несмотря на трудности, вызванные необъявленной войной, которую ведут против Афганистана силы империализма и реакции, государство выделяет значительные средства на выполнение социальных программ в области здравоохранения, образования, борьбы с неграмотностью, развитие национальной культуры. Впервые за всю историю Афганистана осенью 1978 г. в технических школах страны начали заниматься 50 девушек. С советской помощью в Кабуле создан политехнический институт, который сами афганцы с признательностью называют кузницей кадров. Своеобразными символами дружбы стали на афганской земле электростанции и оросительные системы, заводы и учебные заведения, дороги и мосты, разработки крупных месторождений газа, меди и других полезных ископаемых.

Северные афганские провинции богаты месторождениями газа. Открытые и разрабатываемые с помощью советских геологов они уже сейчас сказываются на преобразении страны. Газ используется как исходное сырье для производства азотных удобрений на заводе близ Мазари-Шарифа, служит для выработки электроэнергии, которая поступает в Мазари-Шариф и Балх, поставляется он и в Советский Союз. Недавно сдано в эксплуатацию еще одно крупное месторождение — Джаркудукское. Комплекс сооружений по добыче и транспортировке газа, его переработке был построен при техническом содействии Советского Союза. При строительстве комплексов были подготовлены тысячи квалифицированных афганских специалистов. Джаркудукский комплекс явился ярким символом пролетарского интернационализма в действии, живым свидетельством братских отношений между народами Афганистана и Советского Союза. Большой вклад в дело строительства

комплекса внесли советские специалисты — генеральный директор стройки А. П. Ушаков, руководитель бригады эксплуатационного бурения А. К. Криушкин, слесари-монтажники В. Н. Лисютенко, А. П. Гаврилин, экскаваторщик В. И. Заварихин и другие. Они подготовили и хорошую смену из афганских национальных кадров. Вместе с советскими специалистами, плечом к плечу с ними трудились афганские рабочие и техники, которые идут на смену своим советским друзьям, заменяют их на производстве.

В Кабуле с советской помощью возведен домостроительный комбинат. В строящиеся многоэтажные кооперативные дома вселяются рабочие и государственные служащие. Сейчас жилищная проблема в стране, унаследованная от прошлого, — одна из самых острых, с которой столкнулась народная власть.

С весны 1980 г. работает в северной провинции Балх первая на афганской земле машинно-тракторная станция, созданная при содействии Советского Союза. Ее первый директор Саид Гафур — выпускник Киевского сельскохозяйственного института. Недобитые шайки басмачей-душманов тщетно пытались сорвать успешную работу МТС. Большинству крестьян нововведение понравилось, и они уже не желают возвращаться к старому.

Наряду с поисками и разведкой полезных ископаемых, советские геологи совместно с афганскими коллегами проводили большие гидрогеологические изыскания, составляли гидрогеологические карты отдельных провинций страны.

Водоснабжение — немаловажная проблема даже для столицы страны, где все еще встречаются машкобы-водоносы, которые продают питьевую воду. Так, с помощью советских специалистов и, в частности, из Киргизии, была успешно решена задача водообеспечения некоторых районов Кабула за счет открытия новых месторождений подземных вод.

Советские люди оказывают бескорыстную интернациональную помощь народам Афганистана в строительстве

новой жизни. Наши специалисты, в том числе из республик Средней Азии, принимали активное участие в строительстве оросительного канала в Джелалабаде, именуемого афганцами «Каналом счастья», проведении уникальной автодороги через хребет Саланг, которую афганцы называют «Дорогой дружбы, дорогой мира». Три года начальник производственно-технического отдела «Средаздорстрой» Н. Шкиря в составе группы советских специалистов помогал сооружать автотрассы от Кундуза до Файзабада и от Шибаргана до Меймене — крупнейшие автомагистрали страны. Ученые и специалисты из Средней Азии участвуют в открытии и разработке на территории Афганистана ряда крупных месторождений природного газа и полезных ископаемых; в создании водохозяйственных объектов, предприятий легкой и пищевой промышленности. Два года находились в служебной командировке в Афганистане специалисты-газовики из Киргизии Г. Г. Свечаревский — начальник газокompрессорной станции Сокулукского района — и Г. Е. Свечаревская — инженер производственного объединения по газификации «Киргизгазификация». Многолетними исследованиями по сейсмологии и сейсмостойкому строительству советских специалистов на реках Балх, Келога и Коча руководил ученый из Таджикской Академии наук К. М. Мирзоев. В соответствии с договором о сотрудничестве между СССР и ДРА советскими и афганскими специалистами были проведены изыскательские работы, которые позволяют построить каскад гидроэлектростанций в сейсмоопасных зонах страны. Важным фактором советско-афганского культурного и научного сотрудничества является помощь, оказываемая Афганистану в организации системы просвещения, в подготовке высококвалифицированных специалистов для развивающейся национальной экономики, науки и культуры.

Недавно в Киргизию возвратился из Демократической Республики Афганистан В. Л. Шпиньков, который там

трудился в должности главного инженера по горно-буровым работам группы советских геологов, возглавляемых Е. М. Охримюк.

Геологи из Киргизской ССР имеют давние связи с афганскими соседями, не раз помогали своим коллегам в поисках природных ископаемых. Среди сотен советских специалистов — строителей, энергетиков, геологов, врачей, учителей, ирригаторов, инженеров — имена и представителей Советского Киргизстана: горняка Ж. Абдыкадырова, инженера-гидрогеолога Г. И. Науменко, инженера-механика И. З. Хафизова, химиков А. Н. Бугарева и М. С. Якимова, а также В. П. Колоскова, К. Суликаева, П. И. Кулакова и многих других¹.

Крепкая рабочая дружба связывает теперь горного инженера из Управления геологии Киргизской ССР Виктора Лукича Шпинькова с шофером геологов из Афганистана Мамадом Ширином, советских специалистов с их афганскими коллегами и учениками.

Установившиеся добрососедские, дружественные отношения народов Советского Союза с народами Демократической Республики Афганистан показывают бескорыстность и взаимовыгодность этой дружбы, основанной на принципах международной пролетарской солидарности. «Шурави» — так называют в Афганистане советских людей, пришедших на помощь стране в трудные для нее дни. «Ташакор дустане азиз», — говорят они, провожая советских людей. — «Спасибо, дорогие друзья!»

«Советский Союз решительно выступает на стороне афганского народа в его борьбе против агрессивных и подрывных действий врагов революции и реакции, вмешательства извне во внутренние дела ДРА, за политическое урегулирование. Выражаем твердую уверенность в том, — говорится

¹ См.: Советская Киргизия, 1981. 1 мая.

в послании советских руководителей Бабраку Кармалю в связи с 60-летней годовщиной советско-афганского договора о дружбе, — что отношения дружбы и сотрудничества между нашими партиями, государствами и народами будут и впредь неуклонно расширяться и укрепляться на благо народов нашей страны, на благо укрепления всеобщего мира»¹.

За пять лет, прошедшие после Апрельской революции, народы Афганистана, преодолевая тяжелое наследие прошлого, борясь с происками империалистов и контрреволюции, в братском содружестве с народами Советского Союза, других стран социализма уверенно смотрят в будущее. Народ занят мирным созидательным трудом, созданием нового общества — общества всеобщего благополучия. Афганистан можно отнести к тем странам, которые переживают сейчас непростой период национального становления и социального развития. «Однако мы уверены, — говорил в докладе «60 лет СССР» Ю. В. Андропов, — что решительное сопротивление империализму, продуманная стратегия экономического и социально-политического развития, взаимное уважение интересов и прав друг друга позволит народам этих стран преодолеть то, что называют трудностями роста. Советские люди желают им больших успехов в укреплении независимости, в борьбе за благосостояние и прогресс»².

Пятую годовщину народно-демократической революции трудящиеся Демократической Республики Афганистан встретили размахом движения добровольного труда — «хашаром». Юбилейным подарком трудящихся столице явилась торжественная закладка парка Революции, где впоследствии будет сооружено здание музея Апрельской

¹ Правда, 1981. 28 февраля.

² Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982. С. 19–20.

революции. Трудовым энтузиазмом отметили трудящиеся свой революционный праздник. Саду цвести и расцветать всем народам свободного Демократического Афганистана по пути социального прогресса. В стране продолжается земельно-водная реформа, идет широкое наступление на неграмотность, успешно выполняются планы экономического строительства. И все это в условиях продолжающейся необъявленной войны, развязанной против ДРА империализмом и силами внутренней реакции. Открытое вмешательство, идеологические диверсии, террористические акты — вот арсенал империализма в попытках удушить революцию и движение к социальному прогрессу.

В начале марта 1983 года радиостанция «Свобода» провела одиозную передачу о положении афганских киргизов, а точнее о беженцах афганской контрреволюции во главе с пресловутым самозванным ханом Памира Рахманкулом. Радиостанция «Свобода», финансируемая конгрессом США, но расположенная в Мюнхене (ФРГ), является известным центром клеветнической пропаганды против Советского Союза, стран социалистического содружества. Неудивительно поэтому, что все контрреволюционное отребье, разгромленное и выброшенное с территории революционного Афганистана, получает поддержку и соболезнование фальшивых голосов так называемой «Свободы». Со слов корреспондента турецкой газеты «Таржимон», радио «Свобода» поведало, что бывший руководитель одной из групп так называемых «борцов за свободу» курбаши Рахманкул, бывший глава басмачей, теперь обосновался в Турции, которую назвал своей второй родиной. Выброшенный революцией из Афганистана, он теперь разъезжает по городам Турции, со слезами на глазах рассказывает об утере былых привилегий, взывая к сочувствию, вымаливает помощь, в кривом зеркале преподносит судьбу киргизов афганского Памира.

Одиозность, мало того, прямое и сознательное извращение фактов так и дышит от этой антисоветской,

²¹ Том X. В. М. Плоских

антиафганской передачи, с благословения заокеанских хозяев выпущенной в эфир.

Подрывная пропаганда непосредственно на территорию ДРА ведется многочисленными контрреволюционными организациями и группами, созданными ими «исламскими комитетами». К таким организациям относятся исламская партия Афганистана — фактически афганский филиал религиозно-политической реакционной международной организации «Братья-мусульмане», исламское общество Афганистана, фронт национального освобождения Афганистана, объединивший эмигрантские контрреволюционные организации, и многие другие.

Лидеры контрреволюции мечтают о восстановлении в стране средневекового религиозного мракобесия, как и Рахманкул стремятся к возвращению утраченных богатств, привилегий и власти. А поскольку несбыточные мечты все более отдаляются, Рахманкул и ему подобные стремятся утащить за собой в бездну падения как можно больше людей.

В свое время Рахманкул говорил Андре Сингеру — автору документального фильма «Киргизы Афганистана», созданному английским телевидением «Гранада», что считает себя «человеком, проявляющим отеческую заботу о своем народе, делающим все возможное для сохранения мусульманских традиций», поддерживал «экономическую структуру», укреплявшую его положение как хана, дававшую ему юридическую, политическую и экономическую власть над своим родом¹. Но когда эта власть у него ускользнула, погибая сам, он готов в бездну пропасти увлечь и послушавшихся его сородичей, слепо поверивших хану и позволивших увлечь себя за границу. Он все дальше и дальше уводит их от родной земли, а на чужбине делает

¹ *Singer A. Problems of pastoralism in the Afghan Pamirs — «Asian Affairs». V. 63. Part II. June, 1976. P. 157.*

пособниками американского империализма в борьбе против своего народа, клевете на Советскую отчизну.

В зарубежной печати все чаще появляются сообщения о переговорах главарей отдельных племен о возможности переселения части афганских беженцев, привычных к высокогорью, в пределы американской Аляски.

Частым гостем США, Англии и других западногерманских стран являются главари басмаческих организаций. 21 марта 1983 г. состоялся провокационный шабаш главарей басмаческого отребья у Белого дома. К сборищу бандитов, организованному по инициативе вашингтонской администрации и конгресса США по случаю так называемого «дня Афганистана», обратился сам Рейган, лицемерно назвавший кровавых головорезов «мужественными борцами за свободу». Президент США заявил о намерении своей администрации расширить масштабы необъявленной войны против Афганистана, тем самым признав факт открытого вмешательства США во внутренние дела суверенного государства — ДРА. В последние годы объем поставок американских вооружений террористическим бандам увеличился в 2–3 раза. Вашингтон уже израсходовал на нужды бандитов 218 миллионов долларов, а в текущем году ассигновал еще 105 миллионов долларов. Но это — лишь надводная часть айсберга «помощи». По сведениям иностранных агентов печати, общая сумма, израсходованная на борьбу с афганской революцией США и их партнерами, оценивается в миллиард долларов.

В США при непосредственном участии ЦРУ действует «комитет солидарности» по координации деятельности афганских контрреволюционеров в различных странах мира и оказанию военной и материальной помощи мятежникам. Координация этой подрывной работы охватывает организации государств — членов империалистических военно-политических блоков, эти же государства обеспечивают и материальную базу подрывной пропаганды против

ДРА, представляя контрреволюции свои средства массовой информации — как это и случилось с радиостанцией «Свобода». В выработке программ, форм и методов подрывной пропаганды против революционного Афганистана принимают участие всемирная исламская лига, исследовательский ин-ститут по делам мусульманских меньшинств в Джидде, исламский центр «Аль-Азхар» в Каире и другие международные исламские организации. В подрывную антиафганскую пропагандистскую кампанию подключены также такие махровые антисоветские организации, как Народно-Трудовой Союз (НТС), организация украинских националистов (ОУН) и др.

Летом 1981 г., отвечая требованиям рейгановской администрации, управление по делам международных связей США приступило к осуществлению нашумевшего проекта под кодовым названием «Истина». Его задача — сосредоточение и координация усилий для распространения через заграничные отделения управления решительного и эффективного «противодействия советской пропаганде». В основе проекта, во-первых, — энергичная информационная кампания за пределами США, «чтобы создать правильное представление о США и их внешней политике»; во-вторых, усиление антисоветской кампании, в ходе которой «будет также подчеркиваться советская угроза для стабильности и безопасности различных районов в мире»¹. И в рамках этого проекта, который вернее назвать «антиистина», развернулась сеть радиопередач, направленных против прогрессивных режимов, против революционных правительств, против Советского Союза. В их основе — политика пропагандистского террора, дезинформации, беззастенчивой лжи. Одной из таких передач и было клеветническое вещание

¹ См. газ. «Известия», 1981. 29 ноября.

радио «Свободы», полностью как по нотам, реализующего кодовый проект.

Но тщетны попытки пропагандистской машины США опорочить курс братского содружества советского народа с народами Афганистана. Как сказано в послании Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Народно-Демократической партии и правительству Афганистана по случаю пятилетней годовщины Апрельской революции — «...афганский народ, несмотря на трудности, уверенно ведет справедливую борьбу с агрессивными силами империализма и реакции за реализацию высоких целей и задач Апрельской революции. Советские люди выражают полную поддержку самоотверженной борьбе дружественного соседнего афганского народа против продолжающегося империалистического вмешательства во внутренние дела ДРА».

В ответном послании Бабрака Кармалья и Султана Али Кештманда сказано: «Несмотря на трудности и сложности, вызываемые в первую очередь продолжающимся беспрецедентным вмешательством во внутренние дела ДРА со стороны США и других реакционных сил, мы с оптимизмом и уверенностью смотрим в будущее»¹.

26 апреля 1983 г. в Кабуле состоялось торжественное собрание, посвященное 5-й годовщине Апрельской революции. Выступая перед собравшимися, Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного Совета ДРА Бабрак Кармаль отметил, что сейчас наступил период решительного разгрома контрреволюции и полной ликвидации бандитизма. Революция непобедима и имеет необратимый характер. Апрельская национально-демократическая революция, подчеркнул Бабрак Кармаль, победила потому,

¹ Правда», 1983. 27 апреля.

что она отражала чаяния трудящихся страны, стремление афганского народа к переустройству общества. Опыт афганской революции подтвердил необходимость сочетания борьбы против контрреволюции, за обеспечение мирных условий жизни с решением насущных экономических задач. «Мы, — сказал Б. Кармаль, — будем и впредь твердо идти по пути обеспечения прав всех народностей и племен нашей страны за национальное и культурное развитие»¹.

Выступивший глава советской партийно-правительственной делегации кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов также подчеркнул: «Борьба с контрреволюцией вступает в решающую стадию. Мы уверены, что недалек тот день, когда афганский народ окончательно покончит с ней и получит, наконец, возможность полностью заняться мирным созидательным трудом, решением социально-экономических задач»². Советский Союз оказывал и оказывает в этом всестороннюю помощь Демократической Республике Афганистан. Вместе с другими союзными республиками и Советский Киргизстан вносит свой вклад в подъем сельского хозяйства и промышленности Афганистана, в подготовку его научных и технических кадров.

Участники торжественного собрания приняли обращение к народу Афганистана. ЦК НДПА, Революционный совет, руководство Национального отечественного фронта ДРА обратились ко всем афганским рабочим, крестьянам, молодежи, ремесленникам, торговцам, религиозным деятелям, старейшинам племен с призывом умножить усилия в борьбе за мир, спокойствие, дружбу и согласие на родной земле. Все население страны призывалось еще теснее сплотиться вокруг НДПА и Революционного правительства,

¹ Правда», 1983. 28 апреля.

² Там же.

влиться в ряды Национального отечественного фронта, словом и делом защищать завоевания Апрельской революции.

На следующий день на центральной площади афганской столицы состоялись военный парад и праздничная демонстрация в честь 5-й годовщины Апрельской революции. В демонстрации приняли участие более 200 тысяч трудящихся афганской столицы, а также прибывшие на торжества в Кабул из различных провинций рабочие, крестьяне, представители племен и духовенства. Участники парада и демонстрации решительно осудили вмешательство американского империализма во внутренние дела революционного Афганистана, выразили глубокую благодарность Советскому Союзу за бескорыстную интернациональную помощь, оказываемую афганскому народу в отражении агрессии извне, в деле строительства новой жизни.

Все советские люди, трудящиеся Советского Киргизстана с искренней симпатией относятся к братскому афганскому народу, настойчиво решающему под руководством НДПА нелегкие задачи национально-демократического этапа революции. Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропов: «Мы решительно и неизменно на стороне тех, кто еще и сегодня вынужден бороться за свободу, независимость, само существование своих народов, кто вынужден отражать натиск агрессора или подвергаться угрозе агрессии. И эта наша позиция неотделима от той борьбы за прочный мир на земле, которую последовательно и неустанно ведет Советский Союз»¹.

Публикуется по изданию:

Маанаев Э., Плоских В. На «Крыше мира»: Исторические очерки о памиро-алайских киргизах / Под ред. Н. А. Халфина. Фрунзе: Мектеп, 1983.

¹ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982. С. 20.

Часть третья

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЭТАПЫ КЫРГЫЗСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исторический опыт человечества свидетельствует, что одним из главных условий благополучного развития, сохранения самостоятельности и самобытности любого этноса является наличие собственной государственности или же наличие такой структуры общественной самоорганизации и самоуправления, которая может заменить современное понятие о государственности.

Сам по себе факт сохранения этнического самосознания и самобытности кыргызов на протяжении более двух тысячелетий на Евразийском пространстве, где непрерывно происходили сложные этнополитические процессы, на наш взгляд, говорит о существовании кыргызской государственности в историческом прошлом. Не будь такой системы государственности, кыргызы, скорее всего, давно исчезли бы с исторической арены, как и другие многочисленные этносы, поглощенные различными этническими образованиями.

Сегодня ученые-историки Кыргызстана, а также России, Турции, Китая и других стран приходят к выводу о том, что этнос «кыргыз» в течение двух с лишним тысячелетий находится в процессе постоянного развития и непрерывного обновления. Соответственно, постоянно развивалась, трансформировалась и государственность кыргызского народа, прошедшая несколько сложных исторических этапов. Углубленное и детальное исследование этого сложного и длительного процесса, конечно, является делом историков. В плане изучения и разрешения проблем истории кыргызской государственности наши ученые-историки уже серьезно продвинулись вперед, хотя перед специалистами стоит еще немало вопросов и нераскрытых тайн прошлого.

По инициативе Президента нашей страны академика Акаева Аскара Акаевича 2003 год объявлен ООН Годом Кыргызской Государственности. В связи с этим учеными Национальной Академии наук запланирована серия публикаций по истории нашего народа и государственности. Выход в свет новой книги из этой серии «Очерки истории Кыргызской государственности», думаю, является своевременным и актуальным.

Предлагаемая читателю книга — это результат долгих научных изысканий наших ученых-историков, результат осмысления и оценки целого ряда археологических находок, поиска и расшифровки древних летописей. Между тем следует отметить, что книга написана на научно-популярном языке с тем, чтобы любой наш соотечественник, кому не безразлична история Отечества, мог прочитать её без напряжения и с удовольствием. Ведь известно, что, окунаясь в историю, люди ищут генетический код своего духовного потенциала, корни общественного самосознания, нити государственной преемственности.

Академик Ж. Жеенбаев,
Президент Национальной Академии наук
Кыргызской Республики

СУДЬБЫ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ОТ РЕДАКТОРА)

Развитие кыргызской государственности, также как сама история кыргызского народа, было сложным и непростым. В этом полностью отразились такие особенности исторического процесса, как неравномерность и цикличность со сложными ритмами замедления и ускорения, а порой и попятными движениями, как говорят, эволюцией с обратным знаком. Периоды национальной консолидации могли сменяться порой дивергенцией, за которой мог следовать новый цикл подъема и процветания. Причины этого могли быть различны, и лишь народы с огромным внутренним потенциалом, пережив все невзгоды, не исчезли с лица земли, не растворились в больших нациях и государствах. Все это непростые задачи на пути исследования истории кыргызов и их государственности, и этим предстоит заниматься ученым не одно десятилетие.

Хотелось бы коротко остановиться на четырех вопросах: значение культурного и политического наследия; конкретные судьбы кыргызской государственности; кыргызы, их государственность в системе евразийских реалий; и наконец, что, по-моему, очень важно, значение самой системы мероприятий, связанных с 2200-летием кыргызской государственности для современного независимого Кыргызстана.

Первый вопрос — *культурное наследие*. Это важнейшее понятие современных общественных наук и практики культурного строительства. Данное широкое понятие включает и различные проявления материальной культуры, духовного склада, менталитета, музыки и фольклора. Можно говорить об его различных видах: художественное наследие, политическое наследие, лингвистическое наследие.

В этой сфере возможно применение современных методов научного исследования. Так, возможно, составление модели процесса культурной интеграции с квантификацией ряда составляющих. Культурное наследие — важнейшая часть истории народа наряду с политогенезом. Культурное наследие не статично, оно развивается, отдельные его компоненты переживают трансформацию. В историческом процессе могут быть выделены пласты культурного наследия. Так, для народов степной зоны азиатского материка, включая кыргызов и их предков, важнейшим исходным пластом культурного наследия являются степные скотоводы бронзового века с их культом коня и приоритетом военной элиты. Оружие этой эпохи найдено на территории Киргизии, а колесницы военной элиты представлены в наскальных рисунках Саймалы-Таша.

Второй вопрос — *формирование и судьбы кыргызской государственности*. Первое упоминание кыргызов в китайских источниках, с чем может быть связано начало государственности, действительно датируется временем около 2200 лет и подробно рассмотрено В. В. Бартольдом в его историческом очерке «Кыргызы», изданном в 1927 г. Вероятно, это было одно из проявлений движения политогенеза по пути военно-аристократической государственности в среде ранних кочевников сакской эпохи. Источниковедческий перерыв постепенно застаёт кыргызов как мощную политическую структуру уже в IX—X веках, названную академиком В. В. Бартольдом эпохой кыргызского великодержавия. Я полагаю, что нельзя сбрасывать со счетов и политическое наследие государственности, формировавшейся в среде племенного союза усуней. Далее наступает эпоха дивергенции, но мощный потенциал народа явно не угасал и не исчезал. Об этом свидетельствует интеллектуальный взрыв, представленный эпосом «Манас». Наконец, важный этап в свете истории — это XVI—XVIII века на территории современного Кыргызстана, когда вновь явственно

идет формирование предгосударственных политических структур в виде то и дело возникавших объединений, возглавляемых лидерами, носящими титул ханов.

И третий вопрос — кыргызский народ и кыргызская государственность в системе евразийской степной зоны. Формирование государственности, связанное с переходом к степному образу жизни, было важнейшим феноменом мировой истории и культуры. Кыргызы, как и другие народы, были одним из активных субъектов этого феномена. Я не сторонник привлечения для степной зоны терминологии, созданной при изучении государств в областях традиционной оседлости древневосточного типа. Если говорить о степной зоне Евразии, то здесь культурно и социо-политически явно выделяются три эпохи. Первая — это время колесничих степной зоны с доминантой военно-аристократического пути политогенеза. Это было время ранних комплексных обществ. Вторая эпоха, прозорливо названная ленинградским ученым М. П. Грязновым эпохой ранних кочевников, явление того же порядка, что и время древневосточных государств. Социологически ее можно трактовать как время военно-аристократической государственности. Наконец, третья эпоха кочевых империй начинается с державы хунну и древнетюркского каганата. Пиком этой эпохи была сверхдержава Чингизхана, после чего в степной зоне Евразии развитие идет гомеостатично.

И, наконец, четвертый вопрос. *Активное рассмотрение проблем кыргызской государственности*, когда в Киргизии были проведены многочисленные научные конференции, в том числе две международные с публикацией фундаментальных сборников, не является изолированным явлением. Эту часть интеллектуального прогресса, характерного для независимого Кыргызстана, можно назвать эпохой Акаева. Это время повышения интеллектуальной активности со множеством проявлений от открытий новых высших учебных заведений, до скульптурных памятников и ансамблей.

Необходимо с этой стартовой площадки развернуть формирование национальной науки в соответствии с современными стандартами, в тесном сотрудничестве с соседями по СНГ, и в первую очередь, с российской наукой и ее мощным петербургским центром мирового востоковедения.

В. М. Массон
Академик

ПОЛИТОГЕНЕЗ И РИТМЫ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

О ВЕКТОРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Космос культурного наследия, формирующийся в процессе исторического развития этноса, включает в себя понятие *политической культуры*, являющейся неотъемлемой частью общей культуры социума. С этой точки зрения политическая культура отражает, с одной стороны, комплекс собственных, локальных традиций социумного характера — традиций политической жизни; с другой стороны, политическая культура, как динамичная система, является результатом взаимодействия культур различных народов.

В современных условиях это качество динамичности усиливается и понимается как некая тенденция *глобализации политической культуры*. Иными словами, в процессе развития мировой культуры главным вектором исторического движения является вектор взаимодействия.

Для политической культуры формы взаимодействия могут быть различными — подражание, прямое заимствование, трансформация элементов, усвоение ценностей и мн. др. Естественно, эти процессы во многих случаях проходят селективно. Как отмечает академик В. М. Массон, такого рода взаимодействия *«могли идти на политическом уровне с использованием структур и форм, уже выработанных соседними государствами, и на идеологическом уровне, через распространение верований или полностью религиозных систем, порой, как и культура в целом,*

адаптирующихся в отдельных компонентах местной среды». Кроме того, есть все основания говорить о ритмах исторического развития, в том числе и ритмах политогенеза, когда периоды подъема и расцвета сменяются состоянием стагнации и даже неким возвратным движением.

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Исходя из вышеуказанного, есть основания уделить внимание рассмотрению основных периодов подъема и спада кыргызской государственности — в том числе на основе идей В. М. Массона о «*пульсирующей ритмичности*» как реальной антитезе эволюционистским воззрениям (особенно четко выраженным в формационном эволюционизме), поскольку в политогенезе, этногенезе и культурогенезе, как пишет В. М. Массон, налицо смена периодов подъема, расцвета и стагнации. Рассмотрим в последовательности проблемы политогенеза, затем этногенеза, культурогенеза на базе пяти периодов развития кыргызской государственности, предложенных академиком В. М. Плоских: *древнекиргизская государственность до нашей эры; тюркский период — государственность енисейских кыргызов, государство Барсбека, государство Караханидов; период безгосударственности XIV–XX вв.; государственность советского периода; период суверенного демократического государства.* Причем, сделать это целесообразно с учетом мнения В. М. Массона о возможности «*использования структур и форм, уже выработанных соседними государствами*», а также того факта, что взаимодействие могло идти на идеологическом уровне, через распространение верований, религиозных учений или атеистических систем. В этом случае можно было бы предложить следующую

периодизацию: 1) мировоззрение древних кыргызов до нашей эры; 2) распространение и господство ислама; 3) период создания эпоса «Манас», отразившего формирование кыргызов как самоидентифицирующегося этноса; 4) распространение и господство марксистской системы мировоззрения; 5) распространение и утверждение демократической системы мировоззрения (следует отметить, что здесь также соблюдается строгая логическая линия — политогенез, этногенез и культурогенез).

ХРОНОГРАММА КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Рассмотрим некую хронограмму политогенеза с позиций формирования истории кыргызской государственности.

Первый период — фаза подъема. Древнекыргызская государственность до н. э., конец III — середина I веков до н. э. По свидетельству древнекитайских историков Сыма Цяня и Бань Гу, кыргызы имели свои владения — «царство Гэгунь» (кыргызов). В мае 2003 года китайские исследователи М. Омурбай и М. Мамбетакун привезли в Бишкек копии документов, отражающих историю кыргызов, — страницу из «26 летописей «Китайской исторической хроники», в частности, «Исторические записки» Сыма Цяня (Хуннская генеалогия 50-й свиток, 2215), где говорится, что хуннский правитель *«позже на севере покорила такие государства как Хунро, Кутча, Динлин, Кыргыз, Сэнле. Этим хуннские вельможи были удовлетворены и даровали Бодуну (Модуну) Тенир-куту имя — Бильге»* (Здесь подчеркнем, что в тексте используются два понятия — *государство и кыргыз*). К сожалению, в тексте нет указания на какие-то особенности кыргызского государства. Затем, видимо, в истории кыргызов был спад, поскольку нет конкретных сведений о государстве и народе.

Второй период подъема, или тюркский период, в значительной степени нашедший отражение в орхоно-енисейских надписях.

Орхоно-енисейские надписи — памятники древнетюркского письма, впервые открыты в 1721–1722 годах *Д. Г. Мессершмидтом*, состоявшим на службе императора Петра I, и сопровождавшим его пленным шведским офицером *Ф. Табертом (Страленбергом)*. Из-за внешнего сходства со скандинавскими рунами надписи называли руническими; древнетюркское руническое письмо имеет 38 знаков. На территории Монголии, Южной Сибири, Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа; в современном Кыргызстане рунические памятники обнаруживались в 1896–1998 годах, дешифрованы М. Е. Массоном и С. Е. Маловым, С. Г. Кляшторным. Орхоно-енисейские надписи, несомненно, отражают существенные компоненты древнего мировоззрения кыргызов, являются важным типом исторических источников, описывающих завоевания, династии, дающих представление о кочевом менталитете. Это особенно характерно для «большой» и «малой» надписей в честь тюркских каганов *Культегина*, *Бильге-кагана*, полководца восточно-тюркского каганата *Тоньюкука*.

Обычно выделяется несколько этапов тюркского периода:

1. VI–VII вв. В рунических текстах сообщается, что у енисейских кыргызов было государство, во главе которого стоял «ажо». Понятием ажо обозначался высший титул власти, отличительным знаком *ажо* было знамя, которое устанавливалось около его резиденции. Государственная структура: деление на шесть ступеней, наличие «управленческой» элиты, осуществлявшей судебную, финансовую и др. деятельность как служебные обязанности. Во главе войск — также высшие чиновники.
2. В период второго тюркского каганата в конце VII века на историческую арену выходит кыргызское государство во главе с Барс-бегом, имевшим тронный титул *Ынанчу*

Алп Бильге. В тюркских надписях в честь Кюль-Тегина впервые называется имя кыргызского кагана: «...был Барс-бег. Это мы дали ему титул кагана...» В этом же тексте указывается о месте гибели Барс-бега: Черни Сунга.

3. Структура государства кыргызов в IX—X веках усложняется. Ажо стоял во главе администрации и военных сил, подчиняя непосредственно себе три бэя и иерархию чиновников, которая подразделялась на шесть разрядов. Данная структура практически подтверждает тезис В. М. Массона о том, что *«в процессах политогенеза шло развитие явлений и структур, ставших основой государства как социополитической системы»*. Этот период исследователь рассматривает как период развития государственности, утверждая, что *«из двух основных направленностей путей политогенеза, организационно-управленческого и военно-аристократического в степной зоне налицо безусловная доминанта последнего»*. Кроме того, подтверждается вывод В. М. Массона о том, что *«необходимость налаживания управленческой структуры, прежде всего для сбора дани ведет к усилению организационной функции управленческой группы. Для этого используются прямые заимствования бюрократических традиций оседлых государств, прежде всего Китая»*.
4. В средневековье возникло государственное образование, названное академиком В. В. Бартольдом *«кыргызским великодержавием»*. Срок жизни этой державы был непродолжительным, хотя, как отмечает проф. Ю. С. Худяков, *«это был звездный час кыргызской истории, время поразительных успехов кыргызского оружия в длительной войне с уйгурами, эпоха, когда кыргызы смогли покорить обширные просторы степной Азии. Благодаря этому периоду своей истории кыргызы оставили о себе память у современников, представителей*

различных народов средневековья, а их исторические деяния привлекают постоянное внимание позднейших историков».

Кроме того, следует особо подчеркнуть значение принципиального вывода В. М. Массона о том, что *«кыргызское великодержавие по своим параметрам аналогично структурам, нашедшим политическое воплощение в кочевых империях».* Эта эпоха — важная веха в процессе консолидации кыргызского народа.

Третий период назван В. М. Плоских периодом безгосударственности (XIV—XX вв.). Касаясь проблем кыргызского великодержавия, В. М. Массон отмечает, что после этого периода последовали века рассредоточенности. Второй цикл консолидации, по его мнению, начинается на Тянь-Шане, в XV—XVI веках. В полной мере это касается и процессов политогенеза. Не менее важным в методологическом плане является вывод о том, что *«политическая мозаичность позднесредневекового Кыргызстана, с многочисленными локальными подразделениями, возглавляемыми биями, рисует начало нового пути политической консолидации и централизации».*

Как отмечает В. М. Плоских, кыргызы, заняв Ала-Тоо в конце XV — начале XVI веков, целиком воспроизвели в целях консолидации древнетюркскую военно-административную (государственную и социальную) структуру: два крыла племен — **онг** (правое, восточное) и сол (левое, западное) — и группы **ичкилик** с твердой фиксацией родоплеменных объединений в каждом из них. Общество стало, в основном, двухступенчатым: элита (баи, манапы, датхи) и народ. Вместе с тем, исследователи приходят к выводу, что кыргызы, восприняв институты древнетюркской государственности, не смогли восстановить механизм верховной власти кагана и, следовательно, не смогли со-

здать собственного государства в структурах, традиционно адекватных его прошлому.

Даже в XIX веке кыргызы, имея таких выдающихся лидеров-государственников, как Боромбай, Ормон, Шабдан, Алымбек, Курманджан датка и многих других, не смогли создать государственность.

Четвертый период – советский. Как отмечает Президент Кыргызской Республики А. А. Акаев в своей книге «Кыргызская государственность и народный эпос «Манас»: *«День 14 октября 1924 года стал памятным в нашей истории. В этот день 11-я сессия ВЦИК СССР утвердила постановление ЦИК Туркестанской АССР о национальном размежевании и об образовании Кара-Киргизской автономной области в составе РСФСР. Считаю исключительно важным подчеркнуть принцип национального размежевания: «в составе РСФСР». Произошла реал-лизация наиболее благоприятного для нас варианта... Историческое значение этого акта состоит в том, что он и последующие действия по развитию кыргызской государственности послужили правовой основой провозглашения без политических осложнений – полного суверенитета и самостоятельности Кыргызстана через 67 лет – в августе 1991 года».*

Пятый – демократический период: современная эпоха обретения полного политического суверенитета (1991), формирования экономической самостоятельности в процессе полноправного вхождения Кыргызстана в мировое сообщество.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЯНЬ-ШАНЕ

О ДРЕВНИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ КОЧЕВНИКОВ

На протяжении своего длительного господства в Евразии в I тысячелетии до н. э. древние кочевники, к которым историки относят скифов, киммерийцев, савроматов, саков, усуней, гуннов и других, не раз создавали различные государственные объединения, иногда стабильные, и существовавшие длительное время, чаще «кратковременные», но всегда аморфные, структурно рыхлые.

Ученые не раз ставили ключевые вопросы, определяющие характер древнекочевнических государств. Таких вопроса два: 1) Возможно ли вообще возникновение государственности на кочевой основе? 2) Если возможно, то какие социально-экономические отношения господствовали в таких государствах?

На первый вопрос ответ очевиден: такие государства возникали, но возникали только при весьма схожих обстоятельствах. Как правило, кочевники быстро объединялись под властью удачливого вождя для завоевательных походов или для отражения внешней опасности. Такие государства могли существовать сравнительно долго, если подчиняли себе земледельческие области и частично интегрировались в них. То есть, перефразируя известный афоризм, «можно создать государство, сидя на коне, но нельзя им управлять в том же положении». Например, средне-азиатские кочевники, сгруппировавшиеся за Сырдарьей (Нарыном), напали на сильное и культурное Греко-Бактрийское государство,

возникшее на развалинах державы Александра Македонского. В этом случае кочевники были не только разрушителями, но и созидателями — они создали великую Кушанскую империю. Но созидателями они стали после того, когда значительная их часть осела на землю и их знать слилась с греко-бактрийской аристократией.

Второй вопрос более сложен, так как социально-экономические отношения у кочевников практически были однотипными или очень близкими на протяжении почти трех тысячелетий и мало изменились вплоть до наших дней. Освоение огромных пустынных, горных и степных пространств и вовлечение их в сферу производящей экономики было по плечу только кочевникам. До недавних времен кочевое скотоводство являлось эффективным способом их хозяйственной деятельности. Однако кочевое хозяйство вело к экономическому и социальному застою. Пределом внутреннего развития кочевников являются раннеклассовые или патриархально-феодалные отношения, консервировавшие развитие общества. Практика истории показывает лишь один выход из этого социального застоя; переход к оседлому земледелию и комплексному хозяйству, в котором может, как составная часть, существовать и традиционное, близкое психологическому складу народа отгонно-пастбищное скотоводство.

Только в таких условиях стало возможным возрождение, в частности, казахской, туркменской, кыргызской государственности.

ПЕРВЫЕ РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ САКОВ

В начале I тысячелетия до н. э. на основе конгломерата племен эпохи бронзы выросла новая этническая общность — саки. Эта этническая трансформация сопровождалась

становлением и развитием нового способа хозяйствования — кочевого скотоводства и созданием крупных племенных объединений. На территории Средней Азии¹ и Тянь-Шаня в VI—V вв. до н. э., судя по античным письменным источникам, обитали две крупные конфедерации племен: саки — тиграхауда (по персидским источникам), они же саки — ортокорибантии (по древнегреческим) и саки — хамаварга (по персидским), они же саки-амюргии (по древнегреческим источникам). Первые занимали территорию от Каспия до Алая, включая Таласскую, Чуйскую, Иссык-Кульскую долины и Центральный Тянь-Шань; вторые обитали в горных районах от Гиндукуша до Восточного Туркестана, включая Алай и Фергану.

Во главе сакского общества стояли «цари» или «царицы». Женщины занимали у саков высокое положение. Они, по словам современников, «были отважными и помогали мужьям своим в военных опасностях».

Одной из сакских воительниц-цариц была Томирис. Геродот пишет: «Царицей массагетов (так называли греки саков, живущих на севере Кыргызстана — Ред.) была супруга покойного царя. Звали ее Томирис...»

Летом 530 г. до н. э. персидский владыка, основатель династии Ахеменидов Кир II, опасаясь усиления сакских племен, решил, выискивая повод для нападения, через послов посвататься к вдове Томирис. Царица понимала, что персидскому владыке нужны обширные земли и богатства саков, а не жена... И Томирис отказала. Повод для войны был достаточным, и персидские войска вторглись в земли саков.

¹ Термины «Средняя Азия» и «Центральная Азия» употребляются в их географическом понятии. Современная политизированная терминология, когда Средняя Азия ни с того, ни с сего была названа Центральной, вносит только путаницу.

В борьбе с персами погиб сын Томирис — Спаргапис. Томирис отправила к царю посла с требованием покинуть страну и вернуть ей останки сына. Послание заканчивалось угрозой: «Если же ты не сделаешь этого, то клянусь тебе солнцем, владыкою массагетов, я напою тебя кровью, хоть ты и ненасытен». Кир II пренебрег угрозой. Вскоре в двух ожесточенных сражениях саки-тиграхауда наголову разбили персов.

Согласно другой версии, саки заманили персов в ущелье, где полностью уничтожили их двухсоттысячную армию. В сражении был убит и Кир II. Исход сражения решил отряд, возглавляемый самой Томирис. По преданию, записанному великим греческим историком Геродотом, Томирис погрузила голову Кира II в кожаный мешок, наполненный кровью, сказав при этом: «Я, как грозила, напою тебя кровью!»

Неудачный поход Кира II на саков-массагетов — первая точная дата в истории Средней Азии (в греческих источниках).

Чуть позже саки все же были подчинены его наследниками, в частности, Дарием I Гистаспом в 519–518 гг. до н. э. Но назначив вождем саков-тиграхауда верного ему человека из кочевников, Дарий покинул земли саков. Влияние древнего Ирана не распространилось на север от Сырдарьи. Саки Ала-Тоо, Таласа, Чу и Иссык-Куля, участвовавшие в борьбе с завоевателями, никогда не находились в зависимости от Ирана и не входили в состав Ахеменидской державы.

В тяжелой борьбе с Ахеменидским государством участвовали объединенные силы сакских племен Средней Азии, включая и тех, которые занимали территорию Тянь-Шаня. В ответ на мобилизацию всех сил Ахеменидов от Средиземного моря до Гиндукуша (у Кира II была двухсоттысячная армия) цари саков должны были сконцентрировать силы подвластных им кочевников от Тянь-Шаня до Каспийского

моря. Только так саки могли достойно встретить иноземных завоевателей.

В 329 г. до н. э. саки, обитавшие в Фергане, Ташкентском оазисе и на Тянь-Шане, сумели отстоять свою независимость в упорной борьбе с одним их величайших завоевателей в мировой истории — Александром Македонским. Очевидно, что если бы у саков не было государственной организации, вряд ли они могли противостоять могущественным державам древности.

Археологические материалы погребальных сооружений изученных на территории Кыргызстана и Казахстана, свидетельствуют о резкой имущественной дифференциации кочевого обществ (грандиозные курганы «царского типа» с различной богатой утварью и рядовые погребения).

Греческие и римские историки упоминают несколько социальных групп сакского общества. Верховными правителями саков были цари, обладавшие немалой властью. Они решали вопросы войны и мира, возглавляли войско, заключали союзы, отправляли посольства. Однако пределы их власти внутри сакского общества не совсем ясны. Возможно, она была деспотической — вплоть до распоряжения жизнью и смертью своих подданных. (Так, царица саков Зарина приказала убить своего мужа, и приказ этот был немедленно выполнен). Власть царя была наследственной.

Отдельными территориями или племенами правили сатрапы, которых назначал царь. Сатрапы, как правило, происходили из царского рода и опирались на «могущественных мужей», то есть военно-племенную аристократию. Основную массу народа саков составляли свободные рядовые скотоводы — кочевники. Рабство не было развитым институтом. Эта социальная категория формировалась исключительно из пленных, которые использовались для домашних работ.

Археологам удалось найти в Кыргызстане ряд предметов культа, предполагающих наличие культовых центров

в Прииссыккулье (с. Семеновка, Чельпек) и на Тянь-Шане (Кочкорка). В последние десятилетия в курганах саков (Казахстан, Тува, Афганистан) найдены ряд письменных памятников. Они до сих пор не дешифрованы. Но существует вполне обоснованная гипотеза, что письма эти принадлежали сакам.

Есть скудные сведения и о других атрибутах государственности у саков: фиксированные границы и собственная письменность. Так, царица Томирис, обращаясь к Киру II, предостерегла его от перехода пограничной реки. Тянь-Шаньские саки, вступившие в схватку с Александром Македонским, считали границей своих земель реку Сырдарью.

Таким образом, единство территории с фиксированными границами, расслоение населения на различные социальные группы, объединенные царской властью, государственные институты (гвардия, войско, сатрапы, дипломатия, культовые центры, зачатки собственной письменности) позволяют предполагать, что саки сумели создать самые первые раннегосударственные образования на территории Кыргызстана.

Они были знакомы с лучшими достижениями культуры своего времени и активно участвовали в важнейших событиях мировой истории (греко-персидские войны, походы в Вавилонию, Египет и т. д.).

Государство Усунь

Первоначально усунь кочевали по соседству с гуннами¹ и юэчжами у западной части Великой Китайской стены. Около 160 г. до н. э. часть усуней, разбив саков и юэчжей,

¹ По китайским источникам: сюнну.

переселилась на Тянь-Шань и в Семиречье. Образовалось новое государство, которое китайские хроники называли — «Усунь-го» («го» — государство)¹.

Правитель его имел титул кунбаг — «князь над племенами». Его ставкой был город *Чи-гу-чэн* (букв.: «Город красной долины»). Последние археологические работы, как на побережье Иссык-Куля, так и на дне озера, позволили ученым высказать гипотезу, что город Чигу находился на южном берегу Тюпского залива и сейчас еще остатки его находятся под волнами Иссык-Куля. На дне озера найдены бронзовые котлы, кинжалы, наконечники стрел, зернотерки, керамические сосуды, украшения, которые свидетельствуют, что город Чигу был основан еще саками, затем служил ставкой усуньского предводителя.

Усуни занимались преимущественно скотоводством, но не чурались и земледелия, имели оседлые поселения. Согласно китайским источникам, в государстве усуней насчитывалось около 630 тысяч жителей. В случае необходимости кунбаг мог выставить 180 тысяч воинов, что едва ли достоверно, реалистичнее другая, также приводимая источниками цифра — около 100 тысяч.

Со второй половины II в. до н. э. усунь были втянуты в сферу большой политики империи Хань, перед которой тогда стояли две важнейшие задачи: покончить с извечным врагом — гуннами, создавшими сильное государство в степях Центральной Азии, и установить контроль над Великим Шелковым путем вплоть до греко-бактрийских владений. «Ключ» для решения обеих задач находился в руках усуней. Поэтому в 109 г. до н. э. император Уди направил к усуням посольство с богатыми дарами и в знак признания силы усуньского государства выдал за кунбага одну из китайских принцесс. В составе посольства был

¹ Обычно кочевые объединения китайцы называли «буцзу», т. е. племена.

и китайский дипломат Чжан Цянь, оставивший описание жизни и быта усуней и стоявший у истоков открытия Великого Шелкового пути через Тянь-Шань.

С верховными правителями усуней и представителями их домов роднились сильные ханы гуннов. Сын одного из усуньских кунбагов был женат на дочери восточно-туркестанского владетеля. Некоторые мелкие владетели Восточного Туркестана и Алая признавали (и почитали это благом) покровительство могущественных кунбагов.

Государство усуней занимало всю территорию Тянь-Шаня и Семиречья. На востоке границы его достигали Иртыша, на западе — Таласа, на юге — Ферганского хребта, на севере усуня расселялись почти до Балхаша. Есть основание считать, что государственная организация усуней напоминала более позднюю тюркскую, то есть существовало деление на два крыла. Кроме Китая, усуня имели дипломатические связи с владыками государств Давань и Кангюй (причем, в последнем послов усуней «сажали» выше послов Китая).

Государство усуней представляло собой раннеклассовое образование с сильными пережитками родовой организации. Власть кунбага была наследственной, верховный правитель опирался на совет старейшин. В государственном аппарате насчитывалось не менее 16 чиновников. Самые богатые владели табунами лошадей в 4—5 тыс. голов. Основными производителями являлись свободные общинники, но были и рабы. Имели место многоженство и левират.

Заключение династических браков усуньских кунбагов с принцессами как империи Хань, так и державы гуннов, привело со временем к образованию двух постоянно соперничающих между собой ветвей и династий кунбагов — «ханьской» и «гуннской». В начале I в. до н. э. во главе государства усуней стал кунбаг «ханьской» ветви Унгуymi, принявший тронное имя Фейван. Действуя в контакте со 150-тысячной китайской армией, усуня в 71 г. до н. э.

нанесли гуннам сокрушительное поражение, захватив 40 тыс. пленных и до 700 тыс. голов скота).

Начался период наибольшего могущества государства усуней. Гунны уже не могли оправиться, ранее могучая держава погибала. Но и усунь в лице Китая приобрели не столько союзника, сколько соперника, которому уже не нужен был сильный сосед. Ханьский двор организовывал династийные распри в государстве усуней, а затем вмешивался, поддерживая то одного, то другого претендента на власть и, в конце концов, присвоил себе право назначать и смещать кунбагов, жаловать титулами и полномочиями усуньскую знать, раздавая им государственные печати. Межплеменные усобицы, умело разжигаемые китайцами, привели к ослаблению государства усуней. Его влияние на дела государств Центральной Азии падает. Последнее упоминание в источниках об усунях датируется 437 г. до н. э., когда они направляли очередное посольство в Китай. В середине VI в. усунь вошли в состав Тюркского каганата.

ДРЕВНЕФЕРГАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО ДАВАНЬ

Одновременно со скотоводческими племенными объединениями и государствами Тянь-Шаня в Ферганской долине во второй половине I тыс. до н. э. существовала развитая оседло-земледельческая культура. На этой основе здесь и возникло рабовладельческое государство, известное со II в. до н. э. по китайским источникам под названием Давань. Правил им династия местных царей и совет старейшин из знати. Совет выбирал и смещал (а иногда и приговаривали к смерти) царя, решал вопросы войны и мира, установления и разрыва дипломатических отношений. Решения совета старейшин были обязательны и для правителей отдельных городов. Опорой государства была

масса свободных сельских общинников. В случае войны из них набиралось ополчение численностью до 60 тысяч человек, вооруженное сложносоставленными луками и копьями. В хозяйстве применялся труд рабов, однако рабовладельческие отношения не стали господствующими, так как преобладающую роль в производстве играла сельская община.

Это было сильное государство с высокоразвитым хозяйством. Его основу составляло поливное земледелие: возделывались рис, пшеница, виноград, хлопок, люцерна. Выращивались высокопородные скакуны, которые славились далеко за пределами Ферганы. Конь обожествлялся. Его изображениям поклонялось все население Давани. Золотая скульптура коня стояла во дворце царя. Изображение «небесных коней» до сих пор можно видеть на скалах, что вблизи г. Оша и с. Араван. В Фергане существовало до 70 больших и малых городов, столицей был г. Эрши (развалины у совр. с. Мархамат). Жило в городах до 300 тыс. человек, разговаривали даваньцы на одном из восточно-иранских диалектов, по внешнему виду были европеоидными.

Ханьский император Уди (140–87 гг. до н. э.), стремясь контролировать Великий Шелковый путь, предпринял попытку завоевать Давань. Первый поход — в 103 г. до н. э. — был неудачным для китайцев. В 101 г. до н. э. он отправил в Фергану вторую, более мощную, армию во главе с полководцем Ли Гуанли, которая осадила столицу Эрши. В результате внутренних интриг царь даваньцев Мугуа был убит, а старейшины запросили мира. Получив дань чистокровными аргмаками и, посадив на даваньский престол прокитайски настроенного вельможу Моцяя, ханьские войска возвратились в Китай. Вскоре, однако, Давань вновь обрела независимость, прежняя династия была восстановлена на троне.

В V в. Фергана вошла в состав государства эфталитов, а в середине VI в. ее подчинили тюрки.

²³ Том X. В. М. Плоских

ГОСУДАРСТВО КАНГЮЙ

Еще в древнейших книгах «Авеста» и «Махабхарата» говорится о стране Кангха, или Канка, населенной народом по имени «канки», которые то дружили, то воевали с народом саков. Китайские хроники упоминают страну Кангюй, которая была расположена где-то в Средней Азии западнее Давани (Фергана). Во главе государства был «великий владетель», которому на правах вассалитета подчинялись пять «малых владений»: Сусе, Фуму, Юени, Ги, Юегянь. Столицей государства был город Битянь. Историки не раз пытались идентифицировать указанные малые владения с историческими областями Средней Азии и Казахстана, но убедительных и бесспорных отождествлений пока не представлено. Спорно также и определение земель самого государства Кангюй. Долгое время считалось, что Кангюй — это древний Хорезм. Более убедительно мнение, основанное на изучении древнетюркских рунических памятников, где упомянута страна Кангю-Тарбан, или Кангю-Тарбанд, которая отождествляется с территорией по средней Сырдарье ниже Ташкента.

Окончательно точку в вопросе об идентификации страны поставили археологи, доказав, что жители Кангюя были творцами археологических джетыясарской, каунчинской и отрарско-каратауской культур. Эти культуры отмечены на средней Сырдарье, по течению р. Арысь, севернее и южнее хребта Кара-Тау, включая, что важно для нас, верхнее течение р. Талас и, возможно, р. Чаткал.

Жители Кангюя занимались поливным земледелием и скотоводством. Здесь много поселений, обнесенных стенами, насчитывавших десятки глинобитных домов. Торговля, судя по археологическим находкам, велась со странами Средней Азии, Закавказья, с далекими Римом и Китаем. Во II—I вв. до н. э. выпускается собственная монета. Использовались в торговле и монеты хорезмского чекана.

На рубеже новой эры государство Кангюй имело 600 тыс. человек населения и могло выставить 120-тысячное войско, т. е. было равно по силам с государством усуней. Во II в. до н. э. во время ханьской экспансии государство Кангюй всеми своими силами заняло угрожающее положение по отношению к армии Ли Гуанли, но в военные действия не вмешалось. В середине VI в. Кангюй вошел в состав Тюркского каганата.

Таким образом, возникновение государственности на территории Кыргызстана относится к I тыс. до н. э. Этот институт зародился здесь позже, чем в Египте, Двуречье, Индии и Китае. Но гораздо раньше, чем в Восточной Европе, не говоря уже о других регионах. Он ощутимо функционировал здесь во времена Ахеменидского государства в Иране и расцвета греческих полисов на юге Балкан. Это было раннеклассовое государственное образование. Несмотря на наличие рабов, государство (в отличие от Давани) нельзя рассматривать как рабовладельческое. Государственный аппарат принуждения и его администрация сменяли институты родоправления, но нередко выступали в их обличии, приспособливаясь к изменившейся ситуации.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАСЦВЕТ И ГИБЕЛЬ ДРЕВНЕКЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

О ГЕНЕЗИСЕ ПРОТОТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Во II—I тыс. до н. э. на огромной территории Южной Сибири, Монголии, Маньчжурии и других северных провинций Китая постепенно сформировались пратюрко-монгольские и пратунгусо-маньчжурская языковые общности. Внутри пратюрко-монгольской общности с середины I тыс. до н. э. началось сложение прототюркских и протомонгольских языков. Племена — носители прототюркских языков консолидировались в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордоса, а племена — носители протомонгольских языков — в Северной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии.

В VII — VI в. до н. э. китайцы уже улавливают этническую разницу между ними и называют их «жуны» и «дунху». Кто из них были прототюрками, а кто протомонголами, можно только догадываться, т. к. китайцы их этнографический облик почти не различали. Правда, некоторые современные исследователи считают дунху протомонголами того времени (тогда жуны — прототюрки?). «Отец китайской истории» Сыма Цянь не видел существенной разницы между ними, хотя и дал яркое описание жизни дунху и жунов, постоянно отмечая, что «обыкновения» у них схожие: «Искусны в конной стрельбе из лука; занимаются ловлей зверей и птиц. Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде; постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих

выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами; наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... Войну ставят важным делом... По воровству и убийству, между прочим, дозволено селениям самим делать возмездие, а не доводить жалоб до старейшин». Трудно более выразительно изобразить картину родоплеменного общества.

Какие-то, еще не совсем ясные изменения в плане развития атрибутов государственности происходят в V—III вв. до н. э. в обществе дунху. Историк сообщает, что в это время дунху «достигли расцвета и у них появился единый правитель. Это уже был большой шаг вперед в развитии государственных институтов в ущерб родовым. В начале эпохи воюющих царств (403—22 г. до н. э.) китайские историки впервые называют «сюнну» (гуннов) среди врагов Китая.

И с этого времени в китайских хрониках все северные народы делятся на три большие этнические группы — сюнну (гунны), дунху и суньень, что соответствует в основном принятым в настоящее время в науке делениям этих же народов на тюркоязычные, монголоязычные и тунгусоязычные.

Таким образом, примерно в IV в. до н. э. сложилась первая известная нам тюркоязычная этническая общность, имя которой сюнну (гунны). В VII—V вв. до н. э. их предки жили к востоку и юго-востоку от нынешней Монголии в степных и лесостепных районах Маньчжурии и частично во Внутренней Монголии. Здесь, скорее всего, и была территория формирования первых тюркоязычных ярковыраженных монголоидных племен — носителей прототюркского

языка, которые в IV—III вв. до н. э., сместившись к западу и овладев пространствами между Забайкальем и Ордосом (излучина р. Хуанхе), стали известны под именем гуннов. Эта территория и стала местом, где возникла древнейшая кочевая империя, традиции которой в значительной мере наследовали все последующие (Сяньбийская, Тюркская, Уйгурская, Кыргызская, Монгольская, Джунгарская) империи. В границах этой империи и в связи с событиями в ней стало известным и древнейшее государственное образование кыргызов и само название народа «кыргыз». Именно через гуннскую державу кыргызы усвоили основополагающие принципы государственности.

РОЖДЕНИЕ ГУННСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Возвышение гуннов связано с именем хана Модэ (Маодуня), как называли его древние китайцы. Тюркские народы в своих преданиях всегда величали его Огуз-ханом. Самая древняя, записанная китайским историком Сыма Цанем, легенда рассказывает о нем следующее:

«...Шаньюй (верховный вождь) гуннов Тоумань имел двух сыновей от разных жен. Старший был силен и ловок, отличался умом и энергией, но любимым был младший. Чтобы сделать его сном наследником, Тоумань решил пожертвовать старшим сыном и отправил его заложником к сильным соседним племенам. И не успел его сын Маодунь обосноваться на новом месте, как по приказу коварного отца отряды гуннов напали на кочевье соседей. По степному праву, соседи должны были зарезать Маодуня, но джигит не погиб. Он украл скакуна и бежал к своим. Все племя гуннов было в восторге от удачливости смелого юноши. Отец, считаясь с настроением народа, вынужден был выделить сыну-герою в управление 10 тысяч семейств и отряд конницы. Маодунь потребовал от своих воинов

только одного: всем стрелять исключительно туда, куда он направит свою стрелу — «свистунку». (У всадника — гунна всегда было несколько стрел, у которых ниже острия крепился костяной шарик со сквозным отверстием, издающий душераздирающий свист при полете. Сотни одновременно выпущенных «свистунок» сеяли панику в рядах врагов и пугали их коней. Случай с Маодунем показывает и иное назначение «свистунок»: сосредоточить «большую плотность поражения» в направлении, указанном командиром). Неожиданно Маодунь пустил стрелу в своего чудесного коня. Некоторые воины сочли это ошибкой и не стали стрелять. Всем им по приказу Маодуня тут же отрубили головы. Через некоторое время Маодунь пустил стрелу в свою жену. И опять полетели головы, но теперь ослушников было уже немного. Однажды на охоте «свистунка» полетела в любимого коня отца Маодуня. На этот раз никто не дрогнул. Маодунь добился своего: сумел воспитать воинов, которые бездумно и беспрекословно выполняли все его приказы. Опираясь на них, можно было сделать многое. И Маодунь решил: при случае он пустил свою стрелу в отца, и Тоумань, пронзенный сотнями смертоносных стрел, умер раньше, чем понял, что в коварстве сын превзошел его самого. Не мешкая, Маодунь тут же казнил своих брата, мачеху, приближенных отца и стал шаньюем (правил: 209—174 гг. до н. э.).

...Правитель дунху решил, что смена шаньюя ослабила гуннов и, выискивая повод для схватки, потребовал от Маодуня мелких, унижительных уступок: отдать то лучшего жеребца, то красавицу жену. Маодунь уступил, чем усыпил бдительность дунху. Тогда они потребовали уступить пограничную территорию, каменистую и безводную. Старейшины, опасаясь войны, склонны были отдать землю, что вызвало гнев Маодуня: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее?!» — возмутился он. И вновь полетели головы, теперь тех, кто не угадал ход мыслей

деспота. Затем Маодунь объявил общий сбор войск, приказав при этом рубить головы всем опоздавшим, внезапно напал на дунху и разгромил их. (Эти события китайская история относит к 209 г.).

...С тех пор Маодунь не слезал с коня. Ему удалось объединить 24 гуннских народа и создать мощную степную державу. За короткое время у него появилось также боеспособное войско, насчитывающее до 300 тысяч человек. Китай был вынужден заключать с гуннами унижительный мир (200 г. до н. э.). Гунны подчинили почти всех степняков и ввязались в длительную и упорную войну с юэжжами (сакскими ираноязычными кочевниками). Война длилась больше четверти века и завершилась лишь при наследнике Маодуня — шаньюе Лаошане (174–161 г. до н. э.) полным разгромом последних и изгнанием их далеко на запад».

Западная граница гуннов была в Восточном Туркестане, где они не раз сражались с китайцами и усунями за власть над богатыми оазисами бассейна р. Тарим. Таким образом, в конце III в. — середине II в. до н. э. возникла первая кочевая империя в Центральной Азии, занимавшая огромную территорию, населенную различными кочевыми и оседлыми народами, которые говорили на тюркских, монгольских и иранских языках и зачастую превосходили гуннов в своем культурном развитии.

Сейчас трудно с достаточной полнотой реконструировать социальное и государственное устройство гуннов. Но известно, что на самом верху общества гуннов стояли четыре аристократических рода, связанных между собой матримониальными отношениями, когда мужчина любого из этих родов мог брать жен только из трех других. Глава государства мог быть только из одного — царского рода Люанди, самого знатного из четырех аристократических. На низшей ступени в гуннском государстве находились покоренные племена. С ними, как правило, не церемонились. Так, с покоренных дунху брали постоянную дань тканями,

овчиной, кожами. Если дань задерживалась, то гунны казнили родовых старейшин, у должника отнимали жен и детей, требуя высокий выкуп за их освобождение или продавали их в рабство. Рабами становились и все пленники-инородцы, либо гунны, совершившие преступления. Рабов использовали на сельскохозяйственных работах, строительстве укреплений, дорог, каналов, на горнорудных и различных ремесленных промыслах.

Держава гуннов в условиях постоянных войн с соседями, в которых верховные вожди — шаньюи стремились достичь господства над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками), и превосходства над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над земледельцами), могла существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных началах.

Власть шаньюя, стоящего во главе государства, была строго обусловлена происхождением и освящена божественным авторитетом. Его официальный титул: «Небом и землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Подобно китайским императорам, шаньюй считался «Сыном Неба». В шаньюй, как глава государства мог:

- распоряжаться всеми землями государства;
- объявлять войны и заключать мир;
- командовать всеми военными силами;
- осуществлять все внешние сношения государства.

Он являлся верховным судьей с правом казнить и миловать всех подданных, а также был верховным жрецом.

Шаньюя окружали многочисленные мудрецы, советники и военачальники, однако решающее слово он всегда оставлял за собой, даже если его мнение шло вразрез с мнением большинства.

Существовало военно-административное деление кочевого государства на «два крыла». Их возглавляли высшие

после шаньюя люди в государстве — «левый» и «правый» (т. е. западный и восточный) «мудрые князья». Как правило, это были сыновья или родственники шаньюя. «Мудрым князьям» подчинялись 24 высших начальника, каждый из которых командовал десятью тысячами всадников. Их назначал сам шаньюй и тоже из своей родни. В пределах своих владений каждый из этих начальников сам назначал тысячников, сотников и десятников. Все мужчины с детства и до смерти знали, в какой десяток, сотню и тысячу они входят. Уклонение от войны каралось смертью.

Трижды в год вся административная верхушка, т. е. выходцы из четырех знатных родов и родственники шаньюя, съезжались в орду (ставку) шаньюя для принесения жертвы предкам и богам и решения важных дел. Кроме того, знать обязательно должна была осенью являться в орду «для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Осенний сбор, очевидно, был связан с налоговым обложением. Систематическое взыскание налогов было введено еще Лаошань-шаньюем, но о размерах и характере налогообложения сведений нет.

Как видим, правящий слой государства сложился из родоплеменной знати, которая продолжала сохранять родоплеменные структуры, выступая «естественными» вождями, кровно связанными с самыми захудалыми подданными. С одной стороны, такая система цементировала общество, с другой — приводила к застою и деградации. Эта система надолго пережила своих создателей. Ее с небольшими изменениями унаследовали все кочевые империи Центральной Азии.

ДРЕВНЕЕ ВЛАДЕНИЕ КЫРГЫЗ

В державе гуннов начали свое развитие многие родственные народы тюркского происхождения. Источники предельно скупо информируют нас о древнейшем государстве кыргызов. Автор знаменитого труда по истории Китая «Ши цзи» («Исторические записи»), состоящего из 130 глав, человек энциклопедических знаний, главный историограф Ханьского двора Сымя Цянь (145/135 — ок. 86 г. до н. э.), где-то между сюжетами о ратном мастерстве гуннов и о политическом состоянии империи Хань, описанными с завидной полнотой, коротко упомянул: «Впоследствии на севере они (гунны. — *Ред.*) покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь (разрядка наша. — *Ред.*) и Цайли». Это событие отнесено к 201 г. до н. э. Вот и все. Больше никаких сведений о «Владении Гэгунь», относящихся к III в. до н. э., нет, и, учитывая высокий уровень изученности китайских хроник русскими и европейскими учеными, едва ли будут.

Тем не менее, это предельно краткое сообщение уже дало достаточно информации, которая прочно вошла в науку. Во-первых, ученые установили, что китайский иероглиф, который читается «Гэгунь» (есть вариант «Гяньгунь»), точно передает слово «Кыргыз». Исходя из этого, академик В. В. Бартольд назвал кыргызов одним из древнейших народов в Средней Азии. Во-вторых, из лаконичного сообщения «Ши цзи», вспомнив, что гуннская держава Маодуня возникла в 209 г. до н. э., мы вправе сделать вывод, что и «Владение Кыргыз» образовалось примерно в то же время, может быть чуть раньше или немногим позже. Подобных владений кочевые народы Центральной Азии до завоевания гуннами создали не менее пяти. Отсюда следующий вывод: процессы образования тюркской государственности не были моноцентричны и не ограничивались только державой гуннов. Вне этноса гуннов протекали

параллельные процессы государственного генезиса и у других тюркоязычных народов, которые сумели организовать свои, отнюдь не эфемерные, государственные образования, раз они стали известны в далеком Китае и вошли в его официальные исторические сочинения.

Упомянутые государства, естественно, отличались от современных. Они находились на ранней стадии становления, но обладали уже основными институтами государственности. Во-первых, имелся народ, осознающий свою этническую общность, менталитет, язык и культуру. Во-вторых, имелся правитель, вождь или государь. В-третьих, имелись властные структуры управления и подчинения. Имелась армия, собирались налоги, осуществлялись внешние дипломатические связи.

Но, поскольку государства были кочевыми и народ в основном занимался скотоводческим хозяйством, границы их были расплывчатыми, не имели строго определенных рамок, хотя и осознавалась общность своей территории.

Правда, мы точно не знаем, где же находилось древнее кыргызское государство — «Владение Кыргыз»? Каковы его территория, примерные границы, природные условия. В. В. Бартольд полагал, что оно располагалось в районе оз. Кыргыз-Нур в Западной Монголии. Исходил он при этом из сообщения китайских источников, что «Владение Кыргыз» отстояло от ставки шаньюя гуннов на 7 тысяч ли к западу, и от государства Чехи — на 5 тысяч ли к северу. Однако В. В. Бартольд был в затруднении: какова была фактическая величина китайской меры длины ли во II в. до н. э.? Известно, что ли — величина непостоянная (в разное время менялась она от 0,3 до 0,5 км). А потом: от какой ставки шаньюя вести отсчет? Их было несколько. И какое государство Чехи находилось в 5 тысячах неизвестной длины ли к югу от «Владения Кыргыз»? Их было два — Восточное Чехи и Западное Чехи. В. В. Бартольда,

видимо, смутило так подходящее к случаю название озера в Монголии — Кыргыз-Нур.

Современные подсчеты, сделанные синологом Л. А. Боровковой, привели к неожиданным результатам: «Владение Кыргыз» в III в. до н. э. находилось не где-то на просторах Центральной Азии, а рядом с границей Кыргызской Республики — в Восточном Туркестане, севернее хребта Боро-Хоро и западнее пустыни Дзосотын-Элису.

Гунны, подчинив себе «Владение Кыргыз», видимо, со временем устранили коренную кыргызскую династию. В 99 г. до н. э. Изюйдихэу-шаньюй назначил правителем кыргызов пленного китайского полководца Ли Лина, который основал новую (и последнюю) царскую династию кыргызов. Так как, по мнению ряда ученых, эта династия правила кыргызами почти до начала XIII в., т. е. до нашествия Чингисхана, уделим внимание ее основателю.

Ли Лин происходил из аристократической китайской фамилии Ли, давшей древнему Китаю много видных государственных деятелей и полководцев (например, победитель Давани (Ферганы) — Ли Гуанли был близким родственником и современником Ли Лина).

В VII в. представитель этой фамилии полководец Ли Шиминь основал знаменитую династию Тан, при которой средневековый Китай достиг небывалого расцвета. Кстати, императоры Тан даже в IX в., т. е. спустя почти тысячу лет, признавали свое родство — через Ли Лина — с кыргызской правящей династией того времени.

В 99 г. до н. э. молодой и уже прославленный полководец Ли Лин с отрядом 5 тысяч человек глубоко вторгся в земли гуннов, но был окружен 30-тысячным корпусом вражеской конницы. Ли Лин смело вступил в схватку и нанес гуннам поражение, было убито до 10 тыс. гуннов. Тогда пришедшие на помощь гуннам 80 тысяч конников окружили сильно поредевший отряд китайцев. Ли Лин начал отступление

к границе, притом так искусно маневрировал и напал, что уничтожил еще до 3 тысяч гуннских воинов. Только когда китайцы остались без стрел и были плотно окружены конницей врага, во много раз превосходящей их измученный постоянными схватками и голодом отряд, Ли Лин сдался. Шаньюй, казалось бы, должен был растерзать строптивного китайца, сделавшего вдовами минимум тридцать тысяч женщин и осиротившего в 3–7 раз большее число детей в кочевьях. Но нет. В ту героическую эпоху становления варварских государств умели ценить храбрость и ратное мастерство. Шаньюй принял Ли Лина с почетом, женил на одной из своих дочерей и назначил правителем «Владения Кыргыз».

Ли Лин принял милости шаньюя. Надежды возвратиться на родину у него не было — там он был сурово осужден. Мало того, под надуманным предлогом обвинена в занятии волшебством и осуждена вся семья Ли. Большое число родственников нового правителя кыргызов было зарезано на столичном мосту. В ответ Ли Лин, выступив во главе кыргызской конницы в составе гуннских войск, в 90 г. до н. э. нанес поражение китайцам. Однако, связи с родиной Ли Лин, видимо, не терял. Известно, что он послал в подарок своему другу 10 драгоценных луков из рога цзяодуня — какого-то полумифического животного (кыргызские оружейники славились своим мастерством). Сын Ли Лина (внук шаньюя по матери) уже полностью адаптировался к жизни в степи. Он, опираясь на силы кыргызов, считал возможным даже вмешиваться в династические распри гуннов. Однажды, во время смуты, он возвел на престол одного из марионеточных шаньюев, что свидетельствует о значительном весе «Владения Кыргыз».

С древним «Владением Кыргыз» связан еще один трагический эпизод в истории Центральной Азии, завершившийся уже на современной территории Кыргызской Республики — на берегах р. Талас.

В середине I в. до н. э. в орде гуннов началась очередная смута. Шаньюями одновременно объявили себя Хуханье и его брат Чжичжи. Чжичжи, возглавивший северных гуннов в 49 г. до н. э., обосновался во «Владении Кыргыз», подчинил себе Тарбагатай, Алтай и Енисей. Хуханье принял протекторат Китая и значительно усилился. Чжичжи, втянув в свою авантюру кыргызов, был на пороге краха, усугубив свое положение убийством китайского посланника. Помог случай. Владетель Кангюя (средняя Сырдарья) был разбит усунями. Зная, что Чжичжи не раз вступал в схватки с усунями, кангюйцы пригласили его обосноваться на своих восточных рубежах — как буфер между Кангюем и Усунью. Чжичжи принял предложение и во главе своего народа двинул на запад. Усуни сильно потрепали переселенцев, но Чжичжи прорвался через их территорию. Правда, к разочарованию кангюйцев, с ним пришло всего 3 тысячи воинов. Чтобы сохранить свой престиж, Чжичжи объявил, что народ его при переходе погиб от жестокой стужи. Владетель Кангюя отвел ему место для поселения в верховьях р. Талас, где Чжичжи построил укрепление со стенами и рвами.

Однако переселение было только отсрочкой краха Чжичжи. Отряды китайских войск, возглавляемые двумя талантливыми военачальниками, добрались до Таласа, захватили крепость гуннов. Здесь Чжичжи и погиб, ему отрубили голову и доставили ее императору.

Этот эпизод исследователи связывают с важным этапом в истории народа кыргыз. Они утверждают, что вместе с Чжичжи на Тянь-Шань уже в середине I в. до н. э. пришел первый поток кыргызов (Сколь мощным мог быть этот поток, если пришло всего 3 тысячи человек?). Другие же считают, что Чжичжи занимался переселением кыргызов, только не на Тянь-Шань, а на реку Енисей, где шаньюй подчинил себе народ динлин.

КЫРГЫЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА ЕНИСЕЕ

Последние исследования русских ученых позволяют считать, что кыргызы переселились на Енисей из «Владения Кыргыз» в другое время и при других обстоятельствах.

Древнетюркская генеалогическая легенда, фиксирующая события конца III—IV в., отмечает, что один из потомков волчицы по имени Кыргыз (Цигу — в китайских источниках) переселился с Алтая в Минусинскую котловину, где царствовал между реками Абакан и Енисей. Эта дата переселения подтверждается археологическими исследованиями.

На последнем этапе таштыкской культуры на Енисее (III—V вв.) так много специфических элементов культуры кыргызов, что ученые по праву считают финальный этап таштыка — культурой древних кыргызов. Вполне допустимо, что на Енисей кыргызов переселили жужани, которые ввели в государственную практику переселение подчиненных народов.

Средневековое население Минусинской котловины в греческих источниках именовалось «херхис», а в арабских и персидских — «хырхыз», «хырхыр», в средневековых китайских — в основном «хягясы», «сяцзясы», «цзилицзисы», в рунических древнетюркских и уйгурских, а также в согдийских — «кыргыз». Последний термин точно передавал самоназвание народа.

Кыргызы оставили заметный след в истории Южной Сибири и Центральной Азии, но сведения о них в письменных источниках скудны и отрывочны. Известно лишь, что в VI—XII вв. они занимались скотоводством и земледелием, удачно охотились на лосей, кабаргу и пушных зверей. Значительного развития у них достигли ремесла, особенно выплавка железа и кузнечное дело. Велась торговля с Китаем, Восточным Туркестаном и Средней Азией. Покупали иноземные шелковые ткани, лемежи для плугов и роскошные сосуды. На ремесленные изделия и хлеб

выменивали меха у «лесных народов». Продавали скот, пушнину, мускус, ископаемые бивни мамонта, ценные сорта капа (нарост на березах), чрезвычайно крепкие и острые мечи, разнообразные кинжалы и т. д. Иметь изготовленное кыргызами боевое оружие считалось в Азии гордостью, и от заказов со всех сторон не было отбоя.

Кыргызы жили большими патриархальными семьями. Многоженство было обычным явлением. Калым за невесту выплачивали скотом, который у богатых иногда достигал до тысячи голов. Одежда богатых шилась из привозных шелковых тканей, собольих и рысьих мехов, у бедноты — из овечьих шкур. Знать можно было отличить по высоким войлочным белым калпакам с загнутыми вверх полями. Эта древняя особенность сохранилась на Тянь-Шане до сих пор в традиционных головных уборах мужчин.

Кыргызы были язычниками, своими божествами они считали супружескую чету — Тенгри и Умай, где Тенгри (Голубое Небо) выступал как главное божество, как бог — отец (вроде древнегреческого Зевса), а Умай — мать всего сущего, покровительница домашнего очага, рожениц и детей. Была у нее и функция богини-воительницы. Наиболее ярко верования кыргызов в VIII в. описал персидский историк Гардизи: *«Кыргызы подобно индусам сжигают мертвых и говорят: «Огонь — самая чистая вещь: все, что попадает в огонь, очищается от грязи и грехов». Некоторые из кыргызов поклоняются корове, другие — ветру, третьи — ежу, четвертые — сороке, пятые — соколу, шестые — красивым деревьям. Среди них есть люди, которые называются фагинунами; каждый год они приходят в определенный день, приводя музыкантов, и готовят все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает и большей*

²⁴ Том X. В. М. Плоских

частью бывает так, как он сказал». Это первое подробное описание камлания кыргызских бакши — шаманов.

Раннефеодальное государство енисейских кыргызов представляло собой сложную этносоциальную общность, состоящую из этноса-элиты (собственно кыргызы) и ряда подвластных племен (кыштым) занимавших разные места в обществе. Кроме кыргызов известно привилегированное племя «доблестного народа булсар» и «народ ач», который платил дань кыргызам. Самую низшую ступеньку занимали горно-таежные племена охотников и оленеводов. Например, положение племени дубо (добо) китайский источник характеризует следующим образом: *«Хагясы (кыргызы. — Авт.) ловят их и употребляют в работу».*

В VI—VII вв. сложилась административно-военная система государства, верховный правитель которого в зависимости от внешнеполитических успехов обладал титулом эльтебер, или каган.

Обращает на себя внимание, что наряду с общетюркской феодальной титулатурой («эльтебер», «каган») кыргызские верховные правители имели титул «ажо». По-видимому, это сугубо кыргызский титул, примерно равный общетюркскому титулу «инал». Титул «ажо» имел длительную историю. Он сохранялся тысячелетиями. Последним носил его адерский судья из кыргызов Ботя-ажо, подписавший договор с красноярскими казаками в 1701 г.

Структура государственного устройства была предельно проста. Вся территория делилась на шесть округов (багов), где властвовали крупные феодалы-беги, ставленники ажо.

В отношении иерархической лестницы государственного аппарата управления кыргызов «История династии Тан» сообщает следующее: *«Государь (кыргызов — Ред.) называется Ажо... Чиновники разделяются на шесть разрядов, как-то: министры, главноначальствующие, управители, делопроизводители, предводители и дагань. Министров считается семь, главноначальствующих три, управителей*

десять. Все они заведывают войсками. Делопроизводителей (ведающих сбором налогов, связями с другими государствами, судом и финансами. — *Ред.*) считается пятнадцать, предводители и даганы не имеют чинов (штатного числа). ...Министры государя хагасов (кыргызов) назывались бей, (гэси-бей, гюйшаба-бей, али-бей)». Бей, бек, бег по-тюркски — начальник, старшина. (Н. А. Аристов). На наш взгляд, правильное произношение должности не бей, бек и бег, а чисто по-кыргызски — бий. Так назывались кыргызские правители до начала XIX в., пока не вошло в обиход слово «манап». Н. А. Аристов и видный синолог Шатт считают, что «признак высокой культуры кыргызов в довольно сложной системе чиновничьей иерархии, быть может, вывезен еще в свое время Ли Лином из Китая.

Таким образом, наличие сложной иерархии государственного аппарата у древних кыргызов подтверждается и китайскими письменными источниками, и исторической народной памятью. До сих пор время безвластия и анархии кыргызы называют: «Ай, Деген ансо жок, кой! Деген кожо жок!» («Нет сдерживающего ажо, запрещающего кожо»). Или «Тууганду бийде ыйман жок, ыймандуу бийде тууган жок». («У справедливого бия нет сородичей, у бия с сородичами нет справедливости и чести»).

В китайских письменных источниках имеются сведения о других признаках государственности, таких, как налоги и поборы, законы и правила регулирования общественных отношений, внешние дипломатические и торговые отношения. «Исторические записки» Сыма Цяня сообщают, что в кыргызском государстве «ясачные вносят подати соболями и белкою», «законы их очень строги. Произведший замешательство перед сражением, не выполнивший по-сольской должности, подавший неблагоприятный совет государю, так и за воровство, приговаривается к отсечению головы. Если вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее».

Древнекыргызское государство поддерживало дипломатические отношения почти со всеми соседними государствами. Однако больше сведений сохранилось о кыргызско-китайских отношениях. В 632 г. китайский император Тайцзу отправляет своего посла в государство кыргызов, что подтверждает самостоятельность внешней политики правителя кыргызского государства, имеющего титул «элтебер».

В китайских источниках сохранились сведения о том, что в 643 г. к императору Тайцзу прибыл посол Кыргызского каганата, «преподнесший ему шубу из меха куницы, а также чучело куницы». Кыргызские посольства при китайском дворе были и в 648, 653, 675 годах. В 648 г. глава енисейского кыргызского государства элтебер Ышбара был принят в ставке Танского императора в торжественной обстановке, со всеми полагающимися его статусу почестями.

Таким образом, государство кыргыз на Енисее представляло собой устойчивое относительно объединение раннефеодального типа, с соответствующими государствами институтами.

Важнейшим символом государства Кыргыз было алое знамя. Сами кыргызы иногда именовали свое государство Государством Алого знамени. Этот символ государства сохранили воины Манаса, которые ходили в бой под красным знаменем (Кызыл-Туу) и зеленым штандартом (Кок-асаба).

Гардизи называет шесть фетишей, которым якобы поклонялись кыргызы. На наш взгляд, они могли соответствовать названиям и символам шести багов: баг коровы, ветренный баг, баг ежа и т. д. Судя по тому, что ажо или каган тоже имел титул «бег», в феодальной иерархии кыргызов верховный правитель был лишь «первым среди равных».

В IX в. собственно кыргызы могли выставить 30 тысяч, а вместе с ополчением вассальных племен — 100–110 тысяч воинов. Отсюда можно получить весьма примерные

демографические данные. Известно, что в средневековье один воин приходился на 5 человек населения (женщин, детей, стариков). Следовательно, кыргызов было около 150 тысяч, а все население государства Кыргыз ненамного превышало полмиллиона человек.

В VI–VIII вв. история кыргызов характеризуется постоянной борьбой за независимость. В 554–555 гг. земли по Енисею тюркский владыка Мухан-каган использовал в качестве источника рабов и первоклассного вооружения, которое здешнее население (согласно летописи) делало из «небесного» железа.

Как отмечает китайская хроника 583 г., кыргызы «со скрежетом зубным» ожидали возможности отомстить тюркам. Поэтому тюркские каганы династии Ашина разместили на Енисее сильные гарнизоны.

После падения Первого Тюркского каганата в 630 г. кыргызы обрели долгожданную свободу, но не надолго, — потому что предки кыпчаков — племена сиров (сеяньто), под предводительством кагана Иенчу-Бильге заняли почти все земли восточных тюрков. Сирь, завоевав земли енисейских кыргызов, держали там для верховного надзора своего наместника — эльтебера. После разгрома в июне 646 г. сиров уйгурами началось усиление государства енисейских кыргызов. В 648 г. их посольство было принято императором Китая, который достиг тогда вершины могущества. Формально государство енисейских кыргызов, как и вся Центральная Азия попала под протекторат Китая, и кыргызские правители использовали покровительство империи для усиления своих позиций среди кочевников.

КАГАН БАРС-БЕГ

В конце VII — начале VIII в., когда во главе государства енисейских кыргызов встал Барс-бег, оно заставило соседей

серьезно считаться с собой. Судьба Барс-бега — этой неординарной личности в истории народа — примечательна. И хотя этноним «кыргыз» впервые был упомянут китайской хроникой под 201 г. н. э., ни в одном иноязычном письменном источнике практически не упоминалось кыргызских имен до тех пор, пока тюркские народы сами не научились писать. Первым кыргызским именем, записанным в начале VIII в. кыргызами и родственными (но враждебными им) тюрками, было имя кыргызского кагана Барс-бега. В древнетюркских текстах освещаются одни и те же события конца VII — первой трети VIII вв., связанные с отчаянной борьбой тюрков за воссоздание своего государства, разбитого и поработанного китайцами еще в 630 г. За господство в Центральной Азии тюркам пришлось схватиться и с кыргызами. И в надписи в честь Кюль-Тегина впервые было упомянуто имя кыргызского кагана: *«...был Барс-бег. Это мы дали ему титул кагана. И мы дали ему в жены мою младшую сестру — княжну. Но он изменил нам. И вот каган был убит, а его народ стал рабами и рабынями»*. Далее из текста той же надписи мы узнаем о месте гибели Барс-бега: *«...мы разбили кыргызский народ, когда он спал. С их каганом мы сразились в Черни Сунга¹... Кыргызского кагана мы убили, а его эль (народ. — Ред.) взяли»*.

Совсем другим представлен Барс-бег в тексте, написанном в его честь самими кыргызами на трех гранях памятной стелы из Алтын-Келя.

Левая сторона

Мать меня во чреве десять лун носила,
К моему народу приобщила.
Доблестью своей я утверждался,
С тьмой врагов отважно я сражался

¹ Чернь Сунга — лесистая местность на северо-востоке Минусинской котловины.

И с народом в трауре расстался
Увы!

Лицевая сторона

Вы дары в верблюжьих вьюках
Своим братьям присылали
В том, что было на земле,
В доблестных своих деяньях
Пресыщения не знали
Без отца вы доблестным героем были сами.
Псы за дичью гнались, по кочевьям мчались,
Вы за псами.
Сгинь, дух смерти со своей нечистой силой!
Пропади!
Барс! О, Барс! Не покидай, не уходи!
Увы!
Умай-беги — наше званье таково,
Храбрецы — бойцы народа своего!
Ты оставил шестерых — с собой не взял,
Скакуна оставил ты — с собой не взял,
Трех сосудов дорогих — с собой не взял.
О, сокровище! о, драгоценный Барс!
Нас не покидай! Как прежде, радуй нас!

Правая сторона

О, дичь черни золотой Сунгл моей.
Умножайся и рождай потомство впрок
Барс быков покинул и коней,
Мир оставил и ушел в свой срок,
Увы!
Ради доблести моей военной
И могущества моих собратьев —
Старших моих братьев, младших братьев —
Мне воздвигли памятник нетленный.¹

¹ Стихотв. перевод М. А. Рудова.

Судя по тексту эпитафии, Барс-бег рано остался без отца, имел четырех братьев. Был страстным почитателем псовой охоты. Род Барс-бега, как считалось, был под особым покровительством богини Умай-эне; его родственники носили редкий титул — Умай-бег. Не исключено, что кыргызский ажо (или его род) помимо властных светских обладал и культовыми обязанностями по отношению к этой богине. У Барс-бега были старшие и младшие братья. В условиях сложной внешнеполитической обстановки он, скорее всего, обойдя старших братьев, выдвинулся на первое место в государстве кыргызов благодаря своим исключительным личным качествам.

Во время его правления кыргызские послы регулярно посещали восточные государства — Китай, Тибет и Тюркешские каганаты. Каганы Второго Восточно-Тюркского каганата также с целью укрепления отношений с кыргызским государством выдали замуж за Барс-бега дочь кагана. Эти сведения сохранились в упоминавшейся выше надписи на памятнике Кюль-тегину. Тексты на памятнике тюркскому полководцу Тоньюкуку извещают о том, что Барс-бег добился создания военной коалиции с табгачами (китайцами), тюркешами и тюркскими родами чик и аз.

В 711 г. император танской империи получает весть о том, что кыргызские послы прибыли в Тибет и продолжают переговоры с этим государством о союзе против Восточно-Тюркского каганата. В 722 г. ставку танской династии посетил кыргызский посол Исиби Шейчиси-Биши тегин (сын кагана). Туда же прибыли послы кыргызского каганана в 723, 724, 747, 748 годах.

Об активной внешнеполитической деятельности кыргызского государства свидетельствуют и тексты надписей на памятниках. Один из них (в местности Берге на берегу Енисея) содержит сведения о высокопоставленном и уважаемом человеке по имени Терпе, который в 15 лет был направлен к китайскому императору на воспитание.

Другой (в местности Хервис-Баары-Тувы) повествует о том, что принц Кулуг-ийче в 27-летнем возрасте был отправлен послом в народ Тогуз-татар. Посол по имени Эрен Улуг был послан в Тибетское государство, и это событие енисейский письменный памятник объясняет так: «За храбрость я был направлен послом в Тибетское ханство».

Китайские источники сообщают, что кыргызское государство всегда было в дружественных связях с Тибетом, с тюргешами и карлуками. Надпись на памятнике (между реками Тес и Эрта в нынешней Туве) содержит текст о после Эзгене, умершем в 26-летнем возрасте в Тюргешском государстве.

В VIII в. тюргешы и карлуки были своего рода «посредниками» и способствовали тому, чтобы енисейские кыргызы имели доступ к Великому Шелковому пути и укрепляли торговые взаимоотношения с мусульманскими странами.

Как видим, китайские письменные источники, а также орхоно-енисейские надписи на памятных камнях неопровержимо свидетельствуют о наличии государственности у кыргызов задолго до образования кыргызского великодержавия.

Барс-бег стал во главе кыргызов, когда политическая ситуация в Центральной Азии резко изменилась. Против империи Тан восстали орхонские тюрки, которые нанесли ряд поражений китайским войскам и их союзникам в степи. Они, возглавляемые членом старой династии Ашина — Кутлугом, образовали Второй Тюркский каганат. Кыргызы, как и другие степняки, не желали менять фиктивное китайское владычество на вполне реальное тюркское, поэтому совместно с тогуз-огузами Баз-кагана, курыканами, отуз-татарами, кытаями и татабами выступили союзниками империи Тан. В 688 г. тюрки разгромили коалицию Баз-кагана и стали полными хозяевами в степи. Кыргызы сохранили свои войска, потому что не участвовали в этом сражении. Барс-бег возглавил оставшиеся антитюркские силы на северных границах каганата.

Вскоре после 688 г. он, поняв, что кыргызы сильны, совершил важный политический акт: принял титул кагана с тронным именем Ынанчу Алп-Бильге. Верховный владетель кыргызов, таким образом, бросил решительный вызов Тюркскому каганату, открыто притязая на господство в Центральной Азии.

Каган тюрк Капаган (693—717) решил покончить с «кыргызской опасностью». Но первый поход его войск на Енисей закончился неудачно: они были остановлены на границах кыргызов. Заключается мир, согласно условиям которого Капаган признал Барс-бега каганом и отдал ему в жены свою племянницу. Кыргызы, в свою очередь, видимо, обязались быть лояльными по отношению ко Второму Тюркскому каганату. Выгодный мир легализовал и упрочил положение кагана Барс-бега Ынанчу Алп-Бильге, но не удовлетворил его притязаний.

В начале VIII в. Барс-бег смело проводил активную антитюркскую внешнюю политику. В 707—709 гг. он направил два посольства в воевавший тогда с тюрками Китай. Дипломатическая инициатива Барс-бега по организации антитюркских союзов распространилась и на Тюркешский каганат, куда направляется посольство во главе с Эзгене. Как мы уже говорили, к 709 г. кагану кыргызов удалось создать мощную антитюркскую коалицию. Один из крупнейших политических и военных деятелей Тюркского каганата Тоньюк так оценил политическую ситуацию, сложившуюся в Центральной Азии: *«Каган народа табгач (китайцев. — Авт.) был нашим врагом. Каган “десяти стрел” (тюркешей. — Авт.) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган»*. Тюрки решили не выжидать, а разбить союзников поодиночке.

Ясно, что наибольшую опасность для степного предводителя представляли не далекие китайцы и тюркешы, а войска Барс-бега. С них и начали. В 709 г. отряды тюрк пришли в верховья Енисея и разбили союзные

кыргызам племена чиков и азов. Они заняли Туву, сделав ее плацдармом для наступления на кыргызов. Но кыргызы перегородили главную дорогу из Тувы по ущелью Енисея высоким валом (следы которого сохранились по сей день). Зимой вал из бревен и снега продолжили по льду Енисея. Преодолеть это препятствие не могла никакая армия.

Барс-бег занял важные перевалы через Саяны и, как он полагал, в полной безопасности ждал помощи от своих союзников. Но ни тюргеши, связанные борьбой с арабами в Средней Азии, ни китайцы, несмотря на договор, не поддерживали кыргызов. Они ограничились защитой своих рубежей, бросив Барс-бега на произвол судьбы. Отчаявшийся каган, оставшись один на один с мощным Тюркским каганатом, срочно переориентировался: не позже осени 710 г. Барс-бег направил посольство в Тибет, который в то время враждовал с империей Тан и государством тюргешей. Посольство возглавил выходец из сильного кыргызского племени булсар Эрен Улуг. Опытный дипломат, он уже участвовал в четырех успешных посольствах кыргызов за рубеж, за что был особо отмечен Барс-бегом.

О миссии Эрен Улуга кыргызский каган, естественно, не уведомил Китай, но сведения о нем умышленно широко распространялись в кочевом мире, вероятно, не столько для устрашения тюрков, сколько для активизации военных действий Китая и тюргешей. Но было уже поздно. Эрен-улуг по неизвестной причине умер (или был убит) на чужбине, Тибет не стал союзником Барс-бега, Китай и тюргеши так и не выступили в поход, зато тюркские полководцы решились на отчаянный шаг: преодолеть Саянский хребет зимой трудным обходным путем, минуя дороги, охраняемые кыргызами. В этом походе участвовали будущий каган тюрков Бильге и его храбрый брат Кюль-Тегин, но фактически возглавил его старый и опытный Тоньюкук. Он отыскал изменника среди народа азов, который, как оказалось, на свою беду, согласился провести

войска тюрок в Минусинскую котловину тайными тропами в неприступных горах.

Что же, зимний переход через Саяны делает честь любому войску. Замысел тюрок удался, и их войска внезапно обрушились на кыргызов. Первое сражение произошло ночью: «На кыргызов мы напали во время сна... проложили путь копьями», — отмечается в древнетюркском руническом памятнике. Основные силы кыргызов были разбиты. Уцелевших Барс-бег собрал в Черни Сунга и пытался организовать отпор. Сеча была злой и упорной. Здесь показал свою доблесть Кюль-Тегин: «Кюль-Тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол пикой одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро... «Кыргызского кагана мы убили, и эль его взяли».

Да, кыргызы потерпели полное поражение. Барс-бег пал в открытом бою. Его даже не удалось похоронить с подобающими почестями по старинному обряду — тело его не нашли, что и отмечено в эпитафии Барс-бега. В последний раз кыргызский каган Барс-бег Ынанчу Алп-Бильге был лишь вскользь упомянут в 716 г., когда на могильном сооружении в честь умершего тюркского Капаган-кагана (победителя Барс-бега) в самом начале вереницы камней, изображающих его павших врагов, был поставлен «балбал», символизирующий главного врага — кыргызского кагана.

Таким образом, первая попытка кыргызов в борьбе за господство в Центральной Азии закончилась поражением. В VIII в. они еще не имели достаточных сил для борьбы за гегемонию, хотя и ставили такую задачу. Военная организация кыргызов была слабее, чем в других государствах Центральной Азии. Этим определялась их оборонительная стратегия и ставка на сильных союзников, которая, к сожалению, не оправдала себя.

КЫРГЫЗСКОЕ ВЕЛИКОДЕРЖАВИЕ

Поражение кыргызов в битве при Черни Сунга, видимо, имело для народа и его государства очень серьезные последствия. Более сорока лет после него кыргызы не участвовали в военных действиях. Несмотря на то, что во главе государства был поставлен владетель из кыргызов, оно теперь фактически было зависимым от Тюркского каганата, а после его падения в 744 г. — еще почти 100 лет от Уйгурского.

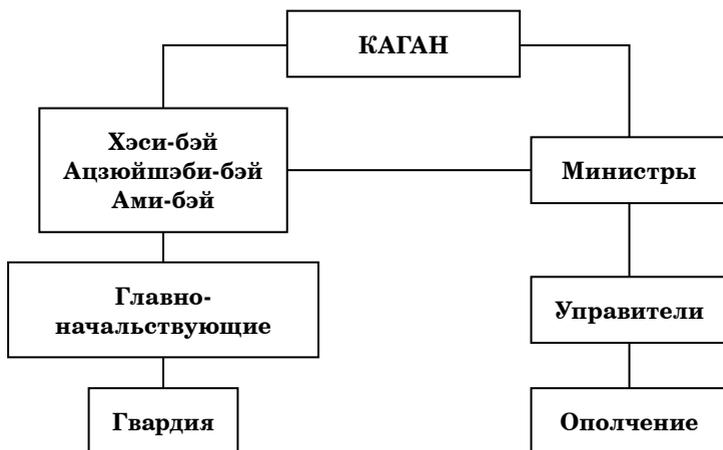
В 751 г. кыргызы объединили свои силы с карлуками, которые к тому времени уже заняли Семиречье, а также с чиками и остатками тюркских племен для борьбы с уйгурским каганом Элетмишем Бильге (747—759 гг.). Однако среди тюркских бегов нашлись предатели, которые предупредили кагана. Тот действовал решительно и разбил союзников поодиночке. В 758 г. уйгуры завоевали государство кыргызов на среднем Енисее. В 795 г. кыргызы восстали, но были разгромлены.

В течение следующих двадцати пяти лет кыргызские ажы копили силы для реванша. В начале IX в. сила, слава Уйгурского каганата были уже в прошлом, его раздирали центробежные силы. Это чутко уловили кыргызы: *«ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную Туциши (тюргешку. — Ред.) — вдовствующею ханшей»*. Это важное событие в истории кыргызов произошло в 820 г. Оно означало, что кыргызы, заручившись поддержкой карлуков, провозгласили себя независимыми от Уйгурского каганата и, как во времена Барс-бега, стали претендовать на гегемонию в Центральной Азии. За этими претензиями теперь стояли реальные возможности.

После жесточайшего поражения в 795 г. кыргызы сумели создать военно-административную систему, приспособленную для длительных войн. Ажы значительно расширил пределы государства за счет других южносибирских племен

и обладал уже куда большими материальными и людскими ресурсами, чем в начале VIII в. Он стоял во главе администрации и военных сил и подчинил себе три бэя и иерархию чиновников (которая разделялась на шесть разрядов). Регулярное войско состояло из латной кавалерии (гвардия), во время же войны набиралось ополчение из «вассальных» народов. В IX в. кыргызы вместе с зависимыми племенами могли выставить стотысячную хорошо вооруженную армию.

**Военно-административная структура
Кыргызской империи к IX–X вв. (по Ю. С. Худякову)**

Стройная военизированная государственно-административная система каганата способствовала победе над уйгурами и управлению обширной империей в IX–X вв.

Уйгуры в ответ на вызов кыргызского ажо в 820 г. направили на Енисей войско. Война затянулась на двадцать лет. Борьба была тяжелой и упорной. В сражениях кыргызы, видимо, одержали верх, что позволило ажо в обращении к кагану уйгуров надменно заявить: *«Твоя судьба*

кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи, если не можешь, то скорее уходи». (К вопросу о глубоких традициях кыргызской государственности: древний государственный символ кыргызов — знамя — было красного цвета, как и знамя современной Кыргызской Республики).

Военные неудачи обострили усобицы Уйгурского каганата, а многоснежная зима 840 г. стала причиной массового падежа скота, голода и эпидемий. В это тяжелое время один из мятежных уйгурских вельмож призвал на помощь кыргызов. Каган кыргызов бросил под стены столицы уйгурского кагана Орду-Балык стотысячную армию, которая наголову разгромила уйгурские войска, захватила, разграбила и сожгла ставку. Каган уйгуров пал в бою. Остатки его народа, спасаясь от истребления, бежали в Китай, Забайкалье и Восточный Туркестан, оставив в руках кыргызов лучшие земли, скот и накопленные сокровища.

В 843 г., преследуя уйгуров, кыргызы вторглись в Восточный Туркестан, где взяли города Аньси и Бешбалык. Их сильные отряды вели успешные действия в Восточной Монголии, в Джунгарии и Забайкалье. В 848 г. последний претендент на уйгурский престол, скрывавшийся у татбов, а затем у татар (шивеи), с женой, сыном и эскортом из девяти всадников уехал в степь и пропал без вести. Надежды уйгуров на реванш рухнули окончательно.

На развалинах Уйгурского каганата в середине IX в. возникла кыргызская степная империя. Границы ее вырисовываются вполне определенно: «*Хягас* (Кыргыз. — Ред.) было сильное государство, по пространству равнялось тюркским владениям (имеются в виду пределы Второго Тюркского каганата. — Ред.). На восток простиралось до Гулигани (Прибайкалья. — Ред.), на юг — до Тибета (Восточный Туркестан. — Ред.), на юго-запад — до Гэлолу (Семиречье. — Ред.)». Примерные границы на севере

намечены по археологическим памятникам, они достигли современных городов Томска и Красноярска. Время, когда кыргызы сумели подчинить себе просторы Центральной Азии (IX—X вв.), В. В. Бартольдом справедливо названо «кыргызским великодержавием». Согласно древней степной традиции, тот, кто владел Хангаем, считался номинальным владыкой всех остальных кочевых народов. Такие державы в свое время создавали гунны, сяньбийцы, жуань-жуани, тюрки, кыпчаки (сеяньто), уйгуры, а после кыргызов — монголы. В результате смешения местного и пришлого населения образовался ряд новых субэтносов. Этноним «кыргыз» превратился в политэтноним, т. е. кыргызами стали называть себя и не кыргызские по происхождению племена, находившиеся в политической зависимости от кыргызов. Называться кыргызом стало почетно. Это означало принадлежность к славному победоносному племени. В итоге автоматически расширилось географическое пространство, связанное с этнонимом «кыргыз» на территорию Ала-Тоо и прилегающие к нему районы.

Кыргызы не стали восстанавливать столицу уйгуров Орду-Балык. Их каган перенес свою ставку в Туву, вблизи впадения реки Тэс в оз. Убсу-Нур.

Китайская дипломатия решила использовать новых хозяев Центральной Азии в своих целях, и прежде всего, окончательного уничтожения уйгуров. Начались частые обмены послами и переписка между императором и каганом. Каган кыргызов и его военачальники получили высокие китайские титулы. Но сами кыргызы не стремились к геноциду. С сокрушением военной силы уйгурского кагана они прекратили военные действия и оставили уйгурское население в покое. Более того, уйгуры, бежавшие на Запад, сумели в Восточном Туркестане основать два княжества и закрепиться там. В начале XIII в. они подчинились Чингисхану.

Кыргызы поддерживали дружеские связи с Китаем, руководствуясь прежде всего собственными политическими и торговыми интересами. Китайские хроники пишут: *«Кыргызы получали титул хана, но не думали служить как вассалы».*

Кыргызы, получив доступ к старым культурным центрам, стремились правильно пользоваться этим. В X в. в Северном Китае обучалось много кыргызской молодежи. Некоторые из них достигали высокой учености и приглашались на службу к иноземным дворам. Так, в Тибете переписчиком китайских книг о буддизме был выходец из княжеского дома страны «Кыргыз».

Таким образом, IX–X вв. были периодом наибольшего роста могущества кыргызской военно-феодальной знати, периодом территориальных захватов и установления широких политических, экономических и культурных связей со многими народами. Правда, достигнув великодержавия, кыргызы утратили репутацию угнетенного, но мирного народа. В книге, написанной в Средней Азии в X в., о кыргызах говорится: *«...несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям; со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют».*

«Кыргызское великодержавие» не было продолжительным. Уже в первой четверти X в. основная масса кыргызов оставила степи и ушла к северу за Саянский хребет. Это возвращение не было результатом военного давления противника. В длительных, кровопролитных войнах и так немногочисленные людские ресурсы кыргызского народа были истощены и рассеяны по обширным пространствам. Кроме того, степи Центральной Азии не стали нормальной «экологической нишей» кыргызов. Та часть народа, которая на Енисее занималась ремеслом и земледелием, не нашла себе применения на сухих плоскогорьях Центральной Азии,

где не было ни крупных поселений, ни ирригационных сетей. Другие отмечают возвращение киданей и их походы в степь в 912 и 924 гг. и полагают, что они вытеснили кыргызов за Саяны. Как бы то ни было, «кыргызское великодержавие» кончилось.

В X в. кыргызы удерживали только Алтай и Западную Монголию как плацдарм для контроля над богатыми ремесленно-земледельческими оазисами Восточного Туркестана.

Добавим, что эта эпоха имела оборотную сторону в истории тюркских народов. Конец эпохи «кыргызского великодержавия» стал концом эпохи господства тюркских народов в Евразии. Наступил «звездный час» народов монгольского корня (кидани, найманы, монголы), которые выдвинули из своей среды Чингисхана, Батыя, Тимура и долгое время господствовали на просторах Великой степи.

ЗАВОЕВАНИЕ КЫРГЫЗОВ МОНГОЛАМИ

Сведения о кыргызах XI–XII вв. немногочисленны. В это время усилились монгольские племена, которые отрезали кыргызским феодалам пути для набегов на юг. Лишенная возможности обогащаться за счет грабежа, знать усилила эксплуатацию своего собственного народа. Это повлекло дальнейшее развитие феодальных отношений, междоусобные войны, децентрализацию военной и гражданской власти. В письменных источниках упомянуты то пять, то три отдельных владения кыргызов.

Накануне монгольского завоевания кыргызы образовали два княжества: Кем-Кемджиут, которое располагалось на Енисее, и Кыргыз, занимавшее территорию в трех днях пути (около 100 км) к северу от монгольского Алтая. Скорее всего, княжество Кыргыз располагалось в северных районах Джунгарии и Горном Алтае, которые кыргызы, оставив Монголию, продолжали контролировать с IX–X вв.

Владетели обоих кыргызских княжеств имели титул инал, но носили его недолго. Сложная государственная система, созданная для войны и господства над покоренными народами, изжила себя и деградировала. Государственное устройство кыргызских княжеств в XI–XIII вв. напоминало устройство государства ажо в VI–VIII вв.

В 1207 г. старший сын Чингисхана Джучи завоевал все «лесные» народы и подступил к границам кыргызов. Тогда к нему прибыли кыргызские князья Иди, Инал, Алдиер и Оле-бектегин. Они выразили покорность, одарив Джучи белыми кречетами, белыми лошадьми и белыми соболями. Зависимость кыргызов была номинальной и выражалась только в выплате дани. Монголам, занятым войной с чжурчженями и Китаем, было не до северных народов.

Однако, с усилением государства Чингисхана монгольские сборщики налогов стали терять чувство меры. В 1218 г. они потребовали от туматов, обитавших в Баргуджин – Токуме, кроме положенных мехов и скота, туматских девушек для монгольских феодалов. В напряженных экономических и политических отношениях подобные унижительные требования способны стать последней каплей. Оскорбленные туматы восстали. Монголы потребовали у кыргызов войска для подавления непокорных. Однако кыргызы не только не дали войска, но сами восстали под предводительством Курлуна против монголов. Их поддержали урасуты, теленгуты и другие кыштымы (зависимые племена). Восстание было жестоко подавлено войсками Чингисхана, которыми командовал Джучи. После смерти Джучи в 1226 г. земли кыргызов вышли из его улуса и стали принадлежать улусу великого кагана Тулуя. По-видимому, изменилась и политика подавления по отношению к кыргызам. Великий каган Угэдэй (1229–1241 гг.) с целью политического урегулирования с северными народами женился на кыргызке по имени Джачин. Она стала четвертой «главной» женой повелителя.

Кыргызы всегда были беспокойными подданными, среди них постоянно происходили брожения, недовольства и мятежи. Поэтому в 1270 г. император Хубилай назначил правителем кыргызов и их кыштымов опытного и не склонного к насилию администратора — китайца Лю Хаоли. Резиденция его была в Минусинской котловине на левом берегу реки Элегест. Однако в 1273 г. кыргызы восстали и изгнали монгольского наместника.

Момент для восстания был выбран удачно. В это время разгорелась ожесточенная междоусобная борьба между Хубилаем и верховным владыкой Средней Азии Хайду, ставка которого была в Чуйской долине. Это помогло кыргызам восстановить свою государственность, но не надолго. Зимой 1292 г. командующий тюркскими войсками монголов кыпчак Тутуха получил приказ Хубилая покончить с кыргызским сепаратизмом. Ранней весной 1293 г., еще до ледохода на Енисее, армия Тутухи, состоявшая в основном из представителей тюркских народов, подчинившихся монголам, прошла по льду реки, разгромила войска кыргызов и оккупировала всю Минусинскую котловину. Хан Хайду из Семиречья направил на выручку кыргызам войска во главе с полководцем Болочём, но Тутухе удалось их разбить и пленить самого полководца. Правящая элита, беги, знать и аристократия кыргызов были уничтожены. Народ был обезглавлен.

Кыргызское государство вступило в неравную схватку с монголами тогда, когда их империя казалась незыблемой, когда под ее пятой страдали народы Китая, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Руси. Кыргызы проявили героизм и благородство (защита чести туматов), но пали в неравной борьбе.

Монголы, понимая опасность возрождения мощной кыргызской государственности, предпринимали насильственные меры по выселению непокорных кыргызов из регионов в Манчжурию и в подконтрольную китайскую провинцию

Шаньдун. Немалая часть кыргызов сделала собственный выбор в пользу переселения в Ала-Тоо, где издревле складывалась кыргызская этническая общность. Коренные земли кыргызов на Енисее заселялись другими народами. В Минусинской котловине и в Туве осталась незначительная часть кыргызов. Еще в XVIII веке там существовали четыре небольших государства, так называемые «Кыргызские земли», упорно сопротивлявшиеся стремлению России подчинить их себе.

IV

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТЮРКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Древнетюркская государственность возродилась в VI в. Ее создателями стало племя тюрк, основу которого составляли осколки племен, входивших в степную империю гуннов. Центром возрождения древнетюркской государственности стали степи Монголии — прежние земли гуннского шаньюя. В начале VII в. вторым центром становления древнетюркской государственности становятся горы и долины Тянь-Шаня. Здесь находились административный центр Западнотюркского каганата, ставки кагана — города Суяб, Невакет, позже Баласагун (Чуйская долина), летняя резиденция тюркских владык Минбулак (Таласская долина). Здесь древнетюркская государственность развивалась более продолжительное время, чем в степях Центральной Азии, и была уничтожена под натиском монгольских народов. Однако тянь-шаньский центр древнетюркской государственности и культуры внес свой заметный вклад в общетюркскую цивилизацию. Каждый образованный человек тюркского корня от Байкала до Босфора и от Урала до Индии знает, что первые тюркские города были основаны в Чуйской долине, здесь же отлиты первые тюркские деньги, на аверсе которых было означено гордое «божественный тюргеш-каган», здесь же в городе Баласагуне (близ Токмака) родился ныне известный всему миру Юсуф, написавший первую

поэму на тюркском языке. Эта поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») переведена сегодня на многие языки мира. А выходец из города Барсхан (Исык-Куль) Махмуд стал одним из первых тюркских ученых. Его труд «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») также известен всему миру. Только на земле Тянь-Шаня получил свое современное звучание самый грандиозный тюркоязычный эпос «Манас». Наконец, на земле Тянь-Шаня, в хронологическом диапазоне от VII до X в. возникло четыре древнетюркских государства. Даже только эти бегло перечисленные факты позволяют нам утверждать, что Кыргызстан был вторым (после Орхона в Монголии) центром древне-тюркской государственности и культуры.

ИНСТИТУТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

Древнетюркские государства, сменяющие друг друга на просторах Евразии, имели примерно одинаковые институты общественного устройства. Однако характеристику их социальной природы разные исследователи толкуют далеко не одинаково. Древнетюркские государства определяют и как военную демократию, и как родоплеменные государства, и как военно-рабовладельческие империи, и как феодальные (патриархально-феодальные) военные образования. Но единодушны в определении основных функций государства. Главной политической доктриной, как и во времена шаньюев, являлось стремление к подчинению других народов и господству над ними.

Едва ли не главными добродетелями правителей и их государственного аппарата считалось ведение удачных войн ради добычи. В надписи в честь Таласского феодала Бег-чора (30-е гг. VII в.) отмечено: *«Я постоянно ходил походами на ближайших и дальних».*

А в надписи в честь Тоньюкука функции правителя отражены еще ярче: *«Если бы у народа, имеющего кагана, [тот] оказался бездельником (т. е. не ходил бы в походы. — Ред.), что за горе бы у него (народа) было!»* Бильге-каган постоянно упоминал, что он сам и его храбрый брат Кюль-Тегин (первая половина VIII в.) *«ради тюркского народа... не сидели без дела днем и не спали ночью»*. Древнетюркские каганы не раз отмечали свои заслуги перед народом: *«Я хорошо вскормил народ»*. Иногда жадные каганы, которые по тем или иным причинам оставляли добычу без справедливого раздела, лишались не только подданных, но и жизни.

В этом плане показательна трагическая судьба тюркешского кагана Сулука Чабыш-чора: *«Вначале Сулук хорошо управлял людьми, — повествует китайская история, — был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В последние годы он почувствовал скудность, почему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него... Мохэ Дагань и Думочжи неожиданно в ночи напали на Сулука и убили его»*.

Те же идеалы войны ради добычи и щедрой раздачи ее в прекрасных стихах выразил поэт Юсуф из Баласагуна:

Внемли, что сказал муж о рати своей:

«Добудешь победу, наград не жалея!

Корми, награждай, не жалея отличий,

Иссякнут дары — снова мчись за добычей».

Структура древнетюркской государственности была приспособлена к задачам военного быта. Тюркский племенной союз состоял из племен (бод), политически объединенных в имперскую государственную структуру (эль), где родоплеменная организация (бодун) и военно-административная система (эль) взаимно дополняли друг друга, направляя

прочную родоплеменную солидарность в русло общегосударственных интересов.

Каганы могли быть выходцами только из самых элитных аристократических родов (огуш). У тюрков это был род Ашина, у уйгуров — Яклагар, у кыргызов — род, основанный Ли Лином. Каждую аристократическую племенную группу тюрков, кыргызов, уйгуров связывала идеология генеалогической общности от единого предка — волчицы. (Правда, енисейские кыргызы, отвергая идеологию Ашина, считали, что произошли не от волчицы, а от какого-то божества и самки лося или оленя, которые встретились в горной пещере). Древнетюркские каганы осуществляли функции высшего руководства гражданского и военного управления, верховного судьи и верховного жреца. Каган опирался на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служивое» сословие, т. е. военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Согласно еще гуннской традиции, государство делилось на два крыла со строго фиксированными племенами в каждом из них (система толес-тардуш), которые возглавлялись ближайшими родственниками кагана. Правое крыло (восточное) возглавлял аристократ, как правило, брат кагана и наследник престола, с титулом шад. Левое (западное) — близкий родственник кагана с титулом ябгу (джабгу). Шад в государственной иерархии занимал более высокое положение, чем ябгу.

В тюркских государствах отчетливо проявляется двухступенчатая социальная система оппозиционного характера: аристократия (беги, «атлыг», т. е. «именитые») и простой народ (игиль кара бодун). Высшим сословием были беги, аристократы крови, особое положение которых при руководстве делами племени считалось неоспоримым, освященным традицией. Среди родов (огуш) была веками сложившаяся иерархия, когда один род считался более знатным, чем другой. Строгая иерархия родов и племен

²⁵ Том X. В. М. Плоских

в кочевнических государствах была основополагающим принципом общественного и государственного устройства. Обычно в каганатах было несколько элитных суперродов, связанных брачными отношениями. У тюркских каганов рода Ашина, например, было много жен, представлявших разные племена и народы. Но законного наследника престола могла родить только жена-тюрчанка из рода Ашидэ. Кроме права главенствовать, у знаменитых родов была обязанность заботиться о благосостоянии «самого последнего» своего соплеменника, следить за тем, чтобы он получал свою традиционную долю от военной добычи, от эксплуатации побежденных племен и народов.

Относительно правовое равенство людей одного рода-племени в тюркском обществе обеспечивалось применением ко всем его членам наименования «эр», т. е. муж-воин». Эром становился любой юноша, достигший «военного» возраста (от 10 до 15 лет) и получивший «эр-аты» — мужское («геройское», воинское) имя.

Получить «эр-аты» было непросто — нужно было совершить охотничий, а еще лучше воинский подвиг. Очевидно, что юношам знатных родов получить «геройское» имя и стать полноправным членом общины было легче. Известны случаи, когда такое имя получали в 7 лет.

Равенство всех эров в тюркской общине было мнимым. Место эра в обществе определялось положением его семьи в роде, а рода в племени. Получив «геройское» имя, как и все мужчины рода, юноша из знатной семьи прибавлял к нему все свои титулы, которые унаследовал от дедов и отцов. Как правило, эр имел достаточно скота и другого имущества, чтобы содержать семью. Обедневшие эры шли в постоянную дружину бега, составляли его окружение и челядь, пасли его стада. Таких свободных общинников Махмуда Кашгари называл «кулсыг эр» («эр, подобный рабу»).

На самой низкой ступеньке в тюркской общине стояли рабы. Источником рабства была война. Пленные мужчины

(кул) и пленные женщины (кюн) становились пожизненными рабами. Экономическая роль рабства не совсем ясна из-за отсутствия сведений о формах использования невольников.

Часть рабов тюрки продавали на рынках Китая и Согдианы. Крупный невольничий рынок был в г. Исфиджабе (близ современного г. Шимкента). Пленных мужчин, годных для войны, на рынках Согдианы в VIII в. можно было купить за 200 драхм, (что равнялось восьмимесячной плате конному воину за службу). Гораздо выше была цена на девушек, умевших петь и танцевать. В арабских странах ценились тюрчанки из долины р. Талас.

В целом рабство в тюркской общине по своему характеру было домашним.

ТЮРКСКИЙ КАГНАТ

В середине VI в. в Центральной Азии возник Тюркский каганат (552–744 гг.), в состав которого входила и современная территория Кыргызстана. К 546 г. относится первое упоминание этнонима «тюрк» в китайских летописях. Согдийцы, персы и византийцы называли новых повелителей степей «турк». Первоначально термин «тюрк» (т. е. «сильный», «крепкий») имел, скорее, социальное, чем этническое значение. Тюрками называли исключительно представителей военной аристократии. Впоследствии это название перешло не только на племя, во главе которого стояла эта аристократия, но и на многочисленные подчинившиеся ему родственные народы.

Ядро племени тюрк, как и кыргызов, сложилось в центральноазиатской среде гуннов в III — середине V вв. Тюрки считали своим предком мифического сына волчицы Ашина, обитавшего на Алтае. Последние 100 лет они были зависимы от жуань-жуаней, дань которым выплачивали

железом, богатые рудники и выплавку которого освоили на Алтае. Энергичный вождь тюрков Бумын в 546-552 гг., разбив соседей — народ теле (тегрек), а затем мощную державу жуань-жуаней, принял титул илиг-кагана, и перенес свою ставку на р. Орхон (Северная Монголия, ставшая административно-политическим центром новой державы — Тюркского каганата).

Младший брат Бумына Истеми, наследовавший отцовские земли на Алтае, завоевал Тянь-Шань и Семиречье, присоединил к своему владению конфедерацию племен «он ок бодун» («народ десяти стрел»), принял титул «кагана десяти племен». Он вступает в родственные связи с царем Ирана Хосровом Ануширваном (что, однако, не мешало их войне друг с другом за обладание Великим Шелковым путем), устанавливает торговые и дипломатические отношения с Византией. Истеми направляет свое посольство во главе с согдийским купцом Маниахом в Константинополь (568 г.). В ответ в ставку Истеми у горы Актаг на Тянь-Шане прибывает посольство императора Юстина II во главе с видным военачальником Земархом.

Византия и Тюркский каганат заключили союз против Ирана, который препятствовал торговле по Великому Шелковому пути. Перед угрозой с запада и востока Иран вынужден был смириться.

Массовое перемещение племен и народов в период Тюркского каганата от Монголии до Причерноморья привел к тюркизации всей Великой степи, в том числе и населения Тянь-Шаня. Местные племена были ассимилированы пришельцами, в их облике все более стали преобладать монголоидные черты, язык стал тюркским, хотя еще долгое время рядом сосуществовал и согдийский язык иранской группы. В начале VII в. Тюркский каганат распался на два самостоятельных государства — Западно-Тюркский и Восточно-Тюркский каганаты. Дальнейшая история Кыргызстана связана с Западно-Тюркским каганатом, который

официально именовался «Он ок эли» («Государство десяти стрел»). Титулом государя был тюркский «джабгу-каган», его власть распространялась на конфедерацию десяти племен, расселившихся от р. Сырдарьи до Алтая и Джунгарии. Столицей государства становится г. Суяб (развалины Ак-Бешим у г. Токмок), Западнотюркская ветвь династии Ашина была младшей по отношению к восточно-тюркским каганам. Этот статус западных владык был подчеркнут официальным титулом джабгу (ябгу) — каган. Для каганов, утвердившихся в Монголии, каганы, правившие Тянь-Шанем и Средней Азией, по-прежнему оставались всего лишь джабгу, т. е. вождями правого крыла тюркского народа, всего лишь третьими лицами (после кагана и шада) в государственной иерархии.

Кочевое население Западно-Тюркского каганата было организовано в «десятистрельный племенной союз» (он ок бодун), где каждая «стрела» представляла собой отдельное племя или группу племен с общим названием. В обязанности их входило формирование десятитысячного воинского контингента на случай войны. Каждую «стрелу» возглавлял бег, имевший собственное знамя. Все десять племен были сгруппированы в два союза (крыла) — восточный и западный — по пять племен в каждом. Союз пяти восточных племен, занимавший территорию от р. Чу до Алтая, назывался «дулу», западных — с территорией от р. Чу до р. Сырдарьи — «нушиби».

Таким образом, уже к 555 г. западные тюрки создали военно-административную систему, подобную той, которая сложилась у восточных тюрков. Но это не привело к объединению, что и определило распад каганата (603 г.) на две враждебные части. В политической зависимости от западных тюрков находились многочисленные государства Средней Азии и Восточного Туркестана. Расцвета Западнотюркский каганат достиг в правление Тон джабгу-кагана (618—630 гг.), который провел важную администра-

тивно-политическую реформу, уравнивая в правах кочевую и оседлоземледельческую знать, что существенно ограничивало незаконные поборы в пользу степных аристократов. Для надзора за правителями вассальных владений и сбора налогов были назначены наместники — тутуки. К тому же каган ограничил власть кочевой знати и, «полагаясь на свое могущество, не очень был милостив к подчиненным, — сообщали китайские источники. — Народ роптал и многие отложились» (т. е. перестали подчиняться. — Ред). Вскоре кочевые феодалы возмутились и убили Тон джабгукагана. Возобладали центробежные устремления, усилилась знать отдельных племен, начались межфеодалские распри.

Новая китайская династия Тан (618—907 гг.) одной из внешнеполитических задач поставила овладение Великим Шелковым путем. Начались захватнические войны. В 630 г. был разгромлен Восточный каганат, в 656 г. в битве на р. Или были разгромлены войска западнотюркского кагана Ишбара (651—657 гг.), который отступил в Чуйскую долину, где в 657 г. потерпел окончательное поражение и погиб. Во главе «народа десяти стрел» танский император ставил марионеточных каганов, которые не пользовались ни доверием, ни поддержкой народа. Двадцать третий каган из династии Ашина стал последним. Его убили тюргеши в г. Кулане (близ современной ст. Луговая) в 704 г.

ТЮРГЕШСКИЙ КАГАНАТ

К власти в Семиречье и на Тянь-Шане пришла династия тюргешских каганов, входивших в конфедерацию «дулу» («десятиплеменного народа»). Официальным титулом новых владык был титул «божественный тюргеш-каган», запечатленный в легендах и на монетах. Тюргеши не избежали традиционного государственно-административного деления на два крыла: черные и желтые роды, Обе группировки

находились в крайне натянутых отношениях, всегда готовые сцепиться в борьбе за трон кагана. Каганами становились представители как желтых, так и черных тюргешей, часто независимо от своих личных качеств, а благодаря военной мощи племен, которые их выдвигали. У тюргешских каганов было две ставки: Большая — в Чуйской долине и Малая — в долине р. Или.

Каганы из тюргешских племенных вождей

Желтые роды

1. Уч-Элиг (699—706)
2. Сакал (706—711)
5. Куль-чор (739-744)
6. Элетмиш (744—749)
9. Ата-Бойла (759—?)

Черные роды

3. Сулук Чабыш-чор (716—738)
4. Тухварсен (738—739)
7. Йипар (749-753)
8. Тенгри-деболмыш (753—756)
10. Кут-оглан (?—766)

Родоначальником новой династии стал Уч-Элиг-каган (704—706 гг.). Он занял Суяб и устроил в нем главную ставку. В период его правления произошла серия военных столкновений с появившимися в Средней Азии арабскими завоевателями. В 709 г., после нанесения поражения китайским войскам под Аньси, удачливый тюргешский каган Сакал (706—711 гг.) совместно с согдийцами под Бухарой окружил войско знаменитого арабского полководца Кутейбы. Только политическая хитрость последнего помогла ему уйти от поражения. Сакал заключил союз с кыргызами и Китаем против возродившего свою силу в последней четверти VII в. Восточнотюркского каганата, который историки называли Вторым тюркским каганатом. Наивысшего могущества воссозданный каганат достиг при Капаган-кагане (691—716 гг.), который создал огромную сильную армию, подчинил все кочевые племена Центральной Азии и предпринял попытку восстановить обширные границы

государства своего первопретка — Бумына. Он сумел нейтрализовать Китай, заключив договор о мире, разгромил кыргызов на Енисее и наголову разбил тюргешей.

Сакал-каган в сражении на Иртыше в 711 г. был взят в плен и казнен. Земли тюргешей вошли в состав Второго тюркского каганата, но не надолго.

Наибольшего могущества тюргеша достигли при кагане Сулук Чабыш-чоре (716—738 гг.). Ставка его была в г. Невакет (развалины близ с. Красная Речка в Иссык-Атинском районе Кыргызской Республики). Он неоднократно наносил поражения китайским армиям в Восточном Туркестане и арабам в Средней Азии. Кагану удалось освободить от арабов почти весь Согд, Хорезм и Тохаристан. Халиф Хишам отправил к нему посольство с предложением принять ислам. Каган отказался. В 738 г. Сулук Чабыш-чор был убит одним из своих полководцев. Началась длительная междоусобица.

Непрестанные войны с китайцами и арабами, не утихавшие феодальные междоусобицы подорвали к середине VIII в. силы Тюркешского каганата и он пал под натиском карлукских племен.

Высшим достижением культуры государства тюргешей было введение собственной письменности, родственной, но не идентичной орхоно-енисейской. Памятники этой письменности найдены в Таласе, на Иссык-Куле, в Фергане и на Алтае.

ГОСУДАРСТВО КАРЛУКОВ

Название «карлук бодун» («народ карлуков») или «уч карлук» («три племени карлуков») принадлежало сильному союзу кочевых племен (булак, чигиль (или себек) и ташлык), занимавших территорию от Монгольского Алтая до озера Балхаш, к северу от хребта Тарбагатай.

Занимая территорию на стыке границ Восточного и Западного Тюркских канатов, они подчинялись то тем, то другим, создавая равновесие между обоими государствами. В 744—745 гг. объединенные силы басманов, уйгуров и карлуков сокрушили Второй тюркский каганат. Возникла новая степная держава — Уйгурский каганат (744—840 гг.), вождем которой вскоре стал Элетмиш Бильге-каган. Вождь карлуков счел себя обойденным, так как получил лишь титул джабгу и стал зависим от своего бывшего союзника. Это привело к ряду столкновений.

Стесненные уйгурами карлуки в 746 г. переселились в Семиречье и на Тянь-Шань. Политическая обстановка здесь была сложной. Тюркешские каганы из-за непрекращающихся распрей утратили реальную власть. Этим воспользовались танские наместники Восточного Туркестана и в 748 г. китайская армия вторглась в Чуйскую долину, заняла и разрушила г. Суяб. В следующем году китайцы пленили и казнили правителя Чача (Ташкент). Арабы не могли допустить столь дерзкого вмешательства империи Тан в среднеазиатские дела. Войска во главе с Зияд ибн Салихом двинулись против китайцев. Сотысячная китайская армия под предводительством Гао Сяньчжи из Суяба выступила навстречу арабам.

Встреча произошла в июле 751 г. в Таласской долине. Четыре дня войска противостояли друг другу, разделенные р. Талас. На пятый день в тыл танской армии ударила сильная конница карлуков, с фронта ее поддержали арабы. Китайцы были наголову разбиты, потеряв 50 тысяч убитыми и 20 тысяч пленными. Таласская победа имела большое значение в истории народов Средней Азии: китайские войска примерно тысячу лет не появлялись у ее границы, что обеспечивало развитие мусульманской культуры в регионе.

Усилившиеся карлукские правители-джабгу в 766 г. отняли власть у тюркешей, заняв их ставки: Суяб и Тараз,

и создали собственное государство. Но оно не было крепким и фактически состояло из ряда разрозненных владений как карлукских, так и «десятиплеменных» феодалов на территории от Сырдарьи до Алтая.

В середине IX в. в Центральной Азии произошли важные исторические события, сказавшиеся на судьбе государства карлуков. Непрерывающаяся борьба народов Средней Азии с арабскими завоевателями создала благоприятные условия для захвата власти в Мавераннахре местной династией Самана (Саманиды). А в Центральной Азии после ожесточенной двадцатилетней борьбы енисейские кыргызы сокрушили Уйгурский каганат (840 г.).

Воспользовавшись этим, карлукский джабгу Бильге Куль Кадыр-хан принял титул кагана, открыто заявив тем самым о своих притязаниях по отношению к другим народам. Скорее, это являлось номинальным актом, т. к. реальная власть находилась у енисейских кыргызов, но значительно обеспокоило государство Саманидов, не желавшего усиления северных кочевников. Была объявлена «священная война» против тюрок, длившаяся с переменным успехом более 50 лет. Власть саманидов распространилась на область Тараз и часть Чуйской долины до г. Мерке.

В конце IX в. продвижение саманидов на восток было остановлено каганом карлуков Огулчак Кадыр-ханом.

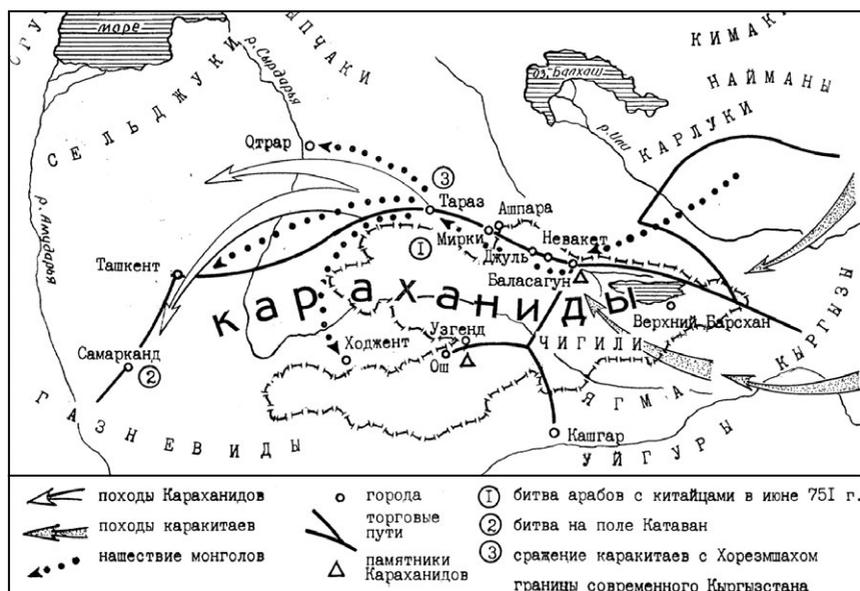
В течение столетия в среде карлукских племен Тянь-Шаня, Семиречья и Восточного Туркестана накапливались силы, которые, сплотившись вокруг возвышавшейся династии Караханидов, вытеснили саманидов почти из всего Мавераннахра и создали собственное сильное государство.

КАРАХАНИДСКИЙ КАГАНАТ

Термин «караханиды» в научную литературу был введен в XIX в. русскими востоковедами и стал общепринятым для

тюркской династии, которую в средневековой арабо-персидской литературе именовали «дом (династия) Афрасиаба». Каганы из «дома Афрасиаба» принимали нынешние тюркские и мусульманские титулы, в которых обязательными компонентами были «арслан-хан», «богра-хан», «ташгач-хан».

Ведущую роль в Караханидском каганате, достигшем наибольшего могущества в X–XII вв. (XII), играли тюркские племена карлукского объединения чигили и ягма. Основателем династии стал Сатук Абд ал-Керим Кара-хан (умер в 955 г.), перед смертью он принял ислам. Его сын и приемник Мусса объявил ислам государственной религией (960 г.).

Кыргызстан в XI–XII вв.

Основная территория Караханидского каганата охватывала Центральный Тянь-Шань, Семиречье, Фергану

и большую часть Восточного Туркестана. В период могущества Караханиды завоевали большую часть Средней Азии, подчинили Бухару и Самарканд. Столицей Караханидского каганата стал г. Баласагун (развалины Бурана близ г. Токмок), другой столицей был Узгенд. Государство Караханидов делилось на уделы, во главе которых стояли представители династии со сложной системой подчинения и соподчинения. Границы уделов часто менялись. Удельные правители имели большие права — вплоть до чеканки собственной монеты. В таких условиях междоусобные войны, распри и разлады стали заурядными явлениями.

Караханидские каганы в основном отошли от древнетюркской системы управления и унаследовали от саманидов мусульманизированную государственную систему управления, где преобладал уже мощный чиновничий аппарат, а не родоплеменная знать. И хотя во главе уделов, согласно традиции, ставились родственники кагана, но они подчинялись центральному аппарату. Он состоял из двух частей: дергач (управление делами дворца) и диван (канцелярия, управляющая делами государства). Отсюда государственные земли в караханидском каганате назывались дивани. Посредниками между каганами и подданными были хаджибы, они же были советниками государей. В состав дергача входили дворецкий (кунуг башы), хранитель постели и казны (агычы), управляющий приемом гостей (бирун), кухней заведовал ашчы, вином — ыдышчы, ловчими птицами — кушчы и т. д. Особый чиновник отвечал за безопасность дворца. Дворцовые стражи назывались ятган.

Диван состоял из десяти канцелярий: везира (ходжа-йи бузурга), казначея (мустауфи), иностранных дел (инша), начальника гвардии (сухиб шурат), почты и надзора за благонадежностью (сахиб-барид), надзирателями за рынками, качеством товаров и ценами (мухтасиб), судебная (казн), управления имуществом религиозных учреждений (вакф) и др.

Хан имел девять знамен желтого цвета, которые являлись важными государственными регалиями. Это было наибольшее количество знамен, которое могло быть у одного правителя, что являлось символом наивысшего могущества хана.

В 40-х годах XI в. неожиданно возвысился Ибрахим ибн Наср Тамгач-хан, который из владельца мелкого ферганского удела превратился в могущественного кагана. Он был популярен в народе, так как установил твердую власть, попытался прекратить усобицы, искоренял разбой, следил за стабильностью базарных цен, был примерным мусульманином и учреждал вакфы.

Ибрахим дожил до глубокой старости и умер в 1067 г. Но уже при нем Караханидское государство фактически распалось на два самостоятельных государства — Восточный каганат со столицей Баласагун (позже — Кашгар) и Западный — со столицей Узгенд (позже Самарканд). Смерть Ибрахима Тамгач-хана всколыхнула междоусобную борьбу его потомков за власть, которая не прекратилась и при их преемниках.

В начале XII в. Караханиды стали вассалами Сельджукидов, но пока еще сохраняли полную самостоятельность во внутренних делах, но уже в конце 30-х годов XII в. земли Караханидов стали легкой добычей кочевников с востока — кара-китаев (киданей), а в начале XIII в. — монголов.

В Караханидском каганате были созданы два величайших письменных памятника средневековья — дидактическая поэма Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагуни «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») и первый «Словарь тюркских наречий» («Диван лугат ат-тюрк») Махмуда Кашгари. Поэма «Кутадгу билиг» (1069 г.) написана ярким, образным языком, имела глубокий философский и житейский смысл и пользовалась огромной популярностью в народе. Вот несколько строк:

С поспешностью дел не свершай никогда:
За каждую спешкой приходит беда.
Терпя, да запасшись усердием впредь,
сумеет и раб пояс бека надеть¹.

Ученый-филолог Махмуд Кашгари, отец которого был родом из прииссыккульского крупного торгового центра Барс-хан, исходил все земли тюркских народов — туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов, изучая их языки, быт и культуру, и в 1072—73 гг. завершил свою книгу «Диван лугат ат-тюрк». В ней содержатся бесценные поговорки, пословицы, образцы народной поэзии и фольклора тюркских народов.

Наш мир рожден из перечня пустот.
Вращается тяжелый небосвод —
И звездная горит на нем скрижаль.
Окутан ночью день.

Когда тревожит душу странный зов
Из древнего созвездия Весов,
Глаза свои ты опусти к земле.
День ночью окружен.

Красный скакун промчался по земле,
Красный огонь он высек на земле! —
Сухая, рыжая — горит трава.
Охвачен ночью день².

Свое сочинение автор снабдил круглой географической картой, в центре которой поместил озеро Иссык-Куль, города Баласагун и Кашгар. В письменных источниках упоминаются имена целого ряда других ученых и литераторов,

¹ Стихотворный перевод В. И. Шаповалова.

² Его же.

которые жили в городах Баласагун, Узгенд, Шельджи, Барсхан и др.

Все политическое, экономическое и культурное развитие в Караханидском государстве шло в направлении сложения новой этнической общности — общетюркской народности. Но этот процесс был прерван в начале XII века нашествием сначала кара-китаев (киданей), а затем найманов, пришедших также из Монголии, откуда они были вытеснены более мощной силой во главе с Чингис-ханом. Эпоха древнетюркских государств завершилась. Началась эпоха монгольских династий в Средней Азии.

ГОСУДАРСТВА НА ТЯНЬ-ШАНЕ ВО ГЛАВЕ С ДИНАСТИЯМИ МОНГОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В XI—XII вв.

Степи Центральной Азии в постгуннское время стали ареной борьбы за преобладание двух основных крупных объединений кочевников, близких по социальному устройству, образу жизни, основным занятиям, но различных по происхождению и, следовательно, глоттогенезу: одни из них были потомками племен круга древних дунху и говорили на прамонгольском, другие — потомками древних жунов, говорили на пратюркском языке. Потомки древних сушеней — тунгусоязычные народы — долго не принимали активного участия в борьбе за гегемонию в Центральной Азии, и лишь когда силы тюркоязычных и монголоязычных народов иссякли, сказали свое веское слово в истории региона. Сначала кратковременное господство в Великой Степи захватили монголоязычные сяньби, а затем жуань-жуани.

В то же время, усилив натиск на одряхлевший Китай, монгольское племя цифу создало династию Западная Цинь (385—431), племя туфа — династию Южная Лян (397—414), племя мужун — династии Ранняя Янь (337—370), Поздняя Янь (384—409), Западная Янь (386—394) и Южная Янь (398—410), а монголоязычное же племя тоба — династию Северная, или Поздняя Вэй (386—534). Таким образом, монголоязычные племена, воспользовавшись взаимным ослаблением в результате многовековой борьбы тюрков

(Империя гуннов) и китайцев (Империя Хань), лишили политического господства в степи первых и захватили Северный Китай, где создали семь (!) династий, правда, эфемерных, малоавторитетных и малосильных.

Затем, в середине VI в., тюрки во главе с каганами из династии Ашина «с громом опрокинули» каганат жуань-жуаней, а Китай был объединен природной китайской династией Суй. В Центральной Азии опять стали господствовать тюркоязычные народы, создавшие ряд государств имперского типа: Тюркский, Восточнотюркский, Западнотюркский, Тюркешский, Уйгурский каганаты, сыгравшие важную роль в развитии гуннских традиций тюркской государственности и создавшие ряд новых государственных институтов (эль, система престолонаследия и др.).

Уйгурский кигнат пал под натиском кыргызов в середине IX в. Держава кыргызов стала последним крупным государством в Центральной Азии на древнетюркской основе. Древние тюрки в Средней Азии и Казахстане еще сумели создать государства карлуков, караханидов (Тянь-Шань), кимаков (Прииртышье), огузов (Приаралье), но решающего влияния на политику в Центральной Азии они не имели. В XII в. на Караханидском каганате закончилась славная эпоха древнетюркской государственности. Началась длительная эпоха политического преобладания древнемонгольских племен, ознаменовавшаяся новыми тенденциями в развитии государственности кочевников, повлиявшими не только на историю становления государств на Тянь-Шане, но и всей Евразии, Китая, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, России и, в известной степени, Западной Европы, то есть почти всего известного в то время мира.

Особое значение в развитие кочевой государственности внесли монгольские кидани (кара-китай). Они открыли новую страницу во взаимоотношениях государств кочевников и Китайской империи. Обычно все вожди прежних кочевых владений признавали превосходство императора,

либо считали себя равными ему. Киданьский же владыка вынудил гордого императора Китая, «Сына неба», официально признать себя сыном, а кочевого владыку — своим отцом. Иными словами, впервые в своей истории Китай признал чужеземное господство. Мало того, он уступил киданям 16 китайских областей. Кидани создали династию Ляо (937—1124 гг.), выработавшую новые государственные формы управления оседло-земледельческим населением, с применением кочевнических методов управления, развили их и передали как исторический драгоценный опыт монголам Чингисхана, сокрушившим Китай в XIII в.

Таким образом, представление о том, что монгольская империя Чингисхана возникла из небытия и на пустом месте, не соответствует действительности. К концу XII — началу XIII вв., когда над Великой Степью взошла звезда Чингисхана, монгольские племена накопили значительный опыт государственной культуры, как кочевой традиционной, так и заимствованной и переработанной для своих нужд китайской. Не случайно советниками Чингисхана были кидани — представители многоопытной династии Ляо.

Мы остановились на этом вопросе не из научного любопытства, а только потому, что этого настоятельно требуют интересы раскрытия нашей темы. Дело в том, что развитие государственности на Тянь-Шане в XII—XVII вв. было теснейшим образом связано с монгольскими династиями Ляо, Юань (последняя образована Чингисханом) и другими, вплоть до ойратов (калмаков).

ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНЫХ КИДАНЕЙ И НАЙМАНОВ

Образованное киданями на территории Центральной Азии и Северного Китая в 916 г. сильное государство Ляо в 1124 г. было разгромлено народом тунгусского корня — чжурженями.

Один из членов правящей династии Ляо Елюй Даши, пытаясь спасти остатки своего народа, в 1129 г. объявил себя гурханом (ханом ханов) и обосновался на р. Эмиль (р-н современного г. Чугучак). Вскоре по просьбе правителя Баласагуна — столицы Восточного каганата караханидов, погрязшего в усобицах и распрях, гурхан «сел на трон подобранного на дороге царства, лишил потомков Афрасиаба звания «хана» и образовал новое государство Си Ляо (Западное Ляо), сделав столицей г. Баласагун (по кара-китайски — Хосун Ордо). Отсюда кара-китаи управляли громадной территорией от Енисея до Сырдарьи. Через некоторое время гурхан добился вассальной зависимости Западного каганата караханидов (1141 г.) и в 1158 г. подчинил Хорезм. Хорезмшах обязался также выплачивать дань 30 тыс. динаров золотом. Вассальные правители в знак подчинения гурхану носили на груди серебряную пайцзу.

На подвластной обширной территории от Амударьи до Восточного Туркестана и Джунгарии включительно была проведена перепись населения, согласно которой здесь проживало 84,5 тысяч семей кочевников. Упорядочена налоговая система: каждый двор обязан был вносить в казну один золотой динар. Население городов платило более высокие налоги. Жители Баласагуна вносили одну десятую часть дохода.

Введена свобода вероисповедания (буддизм, христианство, ислам). По форме государственного устройства Западное Ляо было централизованной империей, по форме правления — военно-деспотической монархией.

Кидани создали стройную военно-бюрократическую систему, на вершине которого находился гурхан из правящего рода Елюй. Титул гурхана происходит от монгольского корня «гур» (большой, всеобщий), «народ» (собрание племен), т. е., «хан с огромной властью», «верховный правитель». Этот титул носили многие монгольские правители. Его очень любил Хромой Тимур.

В управлении государством гурхан опирался на верховный совет, которым руководил цзяйсин (первый министр). В конце правления династии он именовался уже по мусульманскому образцу — визирь (бузург). Его помощник носил китайский титул чжижен. Верховному совету подотчетны левая (западная) и правая (восточная) тайные канцелярии по управлению гражданскими делами (ю чжуншу и цзо чжуншу). К центральному управлению относились суд (и-ли-бо), финансы (а-ча-го-чжи), церемонии двора (ди-ли-ма-ду), управление главноначальствующего походными лагерями (син-гу-ду-чзун-гуань-сы).

Елюй Даши разделил империю на две неравные части: внутренние районы с центром в Баласагуне, которое управлялось непосредственно центральным правительством, и вассальные территории с тройкой степеней зависимости от гурхана:

1. Территории с правлением наместника гурхана, который, по сути дела, вел себя как хозяин, подменяя местных правителей, оставляя им только номинальную власть (вассальные княжества карлуков и уйгуров).
2. В вассальные владения гурхан посылал только сборщиков налогов. Их называли государственными наблюдателями двух рангов: старший (цзяньго) и младший (шаоцзянь), несколько позже их называли по-тюркски баскаками.
3. Местному правителю оставляли всю полноту власти, в т. ч. и сбор налогов. Он сам привозил дань в ставку гурхана и имел право денежной эмиссии. Такие вассалы только номинально подчинялись центральной власти, вели себя самостоятельно и даже соперничали с ней (Балх, Хорезм).

Таким образом, в отличие от династии Караханидов, создававших мусульманизированный государственный аппарат по иранско-саманидскому образцу, первая монгольская

династия киданей на Тянь-Шане использовала хорошо отработанную государственную систему Великого Ляо в Китае.

Но при этом она была вынуждена опираться на крайне слабое местное управление. В силу этого центральная власть не отличалась прочностью. Разноплеменное государство раздиралось усобицами.

В 1208 г. во владения гурхана бежали осколки монгольских племен найманов и меркитов, разбитых Чингисханом на Иртыше. Они обосновались в Семиречье. Их предводитель царевич Кучлук, окрепнув, сместил гурхана и встал во главе обширного, но уже ослабевшего государства.

Кучлук не внес в государственное управление на Тянь-Шане ничего нового. Он безуспешно пытался использовать государственный аппарат, оставшийся в наследство от гурхана, но больше положился на силу своей конницы, чем привел государственные дела в запустение. К тому же он противопоставил найманов, исповедующих христианство и буддизм, большинству мусульманского населения Семиречья и Восточного Туркестана. В результате чего оно стало враждебным найманам. Через несколько лет конец правлению Кучлука положил Чингисхан.

О ЧИНГИСХАНЕ И ЕГО ЗАВОЕВАНИЯХ

Образование Монгольской империи в начале XIII в. имело огромное значение для судеб всех государств Центральной и Средней Азии, в т. ч. и для Кыргызстана. Значение как положительное, так и отрицательное. Личность Чингисхана и его деяния заслуживают более широкого рассмотрения.

Громким именем, титулом «Чингисхан» кочевой «потрясатель мира» завладел уже в преклонных годах. Имя, полученное им при рождении, было довольно распространенным и обычным — Темучин, (Темучжен). Родился он, по одним

²⁶ Там X. В. М. Плоских

сведениям, в 1162 г., по другим — в 1155 г. (последняя дата представляется более точной). Он происходил из очень знатного монгольского племени кият. Прямым предком его считался Борджигин, один из сыновей полумифической прародительницы всех монголов Алангоа. Мать Темучина была тоже из знатного племени конграт.

Он рано познал тяготы сиротства, предательство родственников, голод, унижения и даже колодку рабства на шее. Юношей обратил на себя внимание незаурядными способностями, умом, личной отвагой. В конце XII в. он стал самым авторитетным предводителем в монгольских кочевьях. В 1206 г. на курултае у истоков р. Орхон Темурчин был провозглашен повелителем всех народов.

Чингисхан создал сильное и дисциплинированное войско, в котором царил жесткая дисциплина. Войско делилось на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (тумен). За трусость одного воина казнили весь десяток, за бегство с поля боя десятка — всю сотню.

Чингисхан сознательно, как один из методов ведения войны, ввел практику поголовного истребления мирного населения. При взятии Мерва, например, было уничтожено столько людей, что множество пленных писцов за 19 дней не смогли точно подсчитать количество погибших.

Выше мы уже рассказывали о гибели государства кыргызы на Енисее, которое будучи раздробленным на три владения: Еди-Орун (Средний Енисей), Тува и Алтай — уже в 1207 г. вынуждено было подчиниться старшему сыну Чингисхана Джучи. И хотя кыргызы неоднократно восставали против монголов (1217, 1218, 1273 гг.) и даже смогли не надолго восстановить свое государство (1273—1293 гг.), тем не менее, оно было обречено и в 1293 г. прекратило свое существование, а народ был выселен в район впадения р. Сунгари в р. Амур и в китайскую провинцию Шандун.

Завоевание монголами Восточного Притяньшанья протекало благополучно для Чингисхана. После разгрома

найманов на р. Иртыше в 1208 г. его войска вплотную приблизились к владениям найманского Кучлука на Тянь-Шане.

Кучлук, занятый борьбой с собственными мусульманскими подданными в Восточном Туркестане и Семиречье, не был подготовлен к войне с монголами. Мусульманское же население ждало монголов как избавителей, т. к. Кучлук силой принуждал их принять буддизм или христианство.

В 1218 г. Чингисхан направил против Кучлука отряд в 20 тыс. воинов во главе с полководцем Джебэ-нойоном. Вступив в пределы Семиречья, монгольский полководец объявил, что каждый имеет право исповедовать религию своих отцов. Кроме того, войску было запрещено убивать мирное население. Следствием этого было добровольное открытие ворот г. Баласагуна его жителями, и восстание всего населения Восточного Туркестана против Кучлука и его воинов, многие из которых были перебиты. В одном из горных проходов Семиречья Кучлук дал монголам последний бой. Был разбит, бежал, но его поймали и обезглавили.

Таким образом, население средневекового Кыргызстана содействовало успеху монголов и не испытывало ужасов завоеваний Чингисхана. Однако хозяйство и культура народа были уже основательно подорваны распрями последних Караханидов и правлением Кучлука.

В 1219 г. армия Чингисхана, к которой присоединились сильные отряды семиреченских карлуков и 10-ти тысячная армия турфанских уйгуров, захватила всю Среднюю Азию, Афганистан и часть Ирака.

В 1227 г. завоеванные Чингисханом земли, в качестве наследственных улусов, были поделены между его четырьмя старшими сыновьями.

Военно-феодальная империя монголов первоначально представляла собой по форме правления централизованную монархию, во главе которой стоял всемонгольский

владыка. Он же со второй половины XIII в. основатель новой династии китайских императоров Юань. Держава делилась на уделы-улусы. Первый сын Чингисхана Джучи получил во владение степи Дешт-и-Кыпчак и все земли к западу, которые завоеует. Третий сын Угэдэй получил Алтай, часть Восточного Туркестана в пределах Эмиля. Иран и страны Ближнего Востока, которые предстояло еще покорить, были отданы Хулагу. Собственно Монголия стала центром государства, где была резиденция верховного кагана. Ее, по обычаю, получил младший сын Тулуй. Но права быть верховным ханом всех монголов ни Тулуй, ни его потомки не имели. По завещанию Чингисхана таким правом, т. е. правом быть всемонгольскими ханами и «Сыновьями неба», т. е. китайскими императорами, обладали Угэдэй и его потомки.

Земли Кыргызстана вошли в улус второго сына Чингисхана — Чагатая, который завладел территорией Средней Азии от р. Или до р. Амударья, включая часть Восточного Туркестана. Как военную опору Чагатай получил четыре тысячи гвардейцев отца из монгольских племен барлас и конград. Столицей улуса стал город Алмалык в долине р. Или. Здесь же, в местности Куяш, располагалась и летняя резиденция Чагатая. Несколько позже на богатые пастбища Тянь-Шаня вселились монгольские племена баарин, сулдуз и подвластные им тюркские «лесные» племена доолос, теленгут и др.

ГОСУДАРСТВО ХАЙДУ

Оседло-земледельческие народы Средней Азии, находясь под прессом военно-феодальной государственности кочевников, непосредственно управлялись наместниками из своей же среды. Наместниками, как правило, были люди, оказавшие заметные услуги завоевателям и не выходявшие

из повиновения новым владыкам. Первым из них был Махмуд Ялавач, мусульманин, купец, доставлявший Чингисхану ценные сведения о военном и государственном положении во владениях Хорезмшаха. Власть всемонгольских императоров всегда была номинальной. С ней мало считались улусные владыки, которые были полными хозяевами и не подчинялись «великому хану». Между улусами не было твердо установленных границ, что привело к спорам, пограничным стычкам, а затем и войнам между Чингизидами. Распад империи монголов был исторически закономерен: во-первых, монгольское общество перешло на новый уровень развития феодальных отношений, обусловивший усиление сепаратистских тенденций в среде родоправителей; во-вторых, власть монгольских правителей была чужда разноплеменному населению империи и оно не упускало возможности оказать ей эффективное сопротивление.

Сепаратизм монгольских феодалов принес свои плоды и на покоренных землях Средней Азии. Здесь в 60-х гг. XIII в. возникло самостоятельное государство с центром на Тянь-Шане, правителем которого стал потомок Чингисхана Хайду.

В 1269 г. курултай монгольских князей, собравшихся на р. Талас, объявил о полной независимости нового государства. Верховный монгольский хан Хубилай хотел было пресечь сепаратистов-чингизидов, но все военные походы великого хана успеха не имели. Марко Поло дает высокую оценку личности хана и его деяниям: *«В Великой Турции царь Кайду... много у него городов и замков и очень он силен. Он татарин, и народ его татарский, славные они воины, да и не удивительно: все они к войне привычны. Кайду... великому хану не подчиняется и все с ним воюет... Много раз бился Кайду с войсками великого хана... Целый год... войска великого хана стояли кругом царства Кайду, чтобы ни Кайду, ни его люди не могли разорять*

земли и народы великого хана. А Кайду все-таки делал набеги... Кайду, коль хорошенько постарается, так может выставить в поле более ста тысяч всадников, всех храбрецов, к войне и к сражениям привычных. При нем много князей имперского рода, т. е. Чингисханова».

Государство Хайду объединило земли улусов Угэдэя и Чагатая. Оно занимало территорию от Алтая до Аму-Дарьи, включая Восточный Туркестан. Чуйская долина стала вотчиной Хайду, здесь располагалась его ставка. В Таласской долине находилась ставка сына Хайду-Шаха, в восточных районах Тянь-Шаня правил наследный принц Чапар. Многие феодалы-чингизиды получили земли в южных районах Кыргызстана. Согласно свидетельствам современников, Хайду отличался качествами выдающегося государственного деятеля и полководца. Он предпринял ряд важных мер по улучшению хозяйственной жизни населения, активизации торгово-экономических связей. Хайду призывал своих вассалов разумно относиться к нуждам простого народа, по-хозяйски решать все вопросы государственной жизни. Было строго регламентировано налогообложение, указы гарантировали права землепашцев, получило развитие ремесленное производство. При Хайду была успешно проведена денежная реформа, налажена чеканка собственной серебряной монеты твердой пробы и веса. Все это привело к быстрому возрождению экономической жизни. Большое экономическое значение приобрели города Тарсакент (близ современного г. Бишкек) и Караялык (вблизи опустевшего Баласагуна). Автор сочинения начала XIV в. «Аноним Искандера» отмечает и созидательную деятельность Хайду: *«В Туркестане и в Фергане он построил несколько больших городов, в том числе область купола ислама — Андижан. В ту область он привел достаточно народа из всех своих владений, и поныне каждый квартал в этом городе принадлежит какому-нибудь определенному племени».* Это свидетельство

характеризует резкое изменение в национальном составе населения Ферганы в XIII — начале XIV вв. в результате оседания кочевых племен.

Хайду не смог предотвратить гибель государства Кыргыз на Енисее, но сумел защититить от репрессий кыргызов, находившихся в его владениях на Алтае и Восточном Тянь-Шане. Стремясь сохранить достигнутые в экономической жизни страны традиции, хан Хайду избежал дорогостоящих завоевательных войн. Заботясь лишь об обороне своих владений, он давал решительный отпор нападениям, вел искусную дипломатическую игру, поддерживал сепаратистские тенденции во вражеском стане.

Хайду умер в 1301–1302 гг. Он был похоронен в горах, окружающих восточную часть Чуйской долины. В государстве сразу же вспыхнула междоусобная борьба чингизидов за власть, приведшая в середине XIV столетия к распаду государства на две части: на востоке Средней Азии возникло новое государственное объединение — Моголистан, ведшее постоянную борьбу с Мавераннахром на западе.

ГОСУДАРСТВО МОГОЛИСТАН И ОБРАЗОВАНИЕ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ У КЫРГЫЗСКОЙ НАРОДНОСТИ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Государственный строй

Длительные усобицы после смерти хана Хайду обессилили народы Средней Азии. Более развитый в экономическом и культурном отношении Мавераннахр со старыми городскими центрами (Самарканд, Бухара, Балх, Ходженд и др.) резко отличался от восточных районов государства (Тянь-Шань, Семиречье), где практически была уничтожена оседло-земледельческая культура и господствовало кочевое скотоводство. Противоречия между феодалами обеих частей государства все более обострялись, и к середине XIV в. привели к распаду государства. Западная часть — Мавераннахр — после ожесточенной борьбы досталась тюркским эмирам, среди которых несколько позже выделился эмир Тимур.

В восточной части, то есть на территориях современных Кыргызстана, Южного Казахстана, Семиречья и Восточного Туркестана, образовалось государство с названием Моголистан (от «могол», «монгол»). Здесь власть захватили феодалы из отюреченного племени дуглатов эмир Пуладчи и его младший брат Камар-ад-дин. В 1348 г. они посадили на престол хана мнимого потомка Чагатая Тоглук — Тимура, который, стремясь укрепить свою власть, в 1354 г. принял ислам, сделал его официальной религией государства,

силой принуждая рядовых кочевников принимать новую религию.

Государство Моголистан (Страна монголов) занимало территорию от Иртыша и Баркуля на востоке до Сырдарьи и Ташкента на западе, и от Балхаша на севере до городов Ферганы и Восточного Туркестана на юге. Оно делилось на ряд фактически независимых от власти хана областей.

Средневековые авторы применяли разные термины для обозначения этого государства: вилайат, билад, иль (эль), мамлакат, юрт, улус. Некоторые авторы пренебрежительно называли его «улус Джете», «государство грабителей». Население государства подразделялось на ряд крупных племен: дуглат, кереит, чорос, баарин, канглы, кушчи, булгачи, аргинут и др., имевших отчетливый характер административных единиц. В военном отношении население делилось на тысячи и туманы (10 тысяч), которые иногда назывались этническими терминами, например, «тысяча Мубарак-шаха мекрита на р. Арпа». Это свидетельствует о совпадении административно-военного деления государства с территориально-этническим, на которых базировалась феодальная ленная система.

Главой государства был хан из рода Чингисхана, власть которого была наследственной, тем не менее, эмиры присвоили себе право выбирать ханов из числа разных претендентов на престол. Глава эмиров улусбеги Худайдад, например, сумел посадить на престол шесть ханов. Таким образом, власть хана в значительной мере была ограничена могуществом феодальной знати, опиравшейся на силу своих племен.

Государственная организация в Моголистане имела сложившийся довольно развитый центральный и местный аппараты управления. Источники донесли до нас лишь некоторые элементы госаппарата.

Маджлис — совет из приближенных хана и знати, на котором решались все важные государственные дела

и который ограничивал самовластье хана. В нем заседали уже не только родственники хана, как у монголов, но и крупные феодалы, видные чиновники.

Канцелярией ведал диван. Его начальник был первым советником хана.

Дафтары занимались управлением финансов и налогами.

Номинально вторым после хана (а часто фактически первым) лицом в государстве был улусбеги. Он командовал всеми военными силами, руководил всем чиновничьим аппаратом, контролем за сбором налогов и расходованием финансов. Все ханские указы скреплялись печатями хана и, чуть ниже, улусбеги. Улусбеги был освобожден от всех налогов и поборов, то есть обладал тарханскими правами. Столь обширные права, как и должность улусбеги, передавались по наследству старшинам из племени дуглат.

Среди высших должностей в государстве упомянуты атабеки (воспитатели наследников престола), ясавулы (что-то вроде министра двора), даруга (наместники хана), миршикар (распорядитель охоты). Военный аппарат из темников, тысячников, сотников, как и в других кочевнических государственных структурах, не был отделен от местного гражданского и состоял из родоплеменной знати.

МОГОЛИСТАН В БОРЬБЕ С НАШЕСТВИЯМИ ТИМУРА

В обстановке частых нашествий монголов и народных волнений феодалы и купечество Мавераннахра стали искать сильную личность, которая смогла бы отразить нашествие и держать в узде народные массы. И нашли ее в лице эмира Тимурида (1336–1405 гг.), который в 1370 г. стал единовластным и полноправным хозяином Мавераннахра. Не будучи чингизидом, Тимур возвел на престол марионеточного хана и правил от его имени. К концу жизни, путем варварских войн, он создал империю, прости-

равшуюся от Средиземного моря до Восточного Туркестана включительно. Политико-административным центром «государства Тамерлана» стал Самарканд. (Тимурленг – т. е. Тимур-хромец).

Стремясь упрочить свою власть в Мавераннахре, Тимур предпринял ряд завоевательных походов на Моголистан, где все еще царила междоусобная война. В 1371 г. его войска достигли Иссык-Куля, но край был почти безлюдным: часть населения откочевала на восток – в междуречье Или и Иртыша, другая – укрылась в труднодоступных горах. Повторял он свои вторжения и в 1375, 1377, 1379 гг. Историки того времени свидетельствуют, что в ходе последнего похода ему удалось в районе Боомского ущелья, у Атбаши и в ряде других мест разбить войска Камараддина и захватить «неисчислимую добычу, отправить тысячи людей в Мавераннахр, где их продавали в рабство». Но полностью покорить население Кыргызстана «железный хромец» так и не смог.

В 1389 и 1390 гг. он вновь совершает кровавые походы против моголов всех улусов Тянь-Шаня, стремясь их уничтожить совсем. Биограф Тимура восторженно писал, что войска его повелителя «избиением и грабежом... стирали их (моголов) с лица земли; захватив многочисленный полон и несметную добычу, они отправились обратно».

Кочевые племена Тянь-Шаня и Притяньшанья оставляли родные земли, но не желали подчиниться деспоту. По свидетельству современников, реальная власть Тимура доходила лишь до Чуйской долины. Ибн-Арабшах писал, что Тимур послал сюда своих людей, которые «занимали там долины и поля, и построили несколько крепостей», всегда готовых «к грабежу и опустошению».

Память о Тимуре и его кровавых завоевательных походах сохранилась в кыргызском народе. Еще и ныне на перевале Сан-таш, к востоку от Иссык-Куля, возвышаются два каменных кургана, которые народная молва связывает

с именем Тамерлана. Под воды Иссык-Куля ушел остров, на котором, согласно письменным источникам, Тимур возвел некогда свой замок.

Некоторые события того времени нашли преломленное отражение в эпосе «Манас», где упоминаются имена конкретных исторических лиц. Народ все лучшее, все мифы о прошлом и надежды на будущее связывал с Манасом Великодушным. Наступал завершающий этап собственного самосознания и консолидации разрозненных кыргызских племен в качественно новую историческую общность — кыргызскую народность.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ НАРОДНОСТИ

В результате опустошительных походов Тимура в Моголистане произошли большие изменения. Прежде сильные племена дуглатов, гурасов, канглов и др. понесли большие людские и материальные потери. Центральный Тянь-Шань, Прииссыккулье и долина р. Или обезлюдели.

После смерти Тимура (1405 г.), когда обстановка несколько стабилизировалась, кыргызы, которые жили на восточных окраинах Моголистана, на Алтае и Джунгарии, сформировались в народность и создали свои новые государственные структуры. Постепенно, с начала XV в., они стали занимать пустующие пастбища Тянь-Шаня, подчиняя себе осколки разбитых Тимуром могольских племен. Кыргызы одинаково не признавали ни просамаркандских сторонников, ни их противников. И даже победоносный поход в северный Тянь-Шань внука Тамерлана Улугбека не принес желаемого результата. Кыргызские племена отступили, но остались непокоренными. Самаркандскому правителю пришлось удовлетворяться лишь добычей и пленными.

Уже в начале XVI века кыргызы упоминаются на Тянь-Шане как господствующая народность, именно в то время кыргызы своими воинскими качествами стяжали себе славу «лесных львов Моголистана». Об этом писал их современник Мухаммед Хайдер.

Кроме того, кыргызы в отличие от других могольских племен не приняли ислам и поклонялись традиционным языческим божествам и говорили на понятном моголам, но другом тюркском языке. Они ассимилировали местные тюркоязычные племена и стали ядром нового исторического образования — кыргызской народности современного облика.

Процессы этногенеза, приведшие к формированию кыргызской народности, чрезвычайно сложны и трудны для изучения в силу недостаточности или слабой изученности исторических источников, неразработанности археологических и этнографических материалов, фольклора, истории кыргызского языка. В связи с этим не все выводы, изложенные ниже, являются окончательными, хотя представляются достаточно определенными.

Еще совсем недавно основными признаками народности считались: общность территории, экономики и духовного склада, все это, как правило, в рамках единой государственности. Этот постулат, если и верен для европейской истории формирования наций и народностей, не всегда является корректным, когда речь идет о формировании азиатских народностей в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, когда крепка родовая и племенная солидарность. В жертву эгоистической родоплеменной идее, как правило, легко приносилась заманчивая, но эфемерная идея единой государственности. С ней в сознании микроэтноса справедливо связывалась возможность быстрого усиления того или иного кочевого рода или племени, представители которого практически осуществляли государственную идею и, естественно, становились у руля государственной власти, в ущерб амбициям других.

Идее государственности в условиях кочевой жизни предпочиталась идея союза племен на паритетных (правда, всегда весьма относительных) началах и с абсолютной внутренней автономией. Руководству такого союза племен делегировались только весьма незначительные государственные функции, которые зачастую ограничивались лишь военной сферой. Остальные государственные функции (управленческая, фискальная, судебная и др.) развивались внутри отдельных родов и племен на основе общего для этноса обычного права (адат). Государственность как таковая, таким образом, не исчезала бесследно в периоды политической раздробленности и не возникала из небытия во время консолидации кочевых племен. Она меняла лишь масштабы сферы применения. В таких условиях, естественно, племенное самоназвание превалировало над общим этническим, но не исключало формирование единого этнического самосознания. Правда, части одних и тех же племен в подобных условиях могли оказаться в составе различных близкородственных народностей. Так, племена с этническим названием кышчу, кыпчак, кытай и ряд других оказались в составе кыргызов, казахов и узбеков.

Процесс формирования современной кыргызской нации на протяжении более чем 2-х тысяч лет протекал как в благоприятных условиях собственной государственности, так и вне ее. Это наложило естественный отпечаток на специфику процесса формирования кыргызской народности, оставило много неясных моментов, отсюда и спорный, дискуссионный характер проблемы до сегодняшнего дня.

Эту многослойную проблему невозможно рассматривать однозначно, и ученые вот уже более двух столетий ломают копья по поводу всевозможных гипотез. Недаром выдающийся тюрковед Л. Н. Гумилев образно замечал: «Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух или более предков, как все люди имеют отца и мать».

Так что же такое этнос? Это исторически возникший вид устойчивой общности людей, представленный в своем поступательном развитии такими категориями, как род, племя, народность, нация. В кыргызском языке все эти понятия имеют одно значение — термин «эл». Отсюда в публикациях нередко происходит путаница, когда одно понятие (например, народ) переносится на другое понятие (в частности, род, племя). В результате часто авторы говорят о разном, но оперируют одними и теми же категориями, терминами, тем самым, еще более запутывая проблему. Сам этноним «кыргыз» обозначал, по-видимому, первоначально племя, затем — племенной союз, позже — государство енисейских кыргызов, и уже потом сложилась современная народность, оформившаяся на определенной территории, с экономической, языковой и культурной общностью. При этом кыргызский этнос впитывал в себя и ассимилировал другие народы, вырабатывал свой генофонд и менталитет. Хронологически это продолжалось с первого тысячелетия до н. э. до середины второго тысячелетия н. э. в условиях разных этнокультурных территорий на огромном пространстве — от Монголии и Южной Сибири до Тянь-Шаня и Памира.

Этноним «кыргыз» является самым древним из всех названий современных тюркских народов. Впервые он был упомянут в связи с событиями 201 г. до н. э. Тогда кыргызы жили в Центральной Азии, а позже переселились на р. Енисей, где смешались с европеоидным народом динлинов. К этому можно прибавить: и динлины. и енисейские кыргызы имели общую территорию, а также целый ряд одинаковых производственных навыков.

В результате смешения кыргызы на Енисее стали походить на европейцев волосами и голубыми глазами, что независимо друг от друга отмечали китайские, персидские и арабские историки. Необычный для Азии внешний вид кыргызов вводил в заблуждение средневековых

мусульманских купцов, которые исходили многие страны и видели разные народы. Персидский историк XI в. Гардизи в своем сочинении даже привел легенду, что кыргызы якобы произошли от славян. Он писал: *«Признаки славянского происхождения еще заметны в наружности кыргызов: именно красные волосы и белая кожа»*. Историкам хорошо известен и язык енисейских кыргызов, так как сохранились памятники их письменности. Он был тюркским, но подобно современному узбекскому или уйгурскому, — «йокающим» языком.

Мы знаем, что современные кыргызы совсем не похожи на славян. Они монголоидны и говорят на «джекающем» языке. Как и где произошли такие резкие расовые и глоттогенетические изменения? Имеют ли современники что-либо общее с енисейскими кыргызами? Над этими вопросами ломало голову не одно поколение историков. А что говорят по этому поводу народные легенды?

Согласно самой древней кыргызской генеалогической легенде, записанной китайцами еще со слов енисейских кыргызов, *народ кыргыз произошел от какого-то божества и коровы, которая зачала их предка в пещере*. Эта легенда еще не подверглась тщательному анализу фольклористов и этнографов, однако, на наш взгляд, если учесть этнографические данные, реликты ее сохранились в родоплеменных этнонимах кыргызов вплоть до наших дней в группах с названием «багыш» — лось (сарыбагыш, багыш, чонбагыш, карабагыш) или «бугу» — олень. Скорее всего, корова, которая считалась родоначальницей народа, была не домашней, а дикой самкой лося или оленя. Здесь же истоки цикла прекрасных поэтических легенд кыргызов о рогатой матери оленихе, которая олицетворялась с молодой женщиной с рогами оленя. Есть в этой легенде и общетюркский элемент — пещера, в которой произошло чудесное зачатие предка кыргызов.

Древние тюрки были убеждены, что их предками были юноша и волчица, уйгуры — дочь хана и волк. Согласно более поздней генеалогической легенде, кыргызы произошли от сорока девушек, случайно оставшихся в живых после нападения врагов, и одинокой желтой собаки, охранявшей их на берегу безлюдной реки. Другая легенда гласит: сорок девушек (кырк кыз) в горах Ферганы встретили тридцать юношей (отуз уул). Они-то и дали начало народу кыргыз. В древнетюркской легенде (III—V вв.) говорится, что Кыргыз — имя одного из десяти сыновей волчицы, рожденных в пещере. Впоследствии он занял земли между реками Абакан и Енисей. Этот юноша стал первопредком народа, передав ему свое имя.

Таким образом, мы убедились, что легендарные циклы не так уж и богаты историческими материалами о происхождении народа. Они не имеют самостоятельного этногенетического значения.

Генеалогические предания кыргызов — санжыра — рассказывают о происхождении поколений по родам и племенам, но содержат нередко противоречивые сведения, поэтому также не проясняют проблему происхождения народа в целом.

Крайне скудны этногенетические сведения и в фольклористике. В эпосе «Манас» сведения о происхождении героя сводятся к тому, что сам герой родился на Алтае, где провел свое детство и юношеские годы. Возмужав, Манас вместе со своим народом занял земли Ала-Тоо, а свою ставку перенес на берега Таласа. Таким образом, сам народ помнит о переселении на Тянь-Шань, но не с далеких берегов Енисея, а с более близких к своей нынешней родине земель Алтая.

Ученые же, начиная с XVIII в., высказывали множество предположений. Одни уверены, что енисейские кыргызы переселились на Тянь-Шань. Другие утверждают: современные

кыргызы всегда, по крайней мере со времен усуней, жили на Тянь-Шане и древние усунь это и есть кыргызы. Тем более, что в группе северо-кыргызских и южно-казахских племен есть родовое название уйсун. А некоторые даже утверждают: еще более древние обитатели этих мест — саки — прослеживаются в названии кыргызского племенного объединения саяк. Для слуха ученого это звучит как примитивная натяжка, но... Всякая гипотеза, даже самая фантастическая, имеет право на существование, пока не докажут ее несостоятельность. А такого доказательства нет. Зато есть другое: и саки, и усунь жили в древности на территории Кыргызстана.

Что же говорят источники?

В истории кыргызов известен период, о котором можно было бы сказать словами отца Манаса: *«Когда в разных местах каждый из нас (кыргызов) в правителях ходил»*. Это период великодержавия в IX–X вв., который можно считать важнейшим этапом формирования кыргызской народности. Именно на этом этапе, когда кыргызы стали гегемонами в Центральной Азии, сам этноним «кыргыз» получил широкое географическое распространение — от Монголии до Тянь-Шаня и Памира. Но это вовсе не значит, что столь велика была численность кыргызов. Видимо, подчинив себе другие кочевые народы, кыргызы как бы передали им свое название. Стало престижным причислять себя к клану правящего рода, племени, и подданные кыргызам другие народы предпочитали себя тоже называть кыргызами, подобно тому, как ранее считалось престижным именоваться «тюрком» и как чуть позже татары распространили свой этноним на другие народы обширной Евразии. По этому поводу еще знаменитый летописец монголов Рашид ад-Дин писал о татарах: *«Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные*

роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем». Даже в XVIII веке известный русский ученый П. И. Рычков, составляя сводку граничащих с Россией «татарских» народов, первым из них назвал «алатай-кыргызов». Таким образом, начиная с IX в., этноним «кыргыз» стал еще и этнополитонимом.

После кратковременного периода великодержавия государство Кыргыз распалось на ряд феодальных владений и утратило свою былую силу, Но государственные институты в различной форме продолжали функционировать.

Одно из таких владений кыргызы образовали на Алтае. Об алтайском периоде кыргызов довольно мало писали средневековые историки и географы. Но одно из анонимных арабских сочинений X в. «Худуд ал-Алам» («Границы мира») — так характеризует население Алтая того времени: «Кыштым — название другого народа, добывают меха, мускус, рог хуту (ископаемые бивни мамонта — *Ред.*) и другое. Это один из кыргызских народов, их речь ближе к карлукской, а по одежде они напоминают кимаков». Таким образом, историк отмечает на Алтае смешение различных культур тюркских народов: кыргызов и местного населения Алтая.

В XIII в. на Алтае и в Джунгарии образовалось княжество Кыргыз, часть населения которого монголы насильно выселили с родных земель. С кыргызами, оставшимися на Алтае и в Джунгарии еще в IX—X вв., оторванными от родины на Енисее, за несколько столетий произошли большие этнические изменения. Под влиянием преобладающего числа местного тюркоязычного населения они утратили свой европейский внешний облик и стали походить на другие тюркские народы, изменился язык кыргызов и погребальный обряд. Постепенно кыргызы на Алтае утратили многие культурные достижения своих енисейских предков, в том числе и письменность. Исторические судьбы енисейских кыргызов разошлись с алтайскими. Первые

растворились в составе иных тюркских племен, вторым суждено было стать ядром современного кыргызского народа.

Позже кыргызы Алтая и Джунгарии входили в состав государства Моголистан — государства — конгломерата отороченных монгольских и тюркских племен. Историк того времени писал: «Кыргызы тоже из монгольских племен». В XV в. часть кыргызов из Иртыша перешла на территорию современного Северного Кыргызстана и прочно утвердилась на ней. В объединение кыргызских племен вошел крупный улус Булгачи, занимавший земли между реками Иртыш и Или, в составе которого были племена бостон, тейит, джоо-кесек, доолос, кыдырша и канглы. Позже они переселились в Фергану, где назывались кыргызами — ичкиликами. К кыргызам примкнули и другие Тянь-шаньские моголы племен баарин, дуглат (дуу-лат), кушчу, баргы, монгол, монголдор, нойгут, меркин и др., а также тюркские племена, которые обитали на Тянь-Шане еще в VI—VII вв. К ним относились: бичине (печенег), жедигер (ийи-гдер), оргу, сокулук, азык, кытай, найман, черик и др.

Нужно отметить, что древнетюркские и могольские племена одновременно вливались не только в состав кыргызской, но и в состав узбекской и казахской народностей, которые формировались в одно и то же время. Это обусловило близкое родство трех основных тюркских народностей Средней Азии.

Могольские и древнетюркские племена Тянь-Шаня были родственны кыргызам. Вместе они долгое время входили в государство Моголистан и под влиянием общих экономических, политических и культурных факторов сплотились в одну народность, ядром которой стали кыргызы.

Важным этапом формирования новой народности стало объединение всех племен в два «крыла» — традиционное объединение всех тюркских кочевников, начиная с гуннов. В «онг канат» («правое крыло»), согласно С. М. Абрамзону,

вошли племена: сары-багыш, бугу, саяк, солто, жедигер, баргы и др. В «сол канат» («левое крыло») вошли: кушчу, саруу, кытай, мундуз, басыз, чон-багыш и др. Оба объединения включали как кыргызские, так и давно уже отюреченные монгольские племена на равноправной основе. Все племена, вошедшие в систему двух «крыльев», а также ичкилики Ферганы стали именоваться общим этнонимом «кыргыз». Этот важный исторический акт произошел в конце XV — начале XVI вв. и был завершающим этапом процесса сложения кыргызской народности. С этого времени мы можем говорить об образовании современной кыргызской народности на Тянь-Шане как единой этнической общности, поднявшейся над родом и племенем и включающей в себя множество других, не кыргызских по происхождению родоплеменных образований.

Следует отметить, что деление кыргызских племен на группы «онг канат», «сол канат», и «ичкилик», кроме этнической, носило еще и военно-политическую и административную нагрузку (подобно членению казахской народности на три жуза). т. е. стали эврионем возрождению кыргызской государственности и частично выполняли важнейшие государственные функции. Однако внешнеполитические условия, калмакская агрессия и постоянные межплеменные распри, затихающие лишь во время борьбы за выживание с более сильными соседями, отложили столь важный акт в истории кыргызского народа до лучших времен.

Громадное значение в сплочении народности сыграли идеологические факторы. Прежде всего, это относится к принятию тянь-шаньскими кыргызами ислама, что имело положительное значение для идеологического единства различных племен. Кроме того, ислам позволил кыргызам войти в семью мусульманских народов Средней Азии и приобщиться к их высокой культуре. С этого времени кыргызы взамен утраченной приобрели новую письменность на основе арабской графики. Вторым важным

объединяющим идеологическим фактором стал общекыргызский эпос «Манас», который окончательно сформировался на Тянь-Шане. Идеи объединения кыргызов перед лицом внешней опасности, основные в эпосе, стали близкими и понятными всем племенам и сыграли прогрессивную роль в консолидации кыргызской народности.

В результате взаимодействия экономических, политических, этнических и культурных факторов на Тянь-Шане сложилось новое этническое образование — кыргызская народность, жизнеспособность которой была проверена тяжелыми, иногда трагическими испытаниями ее последующей истории.

Таким образом, знания современной науки о происхождении кыргызской народности тесно связываются с историей кыргызской государственности и сводятся к следующему:

1. Истоки формирования кыргызского этноса уходят своими корнями более чем в двухтысячелетнюю древность и связаны с территорией Центральной Азии; в III в. до н. э. они занимали земли восточного Притяньшанья близ хребта Борохоро и песков Дзосотын Элисун. Возникает Владение Кыргыз со своей правящей династией.
2. В первой половине I тыс. н. э. на Енисее (Минусинская котловина) в результате смешения местных (динлины) и пришлых (кыргызы) племен формируется новая этническая общность — енисейские кыргызы; образуется государство Кыргыз; правитель которого именовался «ажо» (инал), а затем «каган».
3. В эпоху «великодержавия» (IX—X вв.) енисейские кыргызы расселялись от Монголии до Тянь-Шаня с востока на запад, от Байкала до Китая с севера на юг. В результате смешения местного населения и кыргызов образовался ряд (по археологическим данным — шесть) новых субэтносов. Значение термина «кыргыз» изменилось: он становится не только этнонимом, но и этнополитонимом, то есть кыргызами стали называть себя

и не кыргызские по происхождению племена, находившиеся в политической зависимости от енисейских кыргызов; во главе кыргызской империи стоял сильный кыргыз-каган.

4. Один из таких кыргызских субэтносов в IX—X вв. образовался на Алтае и в Джунгарии. Здесь енисейские кыргызы в результате длительных взаимосвязей с численно преобладающими местными народами, входившими в кимако-кыпчакское объединение, приобрели новое этническое лицо (включая язык), но сохранили этноним «кыргыз»; образуется княжество Кыргыз, правитель которого именовался ажо (инал).
5. В XV в. алтайские кыргызы, входившие в государство Моголистан, после походов Тимура, осуществлявшего геноцид на Тянь-Шане, заняли опустевшие земли Тянь-Шаня и Притяньшанья, принеся сюда этноним «кыргыз». Они ассимилировали местные тюрко-монгольские племена, потомков саков и усуней древности, тюрков раннего средневековья и стали основным ядром нового этнического образования кыргызской народности современного облика.
6. Заключительный этап формирования кыргызской народности нашел свое внешнее выражение в формировании дуальной этнополитической организации кыргызов — правого и левого крыльев с примкнувшей к ним группой «ичкилик». Этноним кыргыз» снова становится политэтнонимом.

Таким образом, развитие кыргызского этноса шло наиболее интенсивно в периоды, знаменующие созданием собственного государства на Енисее, которое преобразовалось в громадную и недолговечную раннефеодальную империю, раздробившую и расплывшую кыргызскую (енисейскую) народность. В дальнейшем этнические процессы консолидировались вокруг нуклеарной части енисейских кыргызов

на Алтае и в Прииртышье, сопровождавшиеся кыпчакизацией енисейского компонента (антропология, глоттология, материальная и духовная культура). Эти процессы протекали уже в условиях утраты кыргызами собственной государственности и завершились на Тянь-Шане в конце XV и начале XVI веков. Главным условием формирования кыргызской народности на завершающем (тяньшаньском этапе) было то, что на земле Ала-Тоо наконец завершился издревле происходящий процесс воссоединения разбросанных по разным территориям кыргызских племен, их этнической консолидации. Имели место также и ассимиляционные взаимодействия и контакты кыргызов с новой этнической средой (древне-тюркской, монгольской, исламизированной восточно-иранской).

Эти процессы носили живительный характер, приумножали из поколения в поколение жизнеспособность кыргызского народа, а не приводили ни на одном из этапов к явлениям его распада и разложения.

Одновременно с кыргызской на своих территориях образовались казахская, узбекская и каракалпакская народности.

Этническая консолидация позволила поставить на повестку дня возрождение собственной государственности в новых географических и исторических условиях.

БАБУР — ПРАВИТЕЛЬ ДЕРЖАВЫ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ

На территории современного Кыргызстане имелись люди и силы для создания государственности, но не было необходимых условий из-за сепаратизма отдельных вождей племен и ввиду постоянной угрозы вражеских вторжений.

Так, выходцу из Южного Кыргызстана, владельцу городов Оша и Андижана Захиреддину Бабуру удалось создать Империю Великих Моголов в далекой Индии.

Бабур (1483—1530) был очень знатен по своему происхождению. Отец его, Омар Шейх, был внуком Тимура. Мать, Нигарханым, была еще более знатной. Она происходила из рода Чингисхана. Отец ее, Юнусхан, правил Моголистаном на Тянь-Шане.

В 12-летнем возрасте после нелепой гибели отца (упал с голубятни) Бабур унаследовал престол Ферганы. С тех пор он не знал отдыха в борьбе за восстановление единства государства Тимура. В 1504 г. после ряда ожесточенных сражений с узбеками Шейбанихана был изгнан из Средней Азии и занял Кабульский вилайет в Афганистане. В 1519 г. организовал поход в Индию и в 1526 г. завоевал ее северную часть. Владения его простирались от Кабула до Бенгалии, включая г. Дели.

Династия Бабура получила название у европейцев «Великие Моголы» в память о происхождении основателя и потому, что большинство его войск составляли тянь-шаньские моголы. Они справедливо считали его моголом по происхождению. Государство достигло культурного и экономического расцвета. Чудо света Тадж-Махал был сотворен потомками Бабура.

Бабур был не только полководцем, но и поэтом, и историком. Он оставил потомкам замечательную книгу «Бабурнаме». Великий могол горячо любил свою родину. Владея всеми чудесами Индии, он тосковал по ферганским дыням, фиалкам из садов вокруг г. Оша и чистому воздуху, которым дышал в юности на горе Сулеймана в Оше, где построил небольшое помещение для отдыха. Скончался Бабур после тяжелой болезни в 1530 г. и похоронен в Кабуле.

Династия Великих Моголов надолго пережила своего основателя и была упразднена англичанами лишь в 1858 г.

VII

ПОПЫТКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУХАММЕД-КЫРГЫЗА

С формированием кыргызской народности политический и общественно-экономический строй на Тянь-Шане остался прежним, хотя политическая обстановка менялась: на севере укреплялось Казахское ханство, на северо-востоке набирало силу государство калмаков (ойратов), в Восточном Туркестане вставал на ноги урезанный территориально, но все еще сильный, Моголистан, северные районы которого в начале XVI в. занимали кыргызы. Как свидетельствует современник, к 1510 г. «никто из моголов не мог оставаться в Моголистане из-за кыргызов». В Средней Азии, после уничтожения династии Тимуридов укрепились власть узбекской династии Шейбанидов. Географическое и стратегически важное положение кыргызов между этими сильными государствами способствовало тому, что сильные соседи считали кыргызские племена буферными, старались привлечь на свою сторону, но не были заинтересованы в их усилении и создании ими собственного государства.

Таким образом, в XVI–XIX вв. внутривнутриполитические причины (сепаратизм) и внешнеполитическое положение кыргызов не были благоприятными для создания собственной государственности, хотя отдельные сильные политические деятели, опираясь на поддержку своих сородичей, не раз предпринимали попытки сплотить кыргызские племена. Обычно эти попытки не имели длительного успеха.

В начале XVI в. во главе кыргызских родоплеменных объединений Тянь-Шаня становится Мухаммед-кыргыз, один из родоначальников, ставка которого была на берегу Иссык-Куля, в местности Барскоон. Всю жизнь этот человек посвятил борьбе за независимость своего народа и созданию независимого кыргызского государства. В этой борьбе он ориентировался на союз с окрепшим Казахским ханством. При Мухаммеде кыргызские племена впервые выступили как самостоятельное, хотя и очень хрупкое государственное объединение. В 1514 г. кыргызы поддержали чингизида Султан Саид-хана в борьбе за Кашгар. Окрепнув, хан решил подчинить себе кыргызов и занять их пастбища на Центральном Тянь-Шане и вокруг Иссык-Куля. Султан Саид поощрял набеги кыргызов на присырдарьинские города, которые были опорой враждебных ему Шейбанидов. Во время одного из походов Мухаммед-кыргыз взял в плен правителя города Туркестан, подданного Шейбанидов, однако с почетом отпустил его.

В этом акте Султан Саид усмотрел желание Мухаммеда сблизиться с Шейбанидами. В 1517 г. он неожиданно напал на кыргызов, кочевавших на Иссык-Куле и разбил их в местности Барскоон. Соперники — соплеменники Мухаммеда — схватили его и выдали хану. Саид бросил его в кашгарский зиндан. Вскоре, однако, опомнившись и раскаявшись в содеянном, кыргызы собрались с силами и изгнали моголов.

Вернуть утраченное влияние на кыргызов можно было, как полагали советники Саид-хана, только освобождением из плена Мухаммеда. Вместе с «па-дишахом» кыргызов в 1522 г. на Тянь-Шань отправился сын Султан Саид-хана по имени Рашид, ставка которого расположилась в Кочкорской долине.

Мухаммед, как писал его современник Мирза Хайдар, «собрал всех кыргызов» и вопреки желаниям моголов стал проводить прежнюю самостоятельную политику.

В условиях обстановки того времени, когда правители Могольского государства активно готовились к завоеванию Кыргызстана и юго-восточных районов Казахстана, Мухамед-кыргыз по-прежнему настойчиво проводил политику союза с казахскими ханами в борьбе против могольской экспансии. Кыргызы под его руководством приняли активное участие в походах правителей Казахского ханства против Шейбанидов, стремившихся также овладеть присырдарьинскими городами и оседло-земледельческими районами Средней Азии.

В итоге кыргызы и казахи укрепились в Семиречье и северной части Тянь-Шаня. Скучные биографические сведения о собирателе кыргызских племен Мухаммеде позволяют предположить, что кыргызское (не мусульманское) имя его было Тагай-бий. Согласно кыргызским преданиям, легендарный прародитель кыргызов Тагай-бий был современником Иреше-хана (Рашид-хана), попал к нему в плен, но был с почетом отпущен в родные кочевья.

Следующие столетия характеризуются борьбой с переходящим успехом против агрессии Джунгарского и Кокандского ханств в условиях, не подходящих для воссоздания собственной государственности.

КУБАТ-БИЙ — ГЛАВА КЫРГЫЗОВ

Возникшее в XVII в. на территории Западной Монголии Джунгарское ханство в начале XVIII в. завоевало Восточный Туркестан, разгромив последних могольских правителей и оттеснив кыргызов и казахов с их исконных земель. Однако, как свидетельствует посол Петра I к калмакам капитан И. Унковский (1722—1724 гг.), *«много кыргызов осталось на своих землях. Кыргызы называли жителей Джунгарии калмаками, хотя их самоназвание было ойрат. Ойраты называли кыргызов бурутами»*.

Борьба с джунгарской агрессией перемежалась с распрями теократических наследников кашгарских правителей, разделившихся на белогорскую и черногорскую партии. Обе партии пытались привлечь на свою сторону кыргызских биев, которые охотно откликались на предложения, приносявшие военную добычу и дополнительные прибыли. Но это усиливало раздробленность кыргызских родов и племен.

Известно, что в каждом народе есть выдающиеся личности, способные серьезно влиять на ход истории и исторические судьбы своего народа. Немало таких героев дала и история кыргызов. Имена далеко не всех из них дошли до наших дней. Долгое время оставался в тени официальной истории Кубат-бий. К сожалению, мы еще не знаем точных дат его рождения и смерти, но основные вехи биографии просматриваются довольно четко. Это был крупный феодал, родоправитель племени кушчи. Он последовательно отстаивал свободу и независимость кыргызских племен от джунгарских и кокандских завоевателей, был одаренным дипломатом и политическим деятелем. Умело лавировал между противоборствующими сторонами, стараясь сохранить независимость кыргызских племен. Среди соплеменников Кубат-бий пользовался огромным авторитетом благодаря не только личной храбрости в боях с врагами, но и безукоризненной честности, отзывчивости, доброте и справедливости.

Кокандский источник «Тарих-и Рахим-хани» называл его даже «царем кыргызов». Кубат-бий считал себя правомочным от собственного имени направлять послания китайскому императору. И правитель Поднебесной прислушивался к мнению предводителя кыргызских племен, ибо знал, какую роль способен тот сыграть в политической жизни Тянь-Шаня. Не исключено, что энергичная и инициативная деятельность Кубат-бия в Фергане, Тянь-Шане и Восточном Туркестане, направленная на объединение всех кыргызских

племен, была попыткой создания кыргызского государства как реального щита от постоянных агрессий. Однако попытка и на сей раз результатов не принесла. Родоуправители не желали расставаться со своими вольностями.

К тому времени под ударом цинских войск в 1757—1759 гг. пало Джунгарское ханство. Кыргызы, частично вытесненные джунгарами в Фергану, стали возвращаться на Тянь-Шань, занимая свои прежние родовые кочевья. Попытки маньчжуро-цинских наместников Синь-Цзяна — новой китайской провинции, основанной на землях разгромленного Джунгарского ханства в Восточном Туркестане, подчинить кыргызов — были безуспешны. Китайцы ограничились тем, что договорились с кыргызскими биями о соблюдении границ.

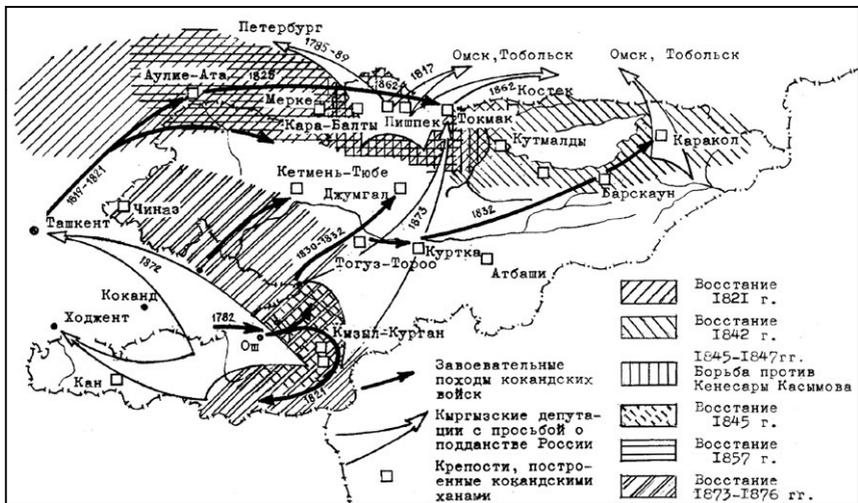
КЫРГЫЗЫ В СОСТАВЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Существенно ослабевшие южные кыргызы тут же стали объектом завоевания кокандскими правителями. Первым в 1762 г. напал на Узген и Ош Ирдана. Нарбута-бий (1770—1780) — преемник Ирданы на кокандском престоле — подчинил всю предгорную южноферганскую территорию, занятую кыргызами, включая Алай. После подчинения южных кыргызов, кокандские агрессивные устремления были направлены на северные районы Кыргызстана. В этих условиях северокыргызские племена временно прекратили усобицы и объединились вокруг сарыбагышского бия Атаке. Чтобы избежать угрозы порабощения от Коканда и Китая, Атаке-бий в 1785 г. направил свое посольство, которое возглавил бывалый купец Абдрахман Кучаков, в Санкт-Петербург; в составе посольства был и кыргыз Шергазы. Атаке просил могущественную российскую императрицу Екатерину II о покровительстве и направил ей в подарок три барсовые и две рысьи шкуры. Презент императрица

приняла, обещала покровительство (что оказалось лишь вежливым дипломатическим жестом) и одарила Атаке 800 рублями серебром.

Горный инженер И. Г. Андреев, со слов казахов Среднего Жуза, отметил, что сам сарыбагыш Атаке-батыр тогда имел кочевье в междуречье Ашпара и Мерке (к западу от современного Панфиловского района). Ему подчинялись 10 волостей (племен) кыргызов, *«в коих имеют своих старшин, также имеют довольно лошадей и скота... Закон их мухаметанский (мусульманский — Ред.), но несколько придерживаются обрядов идолопоклонства; во нравах, поведении и языке сходны весьма с кайсаками (казахами. — Ред.)»*. И. Г. Андреев особо указал, что кочевье *«во всей орде начальствующего»* Атаке между Мерке и Ашпарой лежало в центре всех кыргызских волостей. Таким образом, послы Атаке представляли в Петербурге практически все население Северного Кыргызстана.

Что мы знаем об Атаке-батыре? Пожалуй, лишь только то, что осенью 1787 г. он в торжественной обстановке принимал в Чуйской долине ответного российского посланника Муслима Агаферова. Да еще, что он был несправедливо обвинен в разграблении российского купеческого каравана, но вскоре выяснилось, что это сделали недруги Атаке, не желавшие контактов кыргызов с Россией. В 1788 г. он снарядил новых посланников в Омск, которые были приняты весьма благосклонно. Мы не знаем пока даже даты рождения и смерти батыра. Однако в историю Атаке-бий прочно вошел как инициатор установления дружественных отношений с Россией, сумевший заручиться покровительством российской императрицы в условиях отсутствия собственного государства, когда кыргызы со всех сторон были окружены чуждыми государствами, с жадностью взиравшими на богатые земли независимого небольшого народа.

Освободительное движение кыргызов в XIX в.

А кокандские правители в это время расширили свою агрессию. Омор-хан (1809–1822 гг.) завоевал в 1821 г. Кетмень-Тюбе, его наследник Мадали-хан (1822–1842 гг.) присоединил Чуйскую долину, где на месте старой кыргызской крепости Бишкек (в которой кыргызы отражали еще нашествие казахского хана Аблая в 1766 г.), построил в 1825 г. свою крепость, сохранив название бывшего кыргызского укрепления Бишкек. Восточнее, на р. Чу, была возведена крепость Токмок. В 1831–1832 гг. Мадали завоевал Иссык-Куль, возведя и здесь линию укреплений (Улахол, Барскоон, Каракол и др.).

Завоевание Кыргызстана кокандскими ханами заметно изменило обстановку в Средней Азии и положение кыргызского народа. Если родоплеменная верхушка склонилась к сотрудничеству с завоевателями, то положение простого народа, оказавшегося под двойным гнетом, крайне ухудшилось.

Кокандское ханство представляло собой типичный образец восточной деспотии с наличием рабства. Государственная власть характеризовалась ярко выраженными чертами абсолютной и неограниченной монархии.

Все государство подразделялось на области — вилайеты, которые делились на налоговые районы — серкерства, где серкеры выступали в роли налоговсборщиков. Небольшими городами управляли беки. В селениях хозяйственной жизнью руководили аксакалы. Крупными родоплеменными подразделениями управляли манапы (на юге этот титул отсутствовал), родами — бии. В кыргызских кочевьях бии выполняли и судебные функции. В узбекско-таджикских земледельческих селениях судебная власть находилась в руках казиев. Казии исполняли судебные функции на основе мусульманского права — шариата, кыргызские бии — на основе народных обычаев — адата. Если споры, например, земельные, возникали между оседлыми жителями и кочевниками, их регулировали совместные судьи — из казиев и биев.

После хана первыми государственными чиновниками являлись минбаши (тысячники) и амир-ляшкары — главнокомандующие войсками, рядом с ними были визири — гражданские высшие лица. На втором месте были кушбеги. Затем следовали парванчи, аталыки, беки, датхи, токсобо и т. д. Они управляли крупными наместничествами, вилайетами, округами, городами, крепостями.

При организации административного управления ханскими властями учитывалось традиционное родоплеменное деление кыргызов.

Кыргызы закреплялись за определенными вилайетами, бекствами, серкерствами, как правило, по местоположению зимовок и не отдельными аилами и общинами, а целыми родами. Нередко ханы направляли в кыргызские кочевья управителей некыргызского происхождения. В таком

случае их власть носила зачастую формальный характер, поскольку фактическая — оставалась в руках местных кыргызских феодалов. Яркий пример тому — Алай, управляющийся Алымбеком, а затем его женой Курманджан-датхой, хотя в крепости Дароот-Коргон сидел ханский наместник — таксобо, выполнявший функции налоговосборщика.

Управление кыргызами Северного, Западного и Центрального Тянь-Шаня осуществлялось ташкентским наместником. Кыргызы Чуйской долины подчинялись ханскому наместнику в Бишкеке. Здесь были сосредоточены значительные военные силы Коканда, которые периодически совершали объезды кыргызских кочевий для сбора податей. Власть бишкекского бека над кыргызами была ощутимой лишь в том случае, когда она поддерживалась военным присутствием в кочевьях.

Все земли Кыргызстана были включены в систему аграрных отношений ханства, которая регулировалась нормами мусульманского права — шариата. Но на практике кыргызы в своих земельных отношениях руководствовались «обычным» правом — адатом. Скотоводство, как преобладающая отрасль кыргызского хозяйства, в отличие от земледелия не требовало закрепления за собственником определенного участка земли, а нуждалось в наличии обширных пастбищ.

Верховным собственником земли в Кокандском ханстве выступало государство в лице хана, который распоряжался ею по своему усмотрению. Это, однако, не исключало наличия также частной и общинной собственности. Участок, закрепленный юридически за определенным собственником, назывался милк. Характерно, что милковые земли могли свободно отчуждаться от одних собственников и передаваться или продаваться другим. Кокандские ханы широко практиковали передачу либо продажу кыргызам милков, на что составлялись соответствующие документы. Крупными милковладельцами были Алымбек-датха, Алымкул,

Юсуф и другие кыргызские феодалы. Кроме того, в качестве милковладельцев нередко выступали и отдельные кыр-гызские общины, например, общины Туганай, Бузмурчак из рода мундуз и другие.

В период кокандского владычества начался процесс разложения кыргызской общины. Так, из общинного участка земли в местности Мады близ Оша было выделено владение некоему Муллабаю Нарботобаеву. Выделение такого рода частных владений из общинного землепользования привело к тому, что земли стали не только передаваться по наследству, но и продаваться, а также передаваться в вакф, т. е. в собственность мусульманских мечетей, медресе и отдельных духовных лиц. Вакф стал новой формой землевладения у кыргызов после кокандского завоевания и получил некоторое распространение у кыргызов, переходивших к оседлости, и там, где был относительно высокий уровень мусульманского религиозного сознания, — в основном это было в южных районах Кыргызстана. Характерно, что вакфы практически не получили распространение в северных районах, где кыргызы еще не переходили к оседлости и где было крайне мало мусульманских культурных учреждений, что, безусловно, отражалось и на религиозном сознании масс.

Имели распространение и аренда земли, а также надельная форма землевладения, которая называлась чек. В целом система аграрных отношений в ханстве, повлиявшая в известной мере на практику землепользования у кыргызов, вполне соответствовала интересам господствующих сословий. У кыргызов она имела уже феодальный характер, сохраняя в то же время многие черты патриархально-родового уклада.

Экономическая политика кокандских правителей не способствовала прогрессу производительных сил кыргызского населения. Напротив, она тормозила его. Отбирая пастбища, конфискуя и перепродавая постоянно земли кыргызов,

облагая их непомерно высокими налогами, и зачастую просто грабя кочевников, кокандские власти фактически разрушали хозяйственный механизм кыргызского общества. Однако нельзя не отметить и позитивных черт в экономической жизни кыргызов, появившихся в этот период. В рамках одного государства кыргызы постоянно вступали в контакт с оседлым населением — узбеками, таджиками, перенимали у них полезные хозяйственные навыки в земледелии, развивали торговые контакты.

Основную массу кыргызского населения составляла беднота, или, как ее называли, — букара (буквально: подданный, простолюдин). Она была бесправна, экономически зависима от богатых. Бедный кочевник руководствовался в своей жизни указаниями феодала-родоправителя. Начало перекочевки, путь движения, другие хозяйственные моменты — все это регламентировалось им. Кыргызская беднота выполняла различные повинности. Существовала развитая терминология для обозначения уровня зависимости и выполнения различных работ бедняками в хозяйстве феодала — кедей, коншу, джатак, егенчи, чайрикер и т. д.

Наиболее ненавистным для кыргызов элементом государственной системы в Кокандском ханстве была налоговая политика, осуществляемая в трех формах: натуральной, трудовой и денежной ренте. Основным налогом, который выплачивали кыргызы, был зякет со скота. Взимался он сборщиками, назначаемыми ханскими властями. Сборщики налогов, по существу, грабили кыргызские кочевья, нередко забирая последнее у бедноты. Возмущенные кочевники часто восставали против налогового произвола. Поэтому ханы ввели в практику передачу функций сборщиков податей кыргызским феодалам-родоправителям, устанавливая при этом определенный размер налогового сбора, который надо было сдать в казну. Он назывался «ульпан». Естественно, феодалы-сборщики старались использовать эти права в целях личного обогащения и, не стесняясь,

грабили своих же сородичей. Это тоже вызывало возмущение дехкан. Но они примирались зачастую с действиями родоправителя, учитывая его привилегированное положение в обществе. Кокандским ханам такая форма сбора налога была, безусловно, выгодна — она избавляла их от лишних конфликтов с непокорными массами кочевого населения.

Натуральный налог сильно подрывал материальное положение кочевников. Большинство хозяйств балансировали на грани разорения. Положение усугублялось тяжестью трудовых повинностей, возложенных на кыргызское население, которое должно было выполнять ирригационные работы в государственных масштабах, возводить крепости, строить различные здания, дороги и т. п. Уклонение от выполнения этих повинностей влекло за собой жестокие наказания. Современники сообщали, что «ослушников ханской воли» живыми закапывали в землю.

Денежная рента не являлась преобладающей в налоговой системе Кокандского ханства, но ее постепенное распространение среди кыргызов свидетельствовало об определенных социально-экономических сдвигах в обществе в целом.

С переходом части кыргызского населения к оседлой жизни и занятию земледелием среди кыргызов появляется такая форма феодальной эксплуатации, как издольщина. Бедняк-кыргыз был вынужден отдавать часть урожая родоправителю, которому фактически принадлежали родовые земли (во всяком случае, именно он ими распорядился).

Помимо государственной системы налогообложения кыргызы платили налоги и несли повинности, которые устанавливались феодалами-родоправителями в свою пользу. Внешне они нередко выглядели как добровольные, но фактически были обязательными. Подати и повинности такого рода имели свои названия — союш, чыгым, салык, журчулук, кошумчи, туякат, жол чыгым и др. Именно налоговая политика в ханстве была основной причиной

восстания кыргызского населения против кокандского господства, против «плохих» ханов и феодалов. А так как «хороших» не было и не могло быть, восстания возникали одно за другим.

РОЛЬ КЫРГЫЗОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЛАХ ХАНСТВА

С начала и до конца в Коканде правила узбекская династия Минг. Но в XIX в. в нее влилось по женской линии изрядное количество кыргызской крови.

Родофеодальная кыргызская знать довольно быстро стяжала себе авторитет в политических кругах ханства. Кокандские правители всячески старались привлечь ее на свою сторону, заручиться ее поддержкой в борьбе против неугодных, осыпали знать различными наградами и должностями. Крупные кыргызские феодалы добивались самых высоких должностей.

Придворная борьба за власть при ханском дворе велась между кыпчакско-кыргызской феодальной группировкой, с одной стороны, и узбекской земледельческой знатью — с другой.

Кыргызские и кыпчакские феодалы, опирающиеся на сильные ополчения своих племен, были фактически независимы, вмешивались в дела ханства и даже престолонаследия. Почти независимый правитель Алая — кыргыз Алымбек становится визирем ханства. К сожалению, мы даже приблизительно не знаем, когда родился Алымбек. Правда, известно, что в 1830 г. он уже облечен большими полномочиями и выбирает себе в жены 19-летнюю красавицу Курманджан.

Во время Ошского восстания кыргызов Алымбек — один из его руководителей. Кыпчак Мусульманкул — главный противник. Предупрежденный своевременно женой

о смертельной опасности Алымбек бежит от карательных войск Мусульманкула. Восстание подавлено. Алымбек отправляется в Синь-Цзянь, где совместно с наследником бывших теократических правителей Кашгара Ходжа-Тюря поднимает восстание против китайских властей.

Цинские власти, получив подкрепление, разгромили восставших. Алымбек и Ходжа-Тюря благополучно спасаются бегством и находят укрытие все в тех же кочевьях Алая.

Затем наступает пора примирения с кокандским ханом Худояром, жестоко расправившимся с надоевшим ему тестем Мусульманкулом. Алымбек становится влиятельным придворным. В этой роли он требует от северокиргызских племен подчинения Коканду. Кыргызские манапы жаловались русским властям: *«...кокандский Алымбек прислал нам письмо с угрозой, что если мы не будем иметь с ним свойство, то он придет к нам и накажет нас оружием»*.

Алымбек собирается объединить всех кыргызов в одно целое и создать Тянь-шаньское ханство кыргызов. Сохранился интересный документ — предписание российского императора Александра II своему западно-сибирскому генерал-губернатору Дюгамелю, что в случае обращения Алымбека за помощью, его не отвергать и стараться поддерживать с ним дружеские отношения. России было выгодно иметь тогда в Тянь-Шане политический противовес Кокандскому ханству. Мы не знаем дальнейшего развития событий. Документов не сохранилось, либо они еще не выявлены. По всей вероятности, сам Алымбек отказался от этой затеи и направил свою энергию на завоевание полного влияния при ханском дворе.

Дружба его с Худояр-ханом длилась недолго. В 1858 г. алайский родоправитель участвует в перевороте и возведении на престол брата хана — Малля-бека (правил: 1858—1862 гг.). Худояр бежал в Бухару.

Власть в ханстве практически переходит в руки Алымбека и поддержавших его кыргызских феодалов. Казалось бы,

цель в жизни достигнута! Успех кружит голову. Алымбек перестал считаться с другими феодалами и нажил себе среди них смертельных врагов. В 1860 г. при движении через Бишкек к Узун-Агачу для сражения с русскими войсками он не поделил с ташкентским наместником Канаатом власть над соединенными силами и не стал участвовать в сражении. Кокандские войска потерпели сокрушительное поражение. Но Алымбек со своими воинами, основной костяк которых составляло кыргызское ополчение, возвратился домой без потерь. За это Малля-хан приговорил его к смертной казни. Алымбек скрылся среди кыргызов, привлек на свою сторону весь род адигине и отправился с ними в верховья Нарына. Здесь к нему присоединились сарыбагышские манапы Уметалы, Аджи, Адыл, Тюрегельды. Это была уже грозная сила, способная противостоять дряхлеющему ханству. Малля-хан приказал Ташкентскому наместнику Канаату отправить 40 сановников к Алымбеку с миротворческой миссией. Всем им отрубили головы. Высланный следом карательный отряд также был разгромлен.

Алымбек находит себе сторонников и среди ханских приближенных, жаждущих власти и новых привилегий — кыпчака Алымкула, тюрка Худай-Назара и др. Заговорщики убивают Малля-хана и провозглашают ханом Шахмурада. Однако Канаат приглашает в Ташкент из Бухары Худояр-хана, которого в мае 1863 г. заново провозглашают ханом. В череде этих дворцовых переворотов наступает неизбежная развязка и для Алымбека. Много раз он расставлял западни врагам, на этот раз сам попал в такую же и был в 1862 г. казнен. Попытка кыргызов расколоть ханство и создать свое государство снова не была осуществлена.

Положение кыргызов в ханстве усугублялось межплеменными распрями, которые Кокандом лишь поощрялись, ибо они способствовали успешному сохранению ханской власти в разобщенных кочевьях.

Братоубийственные войны заметно истощали силы народа. Так, в ходе усобиц почти полностью погиб крупный род кыдык, который входил в племя Бугу. В такой обстановке верховный кыргызский манап сарыбагышей Ормон — потомок Атаке предпринимает попытку возвыситься над своими соратниками — другими манапами и объявляет собственное ханство. В конце 1840-х годов в местности Кутмалды (Иссык-Куль) был созван курултай — съезд представителей сарыбагышских, бугинских, солтинских, сарууйских, кушчинских, черикских родов. Ормон выступил с предложением избрать общекрыргызского хана, имея в виду себя. У него были на то основания. Сарыбагышское племенное объединение было сильнейшим и отличалось воинственностью. Сам Ормон владел неисчислимыми стадами, имел собственное знамя, собственную крепость на перевале Санташ. А от кокандского хана получил высокий государственный чин — парваначи — и право собирать зякет со всех племен Северного и Центрального Кыргызстана. Влияние на сородичей было безгранично. Его не любили, но боялись.

Долго колебались участники съезда. Властная, деспотичная натура Ормона пугала их. В конце концов Ормон добился своего — по древнему обычаю кочевников он был поднят на белой кошме — в знак признания его ханом. Вновь провозглашенный Всекрыргызский хан предпринял активные меры по сплочению кыргызских племен в единую государственную общность и укреплению государственных устоев. Солидной законодательной базой стали изданные им декреты, получившие название «Учение Ормона», придавшие нормативный характер традициям и правилам, сложившимся в течение веков в народной жизни. В ханстве была создана военная структура, одинаково отвечающая целям и обороны, и нападения. Был сформирован также аппарат для осуществления внешних связей. При исполнении ханских функций Ормон опирался

на своих наместников-манапов. Судебные функции исполняли советники хана. Преступления карались беспощадно в соответствии с многовековой традицией, жестокость была в обычае обыденной жизни той эпохи. Ормон-хан предпринимал меры по приобщению кыргызов к оседлому земледельческому труду.

Из всей совокупности предпринятых Ормон-ханом мер видно, что кыргызская государственность в Ала-Тоо в середине XIX в. приобрела реальные черты. Это особенно проявилось в отражении в 1847 г. нашествия казахского султана Кенесары Касымова. В этот период Ормон-хан проявил незаурядные качества военачальника, хорошо владеющего стратегией и тактикой вооруженной борьбы. Его успехи не остались незамеченными в России. Ормон-хан и его сподвижник Джантай Карабеков были приглашены к российскому наместнику в Омск и награждены золотыми медалями и другими высокими наградами.

Но жесткий и своенравный характер Ормон-хана приводил к росту числа недругов. А интриги со стороны Коканда привели к межплеменным столкновениям двух прежде дружественных племен — сарыбагышей и бугу. Ормон-хан погиб в распре с бугинским манапом Боромбаем. Все это подорвало основу Кыргызского ханства. Линия на создание в тот период собственной кыргызской государственности на земле Ала-Тоо не получила поддержки со стороны ряда племен. Но начало было положено.

Преемник Ормона Уметалы уже титул хана не носил. Но характер отца, деспотичный и воинственный, он унаследовал в полной мере. И обладал той деспотической властью манапа, которая в разобщенном кыргызском обществе была верховной, но лишь для своего племени. В каждом племени был свой манап, свой «хан», свой государь без государства.

ИНСТИТУТ МАНАПСТВА

Рассмотрим вкратце, что же это за специфическое кыргызское явление — «институт манапства».

Манапы — крупные кыргызские родоправители, вожди племен, как правило, были подданными какого-либо государства (Кокандского ханства, Цинской империи или России). При этом обладали почти всей полнотой власти над своими соплеменниками. Явление манапства присуще лишь северным кыргызам, на юге их заменили чисто кокандские титулы: беки, датхи, ишик-агасы и т. д.

Истоки манапства следует искать в бийстве. Ч. Валиханов писал: *«...неограниченная, почти деспотичная власть манапов есть уже последующее введение и в некотором смысле злоупотребление властью отца семейства, бия, как назывались манапы прежде. Первые манапы (по объяснению туземцев, сильный недоступный деспот) появились недавно и то впервые у сарбагышей: бий сарбагышей по имени Манап был первый тиран. Манапство поправилось биям других родов, и теперь манап есть нарицательное имя родоначальника каждого поколения «орды».*

Здесь мы видим наглядный пример перерождения патриархальной власти во власть феодальную. Манапом мог стать далеко не всякий бий. Кроме родовитости, он должен был обладать качествами батыра, военного вождя, дипломата.

С возникновением манапства институт биев не исчез — просто они оказались на более низкой ступени феодальной иерархической лестницы. Сохранился суд биев. Кроме того, бии являлись как бы помощниками манапа, выполняли его поручения, составляли вместе с ним правящую элиту рода.

Манап являлся не только правителем рода по традиции и обычаям. Это был феодальный князь с почти неограниченной властью. В отличие от рядовых сородичей, манапы старались вывести свою родословную от древних героев,

воспетых в преданиях. Они считались аристократами, «белой» костью, в то время как простой народ именовался «черной» костью.

Влияние манапов основывалось как на политической власти, так и на их экономической мощи.

Деспотический характер власти манапов отмечал русский исследователь М. И. Венюков: *«Тот правитель считается человеком ничтожным, который употребляет мягкие меры». Жестокий сарыбагышский манап Ормон «считался особенно благоразумным и даже великодушным, потому что имел у себя виселицу. Он ежегодно казнил несколько «преступников», наводя страх не только на своих подданных, но и на соседние кыргызские роды. Сын его Уметалы проверял меткость своих ружей на рабах — кулах; однажды он застрелил свою любимую жену только за то, что ему пришлось повторить ей какое-то приказание дважды».*

Сама по себе власть манапа давала возможность для самых грубых злоупотреблений ею. Однако многое зависит от личности. Народные предания о другом сарыбагышском манапе — Шабдане полны любви к нему: рассказывают о его необычайном гостеприимстве, благородстве, простоте в обращении. Да, Шабдан собирал со всех сородичей «дань» в виде обязательных «подарков», приношений и т. п., но всю ее тратил на бедняков: у него во дворе вечно кормились увечные, сироты, старики и старухи. Если он встречал пешего бедняка, то слезал с коня и отдавал его бедняку. Не исключена, конечно, возможность преувеличения доброты манапа. Институт манапства, несомненно, являлся эксплуататорским.

Со временем манапство расслоилось. Появились следующие категории: чон манап — старший манап; чала манап — второстепенный манап; чолок манап — самый мелкий манап; даже букара-манап — обнищавший родственник манапов.

КЫРГЫЗСТАН — КОЛОНИЯ РОССИИ

Типичным представителем манапства является и основной соперник Ормона — бугинский родоправитель манап Боромбай.

Боромбай Бекмуратов (когда родился — неизвестно, умер в 1858 г.) — верховный манап племени бугу — был дальновидным политиком. Он умело лавировал между Китаем и Кокандом. Цинские правители, желая привлечь его на свою сторону, прислали Боромбаю шарик и перо на шапку — символы принадлежности к определенному классу чиновничьего сословия Цинской империи. Неоднократно осыпали его подарками и милостями кокандские ханы. Но ни те, ни другие не учитывали одного: Боромбай был стратегом и в политике для себя и своего народа выбирал позиции наибольшего благоприятствования. А в тех конкретных исторических условиях и сложившейся ситуации только Россия была способна оказать действенную помощь кыргызам, обеспечить их безопасность от враждебных посягательств и умиротворить раздираемых усобицами собственных родоправителей.

После почти сорокалетних переговоров в январе 1855 г. бугинцы, проживающие в Иссык-Кульской котловине, по инициативе Боромбая добровольно приняли в Омске присягу на подданство России, которая прозвучала так:

«Я, доверенный от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода богу орды дикокаменных киргизов, неподведомственных никакому правительству, обещаю и клянусь всемогущему Богу, что род богу всепресветлейшему державнейшему, великому государю императору Николаю Павловичу, самодержцу всероссийскому и проч. и проч. и его императорского величества всероссийского престола наследнику, его императорскому величеству государю цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу хочет верным, добрым, послушным

и вечно подданным быть и никуда без высочайшего его императорского величества соизволения и указа в чужеземную службу не вступать; такоуж с неприятелями его императорского величества вредительной откровенности не иметь, неже какую заповедную корреспонденцию внутрь и вне Российского государства содержать, и никаким образом противу должности верных подданных его императорского величества не поступать, и все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в потребном случае не щадить, и при том по крайней мере стараться спешествовать все, что к его императорского величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, так скоро в том роде богу кто уведает, не искмо благонамеренно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися будет; когда же к службе и пользе его величества какое тайное дело, или какое б оно ни было, которое приказано будет в тайне содержать, и то содержать в совершенной тайне и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит и не будет. Сие должен и хочет род богу верно содержать, елико оному всемогущий господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова св. Алкорана. Аминь.

Январь 17 дня 1855 года.

По-татарски написано. По сему клятвенному обещанию присягал манап дикокаменного киргизского народа капитан Каджибек Ширалин, в чем приложил свою печать, и киргизы: Мунач Бердибеков и Джентай Султанаев приложил свои тамги».

В 1862 г. — предводители племен чуйских солтинцев Байтик и Келиналы, родоправитель сарыбагышей Шабдан последовали за бугинцами и приняли российское подданство. В 1863 г. — центрально-тяньшанские кыргызы, в 1864 г. — кетмень-тюбинские, и в 1867 г. — влиятельный сарыбагышский манап Уметалы, завершили процесс официального провозглашения и юридического закрепления в форме письменной присяги присоединения северных кыргызов к России.

В каждом отдельном случае у различных родов для обращения к российским властям были, конечно, локальные причины, порой узко племенного характера. Но не случайно, что обращения шли именно в сторону России.

Районы Южного Кыргызстана были насильно присоединены Россией после подавления восстания кыргызов под предводительством Пулат-хана (1873—1876 гг.). Кокандское ханство прекратило свое существование. Вот так звучал Указ императора Александра II о ликвидации Коканского ханства и образовании Ферганской области.

«Указ Правительствующему сенату

В видах упрочнения спокойствия и безопасности на юго-восточной границе Туркестанского края, признав за благо присоединить к империи вновь занятую нашими войсками территорию, составляющую до прошлого, 1875 г., ханство Коканское, повелеваю: образовать из нее область Ферганскую, с включением в состав Туркестанского генерал-губернаторства и Туркестанского военного округа. Сообразно сему главное управление новой области возложить на туркестанского генерал-губернатора, а местное областное управление на военного губернатора, с подчинением сему последнему и расположенных в области войск, со званием командующего войсками области.

Частное управление Ферганской области предоставляется туркестанскому генерал-губернатору ввести, применяясь к настоящим обстоятельствам и местным

условиям в виде временного положения, впредь до утверждения онаго в установленном порядке.

Правительствующий сенат не оставит сделать надлежащие распоряжения к приведению сего в исполнение».

На подлинном собственноручно рукою его императорского величества написано: «Александр».

19 февраля 1876 г.

С этого времени Россия стала неотъемлемым фактором в политической жизни в Ала-Тоо и в целом в Средней Азии. В этом прослеживается неумолимая логика начавшегося процесса, который, в конечном счете, приобрел историческое значение для судеб кыргызов. С присоединением к России кыргызские манапы даже не предприняли никаких попыток государственного самоопределения. Боромбай довольствуется полковничьими погонами. Байтик-батыр (1820–1886 гг.) помогает русским овладеть Бишкеком и Мерке, получает капитанский чин, бархатный халат и другие награды. Шабдан (1840–1912 гг.) начал службу кокандским наместником, затем верно служил царскому правительству. С еще большей энергией он служил своему родному народу, чем снискал подлинное уважение соотечественников. Страницы его биографии примечательны. Перелистаем их, используя оставленную манапом автобиографию, записанную с его слов. Родился Шабдан в местности Туяк-Булак, на северном берегу Иссык-Куля.

В юности прославился удачными набегами в барымте; был представителем кыргызов на приеме у Малля-хана в Коканде, получил от него в подарок оружие и шелковый халат. Служил два года в Ташкенте при ханском наместнике Канаате. Ему предлагали стать беком в крепости Бишкек, но Шабдан предпочел свободу и уехал в родные кочевья. После того, как его отец Джантай подчинился русским, Шабдан также безоговорочно принял российское подданство и стал верно служить новым властям. В 1868 г.

во главе двухсот джигитов он помогал бишкекскому уездному начальнику Г. Загряжскому утверждать новое административное управление в Центральном Тянь-Шане. В 1875 г. в составе войск М. Д. Скобелева способствовал завоеванию Кокандского ханства, участвовал в сражениях против повстанцев Пулат-хана, за что получил Георгиевский крест. В алайском походе Скобелева в 1876 г. Шабдан во главе отряда из сорока джигитов отличился в борьбе с Абдылдабеком, участвовал в задержании и возвращении Курманджан-датхи на Алай, в разгроме последних отрядов повстанцев, возглавляемых Джитим-ханом.

Проводя гибкую народную дипломатию, Шабдан добился прекращения внутренних раздоров и внес огромный вклад в дело объединения народа.

Шабдан получил чин войскового старшины, равнявшийся званию подполковника. Ему определили пенсию в размере 300 руб. в год и пожизненно выделили в личное пользование 400 десятин земли. В 1883 г. находился в составе почетных гостей Туркестана на коронации Александра III. На его груди наряду со многими российскими наградами был Георгиевский крест, которым он был награжден первым из туркестанских правителей.

Наиболее колоритной фигурой кыргызской истории является Курманджан-датха, жена Алымбека, ставшая в роли его наследницы «Алайской царицей».

Биография Курманджан (годы жизни: 1811–1907 гг.) по-своему романтична. Родилась она в семье простого кыргыза-кочевника из рода монгуш на Алае. На восемнадцатом году жизни ее выдали замуж за человека, которого она впервые увидела в день свадьбы. Он ей не понравился, и она, вопреки традициям и религии, не пошла к мужу и осталась жить в юрте отца.

В 1830 г. энергичный феодал Алымбек, получивший от кокандского хана титул датхи и управление всеми кыргызами Алая, освободил Курманджан от «брачного контракта»

²⁹ Том X. В. М. Плоских

и сам на ней женился. Курманджан стала хорошей помощницей мужу, и в его частое отсутствие (он вскоре стал приближенным, а затем и первым визирем ханства) несла бремя управительницы Алая. После смерти Алымбека в результате дворцовых распрей в 1862 г. Курманджан, отомстив убийцам своего мужа, собрала около себя свиту преданных ей батыров. Одного из них избрала в мужья, оставаясь все же полною правительницей Алая. Ее признают бухарский эмир Музафар и кокандский Худояр-хан, присвоившие ей почетное звание датхи (равноценное чину генерала царской армии), «...снабдив ее надлежащим ярлыком и одарив подарками». Вынужденная смириться с поражением повстанцев, Курманджан перешла на службу к царю, призвала к этому своих сыновей и население Алая. В 1876 г. Алай с 17380 семействами был присоединен к России. На этой территории было образовано 5 волостей. Ими стали управлять сыновья Курманджан-датхи: Оморбек, Камчибек, Асанбек и Батырбек.

Политическим завещанием звучит одно из ее писем ферганскому военному губернатору: «...*Когда Ферганское мусульманское государство (т. е. Кокандское ханство. — Ред.) не признавало еще России, я воевала и спорила с Вами. В это время на Алай ошский начальник Ионов прибыл с генералом (М. И. Скобелевым. — Ред.). Представил меня генералу. Генерал встретил меня приветливо, отнесся с уважением. Я осталась довольна...*

В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против Вас. От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжкой мерой, буду вечно мучиться до конца своих дней.

В завершение ставлю свою печать — дочь Маматбека Курмаджандатха. В связи с потерей печати — подписываюсь».

История распорядилась так, что не оставила кыргызам надежды на независимость. Слишком велико было стратегическое значение Тянь-Шаня, чтобы оставить равнодушным мощные пограничные державы — Кокандское ханство, Цинскую империю и Российский царизм. И все эти державы в XVIII—XIX вв. делали, естественно, все возможное, чтобы включить Кыргызстан в состав собственной державы и не допустить создание самостоятельного кыргызского государства.

Присоединение кыргызов к России, происшедшее в несколько этапов, отодвинуло мечты о собственном государстве далеко за невидимый горизонт.

Россия унифицировала территориально-административное деление всего завоеванного Туркестана в своих колониальных интересах. Все племена кыргызов были разделены по территориальным административным единицам, которые не всегда совпадали с этническими племенными границами: Семиреченской, Ферганской, Сырдардарьинской и Самаркандской областями Туркестанского генерал-губернаторства. Области состояли из уездов (Пишпекский, Пржевальский, Ошский и др.), уезды делились на 73 волости. Только последние более-менее соответствовали родоплеменному делению кыргызов.

Колониально-управленческий аппарат на территории Кыргызстана носил полувоенный характер. Во главе областей и уездов стояли русские офицеры и участковые приставы. Местными волостными управителями выступали родоплеменные феодалы-манапы, баи, бии (ставшие болушами), которым была передана вся полнота власти на местах. Рядовые скотоводы и земледельцы — букара были полностью безвластными. Но новая власть запретила и строго преследовала межплеменные раздоры, полностью было ликвидировано рабство, упорядочена налоговая система. При обложении налогом исходили из следующей оценки: кочевое скотоводческое население облагалось

кибиточной податью, т. е. податью с каждого отдельного хозяйства. Но сумма налога деньгами определялась в целом с аила, а не с отдельного хозяйства (кибитки). И отвечали за сбор этого налога аильная и волостная местные администрации. Поскольку все земли считались государственной собственностью, за выпас овцы взималось 3 копейки, лошади — 30, верблюда — 50 копеек (по данным на конец XIX в.). Налог должен был бы ударить в первую очередь по зажиточным хозяйствам, имевшим большое поголовье скота, но так как функции по сбору налогов скоро прибрали к рукам манапы, возглавившие местные администрации, то основное бремя налогов перекладывалось на плечи рядовых кочевников.

Земледельческое оседлое население облагалось двумя видами налогов: харадж — с посевных земель и танап — с огородно-бахчевых культур. Харадж взыскивался зерном, танап — деньгами, сумма его из года в год увеличивалась. Кроме того, население отбывало всевозможные натуральные и земские повинности — исправление дорог, ирригационные работы, предоставление транспортных средств и топлива для воинских частей и т. д.

В целом же общественно-политические отношения у кыргызов продолжали носить патриархально-феодальный характер. Земля, повторяем, была объявлена государственной собственностью и находилась лишь в пользовании родоплеменных кочевых объединений. Только некоторые участки, на которые еще с кокандских времен имелись документы о купле-продаже, закреплялись в частное владение за крестьянами. Даже земли мусульманских учреждений — вакф, если не было документов об освобождении от налогов, переходили в государственную собственность. Иногда они, правда, оставались в пользовании прежних духовных учреждений, но облагались налогами.

Прибывшим в Кыргызстан переселенцам из России также нарезались наделы в пользование. Но вскоре за счет

аренды пастбищных земель у кыргызов и перевода их в пахотные, наделы переселенцев существенно увеличивались. Появилось много зажиточных крестьян, кулаков. А многие кыргызские крестьяне-бедняки становились «отходниками» — уходившими на заработки в разгар полевых работ. Некоторые из них навсегда превращались в сельскохозяйственников, а другие вливались в состав рабочих кустарной или горнорудной промышленности

Развитие капитализма в России привело к организации крупных зерновых хозяйств и на территории Кыргызстана, Под такие хозяйства изымались большие площади пастбищ и так называемые «излишки» земель, что вызвало недовольство местных жителей, проявлявшееся и в вооруженных выступлениях (восстания 1898, 1916 гг.).

Таким образом, коренное население края на себе испытало тяготы колониальной политики царизма, тогда как местные феодалы, заняв должности волостных управителей, сами стали царскими чиновниками и быстро слились с царской колониальной администрацией, найдя с ней общий язык в деле собственного обогащения за счет простого народа.

Царизм на кыргызской земле просуществовал около 60 лет. В условиях колониальной политики Российской империи даже мечтать о создании национальной государственности не приходилось. Вместе с тем, необходимо отметить две стороны царского наследия. Однако приход новой силы в лице России означал коренную ломку сложившихся на кыргызской земле старых порядков и укоренившихся веками традиций. Причем, царское правительство в своих действиях в Ала-Тоо и Средней Азии в целом опиралось преимущественно на репрессивные методы, что вызывало среди населения негативную реакцию. Как мы уже говорили, это особенно относилось к аграрной политике, к вопросу о земле. Линия переселения крестьян из России на кыргызские земли серьезно ущемляла права кыргызов и приводила к волнениям и восстаниям.

С другой стороны Российское государство того времени находилось на этапе бурного экономического подъема, распространило этот процесс и на территорию Кыргызстана. Экономика Ала-Тоо, получившая мощный стимул развития, была включена в общероссийскую хозяйственную систему, развивавшуюся по прогрессивному для тех времен пути. Расширение в нашем сельском хозяйстве принципов оседлости, новых интенсивных методов земледелия также играло прогрессивную роль. На смену преимущественно экстенсивному периоду на селе пришла более высокая организация труда. Через этот этап надо было так или иначе пройти.

Несомненно, политика царской России в Ала-Тоо была колониальной. Но на наш взгляд, российский колониализм был намного либеральней, чем его классический тип, надолго закрепившийся в Африке и Азии, откуда метрополии выкачали немало богатств, еще более повысивших их благополучие. Российская империя, наоборот, вложила немало средств в оказавшиеся под ее властью владения. И хотя это было сделано в имперских интересах, объективно сыграло положительную роль и для Кыргызстана. Важно и то, что на данном этапе нашей истории проявился пронесенный через века свободолюбивый характер кыргызского народа, добившегося возрождения своей государственности в советский период и полного суверенитета — в 1991 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дорогой читатель! Ты познакомился с кратким изложением исторических этапов кыргызской государственности с III в. до н. э. по XIX в.

Сведения китайских хроник свидетельствуют, что древнейшее государственное образование кыргызов существовало еще в III в. до н. э.

В средние века кыргызское государство начало складываться на Енисее, наибольшей мощи достигло в период «кыргызского великодержавия» в IX–X вв., было современником Киевской Руси. Однако государственное образование, возникшее в условиях и на потребу кочевого образа жизни, не смогло стать стабильно прочным. Постоянные столкновения с соседями-кочевниками ослабили его, а междоусобные войны племен, входивших в него, привели к децентрализации военной и гражданской власти, к раздробленности. Именно таким было состояние государства кыргызов во времена нашествия татаро-монголов, после которого кыргызы в течение столетий не могли восстановить свою государственность.

Однако кыргызский народ всегда мечтал об объединении и создании самостоятельного государства, и это нашло отражение как в антологии народной мечты, идеалов и устремлений — эпосе «Манас», так и в действиях народных лидеров: Мухаммед-Кыргыза (XVI в.), Кубат-бия (XVIII в.), Ормон-хана, Алымбека-датхи (XIX в.) и др.

В своем стремлении к государственности кыргызы прошли те же пути, которыми шли все народы.

Первый путь — длительная и мучительная междоусобная война до полного подчинения всех племен, родов, княжеств, регионов и т. п. под единым началом. Последней крупной междоусобицей в истории кыргызов стала война между бугинцами и сарыбагышами за лидерство, унесшая

более пяти тысяч жизней. От дальнейшего подобного самоистребления избавило кыргызов вхождение в состав России.

Второй путь — национально-освободительная война колониального народа. Восстание 1916 г., после которого численность северных кыргызов сократилась более чем на треть, было началом этой войны с непредсказуемыми последствиями в силу несопоставимых возможностей Российской империи и кыргызского народа. От дальнейших трагедий кыргызский народ спасла Октябрьская революция 1917 г.

Она же создала политико-правовую основу новой кыргызской государственности. Но процесс обретения кыргызами государственности был нелегким. Лишь через семь лет после установления советской власти, 14 октября 1924 г., была создана в составе РСФСР самостоятельная автономная область кыргызов, преобразованная в 1926 г. в автономную республику, а в 1936 г. — в союзную, с декларируемым суверенитетом.

Советский Союз с его тоталитарной системой все более сковывал жизнь союзных республик, все активнее стали проявляться центробежные силы. Внутриполитический кризис с конца 80-х годов привел к распаду Союза и параду суверенитетов бывших союзных республик. В этих условиях в 1991 г. обрел полную независимость и Кыргызстан. Была провозглашена суверенная Кыргызская Республика, всенародно избран первый ее Президент. Кыргызстан вошел в число независимых государств мирового сообщества.

Таким образом, возникшая в глубокой древности, утерянная 700 лет назад и вновь обретенная в первой четверти XX в. кыргызская государственность только в 1991 г. обрела черты подлинного суверенитета. На этом гигантском временном интервале кыргызский народ не распался и не растворился, но вобрав в себя на огромном азиатском пространстве, подобно мощной реке, многие этнические потоки, создал в конце XX в. собственное государство.

«На протяжении двадцати двух веков кыргызская государственность, то ярко возгораясь, то затухая, смогла преодолеть возникшие на ее пути препятствия и возродиться».

Нынешнему поколению кыргызского народа есть чем гордиться и есть что передать своим будущим потомкам.

Публикуется по изданию:

Джунушалиев Д., Какеев А., Плоских В. Исторические этапы кыргызской государственности. Бишкек: АРХИ, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОТИВ МАОИСТСКИХ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ИСТОРИИ КИРГИЗИИ	5
Глава I. Туркестан – страна тюрков	7
Предыстория	7
Рядом с Джунгарским ханством	27
Глава II. Борьба киргизского народа против захватнической политики цинов	32
Борьба киргизов за независимость в середине XVIII в.	32
Традиционная китайская дипломатия	37
Первые столкновения киргизов с маньчжуро-китайскими войсками в середине XVIII в.	41
Завоевание Цинами Восточного Туркестана и борьба киргизов за свою независимость	46
Начало антицинских выступлений местного населения Синьцзяна	48
Маньчжурское владычество в Синьцзяне	51
Независимые родоплеменные объединения Киргизстана	62
Восстания народов Восточного Туркестана против маньчжуро-китайского гнета	71
У истоков дружбы с Россией	75
Участие киргизов и узбеков в антицинских восстаниях	78
Усиление гнета маньчжуро-китайских феодалов в Синьцзяне	84
Краткие выводы	92
Глава III. Исторический выбор киргизского народа – вместе с Россией	94
В поисках новых торговых путей в Китай	94
Вместе с Россией	100
Начало русско-китайского территориального разграничения в Центральной Азии	108
Дунгано-уйгурское восстание в Синьцзяне в 1864–1878 гг.	115
Завершение карательного похода Цзо Цзунтана и бегство дунган в пределы России	124

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА «КРЫШЕ МИРА» (Исторические очерки

о памиро-алайских киргизах)	139
Глава I. История и современность	141
«Крыша мира»	141
В глубь истории	142
Новая страница истории	145
Договор о дружбе	147
Необъявленная война	151
Этапы исследования	153
Глава II. Древние кочевники	155
Молчаливые стражи былого	155
Первые исследователи	156
В поисках причин	158
В поисках путей	160
Исследования в Киргизии	161
Древние кочевники саки	162
Что говорят письменные источники	164
Выводы ученых	167
Тайны сакских курганов	168
Верования и религия	170
Империя, открытая ЮНЕСКО	173
Сокровища Окса	177
Царский могильник Тилля-тепе	183
Курганы Алая	187
Античная ваза Алая	193
Глава III. Заселение памира киргизами	196
Гипотезы	196
Ранние письменные источники	197
Население Памира	201
Что об этом говорят средневековые источники?	202
Киргизы – христиане?	205
Свидетельства Захириддина Мухаммада Бабура и других	206
Устные предания	208
К вопросу об этногенезе киргизского народа	212
Противоборство с джунгарами	215
В борьбе с цинами	216

Последний этап переселения	217
В составе Кокандского ханства	219
Глава IV. На стратегическом перекрестке	223
Глава V. Исторический выбор – вместе с Россией	227
Глава VI. Традиционное хозяйство, быт и культура	237
Скотоводство	237
Охота	241
Торговля	243
Домашние производства и промыслы	244
Жилище	246
Одежда и украшения	247
Пища	249
Семья и брак	251
Социальные отношения	253
Глава VII. Экспедиция за книгой	258
Утерянные письма	258
Неизвестная рукопись	259
Начало поисков	260
Рукопись Джамей	261
Переписчик	267
Последующая судьба рукописи	268
Коллекция книг и рукописей	269
Рукописи Афганистана	270
Глава VIII. У истоков добрососедства	272
Происки реакции	272
Поворот в событиях	276
Первые шаги добрососедства	277
Борьба с басмачеством	281
Алай в огне	282
Советско-афганский договор	285
Глава IX. Крах Рахманкул-Хана	289
Эхо в горах	289
По пути предательства	292
В тисках эксплуатации	294
Разгром	299
...И другие	301
За мир и справедливость	304

Глава X. По пути содружества и взаимопомощи	307
---	-----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ

КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	329
---	------------

Предисловие	331
--------------------------	------------

Судьбы Кыргызской государственности (От редактора)	333
---	------------

Глава I. Политогенез и ритмы кыргызской государственности	337
--	------------

О векторе взаимодействия в историческом движении	337
--	-----

Основные периоды развития кыргызской государственности	338
---	-----

Хронограмма кыргызской государственности	339
--	-----

Глава II. Древнейшие государства на Тянь-Шане	344
--	------------

О древних государственных образованиях кочевников	344
---	-----

Первые раннегосударственные образования саков	345
---	-----

Государство Усунь	349
-------------------------	-----

Древнеферганское государство Давань	352
---	-----

Государство Кангюй	354
--------------------------	-----

Глава III. Возникновение, расцвет и гибель древнекыргызской государственности	356
--	------------

О генезисе прототюркских народов	356
--	-----

Рождение гуннской державы	358
---------------------------------	-----

Древнее Владение Кыргыз	363
-------------------------------	-----

Кыргызское государство на Енисее	368
--	-----

Каган Барс-бег	373
----------------------	-----

Кыргызское великодержавие	381
---------------------------------	-----

Завоевание кыргызов монголами	386
-------------------------------------	-----

Глава IV. Древнетюркские государства на территории Кыргызстана	390
---	------------

Основные центры возрождения тюркской государственности	390
---	-----

Институты общественного устройства древнетюркских государств	391
---	-----

Тюркский каганат	395
------------------------	-----

Тюркешский каганат	398
--------------------------	-----

Государство карлуков	400
Караханидский каганат	402
Глава V. Государства на Тянь-Шане во главе с династиями монгольского Происхождения	408
Центральная Азия в XI–XII вв.	408
Государства Западных киданей и найманов	410
О Чингисхане и его завоеваниях	413
Государство Хайду	416
Глава VI. Государство моголистан и образование военно-административной системы у кыргызской народности на Тянь-Шане	420
Государственный строй	420
Моголистан в борьбе с нашествиями Тимура	422
Завершение процесса формирования кыргызской народности	424
Бабур – правитель державы Великих Моголов	436
Глава VII. Попытки возрождения Кыргызской государственности	438
Объединительная деятельность Мухаммед-кыргыза	438
Кубат-бий – глава кыргызов	440
Кыргызы в составе Кокандского ханства	442
Роль кыргызов в государственных делах ханства	450
Институт манапства	455
Кыргызстан – колония России	457
Заключение	467

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**Исторические проблемы Кыргызской государственности
ТОМ X**

Редактор: д-р. ист. наук *С. В. Плоских*

Дизайн, компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 03.06.2020. Заказ № 46.

Формат бумаги 60 × 84 ¹/₁₆. Объем 29,75 п. л.

Тираж 500 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»